

ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., В. Н. Попов, д-р биол. наук, проф.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: Э. К. Алгазинов, д-р физ.-мат. наук, проф., В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. Д. Баев, д-р физ.-мат. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., Ю. Н. Старилов, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., В. И. Федотов, д-р геогр. наук, проф., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р филол. наук, проф. Члены редколлегии: Геруля (Gierala) Мариан, д-р филол. наук, проф. (Институт политических наук и журналистики Силезского университета в г. Катовице, Польша); А. М. Ломов, д-р филол. наук, проф.; Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филол. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); И. А. Стернин, д-р филол. наук, проф.; А. А. Тertychnyy, д-р филол. наук, проф. (МГУ, г. Москва).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по филологии и журналистике (10.01.00 – литературоведение, 10.01.01 – русская литература, 10.01.09 – фольклористика, 10.01.10 – журналистика, 10.02.00 – языкознание, 10.02.01 – русский язык).

Адрес редакции: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7(473) 266-17-56

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Акаткин В. М.</i> «ПОРУЧЕННОЕ СЛОВО»: А. М. АБРАМОВ — ЛИТЕРАТУРОВЕД И КРИТИК.....	5
<i>Алейников О. Ю.</i> О ПРОЗЕ АНАТОЛИЯ ЛОМОВА	11
<i>Бавыкина Е. В.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ	15
<i>Боченков В. В.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ СТИХОТВОРЕНИЙ И. С. НИКИТИНА В ПУБЛИЦИСТИКЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ЕПИСКОПА МИХАИЛА (СЕМЕНОВА)	18
<i>Буженинов А. Э.</i> ФЕНОМЕН ПОЛИКАТЕГОРИЗАЦИИ В ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОДЪЯЗЫКА ГОМЕОПАТИИ)	24
<i>Гуреев В. Н.</i> ИНВАРИАНТЫ ЛЮБОВНОГО СЮЖЕТА.....	27
<i>Гущина А. И.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В ПОВЕСТВОВАНИИ БЕРНХАРДА ШЛИНКА НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ДОМ В ЛЕСУ»	31
<i>Дёгтева Я. Н.</i> ЧУЖОЙ ВЗГЛЯД В СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ГЕРОЕВ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ».....	34
<i>Иванов А. И.</i> ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ МЕЩАНСТВО В ПОВЕСТИ М. ГОРЬКОГО «ГОРОДОК ОКУРОВ»	37
<i>Иванов Ю. Ю.</i> ГОТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ СТИВЕНА КИНГА «СИЯНИЕ»	42
<i>Конопелько И. П., Стернин И. А.</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ.....	48
<i>Куцевич Ю. А., Маркадеева Е. Е.</i> АНТИТЕЗА «МАТЕРИАЛИЗМ — ДУХОВНОСТЬ» В РОМАНЕ ДЖОНА БРЕЙНА «ПУТЬ НАВЕРХ»	52
<i>Макаричева Н. А.</i> «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ	57
<i>Панова М. В.</i> СЛОВО В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НАИМЕНОВАНИЯ ПОНЁВЫ В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ)	63
<i>Папшева Г. О., Голубцова Н. В.</i> «РАСПАД ВРЕМЕН» В РОМАНАХ М. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» И М. ОСОРГИНА «СИВЦЕВ ВРАЖЕК»	66
<i>Попова Е. А.</i> ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК НОВЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ	70
<i>Радь Э. А.</i> САМОУТВЕРЖДЕНИЕ ГЕРОЯ В СОПРОТИВЛЕНИИ СРЕДЕ В ОКУРОВСКИХ ПОВЕСТЯХ М. ГОРЬКОГО.....	73
<i>Розенфельд М. Я.</i> МАРКЕМЫ В СТРУКТУРЕ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА ПИСАТЕЛЯ	78
<i>Саломатина М. С., Самахер Хасан Давуд</i> ВЫЯВЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО МИКРОКОМПОНЕНТА ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В ХОДЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА.....	80
<i>Скаврон Е. А.</i> УРОВНИ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ).....	82

Филюшкина С. Н. ПИСАТЕЛЬ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ	85
Чэнь Цзыди СЛОВО ДУБ И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ В МИКРОТОПОНИМИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ	89
Шпилева Г. А., Скобелев Д. А. А. С. НЕВЕРОВ (1886—1923) — ПИСАТЕЛЬ «ПЕРЕХОДНОГО» ВРЕМЕНИ (ТРАДИЦИОННОЕ И НОВАТОРСКОЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖНИКА)	91
Яшина Н. К., Никифорова А. А. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ИНСТРУКЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	97

ЖУРНАЛИСТИКА

Акопова А. Л. ИНОВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ МИА «РОССИЯ СЕГОДНЯ»)	100
Богуславская В. В., Ивушкина А. Д. АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РОССИЙСКОМ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ	103
Вихорева Л. Г. ТРЕВЕЛ-ЖУРНАЛИСТИКА: АСПЕКТЫ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ	109
Дрогайцева М. А. ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДА АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАНОМИНАЦИИ	114
Жолудь Р. В. «ЭРА ПОСТПРАВДЫ» В ЗАПАДНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	117
Иовва Н. И. НАРРАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ ОБРАЗНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ	124
Каминская Т. Л. МОЛОДЕЖЬ И ПОЛИТИКА: СОВРЕМЕННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ	130
Кудрина Л. В. АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ СМИ НА ПРИМЕРЕ ИЗДАНИЯ 47 NEWS.RU	133
Кузбеков Ф. Т. ИСТОРИОГРАФИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ БАШКОРТОСТАНА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ СМИ	137
Муаммар М. И. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НОВЫХ МЕДИА В ПЕРИОД АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА 2013—2014 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ TWITTER И FACEBOOK)	141
Нгуен Тхи Май Хыонг РОЛЬ ВЬЕТНАМСКИХ ДЕТСКИХ ЖУРНАЛОВ В ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ	144
Неренц Д. В. DATA JOURNALISM: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЖУРНАЛИСТОВ-РАССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	147
Новичихина М. Е. О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ НЕСОВЕРШЕНСТВА ПРОЦЕДУР РЕГИСТРАЦИИ И ЭКСПЕРТИЗЫ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ	151
В. Ф. Познин О СПЕЦИФИКЕ ЖАНРА «КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ»	154
Родионова Т. С. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕХОДА К МАССОВОЙ ГАЗЕТЕ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ. ..	161
Сапунов В. И. МОНОПОЛИЗАЦИЯ МИРОВОГО МЕДИСЕКТОРА НА ФОНЕ КОНВЕРГЕНЦИИ И ФИНАНСИАЛИЗАЦИИ ..	167
Финк Т. Е. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ РЕДАКТОРОВ РОССИЙСКИХ ИЗДАНИЙ О ЗДОРОВЬЕ	171
Хорольский В. В. «ПОЛИТЭКОНОМИЯ» И «ФИЛОЛОГИЯ» В ИЗУЧЕНИИ СМИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТРОВЕРЗЫ	174
Цуканов Е. А. МЕДИА КАК MYSTERIUM TREMENDUM	178
Чан Тхи Тху Хыонг ПРОБЛЕМА МЕДИАМЕНЕДЖМЕНТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ВО ВЬЕТНАМЕ	182
Шамаев И. Н. СПЕЦИФИКА МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: ФЕНОМЕН АКТИВНОГО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ	184
Шестерина А. М. МУЛЬТИПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ТРЕНД СОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕПРОИЗВОДСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПРОЕКТОВ ПЕРВОГО КАНАЛА)	188
Щеглова Е. А. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	191

РЕЦЕНЗИЯ

Балашова Ю. Б. ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КАК ПЕРСПЕКТИВА	195

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2018. № 3. July – September

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Akatkin V. M.</i> «ENTRUSTED WORD»: M. ABRAMOV – LITERARY HISTORIAN AND HIS CRITIC.....	5
<i>Aleinikov O. U.</i> ABOUT PROSE BY ANATOLY LOMOV.....	11
<i>Bavykina E. V.</i> LEXICAL FEATURES OF SPACE STRUCTURING IN SCIENCE FICTION TEXTS.....	15
<i>Bochenkov V. V.</i> FEATURES OF RECEPTION OF POEMS BY I. S. NIKITIN IN THE JOURNALISM OF THE OLD BELIEVER BISHOP MIKHAIL (SEMENOV).....	18
<i>Buzheninov A. E.</i> PHENOMENON OF POLYCATEGORIZATION IN TERMINOLOGY (ON THE MATERIAL OF HOMEOPATHIC SUBLANGUAGE).....	24
<i>Gureev W. N.</i> INVARIANTS OF A LOVE STORY.....	27
<i>Gushchina A. I.</i> PSYCHOLOGICAL DOMINATING IDEA IN BERNHARD SCHLINK'S WORKS BY THE EXAMPLE OF THE NARRATIVE «THE HOUSE IN THE WOOD».....	31
<i>Dyogteva Y. N.</i> OUTSIDER'S LOOK IN SUBJECT-OBJECT RELATIONS OF CHARACTERS IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL «THE IDIOT».....	34
<i>Ivanov A. I.</i> PROVINCIAL PETTY BOURGEOISIE IN THE SHORT NOVEL THE TOWN OF OKUROV BY M. GORKY.....	37
<i>Ivanov Yu. Yu.</i> THE GOTHIC TRADITION IN THE NOVEL OF STEPHEN KING'S «THE SHINING».....	42
<i>Konopelko I. P., Sternin I. A.</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF ASSOCIATE FIELDS.....	48
<i>Kutsevich Yu. A., Markadeeva E. E.</i> THE ANTITHESIS «MATERIALISM – SPIRITUALITY» IS EXPRESSED IN JOHN BRAINE'S NOVEL «ROOM AT THE TOP».....	52
<i>Makaricheva N. A.</i> «HUMILIATED AND INSULTED» IN DOSTOYEVSKY'S: GENDER ASPECT.....	57
<i>Panova M. V.</i> ETHNOLINGUISTIC ASPECT OF THE WORD (THE NAMES OF PONEVA IN VORONEZH DIALECTS).....	63
<i>Papsheva G. O., Golubtsova N. V.</i> «COLLAPSE OF TIMES» IN NOVELS OF M. BULGAKOV «WHITE GUARD» AND M. OSORGIN «SIVTSEV VRAZHEK».....	66
<i>Popova E. A.</i> REGIONALLY ORIENTED PRECEDENT TEXTS AS A NEW ASPECT OF STUDYING THE PHENOMENON OF PRECEDENCE.....	70
<i>Rad E. A.</i> THE SELF-ASSERTION OF THE HERO IN RESISTING THE ENVIRONMENT IN THE OKUROVSKY STORIES OF GORKY.....	73
<i>Rosenfeld M. Ya.</i> MARKEMES IN THE STRUCTURE OF THE MENTAL LEXICON OF THE WRITER.....	78
<i>Salomatina M. S., Samaher Hasan Dawood</i> THE IDENTIFICATION OF A FUNCTIONAL-STYLISTIC MICROCOMPONENT OF THE WORD MEANING WITH ASSOCIATIVE EXPERIMENT.....	80

<i>Skavron E. A.</i> MODES OF RECEPTION OF OF THE TEXT (EXPERIMENTAL RESEARCH)	82
<i>Filushkina S. N.</i> THE WRITER AS A LITERARY CHARACTER	85
<i>Chen Zidi</i> NAME OF THE OAK AND IT'S DERIVATIVES IN THE MICROTOPYNYM OF THE VORONEZH REGION	89
<i>Shpilevaya G. A., Skobelev D. A. A. S. NEVEROV (1886–1923): THE WRITER OF THE TIME OF TRANSITION</i>	91
<i>Yashina N. K., Nikiforova A. A.</i> SPECIFIC FEATURES OF INSTRUCTION TEXTS TRANSLATION.....	97

JOURNALISM

<i>Akopova A. L.</i> INNOVATION OPPORTUNITIES OF E-MEDIA (FOR EXAMPLE THE INTERNATIONAL BROADCASTING «RUSSIA TODAY»)	100
<i>Boguslavskaya V. V., Ivushkina A. D.</i> PRECEDENT TEXTS IN CONTEMPORARY PRINT MEDIA: CONTENT ANALYSIS AND MAIN FUNCTIONS	103
<i>Vikhoreva L. G.</i> TRAVEL-JOURNALISM: ASPECTS OF STRUCTURAL AND FUNCTIONAL INTEGRITY	109
<i>Drogaitseva M. A.</i> ABOUT USING OF THE METHOD OF THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT IN RESEARCHING NOWADAYS MEDIANOMINATIONS	114
<i>Zholud R. V.</i> «THE ERA OF POST TRUTH» IN THE WEST JOURNALISM: CAUSES AND CONSEQUENCES	117
<i>Iovva N. I.</i> NARRATIVE RESOURCES OF FIGURATIVE STATEMENTS.....	124
<i>Kaminskaya T. L.</i> YOUTH AND POLICY: MODERN COMMUNICATION PRACTICES	130
<i>Kudrina L. V.</i> ANALYSIS OF THE LEXICON OF THE MEDIA ON THE EXAMPLE OF THE PUBLICATION 47 NEWS.RU.....	133
<i>Kuzbekov F. T.</i> THE HISTORIOGRAPHY OF JOURNALISM OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AS AN INDICATOR OF MEDIA DEVELOPMENT.....	137
<i>Muammar Motasem Ismail.</i> INFORMATION TECHNOLOGIES OF NEW MEDIA IN THE PERIOD OF THE ARAB-ISRAELI CONFLICT 2013–2014 (ON THE EXAMPLE OF TWITTER AND FACEBOOK)	141
<i>Nguyen Thi Mai Huong.</i> THE ROLE OF VIETNAMIC CHILDREN'S JOURNALS IN THE EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN ...	144
<i>Nerents D. V.</i> DATA JOURNALISM: NEW OPPORTUNITIES FOR JOURNALISTS-INVESTIGATORS	147
<i>Novichihina M. E.</i> SOME LINGUISTIC ASPECTS OF THE IMPERFECTION OF THE PROCEDURES REGISTRATION AND EXPERT EXAMINATION OF TRADEMARKS	151
<i>Poznin V. F.</i> ABOUT THE SPECIFICS OF THE GENRE OF «COLLECTIVE PORTRAIT»	154
<i>Rodionova T. S.</i> ABOUT SOME FEATURES OF THE TRANSITION TO THE MASS NEWSPAPER IN RUSSIA IN THE XIX-XX CENTURIES.....	161
<i>Sapunov V. I.</i> MONOPOLIZATION OF WORLD MEDIA SECTOR AGAINST BACKGROUND OF CONVERGENCE AND FINANCIALIZATION	167
<i>Fink T. E.</i> PROFESSIONAL COMPETENCIES OF THE EDITORS RUSSIAN PUBLICATIONS ON HEALTH	171
<i>Khorolsky V. V.</i> «POLITICAL ECONOMY» AND «PHILOLOGY» IN THE STUDY OF MEDIA: A METHODOLOGICAL CONTROVERSY	174
<i>Tsukanov E. A.</i> MEDIA AS MYSTERIUM TREMENDUM	178
<i>Chang Thi Thu Huong.</i> THE PROBLEM OF MEDIA MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF MODERN MASS COMMUNICATION IN VIETNAM.....	182
<i>Shamaev I. N.</i> THE MEDIA CONSUMPTION SPECIFICITY IN SOCIAL MEDIA: THE ACTIVE USER PHENOMENON.....	184
<i>Shesterina A. M.</i> MULTIPROJECT AS THE TREND OF MODERN TV PRODUCTION (ON THE MATERIAL OF ANALYSIS TELEVISION PROJECTS OF THE FIRST CHANNEL)	188
<i>Shcheglova E. A.</i> REPRESENTATION OF HIS AND OTHERS IN THE TRAVEL ESSAYS 2ND HALF OF THE XIX CENTURY: LEXICAL-SEMANTIC ASPECT	191

REVIEW

<i>Balashova Yu. B.</i> THE HISTORY OF SCIENTIFIC POPULARIZATION AS A PERSPECTIVE	195

«ПОРУЧЕННОЕ СЛОВО»: А. М. АБРАМОВ — ЛИТЕРАТУРОВЕД И КРИТИК**В. М. Акаткин***Воронежский государственный университет*

Поступила в редакцию 1 августа 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается творческое наследие А. М. Абрамова — литературоведа, критика, профессора филологического факультета Воронежского университета.

Ключевые слова: филология, литературоведение, критика, поэтика, исследовательский метод, художественность, стиховедение, воронежский текст русской культуры, фронтовая поэзия, соц-заказ.

Abstract: the article considers the artistic heritage of A. M. Abramov, a literary critic, Professor of the philological faculty of Voronezh University.

Keywords: philology, literary history, criticism, poetics, method of research, artistry, prosody, Voronezh text of Russian culture, wartime poetry, social contract.

Воронежский текст русской культуры второй половины XX века трудно представить себе без тех страниц, которые написаны А. М. Абрамовым. И без него самого как яркой, светящейся личности, отчетливо проступающей в этом тексте. Вот уже более десяти лет нет его среди нас — и как-то холоднее, сумрачнее стало вокруг, как возле потухшего костра. Невольно задаешься вопросом: какая энергия питала его душу, чтобы «светить всегда, светить везде» и согревать других?

Абрамов — одна из выдающихся фигур на академическом Олимпе Воронежского университета. С его именем связано послевоенное становление филологической школы на факультете, кафедры советской литературы, воронежской писательской организации и журнала «Подъем», творческое формирование многих ученых-филологов, поэтов и критиков, для которых он не жалел ни сил, ни времени: привлекал, просвещал, ободрял, обогревал, прикармливал, продвигал в местную и столичную печать и т.п. Вот характерная запись в дневнике А. Прасолова от пятого января 1966 года: «А. Абрамов, пять часов о литературе» [1, 407]. А бывало и больше, и не только о литературе. Из писем А. Жигулина А. В. Фролова составила целую книгу: «Я глубоко благодарен Вам, Анатолий Михайлович, за то, что Вы открыли мне Уитмена, — пишет Жигулин в октябре 1962-го. — Это так важно и нужно для меня сейчас и вообще. После прочтения Уитмена я стал в какой-то степени другим человеком. Стал как-то богаче. Это определенно отразится и на моих стихах» [2, 44]. Той же обоснованной благодарностью проникнута статья В. Гусева, написанная к 50-летию Анатолия Михай-

ловича [3]. Вряд ли все они смиренно называли себя учениками, они, как говорится, огрызались и кусались, но хорошо помнили, чем ему обязаны. Вокруг Абрамова всегда вилась шумный рой талантливейшей молодежи, но каждый, вылетев из него, пошел своим путем. В наши дни труднее стало следовать заповедям воронежской филологической школы, от перманентных реформ, перетрясок и оптимизаций гуманитарным наукам стало трудно дышать, однако «не зарвёмся, так прорвёмся, будем живы — не помрем», ибо Абрамов с нами.

В трудных ситуациях у него всегда выступали примером люди смелого дерзания, таланта и мужества: «старички» (так уважительно он их называл) эпохи Возрождения: Рафаэль, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Тициан, непобедимый Суворов, неудержимый сокол Валерий Чкалов, герои труда и Великой Отечественной, мать солдатская, у которой негаснущий «свет души и силы исполинские». Он всегда был там, где сквозь коросту обыденности пробивалось что-то живое и яркое, где мерой всех вещей были самоотдача и бескорыстие. Слова Маяковского «мне и рубля не накопили строчки», кажется, были заказаны для Абрамова. Но он богат был другим — неоскудевающим интересом ко всему, выходящему из обыденного в вечное...

Он рассматривал искусство как поручение, данное художнику жизнью, рассказать о ней в словах и красках, в мелодиях и ритмах, в разнообразных символических знаках, а литературоведение и критику — как поручение искусства филологу выявить и озвучить его главные смыслы и тайны. Его исследовательское credo — прежде всего любовь, его инструментарий — увлеченное, пламенное проникновение в предмет, гиперболизация его ведущих идей и мотивов, на-

глядная, как на протянутой ладони, демонстрация изобразительно-выразительных ресурсов произведения, сопровождаемая захватывающим дух чтением. Он создавал атмосферу эмоционального потрясения, чтобы максимально приблизить свое восприятие к авторской сверхзадаче, к таинственному моменту сотворения поэтического мира, в котором искусство и жизнь предстают в неразделимом единстве. Поэзия рождается, убежден Абрамов, только в соавторстве со временем, даже если она спорит с ним. Эту мысль он высказывает впервые в 1958 году [4] и последовательно реализует на примере эпох, насыщенных великими событиями XX века: революция, «великий перелом», Великая Отечественная война. Как всегда, точечное проникновение в сердцевину произведения совершается у него на широком историческом, культурном, идеологическом фоне. Он не забывает о «приказах по армии искусств», о соцзаказах, продиктованных временем, а нередко и художниками самим себе. Соотнесенность со временем — обязательное условие как для поэта, так и для его толкователя. Поразительную запись находим в рабочей тетради Твардовского в критические дни июля 1942-го, когда враг рвался к Воронежу и Сталинграду. Его словно прострелило беспощадным вопросом: а чем ты, поэт, ответишь на эту угрожающую ситуацию? Единственный ответ — «Василием Теркиным!» Вот его запись: «Поэма нужна до зарезу. Все происходящее обязывает напрячь все силы, делать свой “подвиг”» [5, 111].

Абрамов начал печататься в 1941 году, на фронте, наверное, тоже по какому-то важному поручению, продиктованному временем. За годы войны (исключая 1942-й) он написал 6 статей и 40 очерков. Первые его публикации озаглавлены как-то робко, нейтрально, часто по названиям произведений: «Страна Муравия», «Василий Теркин», «Литературный Воронеж». С начала 50-х в них все больше пафоса и огня, и этот огонь проникает в названия статей и рецензий: «Боевая, нестареющая поэзия», «Народ-герой», «Боевая линия поэзии», «Жить, побеждая», «Поэзия должна быть крылатой», «Гимн Октябрю», «Героический голос современности», «Под звездами коммунизма» и др. С середины 50-х его статьи становятся все более деловитыми и аналитичными, огонь и пафос уходят на глубину, его занимают вопросы жизни и смерти, парадоксы истории, проблемы художественной выразительности. Две эпохи особо интересуют его: современность и годы войны. Его критическое перо прикоснулось почти к каждому поэту, проживающему «на земле Алексея Кольцова», и ко многим фронтовым поэтам, живым и павшим. Три великих поэта XX века, словно три богатыря, занимают центральное место в его поэтическом пространстве: Маяковский, Есенин, Твардовский. Благодаря этим поэтам он смог реализовать свои исследовательские возможности, подняться над злободневно-агитаци-

онной текучкой массового стихотворчества. Лучшие работы Абрамова — это книги о Маяковском, «Лирика и эпос Великой Отечественной войны. Проблематика. Стил. Поэтика», вышедшая тремя изданиями, и «В соавторстве со временем. Исследования, статьи, литературные портреты», а также статьи о Есенине и Твардовском в периодических изданиях. По сути дела в этих работах обрисован духовный портрет так называемой советской цивилизации.

Абрамов — ровесник революции, он взлелеян ее порывами, мечтами и песнями, поэтому готов был, как никто, услышать в советской литературе живое народное слово, правду и справедливость борьбы за новую жизнь и нового человека. Он видел перспективу ее развития в движении от мифа о человеке к человеку просто, всюду говорил об этом, делал какие-то записи, но, к сожалению, не оставил завершенного труда. Советская литература, считал он, явила собой неповторимый сплав эпохи и личности, она добывала поэзию из жизни, из актуального времени. Названная литературой социалистического реализма, она работала в широком диапазоне стилей, жанров и методов, рисовала и тонкой колонковой кистью, и размашистыми фресковыми мазками. Она то рвалась в небо, вещая с высот Синая, то припадала к земле, чтобы расслышать, как бьется сердце человеческое и откуда надвигается вражья сила. Мобилизованная и призванная революцией, она искала поддержки в мифе и сказке, в древнерусской иконописи, в гоголевском гиперболизме. Однако, замечает Абрамов, вскоре обнаружилась «необеспеченность тылов», «отсутствие большого синтеза личности», скудость культурного багажа. Читая статьи и книги Абрамова, удивляешься, как богаты они отзвуками многих видов искусства, как он хочет помочь писателю подняться на высоту классики. Его разговор о советской литературе, его прочтения многих произведений глубже и заинтересованнее обвинительных приговоров устроителей поминок по советской культуре и литературе, в них есть и понимание, и увлеченность, и сорадование, и критика, но нет холодной брезгливости и высокомерного отворачивания.

Одним из первых Абрамов заговорил о «полноте взгляда на поэзию годов войны», о необходимости знать как условия ее создания, так и особенности ее восприятия на фронте, в окопе. «Жили для победы, работали для нее, о самой литературе специально не думали» [122], — пишет он, участник войны. Стремление поэта сказать правду о войне еще не означало, что она будет возведена в ранг искусства. Для этого «требовались старые и вечно необходимые вещи — ум, талант, дерзость» [6, 144]. К сожалению, художественность во фронтовых газетах мало кого интересовала, главное — вовремя подать материал. Первее всего была «прикрепленность поэтической строки к задаче дня, к цели, стоящей перед человеком в данный миг» [6, 102]. Но, странно,

такая жесткая прагматика оказывалась искусством. То есть критерии поэтичности не абсолютны на все времена. Иначе как оценить, например, «Полмига» П. Шубина? Для фронтовика Абрамова не признать это стихотворение поэзией было бы кощунством. В финальных строчках ему виделся и порыв к победе, и сама победа, а это и было высшей поэзией для сражающегося народа. В аудитории, на лекции Абрамов будто по-настоящему бросал гранату в «четырежды проклятый дзот», и перед нами воочию вставал дважды совершенный подвиг: делом и словом, преображаясь из факта событийного в феномен эстетический. Поэтика формы уступала первенство власти содержания, которое в условиях фронта обретало роль боевого оружия, призыва «вперед!». Это важный исследовательский итог, благодаря которому массовая фронтовая поэзия получала «оправдание». При этом Абрамов не забывал о главном: «Художественное произведение тем сильнее, тем долговечнее, чем оно более рассчитано на сильные, наиболее постоянные качества и свойства человека» [6, 120].

В своих лекциях и выступлениях Абрамов часто прибегал к вольным импровизациям, его мысль свободно странствовала по эпохам и странам, сближая, породняя, казалось бы, далекое и неродственное. Он легко переходил от литературы к живописи, которую знал превосходно. Из русских художников чаще всего обращался к В. Сурикову, И. Репину, А. Пластову, М. Врубелью, П. Корину, И. Глазунову, мастерам портрета и пейзажа всех времен. В картинных галереях Москвы он чувствовал себя как дома, сама Антонова приглашала его провести экскурсию на какой-либо выставке. С поэзии он переключался на музыку, с программного материала на рассказы об интересных людях, о московских писателях и обо всем, что не попадает в открытую печать, о фронтовых эпизодах и боевых товарищах (кто из его студентов не помнит Жерносекова, Середохина, Анатолия Волощука, Дурды Валиева, веселого песенника Ваську Гастева?). Его лекции не были только словами, они наполнялись живыми людьми, среди которых он был самым приметным, самым эксклюзивным. Анатолий Михайлович смело встраивал в свою речь или печатные работы забавные истории или воспоминания, порой прибегая к наивным мистификациям. Так, раскрывая тему поступка и подвига в лекции о поэзии годов войны, он пишет: «В одном солдатском стихотворении о шёлтозерских подростках, разминировавших дорогу для прохода родной армии (случай произошел на Карельском фронте), боец 368-й стрелковой дивизии написал:

Потом я видел их в санбате —
культяпки рук и ног в бинтах.
И пусть мне говорят, мол, хватит,
мы это знаем, мол, и так.
Я должен всё переупрямить,
всё помнить, бывшее окрест.

Тот, кто зачеркивает память,
на будущее ставит крест» [6, 102].

На самом деле это никакой не боец, а лейтенант Абрамов, корреспондент дивизионной газеты «Вперед», а стихотворение безымянного бойца — его собственное произведение: Шелтозеро. 1944 г., не раз прочитанное в разных аудиториях [7, 43]. В разговоре о поэзии годов войны участвуют у него многие: история и современность, живые голоса и солдатские письма, стихи и воспоминания, картины и песни, собственные наблюдения и впечатления. Поэтому такой разговор становится интересным и впечатляющим, не отстраненным от фронтовой материи, а погруженным в нее. При этом Абрамов очень внимателен к повседневному солдатскому обиходу, к «мелочам», под пером настоящего поэта становящимися многозначными символами: шапка, шинель, сапоги, кисет, гармонь, медаль, могильный холмик со звездой... Живым участником разговора становится и слово поэта.

Речь Василия Теркина, отмечает Абрамов, запечатлена с удивительной естественностью и рельефностью, будто это живой, внелитературный разговор. Но эта речь богата интонациями и словами, создающими психологически точную ситуацию. Теркин «не упустит случая выразиться поразмашистей, как говорится, взять на испуг» [8, 387], необидно пошутить, приврать, преувеличить (например, «прут немецких тыща танков» или «я от тетки родился»), однако за его балагурством видно глубокое знание жизни, понимание всей трагичности бытия человека на войне. Общий тон и склад его речи, пишет Абрамов, обнаруживает «независимость, смелость, отсутствие приниженности, заставлявшей наших дедов полагаться на судьбу, и то неуловимое, что хочется назвать осанкой души» [8, 387]. Но такова и авторская речь в «Книге про бойца», полная простоты и достоинства, свежая, чистая, вкусная, словно родниковый ручеек в затравеневших берегах. И это все наперекор страшной войне, корежащей, убивающей всякое живое, заглушающей человеческий голос.

В «Книге про бойца», названной солдатской эпопеей, энциклопедией Великой Отечественной войны, по словам Абрамова, удивляет многое: в ней нет ни одного великого сражения (или «сталинского удара»), нет штурма Берлина и знамени Победы над Рейхстагом, не упомянуто даже имя Сталина, что было невиданной дерзостью Твардовского. По этим и другим особенностям книги Абрамов по праву называет ее «поэмой неожиданностей». Всматриваясь в нее теперь, приходишь к выводу, что поэма по-настоящему не прочитана, что многое в ней просто не замечено. Характерно, что до сих пор слышатся сожаления: не появилось книги о Великой Отечественной, равной «Войне и миру» Толстого, и никто не сказал правды об этой войне. Не спешите судить: прочитайте «Книгу про бойца», «Родину и чужбину»,

дневники и письма Твардовского — и вам откроется много неожиданного...

Сложную, трагически-победную картину конца войны, запечатленную порывистой кистью Твардовского в «Теркине», Абрамов пытается выразить незатейливым рассказом о своей квартирной хозяйке Анфисе Ивановне, потерявшей сына еще в 1943 году: «Анфиса Ивановна, конечно, радовалась победам. Но чем ни ближе было к концу войны, тем чаще ее радость соединялась с печалью. Её горе становилось больней. Имя сына не сходило с языка. А вместе с ним все чаще в глазах матери появлялись слезы.

В ночь с восьмого на девятое мая все узнали о конце войны. Я пришел на квартиру поздно ночью. Анфиса Ивановна не спала. В этот раз она не говорила о сыне. Она плакала и улыбалась. Такими тогда были и лучшие стихи» [8, 380].

Последние строки потрясли меня своей детской простотой и сдержанностью, своей «ненаучностью» и глубочайшей правдой, своей верностью сути происходящего: личное горе и радость общей Победы. «О трудности выразить чувства тех дней, найти “лучшие слова” говорили тогда многие, — поясняет Анатолий Михайлович. — Но именно такими словами написана вся третья часть книги про бойца» [8, 380]. В последних главах поэмы разворачивается «до крайности острый, а главное, абсолютно живой контраст тех дней» — радость победы и тяжесть горя, могучий, неостановимый наступательный порыв наших войск и одинокая фигура солдата-сироты, потерявшего всё: дом, жену, сына.

Но, бездомный и безродный,
Воротившись в батальон,
Ел солдат свой суп холодный
После всех, и плакал он.

На краю сухой канавы,
С горькой, детской дрожью рта,
Плакал, сидя с ложкой в правой,
С хлебом в левой, — сирота.

Плакал, может быть, о сыне,
О жене, о чем ином,
О себе, что знал: отныне
Плакать некому о нем [9, 310—311].

В столице великой державы гремели победные салюты, фронтовые газеты огромными буквами возносили хвалу Верховному — главному творцу Победы, а Твардовский пишет самую горькую, рыдающую главу поэмы — «Про солдата-сироту», фактически про того же Теркина, ведь он, по словам Абрамова, «один из нас в пору нашей фронтовой жизни» [8, 387], к тому же земляк солдата-сироты. В какой-то мере и книгу «Лирика и эпос Великой Отечественной войны» можно назвать «монографией неожиданностей». Написанная на основе докторской диссертации, она часто отступает от жанровых и стилистических ка-

нонов ученого сочинения: в ней много лирических отступлений, забегающих вперед, оглядок назад, своих и чужих рассуждений, исповедальных монологов, зарисовок с натуры и т.п. Но все это работает на главную тему и не понижает ее научности и достоверности. Книга Абрамова не только исследует проблематику, стиль и поэтику лирики и эпоса годов войны, но и создает живой образ мира той эпохи, закрепляет и подтверждает словом его идейно-нравственные устремления, обретения и потери.

«Познание начинается с удивления», — говорил древнегреческий философ Аристотель. Абрамов был награжден природой удивляться и удивлять других, подниматься до высшего понимания творца и созданного им шедевра. Он не был безучастным передатчиком знаний, а добывал новые знания в каждом своем выступлении. Он проникал во внутренний мир произведения не путем вскрытия и препарирования, не путем терминологического обстрела каждой его особенности, а путем вслушивания в его дыхание и сердцебиение, сочувственного переживания его сложной иносказательной жизни. Такой путь эмоционально затратен, но он максимально приближает к эстетической сущности текста, сохраняет его суверенное, целостное состояние. Выдающийся эстетик и критик Ф. Степун, как известно, различал два способа познания произведения искусства. Первый — сугубо научный, теоретический, при котором «всё личное будет излишне, как субъективное и произвольное». Второй подход — артистический, при котором, напротив, «личный характер моих рассуждений и построений не только допустим, но обязателен», ибо личное в искусстве — не субъективный произвол, «но истина и объективность». Артистический подход ценен сам по себе и результативен, а вот путь сугубо научный, теоретический ужасен, на него «вступают люди артистически бесстрастные, не имеющие личного, интимного отношения к тому, что они изучают и о чем говорят» [10, 39]. Так и кажется, что в качестве антипода этим теоретикам Ф. Степун выставлял не только себя, но и А. М. Абрамова. О путях и подходах к изучению искусства задолго до Ф. Степуна размышлял выдающийся русский филолог Ф. И. Буслаев. Он полагал, что эти подходы подсказывает, имея их в себе, само искусство. Наука должна переключаться с предметом изучения и составом идей, и особенностями языка. А идея русского искусства, по И. Ильину, это «идея сердца», которой соответствует «творческая сила русской души — любовь». В своей работе «О русской идее» (1951 г.) он писал: «Нет русского искусства без горящего сердца» [11, 325]; «не рождается оно без сердечного участия, без свободного вдохновения». А это значит, что и наука о нем «не может и не должна быть мертвым ремеслом, грузом сведений, безразличным материалом для произвольных комбинаций, технической мастерской, школой бессовестного умения» [11, 326]. Сердце,

полное любви к искусству, не будет изливаться холодными терминологическими потоками, оно заговорит на его горячем языке. Буслаев считал, что наука о литературе не должна изъясняться на непонятном, птичьей языке, а научные статьи могут печататься как в специальных, так и в популярных изданиях, в том числе и в газетах. К примеру, у Абрамова из 191 работы, зафиксированной в указателе литературы (по 1977 г.), 97 опубликованы в областных и центральных газетах, даже в университетской многотиражке [12]. Как литературовед, он был хорошо вооружен современными методами анализа художественного текста, особенно в стиховедении (почти все его работы о Маяковском стиховедческого характера, их высоко ценили специалисты). Но ему ближе оказались подходы, о которых писали И. Ильин и Ф. Степун. Что такое исследовательский метод для Ильина? Это не ловкое орудование набором кем-то изготовленных отмычек, а «живое, ищущее движение к предмету, творческое приспособление к нему ... вживание, вчувствование в предмет, нередко импровизация, иногда перевоплощение. Русский ученый ... призван быть ... художником в исследовании, ответственным импровизатором, свободным пионером познания» [11, 330].

Современное академическое литературоведение заметно склоняется в сторону теоретического, внеличного, внеартистического пути познания. Подводя итоги развития литературной науки в XX веке, Н. Гей отмечает, что в ней «образовался опаснейший зазор, ощутимый уже даже у Веселовского, между теорией литературы и собственно поэтикой художественного произведения» [13, 56]. Законы, формулы, общие матрицы, абстракции, обильная терминология, — все это, словно стальные обручи, сдавливающие живое, трепетное тело произведения искусства, игнорируя индивидуальную природу произведения, его сокровенную целостность и красоту. Не в этом ли причина технизации литературного образования и как следствие — угасание, остывание читательского интереса к литературе? Сегодня крайне необходимы новые подходы к искусству, «основанные на превалировании принципов и методологий синтеза, конкретно-содержательных ракурсов рассмотрения художественного произведения над обобщающе-аналитическими подходами, приносящими в жертву неповторимую индивидуальность произведения как такового и тем самым лишаящими его ценностного смысла, заглушенного в эту неповторимость» [13, 57]. Книги и статьи Абрамова, его преподавательская практика отмечены этими подходами, благодаря им сохраняют свою непосредственность и актуальность.

Размышляя в своем капитальном труде «Лирика и эпос Великой Отечественной войны. Проблематика. Стилль. Поэтика» об источниках нашей Победы, об идейно-нравственном фундаменте советской литературы и сознания советского человека, Абрамов

опирается на такие энергоёмкие понятия, которых сегодня мы либо стыдимся, либо не признаем: революция, Октябрь, советский строй, социализм, коммунизм, патриотизм и другие. Его убеждения органичны, но не дань обрядности: «Имя великой силе, которая обновит мир, даст ему новые законы людского счастья и людской любви, — коммунизм» [8, 549]. В годы войны «в этом направлении действовало всё, все политические и культурные силы страны. Свой вклад в эту большую работу внесла и поэзия годов войны — революционная поэзия периода открытой борьбы с фашизмом» [8, 549—550].

Всматриваясь в духовный остов теркинского поколения, Твардовский уяснял: «Это были дети тех бойцов революции, для которых Д. Бедный и В. Маяковский когда-то писали свои песни, частушки и сатирические двустушия, — люди поголовно грамотные, политически развитые, приобщенные ко многим благам культуры, выросшие при советской власти». И далее: «Не эта война, какая бы она ни была, породила этих людей, а то большее, что было до войны. Революция, коллективизация, весь строй жизни» [14, 109—110]. Не ясно ли из этих слов, что такое советский человек? В его обобщенный портрет, разумеется, с поправками, органично впишутся и Твардовский, и Абрамов.

Особо драматично, даже страдальчески воспринимал Анатолий Михайлович постсоветские годы, когда обнаружилось, что многое из того, за что жертвенно боролись на фронтах Гражданской и Великой Отечественной, безотказно трудились на полях и в цехах, — «расхищено, предано, продано». Что теперь, «куда ни ступишь — всюду спор, вопросы к нам и обвиненья».

Нас хоронят уже. Прозвучало

И такое: «Россия, прощай!» [7, 98].

Однако его могучий дух не мог смириться с тем, как попираются выстраданные идеалы справедливости, чести, братства. Он верил, что и над порушенным храмом поднимется крест — только ты сам «сохранись от саморазрушенья». Ни на минуту он не забывал, что мы отныне и навсегда «в ответе за Россию, за народ и за все на свете».

Удалась ли мне жизнь, я не знаю,

Но когда грохотали бои,

Говорили мы жизни: «Родная,

Мы сегодня солдаты твои».

Спорно многое, только не дело

Тех годов, когда были в бою...

И сейчас мне б того же хотелось —

Знать: не лишний я в общем строю [7, 87—88].

ЛИТЕРАТУРА

1. Прасолов А. «И душу я несу сквозь годы...»: [Стихотворения. Проза. Дневники. Письма] / А. Прасолов; [сост. и примеч. Р. В. Андреевой-Прасоловой]. — Воронеж, 2010.

2. «Дорогой Анатолий Михайлович!..»: письма А. Жигулина А. Абрамову / [сост., вступ. ст. и примеч. А. В. Фроловой; науч. ред. Т. А. Никоновой].— Воронеж, 2011.
3. Гусев Вл. Объяснение Абрамову / Вл. Гусев // Подъем.— 1967.— № 6.
4. Абрамов А. В соавторстве с временем: О новых главах книги А. Твардовского «За далью — даль» / А. Абрамов // Подъем.— 1958.— № 5.
5. Твардовский А. «Я в свою ходил атаку...» Дневники. Письма 1941—1945 / А. Твардовский.— М., 2005.
6. Абрамов А. В соавторстве со временем: Исследования, статьи, литературные портреты / А. Абрамов.— М., 1982.
7. Абрамов А. «И я вступаю в диалог...» / А. Абрамов.— Воронеж, 2001.
8. Абрамов А. Лирика и эпос Великой Отечественной войны. Проблематика. Стиль. Поэтика / А. Абрамов.— 2-е изд.— М., 1975.
9. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. / А. Т. Твардовский.— М., 1977.— Т. 2.
10. Степун Ф. Встречи и размышления / Ф. Степун.— Лондон, 1992.
11. Ильин И. О русской идее / И. Ильин // Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: Статьи 1948—1954 годов: в 2 т.— М., 1992.— Т. 1.
12. А. М. Абрамов. К 60-летию со дня рождения: указатель литературы / Воронеж. обл. библиотека им. И. С. Никитина; Научная библиотека ВГУ; [сост. О. М. Андреева].— Воронеж, 1977.
13. Гей Н. К. Наука о литературе в XX в. / Н. К. Гей // Теоретико-литературные итоги XX века.— М., 2003.— Т. 1: Литературное произведение и художественный процесс.
14. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. / А. Т. Твардовский.— М., 1980.— Т. 5.

Воронежский государственный университет

Акаткин В. М., доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора

E-mail: msv2012kafedra@yandex.ru

Voronezh state University

Akatkin V. M., Doctor of Philology, Professor of Russian literature of XX and XXI Centuries Department, Literature and Folklore Theory

E-mail: msv2012kafedra@yandex.ru

О ПРОЗЕ АНАТОЛИЯ ЛОМОВА

О. Ю. Алейников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 июля 2018 г.

Аннотация: в статье анализируется проза профессора Воронежского государственного университета А. М. Ломова (1935—2018), хорошо известного отечественным и зарубежным читателям трудами по теории русской грамматики, древнерусской литературе. Выявляется специфика творческих стратегий, реализованных в художественных произведениях А. М. Ломова, увидевших свет в 2014—2018 годах. Исследуются аксиологические векторы повествования, метафизическая проблематика, соотношение трагического и комического в опубликованных рассказах.

Ключевые слова: проза А. М. Ломова, художественный текст, творческие стратегии, аксиологическая проблематика.

Abstract: the article analyzes the prose by Professor of Voronezh State University A. M. Lomov (1935—2018), well-known to domestic and foreign readers works on the theory of Russian grammar, ancient literature. Specifics of creative strategies employed in works of art, published in the years 2014—2018. Axiological vectors of the narrative, metaphysical problems, correlation of the tragic and the comic in the published stories are investigated.

Keywords: prose by A. M. Lomov, literary text, creative strategies, axiological problems.

Анатолий Михайлович Ломов удивлялся, когда у него спрашивали, почему к названию сборника прозы, вышедшего в 2018 году, добавлен подзаголовок «Из записок старого профессора» [4, 1].

— Разве не понятно? Надеюсь, появится ещё одна книга, если эта сложилась «из записок»...

Он выпустил четыре сборника: «Сельские были. Невыдуманные истории» (2014), «Такая печальная, долгая жизнь» (2014), «Тени прошлого» (2015), «Провинциальные будни. Из записок старого профессора» (2018). Хорошо помню его слова: «Нужно дожить, чтобы сделать все, что задумано!..»

В одном из рассказов А. М. Ломов цитирует слова Демокрита о правде, известные ещё древнерусским книжникам по переводам: «Слишком приблизишься — обожжёшься, слишком отдалиться — замёрзнешь» [4, 41]. Но выбирает своё: писать честно, только о доподлинно известном! Таким было важнейшее условие работы. Уже в «Сельских былях» обозначен этот императив его творческих стратегий. «Спешу предупредить читателя: как ни разнятся эти записки по форме и содержанию, их объединяет общая черта. Они не выдумка досужего сочинителя, они — чистая правда!» [1, 6].

Свидетельства, приведённые рассказчиком, в течение долгих десятилетий опасно было доверять не только собеседнику, но и листу бумаги. Отдельные истории, подсказанные людьми простого звания, в официальной интерпретации оценивались совсем иначе. Так, надпись «Погиб от рук врага народа» [2,

36], едва различимая на «похилившемся» памятнике со звездой в деревенской глуши, скрывает подлинное обстоятельство смерти любвеобильного председателя одного из сельских советов: он был застрелен будёновцем, приехавшим защитить свою семью от его притеснений, а не «врагом советской власти». Другая подцензурная история: университетский преподаватель в зале областного управления НКВД выступает с лекцией о трудах Иосифа Виссарионовича Сталина по вопросам языкознания и теряется, не зная, что ответить на привычный для этого здания вопрос «А кого и когда брать будем?» [4, 111], в связи с гениальным развитием марксистского учения («Лекция»). Или — в те же «глухие времена» — мужики из воронежской деревни Мосоловка рассказывают друг другу, как жили и работали «до колхоза», сколько пудов собирали со своего надела в неурожайные годы. И получается, что все сравнения — не в пользу «большевистской яви», сделавшей из крепкого хозяина изгоя («Не для чужого уха»).

Ушедшая эпоха, как теперь говорят, в народном сознании оценивалась неоднозначно. Но будущий учёный хорошо запомнил мартовский день 1953 года, когда ему, десятикласснику, директор школы вручил лист с текстом «выступления на траурном митинге от лица молодёжи района» [3, 28]. С машинописными страничками к трибуне выходили и представители «трудового крестьянства», «интеллигенции», «рабочего класса». Толпа слушала и молчала, многие плакали. А через неделю у скульптуры вождя, стоявшей в центре небольшого

города, кто-то отпилил голову. Все попытки, в том числе анекдотичные, восстановить памятник (или приставить к нему голову Фрунзе) не имели успеха. До XX съезда неизвестный «злоумышленник» упорно «укорачивал» бетонный монумент («Отец народов — без головы»).

Смешное в прозе Анатолия Ломова соседствует с грустным. Истории, рождённые благодарной памятью, — с сюжетами весьма и весьма печальными.

Когда мы разговорились о том, как родился замысел рассказать о былом времени, высветивая порождённые им трагические и смешные события, Анатолий Михайлович проронил как давно обдуманное и решённое: «Смех тогда воспринимался не только как средство против страха, но и как спасение. Сама наша российская неустроенность смешна, но и катастрофична. Если вдуматься, ничего подобного из того, что произошло с героями рассказа «Последний огурец уходящего лета», не могло случиться в какой-нибудь швейцарской или австрийской деревушке...»

«После смерти Сталина жизнь стала налаживаться» [2, 49]. Под этими словами из трагического рассказа «Отец и сын» могли бы подписаться многие герои Анатолия Ломова. Но внутренняя ущербность жизни — жёстко ли она регламентирована или совсем безалаберна — вызывает и смех, и слёзы в самые разные времена. Занятен, к примеру, сюжет о сельском учителе, приехавшем навестить дочку-студентку. Подвыпив, он решил развеселить мрачного прохожего, направив на него указательный палец и крикнув «Пу!», изображая пистолет. Но «попал в переплёт»: оказалось, что прохожий служил в Центральном Комитете партии, приехал в областной город на совещание. Охрана скрутила подозрительного «сельского интеллигента» и препроводила в КПЗ (камеру предварительного заключения).

«В какую это было эпоху?» — задаётся читателю вопрос уже в названии рассказа. И нет у нас ответа...

Показательна и миниатюра «Опасная аналогия перестала быть опасной», позволяющая увидеть, с каким постоянством повторялись оторванные от жизни пропагандистские «манипуляции» властей. На исходе правления Хрущёва в воронежском кино-театре появился фильм «Каин XVIII», вызывавший недвусмысленные аллюзии-параллели с Никитой Сергеевичем, украсившим себя несколькими медалями «Золотая Звезда». Вскоре фильм убрали из проката. И «со здания обкома партии исчезла огненная шапка, славящая КПСС» [3, 158]. Но во времена «одряхлевшего Брежнева» «опасная аналогия» вновь стала актуальной: представление «Да здравствую я!» возобновилось.

...Проработав несколько лет в районной газете, А. Ломов приводит нелепые цензурные запреты (рассказ «Цензурные табу»). Не принимает «мёртвых слов», фраз, написанных по трафарету. В его прозе травестируется узнаваемый «словник» ушедшей эпо-

хи. Канцелярские и публицистические выражения получают трактовку в сугубо бытовом, а не в символическом измерении: «с подлинным верно» (только этому оттиску печати на теле неверной жены верит вернувшийся с учёбы председатель колхоза); «Верной дорогой идёте, товарищи!» (на плакате с этим лозунгом рука Н. Хрущёва указывает на бутылку водки, выставленную в витрине воронежского гастронома); «Великая сила любви» (автор «вздорных анонимок», разоблачённый в газетном фельетоне, не знает, что сказать любимой жене).

Выбор повествовательной позиции, выставившей в нелепом свете дискурс ушедшей эпохи, для А. Ломова был осознанным. Слово, освобождённое от смысловых искажений, от прилипшей к нему идеологической лжи и (или) бытовой пошлости, по мнению прозаика, много лет изучавшего историю и структуру русского языка, — это великое благо для каждого, кто ищет правды, точности восприятия, «различий между плохим и хорошим». Он не устал повторять, что исковерканная небрежением родная речь — «верный признак того, что люди стоят перед пропастью, название которой — душевное расстройство» [4, 77].

...Напомню о существенном: автобиографический герой А. Ломова родился в русской глубинке, жил в доме, построенном дедом-мельником, разборчивым книголюбом. Свежий, хорошо испечённый хлеб и хорошая, мудрая книга, сосуществуя почти на равных правах, почитались в его семье как часть самой жизни. Очевидно, поэтому рассказ «В деревне хлебы больше не пекут» завершается таким признанием: «Когда я сажусь за обеденный стол, то порой вижу колышущееся море золотой ржи, слышу льющуюся над этим морем откуда-то с поднебесья торжествующую песнь жаворонка. И как заключительный аккорд её всплывают в моей памяти слова страстной мольбы людей, обращённой к Богу: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» [4, 41].

Он всегда помнил о своих крестьянских корнях, о полученных в детстве уроках народной этики. В рассказах «Угасшие мечты», «Громовой колодец», «Старый Толкачик», «Старые иконы», «В деревне хлебы больше не пекут» откликаются традиции «деревенской прозы».

Полагаю, что притягательная сила произведений А. Ломова состоит в отстаивании когда-то отринутых государством, но всегда значимых и спасительных ценностных смыслов. Многие его миниатюры посвящены урокам взаимовыручки, доброты, душевной отзывчивости. «Божественный» вкус каши-сливухи, запомнившийся с августа 1941 года, первая рыбалка с отцом, вернувшимся израненным с фронта, котёнок, выкормленный в послевоенный голодный год, бабушкины слова о «непрощённом грехе сквернословия», самодельная тетрадь «Для личных потребностей» с записью о любви к роди-

телям, некорыстный дом, достроенный благодаря милосердию, и другие яркие впечатления, полученные в детстве и юности, сберегаются в памяти рассказчика как «первичные ценности», не подверженные девальвации и забвению.

Их значение для духовного взросления героя — и сверхличностный этический смысл — со всей очевидностью выявляются в весомом для прозаика аксиологическом измерении, на встрече прошлого и настоящего, тех самых «перекрёстках жизни», где даже немногочисленные детские прегрешения подобны разбуженному «гудящему рою», не оставляющему рассказчика в покое.

Страницы книг Ломова наполнены ощущением «неисповедимости человеческих судеб» [4, 92]. В рассказе «Позарастали стежки-дорожки» обычная поездка к дедушке и бабушке на второй день праздника Победы запомнилась известием о кончине «деревенской дурочки» Нюши. Эта смерть совпала с известием о гибели Ильи, когда-то ставшего причиной помешательства этой девушки. Свадьба, назначенная на Троицу, давно расстроилась; опасаясь мести односельчан, жених уехал в город, там обручился. И Нюша, стройная голубоглазая красавица, певшая в церковном хоре, помutilась рассудком, потеряв интерес к жизни, перестала говорить. И неделю тому назад, никому не досаждая, тихо скончалась. Эта новость совпала с доставленной в деревню похоронкой на Илью, погибшего под Берлином в последние дни Великой Отечественной.

Деревенский мальчик, ставший свидетелем этой истории, верит, что человеческие судьбы подчинены небесному закону, восстанавливающему справедливость. И с высоты прожитых лет рассказчик, не растерявший «детскости» впечатлений, предлагает читателю задуматься об особом смысле тех памятных событий: «Выходило, что Нюша и Илья покинули этот мир почти одновременно, чтобы вскоре встретиться, как мне думалось тогда, где-то там, на райских полях» [4, 58].

В предпринятом «паломничестве» на временные перекрёстки, где «встречаются прошлое и настоящее», возникают параллели между событиями, далеко отстоящими друг от друга. В рассказе «На выемке домодельного вина» рейд сельской милиции (с участием редактора районной газеты), организованный в 1960-е годы против самогонварения, напоминает розыск самодельного «вина», учинённый воронежским воеводой во второй половине XVII века (уцелевшие документы профессор-филолог изучал, работая в государственном архиве). И в старину, и три века спустя у крестьян ничего изъять не было, в отчётах значилось одно и то же: напитки делались исключительно «для себя, не на продажу», а на свадьбу, поминки, строительные нужды: денег на казённую водку у мужиков не было и при царе, и при коммунистах.

Ироничный и мудрый взгляд Анатолия Ломова на мир лишён навязчивой дидактики. В работе, любви, веселье и печали его герои, как правило, живут мирскими заботами. Трогателен, грустен и мудр рассказ «Дигарка» об ушедшей в мир иной тётке Дуне. Невысокая, худенькая сестра отца пережила много бед и лишений: непосильный труд, коллективизацию, злые наветы, послевоенную разруху, многолетнее прозябание в городском бараке, социальную несправедливость, — но не оставляла без любви и внимания детей и близких, как могла пыталась скрепить надорванные связи между людьми. Не стало маленькой «дигарки» (так звали её в детстве) — и семья пошатнулась, разбелась, не помня родства.

Автобиографический герой А. Ломова принадлежит поколению, перенявшему у фронтовиков достойный обычай «К обидам горьким собственной персоны не призывать участия добрых душ» (А. Твардовский). Но этот обычай не отменял интереса к судьбам «друзей детства» или коллег по профессии. Особенно внимателен прозаик к людям, в неблагоприятных обстоятельствах продолжавшим жить в согласии с собой, не считаясь с предубеждениями, инстинктами, не достойными человека. Важный мотив его прозы задаёт мысль о том, что природный творческий дар — это высокое предназначение, подобное гражданскому служению, исполнять которое необходимо, забыв о славе, «карьерном росте», сытом существовании. Светлой и тёплой грустью интонировано повествование о тех, кто в глухие годы не лгал, не трусил, не ловчил, но не всегда успевал совершить все, что задумывалось.

История об Игоре Павловиче Распопове, выдающемся учёном-филологе, честно исполнявшем профессиональный долг в «обессоленные» годы, — одна из самых пронзительных в корпусе произведений Ломова: «Его любили не только за талант, но ещё и за остроумие, за то, что он находил для всякого собеседника что-то приятное» и объяснял это посвоему: «Мы все в России ходим трудными дорогами, и доброе слово никому не мешает» [2, 146] («Не расставайся с надеждой, полковник!»).

В лучах благодарной памяти рассказчика предстаёт и Василий Иванович Дубровский, прекрасный хирург, спасший от смерти сотни людей. По воле обстоятельств он работал в районной больнице и потому не был прославлен в официальном ряду светил советской медицины. Но память об этом легендарном человеке жива.

С иных позиций ведётся повествование о П. Г. Богатыреве («Запуганный профессор»). Блестящий переводчик «Бравого солдата Швейка», фольклорист, теоретик искусства, он поражал студентов широтой эрудиции, увлечённо читал лекции, плакал и смеялся за кафедрой, но, опасаясь репрессий, отказал себе в праве выступать в научных изданиях с новыми яркими идеями, обходясь пересказами, цитатами

и ссылками. Став аспирантом, его бывший студент открывает эти обстоятельства научной биографии профессора с горечью и разочарованием.

В рассказе «Что криво начнется...» — ещё одна печальная судьба. Подававший большие надежды герой разменял свой талант на ничтожные, надуманные, зато хорошо оплаченные проекты и завершил свой век в полном забвении.

Проводя аналогии между временами, А. Ломов обращается к разнообразным литературным и фольклорным образам. Цитаты из Омара Хайяма, Сумарокова, Пушкина, Гоголя, Тютчева, Тургенева, Чехова, Куприна, Брюсова, Бунина, Северянина, Заболоцкого, Паустовского, Окуджавы, а также студенческий и городской фольклор, как правило, востребованы там, где речь заходит об опасном для общества времени, в котором преуспевали ловкачи и демагоги, а философы, мудрецы и вольнодумцы безуспешно добивались справедливости. Явно не случайно в рассказах «На опасных расстояниях от правды», «Протопоп Аввакум на студенческих посиделках», «Чижик-пыжик, где ты был?» камнем преткновения являются общественные науки.

И наоборот: такая знакомая и мучительная для русской интеллигенции «тоска по мировой культуре» обсуждается героями «на полях» официальной жизни — в курилке, в больнице, подальше от активистов.

Конечно же, в прозе Анатолия Михайловича Ломова осуществлён замысел более значительный, чем публикация сделанных когда-то «записей о мало-мальски важных событиях» («или цепочки событий»), показавшихся рассказчику занятыми. Жизнь провинции предстаёт на страницах его книг как феномен самосознания автобиографического героя, рождённого в «пору глухую», но — наперекор известным словам — помнящего и «свой путь», и сложные «перекрёстки жизни», выпавшие ему и современникам на пространствах «глубинной России».

Он много успел сделать, этот незаурядный человек. Писал честно, с полной самоотдачей, до зарубок на сердце. Рукопись новой книги, открытая на недописанной странице, осталась пронзительным напоминанием о последних днях его жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломов А. М. Сельские были. Невыдуманные истории / А. М. Ломов. — Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2014. — 82 с.
2. Ломов А. Такая печальная, долгая жизнь / А. Ломов. — Воронеж: Издатель О. Ю. Алейников, 2014. — 186 с.
3. Ломов А. М. Тени прошлого / А. М. Ломов. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015. — 275 с.
4. Ломов А. М. Провинциальные будни. Из записок старого профессора / А. М. Ломов. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2018. — 176 с.

*Воронежский государственный университет
Алейников О. Ю., доцент кафедры русской литературы
XX и XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*

*Voronezh State University
Aleinikov O. U., Chair of Russian literature of the XX and XXI
centuries, the theory of the literature and folklore.
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Е. В. Бавыкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 января 2018 г.

Аннотация: в статье раскрываются особенности актуализации категории пространства в текстах научной фантастики. Категория пространства характеризуется сложной структурой в текстах данного жанра.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, текст, научная фантастика, пространство, структурирование пространства, изменение.

Abstract: the article reveals the peculiarities of actualization of the space category in the science fiction texts. The category of the space is characterized by a complex structure in the texts of this genre.

Keywords: cognitive linguistics, the text, science fiction, space, structuring the space, deformation.

Согласно «Словарю литературоведческих терминов и понятий», фантастическое (от греч. «phantastike» — «искусство воображать») — тип художественной образности, основанный на тотальном смещении-совмещении границ возможного и невозможного. Фантастика представляет креативно-рецептивный «опыт границ», создает «морфологическую» пространственно-временную рекомбинацию предметов, включающих принципы правдоподобия [1]. Данные особенности находят отражение в специфическом языке научной фантастики. Так, часто описывается вымышленная история и география, создается множество новых слов [2].

Иногда при создании научно-фантастического мира автор придает новое значение уже имеющемуся в языке слову, создавая новое понятие [2]. А. Д. Шмелев в связи с этим пишет, что «представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неясном виде. Пользуясь словами, содержащими неявные, «фоновые» смыслы, человек, часто не замечая того, принимает и заключенный в них взгляд на мир» [3].

В текстах научной фантастики создается особый тип хронотопа с изменением ряда характерных свойств времени: непрерывности, линейности, необратимости, — что в рамках жанра обусловлено существованием параллельных миров со своими законами пространства и времени, с возможностью изменения скорости движения времени и исчезновения-появления объектов в пространстве. Научно-фантастический хронотоп обретает такие новые свойства, как искривление, растяжение, ускорение, исчезновение, перемещение объектов и появление новых, необычных объектов [4].

Объектом исследования данной статьи являются особенности актуализации категории пространства в текстах научной фантастики. Предметом исследования являются языковые номинации для явлений, обозначающих «изменение» пространства в научной фантастике.

С репрезентацией категории пространства связаны номинации, обозначающие «трансформацию пространства», т.е. «изменение объективных свойств пространства»: *изменение, искривление, свертывание пространства, свернутые измерения, коррекция реальности, изменение реальности. Изменение миров, возможность вмешательства в прошлое, в будущее [5]. ...как происходит искривление пространства-времени [6]. ...в пределах ста парсеков от Солнца происходит свертывание пространства [7]. А Ствол — это пакет виртуальных суперструн, свернутых измерений [8]. ...это был уже третий случай коррекции реальности, требующий полного стирания виртуальной памяти Регулюма [9]. ...изменение реальности происходило более ста тысяч раз [9].*

Значение «трансформация пространства» объективирует и глагольная форма *схлопнется*. Словарное значение данного слова — *стремительно сжаться [10]. Виртуал вот-вот схлопнется [9].*

Пространству в научной фантастике придается необычный характер, с целью создания особенной фантастической реальности. Так, например, пространство представляет собой динамичную структуру, и при этом выделяются различные виды динамики. Пространство представляет структуру с «низкой динамикой» — *текущая стена, стена плывет, коридор поехал влево. Нож просто соскользнул, не оставив на текущей стене ни малейшего следа [9]. Это мне кажется, что стена плывет [9]. Коридор заметно*

«**поехал**» **влево**, потом **вправо**, **словно закачался на волнах** [7]. Пространство обладает «интенсивной динамикой» — **кипящий континуум**, **Вселенная бурлит**. На самом деле Вселенная — исключительно зыбкий, изменчивый, непостоянный, **текущий, многомерный континуум, непременно кипящий и содрогающийся** от малейших вероятностных изменений в любой его точке [11]. **Вселенная бурлит**, как кипящая вода в котле [11]. В исходном значении **кипеть** означает бурлить, клокотать, испаряться от сильного нагрева; о жидкости [10]. Вода кипит. Бурлит означает бить ключом, сильно кипеть, бурно клокотать. Вода в котле бурлит. Море бурлит [10].

Пространство может изменяться необычным образом. Оно может «почковаться», «иметь судороги» и «образовывать уплотнения и выгибы». Это **варианты реальности, «отпочковавшиеся»** от основного тела Регулюма в многомерный «карман» в результате коррекции реальности [11]. **Отпочковаться** в исходном значении — **отделиться, выделиться, возникнуть** путем почкования (как одного из видов размножения; биол.) [10]. ...выход группы на гоммах из начала времен сопровождался такими **судорогами** всего Древа Времен [8]. Судорога — резкое сведение мышц, произвольное сокращение их, обычно сопровождающееся болевыми ощущениями [10]. В пространстве возникали **странные уплотнения и выгибы**, будто нечто чудовищное стучалось извне [12]. Уплотнение — **твёрдое, затвердевшее место** в чём-н. или на чём-н [10].

Пространство может быть изменено путем какого-либо механического воздействия — **пробил пространство, раздвигает континуум, просверлить дырку в прошлое**. В исходном значении **пробить** — **сделать отверстие в чем-нибудь ударами или с помощью какого-нибудь инструмента, продырявить** [10]. **Просверлить** означает — **сделать в чем-нибудь отверстие посредством вращающегося инструмента, сверла** [10]. **Стас** гигантским усилием воли преодолел приступ слабости и **пробил пространство** каналом квантового подбарьерного просачивания [11]. И вот мы построили хроноускоритель, который ничего не ускоряет, чтобы **просверлить дырку в прошлое** [8]. При этом перемещаемый объект проявляется таким образом, что как бы **раздвигает континуум** из точки проявления... [11].

Пространство может «завязаться в узел». **Узел** в исходном значении — 1. место, где связаны концы чего-н. (веревки, канатов, ниток), или завитое в петлю и стянутое Место на веревке, канате, нитке. Завязать узлом. Завязать узел. Узлы на веревке. Морской узел. Глухой узел. 2. перен. Место схождения, скрещения каких-н. линий (дорог, путей и т. п.). Железнодорожный узел. Узел дорог. Горный узел. [10]. ...сделать так, чтобы данный **узел пространства** перестал служить одному из равновесий «тензором» Регулюма [9].

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

В текстах научной фантастики активно используется лексика из различных сфер. Отметим использование лексем из медицины: **судорога, уплотнение**. Также категорию пространства представляют сочетания **просверлить дырку в прошлое, раздвинуть континуум, пробить пространство, свертывание пространства, искривление пространства-времени**, актуализирующие значение «разрушение пространства путем механического воздействия». Из ботаники заимствуется лексема **отпочковаться**. Лексема **узел** является заимствованием из разных сфер: швейное дело, морское сообщение и транспортная система. При актуализации категории пространства в текстах научной фантастики отмечены номинации, выражающие различные степени интенсивности: **текущая стена, стена плывет, коридор поехал влево, коридор словно закачался на волнах, кипящий континуум, Вселенная бурлит**.

Таким образом, пространство в текстах научной фантастики осмысливается с точки зрения «изменения» его объективных свойств. Пространство представляет собой некую динамичную структуру, которая «плывет», «качается», «бурлит» и «содрогаются». На пространство можно воздействовать, его можно «раздвинуть», «просверлить», «свернуть» и «завязать в узел».

ЛИТЕРАТУРА

1. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров. — М., 1997. — 144 с.
2. Первухина С. В. Когнитивные и эмотивные способы создания фантастической картины мира / С. В. Первухина // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4—6 октября 2004): Труды и материалы. — Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. — С. 235—236.
3. Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира и межкультурная коммуникация / А. Д. Шмелев // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты. — Ростов н/Д: Изд-во ИУБиП, 2004. — С. 29—30.
4. Бочкова О. С. Категории модальности, времени и пространства в жанре научной фантастики (на материале русско-и англоязычных текстов): дис. ... канд. филол. наук 10.02.19 / О. С. Бочкова. — Саратов, 2006. — 189 с. — Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/204217.html> (Время обращения: 15.03.18)
5. Громова А. В институте времени идет расследование / А. Громова, Р. Нудельман. — 1973. — Режим доступа: <http://lib.ru/RUFANT/GROMOWA/timeinst.txt>. (Время обращения: 15.03.18)
6. Стругацкие А. и Б. Понедельник начинается в субботу, 1964. — Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=55060> (Время обращения: 15.03.18)

7. Головачев В. В. Реквием машине времени / В. В. Головачев. — 1990. — Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=15301> (Время обращения: 15.03.18)
8. Головачев В. В. Схрон / В. В. Головачев. — 2008. — Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=15309> (Время обращения: 12.01.18)
9. Головачев В. В. Пропуск в будущее / В. В. Головачев. — 2008. — Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=15298> (Время обращения: 15.02.18)
10. <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov.htm> (Время обращения: 20.03.18)
11. Головачев В. В. Регулюм / В. В. Головачев. — 1999. — Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=15300> (Время обращения: 12.01.18)
12. Контровский В. И. Страж звездных дорог / В. И. Контровский. Батальон богов-1, 2002. — Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=29279> (Время обращения: 15.03.18)

*Воронежский государственный университет
Бавыкина Е. В., преподаватель, кафедра немецкой филологии
факультета романо-германской филологии
E-mail: elbawykina@yandex.ru*

*Voronezh State University
Bavykina E. V., lecturer, German Philology Department Faculty
of German and Roman Philology
E-mail: elbawykina@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ СТИХОТВОРЕНИЙ И. С. НИКИТИНА В ПУБЛИЦИСТИКЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ЕПИСКОПА МИХАИЛА (СЕМЕНОВА)

В. В. Боченков

Митрополия Московская и всяя Руси Русской Православной старообрядческой Церкви

Поступила в редакцию 19 апреля 2018 г.

Аннотация: в статье анализируются особенности прочтения поэзии И. С. Никитина старообрядческим епископом Михаилом (Семеновым). Будучи иеромонахом, он посвятил ему одну из критических статей, нередко цитировал в своей публицистике. В творчестве поэта он увидел два оригинальных концепта, которые развил далее: Голгофская жертва как вершина теодицеи и «усталость воли» как причина неверия.

Ключевые слова: И. С. Никитин, епископ Михаил (Семенов), религиозные мотивы, цитата, Голгофская жертва, «усталость воли».

Abstract: the article analyses the peculiarities in perception of Ivan Nikitin's poetry by the old believer Bishop Mikhail (Semenov). As a hieromonk, he devoted him one of the critical articles, often quoted in publicistic works. In the works of the poet he saw two of the original concepts, which he developed further: Calvary's sacrifice as the pinnacle of theodicy and "the fatigue of the will" as the cause of disbelief.

Keywords: Ivan Nikitin, Bishop Mikhail (Semenov), religious motives, quote, Calvary's sacrifice, "the fatigue of the will".

Ранняя статья «Религиозные мотивы поэзии Ив. Саввича Никитина» иеромонаха Михаила (Семенова) [1], впоследствии — старообрядческого епископа, идеолога голгофского христианства, оказалась единственным его критическим откликом, который целиком был посвящен творчеству русских поэтов. Этот заметный публицист начала XX столетия нередко обращался к никитинской лирике. Одновременно с его работой в том же 1901 г. в Варшаве вышла книга И. М. Камова «Содержание и характер поэзии И. С. Никитина». Его религиозную лирику автор разделил на «стихотворения метафизического свойства» и «субъективного свойства», выражающие «историю его внутренней жизни», провел параллель с А. В. Кольцовым, но в целом больше внимания уделил социальной тематике, поэмам, пейзажную лирику рассмотрел отдельно от религиозной, сделал ряд интересных замечаний о языке. Мы хотели бы определить особенности индивидуальной рецепции творчества И. С. Никитина, повлиявшие в том числе на отбор цитат и аллюзий в публицистике епископа Михаила. Но сначала — несколько биографических деталей.

С 26 августа 1900 г. иеромонах Михаил был назначен преподавателем догматического, нравственного и основного богословия Воронежской духовной семинарии. В 1902 г. его перевели в Петербург, но к этому времени он уже напечатал ряд статей в «Воронежских епархиальных ведомостях». Самая

первая — «Религиозные мотивы поэзии Ив. Саввича Никитина» — была приурочена к сорокалетию смерти поэта. Добавим, что в свое время И. С. Никитин учился в Воронежской семинарии, где иеромонах Михаил читал лекции.

В поэзии И. С. Никитина, считает критик, выражена своеобразная теодицея — совокупность доказательств, обосновывающих, что Вселенная управляется добрым и разумным началом, т.е. Богом. Отец Михаил был, пожалуй, первым, кто выделил и по своему оригинально показал это стремление поэта дать теоретическое обоснование веры. Иногда, как отмечает он, эта теодицея наивна. Но «гораздо глубже становятся доводы Ивана Саввича, когда он строит теоретическое доказательство невозможности неверия на почве, опять близкой к Кантовскому практическому постулату. Иван Саввич с большим вниманием останавливается на факте странной двойственности в природе человека, противоречии между жизненным идеалом и жизненным фактом» [1, 548]. В своей поэзии, отмечает иеромонах Михаил, цитируя стихотворение «Подле реки одиноко стою я под тенью ракиты...», И. С. Никитин приходит к ясному выводу о том, что «стремление к надмирному, надземному, искание вечного внепространственного и вневременного не могло родиться на земле, оно дано сверху, послано как дар, а следовательно, есть область, где желаемый идеал существует как реальность» [1, 550, курсив автора]. И человек — будущий наследник этого мира.

Цель человеческого существования, по мнению иеромонаха Михаила, выражена в стихотворении «Обличитель чужого разврата...»: «Бесконечное мысли движенье, / Царство разума, правды святой — / Вот прямое твоё назначение, / Добрый подвиг на почве родной!». Такая цель означает бесконечное совершенствование. Смерть не может прервать этого движения. Во взглядах И. С. Никитина иеромонах Михаил открывает параллели с философскими постулатами Фихте и Канта о вечности человеческого существования. Подобных сближений позже не сделал никто. При этом критик не взялся сравнивать И. С. Никитина и религиозную лирику поэтов-любимудров.

«Он верит потому, что верить сладко, — пишет иеромонах Михаил, — а не верить мучительно. Доказательство веры как будто не сильное. Не нужно, однако, и к такому доказательству веры относиться слишком пренебрежительно, ведь это в сущности Кантовское доказательство веры из требований практического разума, и практический разум, т.е. совесть, сердце, всегда найдут глубокую правду в таком доказательстве» [1, 545—546]. В некоторых стихотворениях, отмечает критик, это теоретическое доказательство примитивно, «напоминает школьные уроки», но заслуживает внимания «хотя бы ради поэтической формы». В качестве примера он указывает стихотворение «Успокоение».

Последняя «инстанция» никитинской теодицеи, ее вершина, по мнению отца Михаила, — «мысль о кресте». Символ этой вершины — распятие, освященное лампадкой, перед которой молится мать поэта. Рассуждения здесь отходят на второй план, подчеркивает критик, логика отступает, вперед выходит чувство, «красота Голгофского события», с которым связано искупление человечества, победа и торжество над злом. И. С. Никитин «не мог не сознавать чутьем эстетика, что здесь, на Голгофе, решение всех вопросов бытия, что сомнения не должно быть после Голгофы, и достаточно обратиться к этому событию, чтобы уверовать» [1, 551]. Образ Голгофы возникает в стихотворениях, написанных, можно сказать, единым порывом, одно за другим в январе 1854 г., это «Моление о чаше» и «Сладость молитвы». Но, на наш взгляд, отец Михаил приписывает поэту то, что было дорого ему самому. С голгофской темой критик объединяет стихотворения, где о распятии, о голгофской жертве как таковой не сказано прямо, но в них звучит призыв обратиться «к Тому, кто нес крест»: «Молитва дитяти», «С. В. Чистяковой», которое цитируется в статье почти полностью. «В нем весь Никитин», — убежден иеромонах Михаил [1, 554]. Однако особой «теории», какого-то оригинального «голгофского» учения в религиозной лирике поэта не содержится, в ней лишь психологически достоверно и искренно выражено мироощущение верующего человека, который не видит смысла жизни вне обращения к Богу.

В рассуждениях отца Михаила о голгофских образах звучит первый росток его собственной будущей теории голгофского христианства.

«Религиозные мотивы...» начинаются обоснованием тезиса о значимости для веры первых детских впечатлений. Действительно, эта мысль определяет тематику целого ряда никитинских стихотворений. «Детские годы многострадального поэта осветились горячей, беззаветной любовью его матери. У Ивана Саввича осталось одно воспоминание, к которому он постоянно возвращается сознательно или бессознательно. Это — воспоминание о лампаде, горевшей в комнате матери. Свет этой лампадки порой меркнет и слабеет для Ивана Саввича, но совсем он не может погаснуть никогда, даже в те дни, когда кругом его везде и темнота, и тьма, и “даль темна, как ночь темна”»¹ [1, 506]. Горящая лампадка, способная погаснуть, здесь не просто деталь, но своеобразный образ-символ. Первые наглядные уроки веры восприняты были потому, что поэт искренне любил мать. Все, что ощущает, в чем исповедуется лирический герой «Лампадки» (название стихотворения в статье не упомянуто), переносится отцом Михаилом непосредственно на самого поэта. По его мнению, юношеские годы, когда И. С. Никитин еще начинал писать, были временем «детски ясного (но не детского) мирозерцания и светлой веры». Поэт «всюду видел Бога и его откровение» [1, 507]. В подтверждение цитируется стихотворение 1849 г. «Присутствие непостижимой силы...».

Иеромонах Михаил обращает внимание, что некоторые строки в нем — почти буквальный повтор одной из статей В. Г. Белинского. И. С. Никитин видит Бога «и в ужасе степного урагана, / В дыхании прохладном ветерка, / И в шелесте листов перед зарею, / И в красоте пустынного цветка, / И в ручейке, текущем под горою». Статья В. Г. Белинского не названа. Речь идет о его «Литературных мечтаниях» (1834 г.). Иеромонах Михаил сравнивает со стихотворением следующий отрывок оттуда, схожие места выделяет курсивом: «Для этой идеи нет покоя, <...> она воплощается в блестящее солнце, в великолепную планету, <...> она живет и дышит и в бурных приливах и отливах морей, и в свирепом урагане пустынь, и в шелесте листьев, и в журчании ручья...» и т.д. [2, 56]. (Заметим в скобках, что, говоря здесь об «идее», В. Г. Белинский отталкивается от философии Гегеля.) Раннее увлечение поэта его статьями отмечали многие биографы (вслед за М. Ф. Де-Пуле), однако текстологических сравнений не сделал никто.

Но в отличие от В. Г. Белинского, Бог для поэта — «не отвлеченная идея. Это личный живой Бог» [1, 508]. Доказательством могут послужить стихотворения: «С. В. Чистяковой», «В синем небе плывут над

¹ «Даль темна, как ночь темна» — цитата из стихотворения «Я рад молчать о горе старом...»

полями...», «Когда один, в минуты размышленья...». «Не природа — Бог, а Бог в природе, решает поэт, и в этой природе, возвещающей дела Божии, он находит успокоение и ответ на первые сомнения и нарождающиеся вопросы» [1, 508]. Созерцание природы укрепляет веру никитинского героя, который для иеромонаха Михаила всегда отождествляется с самим поэтом. Его личностное «Молюсь» в пейзажной лирике (например, в стихотворении «Вечер»: «Гляжу на небеса и в тишине молюсь») становится «господствующим мотивом» почти всей поэзии. Помимо «Вечера» иеромонах Михаил указывает на стихотворение без названия «Подле реки одиноко стою я под тенью ракиты...».

Тема детских воспоминаний в никитинских стихотворениях вновь приводит нас к теодицее. А теодицея — к пейзажной лирике.

Религиозное сомнение, считает отец Михаил, — следствие «усталости воли», не перемены мировоззрения самой по себе. Эта мысль поэта, по его мнению, «очень умная и оригинальная». Ее не подметил впоследствии никто из критиков. И, на наш взгляд, неспроста. «Усталость воли» как причина ослабления духа, упадка веры, станет одной из ведущих тем в проповедях и публицистике отца Михаила. Это, скорее, его собственная идея, которую он хочет видеть у И. С. Никитина. Ей будут посвящены многие страницы в ключевой работе «Христианская гигиена души» (1914), в драме «Уставший царь» (1906) об Иване Грозном. Понимание центрального образа русского царя и его духовной трагедии целиком выстроено у отца Михаила на этой своеобразной концепции «усталости воли».

Но вернемся к статье. «Оскудеет вера в себя, в свою способность работать на ниве Божией, оскудеет и вера в Бога как надмирный, пребывающий идеал и окончательную, всегда подразумеваемую цель стремлений. И это так и должно быть. Ведь эта вера обязывает бороться с миром, принуждает к деятельности, а человек устал и естественно хочет оттолкнуть от себя веру, чтобы избавиться от обязательств, какие влечет за собой вера. Эту психологию доказал Иван Саввич и в собственной жизни, он признает ее как закон» [1, 510]. Она чувствуется в стихотворениях «Молитва дитяти», «Я помню счастливые годы...», «Бывают светлые мгновенья...», «Рассыпались звезды, дрожат и горят...» и др. «Грязь жизни затемнила у Ивана Саввича нравственный идеал, который всегда в силах своим светом разогнать сумерки сомнения; отняла силу идеального стремления, и — уже как результат этого — затемнила (вернее, временами затемняла) его веру» [1, 510—511]. Выход видится отцу Михаилу в том, чтобы «усилием воли стряхнуть свою слабость и бессилие, вернуть отошедший нравственный идеал» [1, 512]. Усталому человеку это трудно. «Это понимает Иван Саввич и потому указывает уставшему и то, где ис-

кать новых сил для такого подъема» [1, 512]. Лучшее средство — молитва. Как доказательство приводятся строки из «Молитвы дитяти» (название в статье вновь не указывается). Если трудно молиться, другой совет: читай Евангелие. Он основан на личном опыте поэта. В качестве подтверждения в статье полностью воспроизведено никитинское стихотворение «Новый Завет». Если нет сил и на это, остается обратиться к светлым воспоминаниям детства. В никитинской религиозной поэзии иеромонах Михаил видит своеобразное практическое наставление к духовной жизни.

То, что критик характеризовал как «противоречие между жизненным идеалом и жизненным фактом», влекущее «усталость воли», близко к определению Л. А. Соколова, писавшего в 1914 г. о «диссонансах жизни» в поэзии И. С. Никитина [3]. Это, на наш взгляд, определение более широкое, нежели «усталость воли», помимо внутренних, психологических аспектов оно включает в себя и социальные, а по существу всю систему общественных отношений с их индивидуальной поэтической оценкой. Ослабление религиозного чувства (но не «усталость воли») отмечали и другие. Например, по мнению одного из авторов «Церковного вестника», моменты религиозных сомнений и кризиса отличают И. С. Никитина от А. С. Хомякова [4, 1341—1342]. Указывая на стихотворение «Перемена», священник И. П. Артинский писал, что сила воли поэта подпитывалась именно силой религиозного чувства, но в различные моменты его жизни эта религиозность то угасала, то вспыхивала вновь [5, 334]. По мнению М. М. Степанова, тоже священника, никитинские сомнения в вере были «плодом неопытного ума» [6, 12].

Отец Михаил создает своеобразный психологический портрет поэта, чей жизненный путь от искренней детской веры прошел через разочарование и «злую действительность», которая сумела «если не затемнить, то оттеснить в сторону добрый идеал, и отравила ум сомнением». Но поэт снова вернулся к вере. Отказ от нее сделал бы бессмысленной жизнь. По мнению критика Михаила, об этом очень хорошо говорит стихотворение «Кладбище». Лирического героя, размышляющего над человеческим черепом, он сравнивает с Гамлетом. Эту параллель также никто впоследствии не отмечал. Герой «Кладбища» задается шекспировским вопросом: быть или не быть, который «для Гамлета... был решением другого: жить или не жить» [1, 544]. Поэт мучается той же дилеммой. Если всё, чем мы живем, здесь с нами и умирает, то жизнь не имеет смысла. «Тогда мы живем ложью». «Иван Саввич, конечно, не хочет принять последнего решения: в нем смертный приговор деятельности человека, он отнимает у него весь свет, все радости его существования» [1, 544—545].

Статья «Религиозные мотивы поэзии Ив. Саввича Никитина» не подписана. На авторство иеромона-

ха Михаила указал биограф поэта А. М. Путинцев [7, 21]. Если бы этого упоминания не было, атрибутировать «Религиозные мотивы...» позволили бы цитаты и аллюзии к стихотворениям поэта в других статьях отца Михаила. Так, в одной из них, опубликованной в журнале «Русский паломник» и посвященной теме детства, человеческого предназначения, снова возникает образ-символ горящей лампы со ссылкой на воронежского поэта [8, 791]. Чтобы подчеркнуть значимость созданной поэтом картины, отец Михаил прибегает к эмфатическим средствам, выделяя необходимые фразы курсивом: «У Ивана Саввича Никитина, например, через всю жизнь проходит одно воспоминание *о лампадке, горевшей в комнате его матери*. Свет этой лампы порой меркнет и слабеет для Ивана Саввича, но совсем он *не гаснет никогда*, даже в те дни, когда кругом его везде темнота, туман и “даль темна, как ночь темна”. Иван Саввич видел, как его бедная мать только около святой иконы, освещенной тихим светом лампы, находила успокоение и силу для того, чтобы “жить”» [8, 791]. Это — почти дословное повторение того места из «Воронежских епархиальных ведомостей», достаточно сравнить соответствующие отрывки. Разницей станет отсутствие курсива.

Разрабатывая концепцию голгофского христианства, отец Михаил привлекал произведения светской художественной литературы. В статье 1902 г. «Христос на Голгофе и воскресший» он вновь цитирует (не называя стихотворения) тот же отрывок из «Моления о чаше», что и в воронежской статье («О Боже мой! Мне тяжело! / Мой ум, колеблясь, темнеет; / Все человеческое зло / На Мне едином тяготеет» и т.д.) [9, 5—6]. Он необходим здесь, чтобы заострить читательское внимание на психологической стороне страдания как фактора духовного очищения. Стихотворение приводится здесь с неточностями, без соблюдения строфики. Две строки из него («Все человеческое зло / На Мне едином тяготеет») цитируются также в работе «Двенадцать писем о свободе и христианстве» [10, 22], развивающей тему голгофского христианства.

К поэзии И. С. Никитина иеромонах Михаил обратился в статье «Что делать?» из сборника «Новые и старые пути» (1903). Она посвящена подвижнице Любви Петровне Удинцевой-Зыбиной, сумевшей собрать средства и добиться разрешения открыть в собственном доме в Кунгуре детский приют. Все, что было связано с хлопотами, она записывала в особый дневник и издала его. «Приведу слова, которые она поставила в эпиграф отчета — истории своего приюта», — завершает свою статью иеромонах Михаил и цитирует стихотворение «Медленно движется время...»: «Рыхлая почва готова, — / Сейте, покуда весна, / Доброго дела и слова / Не пропадут семена» [11, 153]. Переключки с евангельской притчей о сеятеле здесь очевидна. В отличие от других случаев

обращения к никитинской поэзии, здесь отец Михаил не сам отбирает для цитирования отрывки, он заимствует у Л. П. Удинцевой никитинский эпиграф, выражающий ее этическое кредо [12, 5].

В 1907 г. вышел в свет подготовленный архимандритом Михаилом сборник дидактических статей и зарисовок «Святые минуты». В короткой статье с характерным заголовком «Почему наши дети растут блудными?» (т.е. неверующими) он снова практически дословно повторил свой, уже приведенный выше, отрывок с «Лампадкой» из «Русского паломника» и «Воронежских епархиальных ведомостей» [13, 52]. Под заголовком «Молись, дитя!» им были включены в книгу первые два четверостишия из «Молитвы дитяти» без указания на авторство [13, 82].

В статье «Почему наши дети растут блудными?» своеобразной завязкой темы послужила «Песня Еремушке» Н. А. Некрасова. В статье 1915 г. «Мироносицы», опубликованной в старообрядческом журнале «Слово Церкви», отец Михаил обратился к запомнившемуся четверостишию из «Песни Еремушке» («В нас под кровлею отеческой...» и т.д.), но ошибочно приписал его И. С. Никитину [14, 386]. Видимо, дело не в ритмической близости двух поэтов. Михаил действительно забыл автора. (В 1916 г. у него появляются признаки тяжелой невралгии, знавшие его люди отмечали пропуск целых слов в рукописях статей, которые он посылал в журналы.) Но у того и другого поэта он видел, в том числе в разработке ими социальных тем, глубинные христианские идеалы, хотя Н. А. Некрасов не затрагивал с такой исповедальной глубиной, как И. С. Никитин, тему личных, внутренних переживаний человека, стремящегося обрести опору в вере. Поэтов воспитала одна христианская духовная культура. Отсюда эта поздняя ошибка, путаница, не исправленная редакцией.

В 1909 г. епископ Михаил написал статью «Разумно ли верить?», вошедшую в апологетический цикл «О вере и неверии», который можно назвать его собственной теодицеей. Он исследовал причины современного атеистического мировоззрения. Из аллюзий к произведениям художественной литературы, использованных здесь, можно отметить пьесу Мориса Метерлинка «Слепые», стихотворение М. Ю. Лермонтова «Ангел». Чтобы явственней обозначить проблематику, отец Михаил цитирует пространственный отрывок из «Успокоения» с целой чередой риторических вопросов: «Кто дал, человек, тебе силу / Разумной свободы / И к истинам вечным / Любовь и влечение?» и т.д. [15, 101]. Статья была опубликована в старообрядческом журнале «Церковь» (с подписью) и журнале «Красный звон» (без подписи).

Другие темы, как, например, крестьянский быт, семья, социальная несправедливость, бедность, драматизм повседневности отец Михаил оставил в стороне. Он проигнорировал и патриотические стихотворения («Русь», «Юг и север», «На взятие Карса»,

«Война за веру» и др.), которые, по мнению современного исследователя, неотделимы от религиозных [16, 24]. Такие особенности никитинских стихотворений, как повествовательность, ориентация на народную речь, также не явились основанием, чтобы публицист включил их в «банк» цитат. Ведущим принципом была непосредственно религиозная (религиозно-исповедальная) тематика. Как ни странно, публицист не коснулся и прозы поэта, хотя «Дневник семинариста» мог бы заинтересовать человека, прошедшего духовную школу и писавшего на темы духовного образования.

Нам представляется перспективным направлением изучение рецепции творчества И. С. Никитина в духовной среде начала XX века. Рамки данной работы не позволяют подробнее проанализировать статью иеромонаха Михаила из «Воронежских епархиальных ведомостей» в контексте других откликов, принадлежащих не профессиональным литературным критикам, а духовным лицам и авторам церковной периодики. Отметим, что колебания веры, психологизм стихотворений отмечались и после о. Михаила другими авторами, попытки создать психологический портрет поэта — искренне верующего человека — тоже делались [17]. Но именно иеромонах Михаил заявил два оригинальных концепта, которые получают дальнейшее развитие в его публицистике и художественном творчестве: Голгофская жертва — как вершина теодицеи и мерило этических отношений между людьми — и «усталость воли». На особое значение голгофской темы у поэта указал позже Л. А. Соколов. Он отмечал, что «диссонанс жизни» ограничивается «отражением диссонансов души человеческой», но они «становятся диссонансами мировыми, если мы сколь-нибудь будем в состоянии прочувствовать и вместе с Никитиным подняться интуитивным созерцанием на высоту голгофских искупительных страданий Богочеловека...» [3, 9]. Путь от «диссонансов» к «созвучиям» лежит через созерцание природы, когда человек смотрит на нее «очами веры», молитву, обретение цельного мировоззрения, «подчиняющего временное бытие человека надземным целям», осознание величия Родины и единение с нею [3, 12—17].

«Религиозные мотивы» могут не ограничиваться темой духовных переживаний, воспоминаний, библейских и евангельских сюжетов, описанием обрядовых действий (погребение, исповедь, причастие и др.). Так, например, в стихотворении «Утро на берегу озера» религиозной проблематики вроде бы нет. Однако, на наш взгляд, это не просто жанровая зарисовка, за ней видится глубинная проблема — неспособность людей (крестьян, занимающихся ловлей рыбы — апостольским трудом) совершить начатый христианский подвиг. Здесь звучит философская и религиозная тема «слезинки ребенка», развитая у Ф. М. Достоевского, но это уже тема другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михаил (Семенов), иером. Религиозные мотивы поэзии Ив. Саввича Никитина / Михаил (Семенов), иером. // Воронежские епархиальные ведомости. — 1901. — № 11. — Ч. неофиц. — С. 505—514; № 12. — С. 542—555.
2. Белинский В. Г. Литературные мечтания / В. Г. Белинский // Собрание сочинений: В 9 т. — М., 1976. — Т. 1. — С. 47—127.
3. Соколов Л. А. Диссонансы жизни в поэзии И. С. Никитина / Л. А. Соколов. — Киев, 1914. — 20 с.
4. Л. С-ий [Л. В. Сиземский]. Памяти поэта — питомца духовной школы // Церковный вестник. 1911. — № 43. — Стб. 1341—1343.
5. Артинский И. П. Религиозный элемент в творчестве И. С. Никитина / И. П. Артинский // Вера и разум. — 1911. — Т. 4. — № 21 (ноябрь, кн. 1). Отд. богословско-философское. С. 327—346.
6. Степанов М. М. Религия И. С. Никитина / М. М. Степанов. — Саратов, 1913. — 24 с.
7. Путинцев А. М. Материалы для библиографии об И. С. Никитине и его сочинениях / А. М. Путинцев. — Юрьев, 1906. — 27 с.
8. Михаил (Семенов), иером. Беседы с читателями «Русского паломника». О живой жизни и вечных истинах / Михаил (Семенов), иером. // Русский паломник. 1902. — № 46. — С. 791—792.
9. Михаил (Семенов), иером. Христос на Голгофе и воскресший: (В связи с вопросом о страданиях человечества) / Михаил (Семенов), иером. — СПб., 1902. — 24 с.
10. Михаил (Семенов), еп. Двенадцать писем о свободе и христианстве: Письма о «Христе подлинном» / Михаил (Семенов), еп. — СПб., 1909. — 51 с.
11. Михаил (Семенов), иером. Что делать? // Новые и старые пути. СПб., 1903. — С. 144—153; та же статья под заголовком «Одна из женщин» была включена автором в другой сборник: Церковь, литература и жизнь. СПб., 1905. — С. 235—243.
12. Удинцева-Зыбина Л. П. История школы-приюта в г. Кунгуре Пермской губернии / Л. П. Удинцева-Зыбина. — Ревель, 1901. — 85 с.
13. Михаил (Семенов), архим. Святые минуты: Чтение на каждый день / Михаил (Семенов), архим. — СПб., 1907. — 368 с.
14. Михаил (Семенов), еп. Мироносицы / Михаил (Семенов), еп. // Слово Церкви. — 1916. — № 17. — С. 385—386.
15. Михаил (Семенов), еп. Разумно ли верить? / Михаил (Семенов), еп. // Собрание сочинений. — М.; Ржев, 2012. — Т. 2. — С. 99—106.
16. Черешнева Г. П. Религия Ивана Саввича Никитина / Г. П. Черешнева // Образ жизни. Журнал Воронежской православной духовной семинарии. Воронеж. — 2011. — № 2. — С. 20—24.
17. Имеем в виду работы авторов, включенных в библиографический указатель «Христианство и новая русская литература XVIII—XX веков» (СПб., 2002. С. 301—302). К ним можно добавить не включенный сюда ряд юбилейных публикаций в воронежской епархиальной

периодике: Леонтьев И. Основные мотивы в поэтическом творчестве Ивана Саввича Никитина // Воронежские епархиальные ведомости. 1911. № 8. Ч. неофиц. С. 239—255; Поликарпов Ф. Духовенство и семинария в изображении И. С. Никитина // Там же. № 18. С. 459—470; его же. Религиозные мотивы в сочинениях И. С. Никитина // Там

же. № 42. С. 1071—1079; Козлов И. Иван Саввич Никитин как поэт-мыслитель // Там же. С. 1050—1071; Милованов Василий, свящ. Слово по случаю пятидесятилетия со дня кончины поэта И. С. Никитина // Там же. № 43. С. 1112—1120. В упомянутый выше указатель статья иеромонаха Михаила также не включена.

Митрополия Московская и всея Руси Русской Православной Старообрядческой Церкви (РПСЦ)

Боченков В. В., кандидат филологических наук

E-mail: bo4enkov4@yandex.ru

Metropolitanate of Russian Orthodox Old-Rite Church

Bochenkov V. V., Candidate of Philological Sciences

E-mail: bo4enkov4@yandex.ru

ФЕНОМЕН ПОЛИКАТЕГОРИЗАЦИИ В ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОДЪЯЗЫКА ГОМЕОПАТИИ)

А. Э. Буженинов

Уральский государственный экономический университет

Поступила в редакцию 1 августа 2018 г.

Аннотация: в статье исследуется феномен поликатегоризации на материале подъязыка гомеопатии. Посредством компонентно-дефиниционного и контекстуального видов анализа гомеопатических терминов выявляются категориальные сдвиги специальных понятий, приводящие к поликатегоризации. Феномен поликатегоризации представлен как процесс отнесения к разным категориям того или иного объекта или явления, основанный на одновременной актуализации различных концептуальных признаков в сознании человека.

Ключевые слова: категория, поликатегоризация, концепт, концептуальный признак, термин, терминология, подъязык.

Abstract: the article is devoted to the phenomenon of polycategorization in terminology on the material of homeopathy's sublanguage. By means of the component analysis in its definitive variety are revealed categorical shifts of special concepts that provokes the polycategorization. The phenomenon of polycategorization is represented in this work as a labeling of an object or a phenomenon as different categories that is based on simultaneous actualization of different conceptual signs in the human mind.

Keywords: category, polycategorization, concept, conceptual sign, term, terminology, sublanguage.

Одной из кардинальных проблем современной науки о языке является исследование категоризации знания и опыта познающего субъекта, а как указывал еще М. Фуко, «категории выражают в своей всеобщности всю исследуемую область» [1, 69]. В этой связи проблема поликатегоризации, выражающейся в языковых структурах, становится чрезвычайно актуальной. Феномен поликатегоризации рассматривается нами в подъязыке как специализированной номинативной системе. В практическом плане исследование категориальных сдвигов в понятиях той или иной науки, выявляемых через анализ языковых единиц, позволяет в перспективе оптимизировать работу по усовершенствованию, нормализации и стандартизации терминологических единиц.

Феномен **поликатегоризации** опирается на постулат когнитивной науки о принципиальном отсутствии фиксированных границ той или иной категории. Методологически именно когнитивное понимание категории с размытыми границами порождает феномен поликатегоризации.

Наукой предложено немало теорий, в глобальном смысле пытающихся объяснить недискретность мира. Действительно, как указывает С. Пинкер, «человеческий мозг способен осмыслить одну и ту же ситуацию самыми разными способами» [2, 61]. Автор гипотезы тематических связей (Thematic Relations Hypothesis) Рэй Джакендофф [3] подчеркивает, что

не только одни понятия могут быть описаны в терминах других, но и в самом общем смысле все понятия имеют одну и ту же концептуальную структуру. Джакендофф показал сходство концептуальных признаков таких понятий (категорий), как время и пространство, пространство и свойство и др.

Отнесение понятия к той или иной категории ученый связывает с так называемыми правилами предпочтения (preference rules), применяемыми человеком неосознанно в соответствии с факторами лингвистического и нелингвистического толка. Схожую мысль в свое время высказывал Л. Витгенштейн: «способ, каким мы группируем слова по типам, зависит от цели классификации — и от наших собственных намерений» [4, 24]. В результате некоторые концептуальные признаки понятия актуализируются одновременно, образуя поликатегориальные структуры. Более того, если поликатегоризация в сфере обыденных представлений, вербализуемых общелитературным языком, может быть в известном смысле признана неосознаваемой субъектом речи, то в подъязыках наук сильнее выражена именно целеполагающая составляющая, интенции специалистов в категоризации профессионального опыта.

Дадим рабочее определение поликатегоризации, принятое в настоящем исследовании. **Поликатегоризация** — это процесс отнесения к разным категориям того или иного объекта или явления, основанный на одновременной актуализации различных концептуальных признаков в сознании человека.

В данной работе мы попытаемся показать, как концептуальные поликатегориальные явления влияют на вербализацию научных концептов. Рассмотрим некоторые примеры таких взаимных категориальных пересечений, выявленных в результате компонентно-дефиниционного и контекстуального видов анализа.

КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ / КАТЕГОРИЯ ПРОЦЕССА

Недискретность, отсутствие абсолютно четких границ этих двух категорий проявляется уже в базовых научных концептах гомеопатического подъязыка. Многие понятия осознаются и трактуются в языке либо как состояние (статический аспект), либо как процесс (динамический аспект).

Сам базовый концепт *болезнь*, традиционно постулируемый как патологическое состояние, может включать и концептуальные признаки других категорий, что соответствующим образом отображено в форме языковых единиц, в формирующих термин терминологических элементах.

Так, например, в исследовании В. Е. Бутрим [5], посвященном особенностям семантики терминов категории свойств, указано, что любая терминологическая категория в идеале должна обладать характерной для нее словообразовательной моделью (что на современном когнитивном языке означает, что тот или иной терминологический элемент с конкретным значением приравнивается к концептуальной структуре, кодирующей элемент научного знания).

В качестве одного из самых распространенных и продуктивных суффиксов для категории свойств указывается суффикс *«ость»*. Однако в используемых в подъязыке гомеопатии наименованиях нозологий (болезни, состояния болезни) встречаются такие наименования, как *отёчность десен, заложенность носа, близорукость, неподвижность позвоночника, почечная недостаточность*. Здесь мы вновь обращаемся к «правилам предпочтения» Р. Джакендоффа: выражение одним терминологическим элементом значений двух категорий зависит именно от прагматической установки номинатора: *почечная недостаточность* может рассматриваться как свойство почек (если специалист фокусируется на органе) либо как состояние пациента (когда специалист фокусируется на организме пациента в целом, холистически подходит к нему).

КАТЕГОРИЯ СВОЙСТВ / КАТЕГОРИЯ ДЕЯТЕЛЯ

Корреляция категорий свойств и деятеля в концептуальной сфере гомеопатии представляется наиболее специфичной. Здесь категориальные пересечения происходят по принципу смежности: определенные свойства человека как типа пациента берутся за целое, и уже сам пациент именуется как свойство.

Так, вышеуказанное свойство (*миазматический тип реагирования / конституциональная черта*) включает ряд понятий субординатного уровня категории свойств: *«Конституциональные черты псоры — все, что может быть трактовано со знаком минус: склонность к замедлению обменных процессов, медленное заживление ран, позднее менархе и, вообще, любые проявления задержки развития...»* [6, 38]. Тем самым имеется в виду пациент — носитель вышеуказанных свойств.

Для обозначения самого пациента используются термины категории деятеля того же содержания, например: *«Сикотический тип — более полный, чем псорический, пастозный, одутловатый и даже ожиревший»* [7, 30]. Очевидно, что подобные термины категории деятеля вторичны и были образованы на основе первичных терминов категории свойств.

КАТЕГОРИЯ «ПРЕПАРАТ» / КАТЕГОРИЯ ДЕЯТЕЛЯ

Наконец, укажем на категориальные пересечения между специфической категорией *препарат* и категорией деятеля.

Данный категориальный сдвиг является наиболее специфическим: в гомеопатическом дискурсе названия гомеопатических лекарств используются для обозначения пациента, страдающего от заболевания, которое этим лекарством эффективнее всего лечится. Иными словами, препарат концептуализируется как живой человек, наделяется его существенными свойствами: *«Antimonium tartaricum — старики, склонные к полноте, которым свойственен гиперкератоз, мозоли. Ipecacuanha — капризный ребенок, склонный к рвоте без серьезной причины»* [7, 25]. Таким образом, речь идет об отождествлении препарата (со всеми его фармакологическими свойствами) и пациента, которому данный препарат показан. В экстралингвистическом плане подобное явление обусловлено самим характером гомеопатической медицины: принцип индивидуализации при назначении препарата позволяет рассматривать пациента как «лекарственный тип». Поэтому в сознании специалиста создается «сплав» концептуальных признаков двух категорий, синкретичный образ пациента-препарата, что отражается в его профессиональной дискурсивной практике.

Категориальные пересечения 2) и 3) во многом определяются антропологической направленностью не только гомеопатии как медицинской системы, но и тенденцией к антропоцентричности науки в целом. Стремление сделать человека «мерой всех вещей» также становится фактором, обуславливающим пересечение категориальных признаков понятий категории деятеля с понятиями других категорий.

Данное исследование взаимопроникновения категорий, их концептуальных признаков в гомеопатическом подъязыке не исчерпывается описанными

выше категориальными сдвигами. Однако уже полученные результаты демонстрируют многомерность феномена поликатегоризации в данном подязыке. Переосмыслению подвергаются многие категории, взаимопроникновение их концептуальных признаков позволяет создать синкретичный образ объекта. Это, на наш взгляд, продиктовано самой логикой научного поиска: многомерный образ объекта (представленный концептуальными признаками различных категорий) должен обеспечивать более полное его исследование.

В языке, как мы увидели, подобный синкретизм выражается как на метонимическом уровне (номинация субъекта по его свойствам или приписывание препарату свойств субъекта), так и на уровне терминологического образования, когда один терминологический элемент функционирует для обозначения разных категориальных признаков.

Полагаем, что исследование феномена поликатегоризации в различных подязыках может стать начальным этапом разработки глобальной междисциплинарной проблемы: проблемы описания катего-

риального континуума, обусловленного синкретизмом знания в целом и научного знания в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Foucault M. Les mots et les choses / M. Foucault. — Paris: Gallimard, 2012. — 406 p.
2. Пинкер С. Субстанция мышления. Язык как окно в человеческую природу / С. Пинкер. — М.: Книжный дом «Либроком», 2013. — 560 с.
3. Jackendoff R. Semantics and cognition / R. Jackendoff. — Cambridge, 1993. — 283 p.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. — М.: Астрель, 2011. — 347 с.
5. Бутрим В. Е. Особенности семантики терминов категории свойств / В. Е. Бутрим // Современные проблемы русской терминологии. Под ред. В. П. Даниленко. — М.: Наука, 1986. — С. 24—37.
6. Линде В. А. Теория миазмов Самуила Ганемана / В. А. Линде. — С.-Пб.: Центр гомеопатии, 2001—72 с.
7. Симеонова Н. К. Гомеопатия. Учебник / Н. К. Симеонова. — М.: Слава, ООО «Рекон», ООО «Форт-Профи», 2008. — 432 с.

Уральский государственный экономический университет

Буженинов А. Э., к. ф. н., доцент кафедры иностранных языков

E-mail: alexandrebougeninov@mail.ru

*Ural state university of economics, Ekaterinburg
Buzheninov A. E., Candidate of Filology, Associate Professor
of Foreign Languages Department
E-mail: alexandrebougeninov@mail.ru*

ИНВАРИАНТЫ ЛЮБОВНОГО СЮЖЕТА

В. Н. Гуреев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 августа 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о принципах построения любовного сюжета в художественной литературе. На материале большого числа литературных произведений предпринята попытка выделить основные инварианты любовного сюжета.

Ключевые слова: любовный сюжет в литературе; принципы построения любовного сюжета; психология любви; виды любовных треугольников; функции любовного сюжета.

Abstract: the article deals with the question of the principles of building a love story in fiction. On the basis of a large number of literary works, an attempt has been made to isolate the basic invariants of the love story.

Keywords: a love story in literature; principles of building a love story; psychology of love; types of love triangles; functions of a love story.

С древнейших времён тема любви в литературе и искусстве неизменно была одной из главных. В зависимости от того, какой именно аспект любовной проблематики становился объектом художественного исследования, авторами в каждом конкретном случае избирались те сюжеты, которые наиболее соответствовали поставленной задаче.

Безусловно, в основу любовных сюжетов кладутся ситуации, традиционно возникающие в процессе развития любовных отношений. Однако при всём многообразии существующих любовных сюжетов имеются достаточные основания говорить о возможности выделения в их структуре *инвариантов* — систематически повторяющихся из произведения в произведение сюжетных схем.

Наиболее часто в произведениях показывается любовь, разбивающая все преграды, примиряющая бывших врагов, подчас заставляющая героев полностью пересмотреть свои прежние взгляды. Примеров тому — бесчисленное множество. Это Ромео и Джульетта, Владимир Дубровский и Маша Троекурова, Эмма Герберт и Вадим Никитин (из романа Ю. Бондарева «Берег») и др. При этом напряжённость сюжетного действия создаётся, как правило, за счёт необходимости преодолевать какие-то *внешние* препятствия, встающие на пути любящих (как делали это Пётр Гринёв и Маша Миронова, Григорий и Акси́ня, Фёдор Дежкин и Лена Блажка из «Белых одежд» В. Дудинцева, Роман и Юлька из «Вам и не снилось» Г. Щербаковой и др.).

В равной степени хорошо известны и сюжеты, в которых любовь развивается в ситуации напряжённой *внутренней* борьбы, связанной с необходимостью выбора между чувством и долгом.

Предоставляя возможность показать мучительный характер внутренней борьбы с любовным чувством и усиленное стремление обуздать в себе это чувство, сюжет в данном случае предполагает два варианта развязки.

Верх может одерживать *чувство*, которое по своей ценности ставится героем выше долга. Такой выбор делает, к примеру, Андрий в «Тарасе Бульбе».

Противоположный вариант развязки — когда значительно выше ставится *долг* — мы встречаем в рассказе Б. Лавренёва «Сорок первый», в повести В. Астафьева «Звездопад», в романе Д. Гранина «Картина» (на примере Поливанова, заставившего себя подавить чувство к классово чуждой ему Лизе Кислых).

И всё же чаще всего любовный сюжет выстраивается таким образом, чтобы максимально подчеркнуть именно *силу любви* и накал страстей. При этом сама любовь предстаёт как сила, помогающая выстоять в нелёгких жизненных обстоятельствах. Яркий пример тому — «Джамия» Ч. Айтматова или близкая по сюжету повесть И. Велембовской «Ларин и Варвара».

Любовь поднимает героя на необычайную нравственную высоту, делает его способным пойти ради любимого на любой подвиг, вплоть до самопожертвования. Такую готовность принести свою любовь в жертву ради счастья любимой демонстрирует, к примеру, рыбак Жильят из романа В. Гюго «Труженики моря» или Иван Варавва из киносценария Б. Васильева «Офицеры». Точно так же ради Павла Крохалева жертвует своей любовью Зульфия в повести В. Тендрякова «Затмение».

Однако любовь может выступать и как разрушительная страсть — неуправляемая, ломающая жизнь человеку, доводящая его до самоуничтожения, как случилось это с героем повести Тургенева «Вешние воды» Саниним, ставшим жалким рабом любовной

страсти к явно недостойной Марье Николаевне Полозовой. Не сумел справиться с охватившим его чувством и тургеневский Павел Петрович Кирсанов, после чего вся предрекаемая ему в молодости блестящая будущность оказалась напрочь перечёркнутой. Аналогично сложилась и судьба помещика Хвощинского из бунинской «Грамматики любви».

Переживать мучительные душевные страдания заставляет героев ревность — нередкая спутница любви («Митина любовь» И. Бунина, «Дверь» А. Битова, «Провинциальная история» Д. Прилуки, и др.). Ревность может толкнуть даже на злодеяния. Дошедший в этом состоянии до крайности герой бывает готов пойти и на убийство («Леди Макбет Мценского уезда» Н. Лескова, «Крейцера соната» Л. Толстого) и на самоубийство (молодой Вертер и бунинский Митя, Татьяна Бессеменова из пьесы Горького «Мещане», бунинские герои в рассказах «Кавказ» и «Часовня»).

Любовь в произведении может быть представлена и как чувство обоюдное, но старательно скрываемое друг от друга, а иногда даже и от самих себя. (В том числе сюда можно отнести, скажем, и первое чувство, возникающее у подростков.) Любовь, маскируемая внешними проявлениями нелюбви, неприязни и даже враждебности, представлена, например, в истории взаимоотношений Лойко Зобара и Радды («Макар Чудра» М. Горького). По сходному же «сценарию» строятся на первых порах отношения между Виктором Кармановым и Эльвирой в романе Р. Киреева «Подготовительная тетрадь».

Однако даже при видимом отсутствии внешних препятствий любовные отношения могут развиваться далеко не безоблачно. И причины могут быть самые различные, начиная от отсутствия взаимопонимания в любви (как, например, у родителей Миньки из повести В. Тендрякова «Весенние перевёртыши») и заканчивая полным разочарованием в любимом (любимой). Это разочарование может сопровождаться зарождением нового чувства (например, разочарование в Грушницком у княжны Мери на фоне всё более близкого знакомства с Печориным), а может совсем даже и не связываться с новыми увлечениями (как у героя рассказа Л. Толстого «После бала»).

Любовная линия сюжета может основываться не только на истории развития любви, но, напротив, и на её отсутствии. Это может быть и рассказ о несостоявшейся любви, и выражение горького сожаления по поводу этой упущенной, своевременно не замеченной или недооценённой любви (например, финал «Гранатового браслета» Куприна, рассказы Бунина «Ида» и Чехова «Цветы запоздалые», «Повесть о несбывшейся любви» А. Иванова и др.).

Сюда же можно отнести и сюжет, построенный на истории крушения любви и горьких воспоминаниях об утраченном («Дурь» П. Нилина, «Забытая станция» В. Маканина, большинство повестей Ю. Полякова и др.).

При отсутствии реальных любовных взаимоотношений любовный сюжет может передавать *жажду любви, предвкушение её скорого появления*, иногда — попытку найти ей какую-нибудь замену (при этом нередко — склонность к самообману). Подобное можно увидеть, например, в рассказах «Некрасивая» Ю. Казакова и «Соня» Т. Толстой, в романе С. Залыгина «Южноамериканский вариант» и др. При этом нереализованные варианты часто идеализируются.

Вполне продуктивным может быть и любовный сюжет, преподносимый через призму восприятия героя, который наблюдает со стороны за чьей-то счастливой чужой любовью (художник-повествователь в повести «Джамия» Ч. Айтматова, бабка Толя в рассказе Г. Баженова «Добрая душа» и др.).

Чрезвычайно распространёнными являются сюжеты, связанные с *неразделённой, безответной любовью*. Причины неразделённости могут быть самые различные: большая разница в возрасте или в социальном положении, полная несовместимость уровней культуры и воспитания, внешняя непривлекательность и, наконец, просто элементарное отсутствие любовного чувства.

При этом в самом сюжете в принципе возможны три инварианта.

Во-первых, *он любит — она не любит* («Час разлуки» О. Михайлова, «Весенние перевёртыши» В. Тендрякова, «Доживём до понедельника» Г. Полонского и др.).

Во-вторых, *она любит — он не любит* (Татьяна по отношению к Онегину в первой части романа, девочка в повести Г. Щербаковой «Мальчик и девочка»).

В-третьих, *его (её) любят — он (она) никого не любит* по-настоящему (таковы, например героини Куприна — Нина Зиненко из «Молоха» и Шурочка Николаева из «Поединка»).

Обычно художник избирает объектом изображения безответную любовь, когда своей задачей ставит либо показать всю глубину страданий любящего (Желтков, Свечкин и др.), либо продемонстрировать душевную глухоту и неспособность объекта любви (того, кого любят) на ответное чувство (таковы, например, Ионыч и Лопахин у Чехова, лакей Лаврецкого в «Дворянском гнезде» Тургенева).

Особого внимания заслуживает любовный сюжет, осложнённый *любовным треугольником*. Ряд исследователей считает любовный треугольник обязательным компонентом любовного сюжета, с чем, впрочем, можно и не согласиться.

Рассматривая проблему любовных треугольников в целом, болгарский исследователь К. Василев выделяет три основных их вида.

«Чувства любящих взаимно удовлетворяются, и третий не имеет никакой надежды добиться даже малейшей взаимности» [1, 358] (ситуация «третий лишний»).

Любящий испытывает сильные чувства одновременно к двоим (ситуация «трудного выбора», или «Буриданова осла»).

«Двое соперников могут не подозревать, что любят одного и того же человека» [1, 359]. Стоит заметить, что при этом более всего страдает тот, кого любят — из-за необходимости скрывать и из-за боязни раскрытия тайны. Именно это происходит, например, в повести Д. Притулы «Провинциальная история» и в романе Ю. Полякова «Замыслил я побег...».

В зависимости же от «состава участников» (т.е. от того, кто «стоит у вершины») треугольники условно можно разделить на «мужские» (один мужчина и две женщины) и на «женские» (одна женщина и два мужчины).

Так, например, у вершин «женских» треугольников стоят Елена Стахова из романа Тургенева «Накануне», Вера Павловна из «Что делать?», Лушка Нагульнова из «Поднятой целины», Катя Татаринова из повести В. Каверина «Два капитана».

Примеры «мужских» треугольников: Джемма и Марья Николаевна Полозова для Санина (в романе Тургенева «Вешние воды»), Ольга Ильинская и Агафья Пшеницына — для Обломова, Аксинья и Наталья — для Григория Мелехова и др.

В своё время Д. Гачевым было внесено предложение именовать данные треугольники «западными» и «восточными»: «Если Восток знает гарем и сюжеты, основанные на перипетиях выбора мужчиной из нескольких женщин (сюжет восточной поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» строится на треугольнике: один **он** и две **оне**), то для западноевропейской культуры, от Тристана и Изольды и далее типичен треугольник: одна она и два мужчины в связи с ней. <...>

В русской же литературе (Россия — стык Европы и Азии) характерны перекрещенья западных и восточных треугольников...» [2, 38].

Внутри самих треугольников отношения строятся по-разному — в зависимости от того, ведётся ли борьба с конкурентом или же осуществляется выбор между двумя претендентами.

М. Самыгин, анализируя психологию отношений в «мужских» треугольниках, допускает, что определённого типа мужчина (излишне заботливо опекаемый в детстве) может даже «блаженствовать» (испытывать состояние внутреннего удовлетворения), когда за него борются две женщины. И, напротив, другой вид аналогичного треугольника создаёт мужчина, привыкший к соперничеству [3, 212—213]. Подобный же подход, кажется, вполне применим и к «женским» треугольникам.

Стоит добавить также, что возможен треугольник, где не двое бьются между собою за третьего, а где один разрывается между двумя другими, будучи не в силах сделать какой-то окончательный однозначный выбор (именно это и именуется ситуацией «Буриданова осла»). В жизни два одновременных

сильных влечения в принципе возможны. Известно, что английский писатель Джонатан Свифт до самой смерти одновременно любил двух женщин — Стеллу и Ванессу. А писатель В. Вересаев в молодости был без памяти влюблён аж сразу в трёх [См. об этом: 4, 20]. И в литературе подобные ситуации, естественно, находят отражение. Так, например, инженер Прончатов из повести В. Липатова «Сказание о директоре Прончатове» по-прежнему продолжает любить собственную жену и в то же время испытывает сильную влюблённость в другую женщину. Другой пример — ситуация, воспроизведённая в рассказе Бунина «Натали».

Любовный треугольник некоторыми исследователями рассматривается как чуть ли не обязательный компонент любовного сюжета. «Любовь, вечный предмет изображения, — пишет А. Эткинд, — обычно представлена как отношение не двух, но трёх лиц. Соперничество двух мужчин за любимую женщину является минимальной структурой романа...» [5, 116]. Между тем можно назвать немало произведений, прямо связанных с любовной темой, в которых любовный треугольник как таковой отсутствует («Южноамериканский вариант» С. Залыгина, «Забывшая станция» В. Маканина, «Берег» Ю. Бондарева и др.).

Наряду с устоявшимся понятием «любовный треугольник» в работах можно также встретить упоминания о «любовных четырёхугольниках» и даже о «любовных многоугольниках». Но кажется, что во всех этих случаях всё-таки правильнее было бы говорить не о «многоугольниках», а просто о нескольких взаимно наложенных друг на друга любовных треугольниках.

Особо важный элемент сюжета — развязка.

Порой довольно сходные в своей основе любовные сюжеты принципиально различаются как раз своими развязками. В одних случаях это либо вполне «счастливые» развязки, либо хоть и не завершающиеся долгожданным «свадебным пирком», но в конечном счёте всё же оставляющие надежду на благополучный исход.

В противоположность развязкам в духе хэппи-энда (что особенно свойственно, например, большинству т.н. «дамских» романов), многие любовные сюжеты завершаются драматичной (а порой даже и трагичной) развязкой. Наряду с прочим на этот счёт высказывается мнение, что печальные концовки любовных историй чаще всего атрибут мелодраматического сюжета (с его установкой на «выдавливание слезы» у чувствительных читателей).

Между тем трагические развязки чаще бывают связаны с мировоззрением художника, который показом отсутствия гармонии в любви стремится отразить дисгармонию в мире и выразить свой протест против существующего положения вещей. И это следует всегда принимать во внимание, поскольку любовный сюжет в художественной практике активно

используется для рассмотрения не только гендерной, но и социальной проблематики [5, 116].

ЛИТЕРАТУРА

1. Василев К. Любовь: пер. с болг. / К. Василев. — М.: Прогресс, 1982. — 384 с.
2. Гачев Г. Д. Русский Эрос: «Роман» Мысли с Жизнью / Г. Д. Гачев. — М.: Интерпринт, 1994. — 278 с.
3. Самыгин С. И. Любовь глазами мужчины / С. И. Самыгин. — Ростов н/Д.: МарТ, 2000. — 224 с.
4. Нольде В. М. Вересаев: жизнь и творчество / В. М. Нольде. — Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. — 190 с.
5. Эткинд А. Русская литература, XIX век: роман внутренней колонизации / Александр Эткинд // Новое литературное обозрение. — 2003. — № 1 (59). — С. 103—124.

Воронежский государственный университет

*Гуреев В. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры гуманитарных наук и искусств*

E-mail: vngureev@mail.ru

Voronezh State University

*Gureev W. N., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Department of Humanities and Arts.*

E-mail: vngureev@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В ПОВЕСТВОВАНИИ БЕРНХАРДА ШЛИНКА НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ДОМ В ЛЕСУ»

А. И. Гущина

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 1 августа 2018 г.

Аннотация: в статье на примере рассказа «Дом в лесу» исследуется психологическая направленность творчества Б. Шлинка. Автором исследуются психологические особенности современных мужчин и женщин, гендерные модели поведения. В анализируемом рассказе писатель затрагивает характерные черты семейной жизни современного общества. Бернхард Шлинк, описывая разные представления героев о семье и изображая иллюзорность их семейного счастья, предстает в роли писателя-психолога, исследующего тонкие материи человеческого сознания и души.

Ключевые слова: Бернхард Шлинк, писатель-психолог, семья, гендерные особенности, иллюзия, страх, судьба.

Abstract: in this article by the example of the narrative "The House in the Wood" the psychological orientation of B. Schlink's works is investigated. The author analyses psychological features of modern men and women, gender behavioral models. In the analyzed narrative the writer refers to characteristic features of the family life in the modern society. Bernhard Schlink, describing different ideas of main characters about the family and representing illusiveness of their family happiness, appears as the writer-psychologist investigating delicate matters of human consciousness and soul.

Keywords: Bernhard Schlink, the writer-psychologist, family, gender features, illusion, fear, destiny.

Ключевой особенностью прозы Бернхарда Шлинка выступает его повышенная внимательность к тайнам человеческой души. При этом стоит подчеркнуть, что речь идёт не только о психологизме повествования в целом, но и об исследовании психологических сторон современной жизни в особенности, об оценке гендерных моделей поведения и связанных с ними проблем, возникающих в современном социуме.

Одним из наиболее тонких в этом отношении примеров является рассказ Б. Шлинка «Дом в лесу», входящий в сборник «Летние обманы» (2012). Его сюжет связан с историей перемен в семье молодых писателей. Кейт — успешная американская писательница, публикующая ежегодно книги, получающая литературные награды, общественный человек. Напротив, её муж, немец по происхождению, написал всего одну книгу, ставшую популярной, но при этом быстро забытой читателями.

Действие рассказа происходит в доме, стоящем в лесу, вдали от городского шума мегаполиса. Этот дом стал настоящим раем, крепостью, где герой смог укрыться со своей семьёй от внешнего мира. Молодой мужчина из перспективного и подающего надежды писателя превратился, на первый взгляд, в счастливого семьянина, ухаживающего за домом, воспитывающего маленькую дочь, в человека, старающегося вдохновить свою супругу на написание новых романов.

Мы видим, таким образом, перемену ролей. В современной семье мужчина уже не часто играет руководящую роль. Ещё Э. Фромм, указывая на определённые сложности в распределении семейных функций, в своей книге «Мужчина и женщина» привёл интересную цитату из Ветхого Завета: «...именно за грех Евы мужчина должен господствовать над женщиной, и она принимает это господство как наказание. Оно направлено не только против Евы, но и косвенно против Адама, ведь властвовать над другими не намного легче, чем попадать в зависимость» [1].

Б. Шлинк показывает, как мучится его герой-мужчина в атмосфере смены властных парадигм. Однако мучится не от потери функций повелителя, а от потери чёткого понимания собственной роли в жизни. Создавая свою семью, он бежал от модели семьи его родителей, в которой взаимная ненависть, озлобленность друг на друга становились всё сильнее, и, ещё будучи маленьким мальчиком, он не раз во время родительских ссор испытывал ощущение, что проваливается в прорубь. При этом герой не потерял веры в семейные ценности и в собственном браке попытался выстроить гармоничное сосуществование с женой и дочерью. В его мечтах семейная жизнь представлялась толстой коркой льда, способной выдержать любой груз [2, 94]. Пожалуй, Б. Шлинк намеренно сравнивает любовь с прочным и крепким льдом, подразумевая одновременно его твердость и хрупкость, а также неустойчивость и исходящий от него холод.

Удивительно, но реальный сценарий его жизни расходился с его мечтами. С одной стороны, он выстраивал правила своей жизни самостоятельно, с другой — они всё более и более тяготили его самого («Порой у него бывало чувство, словно он всегда так жил. Словно всю жизнь он провел в этом доме среди леса <...>; Словно рядом всегда были жена и дочь. Словно они всегда провожали его» [2, 87]). Он всё чаще испытывал страх полностью потерять власть и контроль над женой и дочкой. Он понимал, что «точек соприкосновения в их жизни становилось все меньше» [2, 95].

После того, как писательская карьера жены пошла вверх, герой решил ради сохранения семьи подстраиваться под её желания, среди которых главным было продолжать писать. «Он не жаловался. Знать, что она здесь, в доме, видеть во время работы в саду ее голову в окне, слышать из-за дверей ее комнаты, как щелкают по клавишам компьютера ее пальцы, <...> проводить рядом с ней вечера, <...> — все это делало его счастливым. Больше он и не мог от нее требовать. Она с самого начала сказала ему, что не может жить без писательства, и он согласился на это условие. Согласился он и на то, чтобы изо дня в день одному заботиться о Рите. <...> Он был согласен принять всё как есть» [2, 88–89]. Таким образом, она стала тем, кто приносит в семью деньги, а он превратился в домохозяйина. При этом, несмотря на видимую смену гендерных ролей, он по-прежнему пытался играть ведущую роль. Он настоял, чтобы они переехали из шумного мегаполиса в лесную глушь, где жене было бы лучше работать над очередной книгой. Ему хотелось держать все под контролем, всю информацию из внешнего мира он решил пропускать через себя, отсеивая ту, которая могла бы разрушить созданный им мир.

Б. Шлинк рисует картину происходящего в душе своего героя разными штрихами. Сюжет его повествования развивается преимущественно в психологической плоскости.

Как пишет литературовед и культуролог А. Б. Есин, если произведение носит психологический характер, то «психологизм становится в этом произведении важнейшим художественным свойством, определяющим его эстетическое своеобразие» [3]. Таким образом, по его мнению, «психологизм — это принцип организации элементов художественной формы, при котором изобразительные средства направлены в основном на раскрытие душевной жизни человека в ее многообразных проявлениях» [3]. Бернхард Шлинк действительно в первую очередь исследует внутреннюю сторону жизни человека, типаж его героев требует психологической интерпретации. Типичным для его повествования служит значительное количество деталей, характеризующих внутренний мир главного персонажа. Рассказ наполнен внутренними монологами героя, обращением к его размышлениям, описанием его внутреннего состояния и душевных переживаний,

например, «порой у него бывало чувство», «до глубины души умиленный той нежностью...», «без жены ему было как-то пусто», «его охватила паника», «со слезами бессильной злости», «... и только старался не выдать себя, чтобы она по глазам не увидела его страха» и др. Привычными чувствами для него становятся страх, паника, пустота, злость, бессилие. Кроме того, главный персонаж у Б. Шлинка часто ставит вопросы, на которые у него не всегда есть ответы: «Но почему Кейт дала ему прочитать рукопись? Было ли это только знаком доверия? Не себя ли с ним подразумевает она под этой парой, перед которой открываются новые горизонты? ... Не предлагает ли она ему настроиться на новую жизнь?» [2, 99].

Внешним проявлением внутренней жизни героев, их внутренней борьбы со своими мыслями и страхами становятся мимика, жесты, взгляд. Б. Шлинк очень тонко описывает внешние изменения, происходящие на лице героини при виде ее мужа (главного героя), видимо, внутри нее происходит психологическая борьба: «Её темноголазое лицо с этим высоким лбом, надменно вскинутыми бровями, длинным носом, крупным ртом и подбородком, то гладким, то, смотря по настроению Кейт, напряженным или наморщенным, представляло собой тот ландшафт, среди которого жила его любовь. В нём ей было радостно и светло, когда лицо Кейт открыто обращалось ему навстречу, и тревожно, когда оно враждебно замыкалось при его приближении» [2, 106]. Лицо героини то открыто для мужа, то тревожно и враждебно закрыто. Это свидетельствует о духовной отгороженности от мужа, между ними нет близости. Ещё одним выражением взаимосвязи внешних деталей с процессом внутренней жизни героев является использование пейзажа и описаний природных явлений в рамках психологического повествования. Эпизод, когда мужчина-герой переезжает со своей семьей в сельскую местность, сопровождается описанием бабьего лета, наполненного яркими красками — всё живёт ярко, насыщенно, по-новому, герой с нетерпением ожидает перемен к лучшему. Далее после нескольких месяцев жизни за городом он с упоением мечтает о будущем урожае яблок, символизирующем и их совместное счастье: «Тут не только лужайка, и деревья, и птицы. Тут всё живёт и растёт — дом почти что готов, <...> а на яблонях, которые мы с Джонатаном подрезали, зреет хороший урожай» [2, 97]. Однако настроение героя становится диаметрально противоположным после того, как он в газете видит статью: его жене-писательнице присудили Национальную книжную премию. Природа как будто вторит чувствам и переживаниям центрального персонажа: его огонь надежды в душе погас, и описание природы отражает его эмоциональное потрясение: «Сегодня осень отгорела, и краски поблекли и померкли в дымке тумана» [2, 109]. В душу героя прокрался холод и страх. Его мечты встретились с холодной реальностью. Как

будто хищная птица вырвала счастье из его рук: «*Над долиной кружил ястреб*» [2, с. 102]. Всё в его жизни происходило рано: Кейт рано закончила писать книгу, хотя планировала писать до весны, рано наступила осень: «*Только моя книга всё никак не продвигается к завершению. Разве что к зиме или к весне*»; «*Осень пришла рано*» [2, 97]. Природа соперничает герою.

Автора интересует столкновение психологических позиций, разных взглядов на жизнь. Скорее можно говорить не только о быстрой смене событий и явлений, но о стремительности мыслей персонажа: он постоянно продумывает план спасения своей семьи от надвигающейся суматохи и возможного возвращения в Нью-Йорк. Тогда созданный им мир будет разрушен.

Таким образом, автор произведения, представляя внутренние монологи мужчины-героя, повествует о его внутренних, душевных процессах.

В ходе анализа повествования мы видим, что главный герой ведет себя словно преступник: он скрывает от жены ее выдвижение на Национальную книжную премию, он пытается отгородиться от всего мира, порвав электрические провода, кроме того, под покровом ночи он едет в город и крадет полицейские ограждения. Мужчина совершает противоправные действия и ведёт себя как преступник, понимая, что всё это направлено в ущерб интересам жены, которой нужна свобода. К сожалению, иллюзия рушится, и он, понимая, что не в силах это остановить, идёт против законов совести, природы, жизни.

Видимо, центральный персонаж повествования, гонимый страхом возвращения в Нью-Йорк и вероятностью потерять жену и дочь, нарушает правила брачного союза и пересекает ту черту, которая ставит под угрозу его дальнейшую семейную жизнь: лед под ним дал трещину («*На одной голубой чурке он прочел написанное белыми буквами слово «line» — часть надписи «Police line do not cross*» [2, 128]). Не случайно, что автор символично указывает на некую черту, которая является опасной для него. Это черта морали и совести, которую нельзя переступать. И она сгорает в камине. Граница между иллюзией и реальностью перестаёт существовать. Он перестаёт понимать, что хорошо и что плохо, где настоящий мир и где вымышленный, что можно делать и что нельзя.

Ещё одно доказательство гибели семейного счастья для героя — на больничных стенах мужчина видит фотографии разрушенных камбоджийских и мексиканских храмов, как символ разрушения самого важного и святого для человека. Для нашего героя важным и определяющим его личного счастья была мечта о семье.

Кроме того, необходимо упомянуть эпизод, когда герой мечтает о семейном счастье и представляет себе, как его семья в доме среди леса пустит корни и никакие бури будут им уже не страшны. Корни символизируют стабильность «*на веки веков и от века*». Однако разве может дерево, «*вцепившееся корнями в скалу*», расти здоровым и крепким? Так же не может семья и семейное счастье опираться на ложь и утаивание. Поэтому эпизод, когда мужчина повалил сосну, вцепившуюся корнями в скалу, иллюстрирует непостоянность его семейного благополучия. Ведь не случайно автор характеризует хвойное дерево как «*сосну с голыми ветвями — высокую, покосившуюся, сухостойную*».

Бернхард Шлинка, несмотря на довольно сухой и сдержанный в формулировках язык, представляется нам художником слова и одновременно тонким психологом, исследующим тайные уголки души героя. На примере одной вполне обычной немецкой семьи писатель раскрывает особенности семейной жизни современного общества, видимо, поэтому герой не назван в рассказе. Необходимо отметить, что и до Бернхарда Шлинки некоторые немецкие писатели (например, Теодор Шторм) стремились разгадать тайны человеческой души и проникнуть в глубины человеческого подсознания, пытались нащупать мотивы (явные и скрытые) человеческих поступков, понять причины тех или иных событий.

Оценивая позицию Б. Шлинки и рассуждения героев его рассказа, можно с уверенностью сказать, что ключевыми проблемами анализируемого рассказа являются, во-первых, неуверенная мужская позиция, и, во-вторых, разные представления о семье и семейном счастье, заложенные в персонажей в их детстве.

При этом в рассказе «Дом в лесу» Б. Шлинка не намеревался разделять персонажей на положительных и отрицательных. Его целью был показ столкновения полярных систем ценностей, гибель мужского и женского начал в современном социуме. И в силу этого не детективный сюжет, а именно психологическая доминанта является ключевым звеном в повествовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фромм Э. Мужчина и женщина / Э. Фромм М.: АСТ, 1998. — 512 с. Режим доступа: <http://psy.wikireading.ru/46087> (дата обращения 15.11.2017).
2. Шлинка Б. Летние обманы: Рассказы // Б. Шлинка; пер. с нем. И. Стребловой, Г. Снежинской. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — 288 с.
3. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы / А. Б. Есин — М.: Просвещение, 1988. — 176 с. — Режим доступа: <https://culture.wikireading.ru/68473> (дата обращения 17.01.2018).

ЧУЖОЙ ВЗГЛЯД В СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ГЕРОЕВ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Я. Н. Дёгтева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 июля 2018 г.

Аннотация: статья посвящена актуальной в рамках визуальной проблематики теме — чуждому взгляду в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». Исследуемый феномен рассматривается в контексте коммуникации и субъект-объектных отношений героев.

Ключевые слова: чужой взгляд, Достоевский, субъект, объект, рефлексия.

Abstract: the article is devoted to the actual theme within the framework of visibility problems — the other's view in the novel "Idiot" by F. M. Dostoevsky. This phenomenon is considered in the context of novel's characters communication and their subject-object relations.

Keywords: other's view, Dostoevsky, subject, object, reflection.

Роман «Идиот»¹ занимает особое место в художественной прозе Ф. М. Достоевского в целом; в этом произведении он предпринял сознательную попытку изобразить противостояние «положительно прекрасного» человека жестокой действительности [1, 129; 2; 3, 131]. Несмотря на то, что создание образа нравственно чистого и духовно развитого человека было значимо в эстетическом и социокультурном планах, роман не был принят современниками, которые, видимо, не замечали катастрофичности, изображённой в нём. Лишь спустя годы открылись пророчества и глубокая философская основа этого произведения [4; 5; 6].

Чужой взгляд не только играет ключевую роль в событийном развёртывании романа «Идиот», но и многообразно преломляется в нарративной и характерологической структуре романа. Для определения принадлежности взгляда к разряду «чужого» необходимо обращение к контексту конкретного акта восприятия и содержанию рефлексии² героев произведения или речи повествователя.

Чужой взгляд как элемент визуального в художественной прозе определяется двояко: направленность зрения субъекта на некий не совпадающий с ним объект и (или) манера воспринимающего героя смотреть отчуждённо (чужими глазами) [8, 164]. Следовательно, существенными признаками феномена являются гетерогенность и отчуждённость визуальной перцепции, достаточным условием для квалификации при этом является наличие в тексте одного из них.

Исследуемое понятие шире, чем «взгляд Другого», поскольку чужой взгляд не всегда предполагает наличие двух актантов: в границах понимания фено-

мена находится и зрительное самовосприятие. Это обостряет проблематику субъект-объектных отношений героев и их осознания себя в этическом пространстве художественного произведения.

По мнению Р. Ф. Миллера, отмечавшего великолепное владение Ф. М. Достоевского риторическими приёмами и стратегией диалога, герои «Идиота» не доверяют словам [9]. Отсюда вытекает значимость описаний реакции на чужой взгляд и манеры действующего лица смотреть на себя и окружающих.

Взгляд повествователя или персонажей «со стороны» позволяет интерпретировать визуальность героев в «молчаливых диалогах». Характеристика Гани представлена в описаниях его общения с начальником, родной сестрой и малознакомым князем: «Он глядел своим воспалённым взглядом прямо в глаза генералу, как бы даже желая, чтобы тот прочел в его взгляде всю его мысль» (с. 28). Гаврила Ардалионович Иволгин позволяет себе «говорить» больше как субъект зрения, чем как субъект речи.

Князь Мышкин чаще остальных упоминается в контексте визуальной перцепции, он рассматривается незнакомыми и неблизкими ему людьми неприемлемым пристальным взглядом, к чему относится достаточно спокойно, так как не думает ни о ком из смотрящих дурно. И это несмотря на то, что в начале повествования его ручная кладь заслуживает едва ли не большего внимания, чем персона хозяина: об узелке говорят, его осматривают, осмеивают. Этот предмет, по мнению Лебедева, «имеет некоторое значение, <...>, и хотя <...> в нём не заключается золотых заграничных свёртков с наполеондорами и фридрихсдорами, ниже с голландскими арапчиками, о чём можно ещё заключить хотя бы только по штиблетам, облегающим иностранные башмаки ваши, но... если к вашему узелку прибавить в прида-

чу такую будто бы родственницу, как, примерно, генеральша Епанчина, то и узелок примет некоторое иное значение...» (с. 7).

За узелком, свидетельствующем о малом количестве денег и низком статусе его обладателя, почти никто не пытается рассмотреть человека, личность. Та же история повторяется при получении князем наследства и подтверждении его принадлежности к высшему дворянству: теперь уже титул и богатство застилают глаза окружению, но не самому Мышкину. Он как «ясновидящий» персонаж свободен от установок и мнений, царящих в Петербурге, от внешних обстоятельств, оценивания «вещного мира», потенциально принадлежащего тому, кто перед ним находится. Это созвучно тому, что как объект чужого взгляда Лев Николаевич почти всегда открыто говорит людям о том, как они на него смотрят, и данные им характеристики отражают реальное положение дел: «Вот вы все теперь, — начал князь, — смотрите на меня с таким любопытством, что, не удовлетвори я его, вы на меня, пожалуй, и рассердитесь» (с. 57). Как только «положительно прекрасный человек» изменяет своему стремлению разрешить ситуацию и пытается подавить сильнейшую интенцию к поиску справедливости, отрицает то, что видит лучше своего окружения, чьи глаза закрыты пеленой разнообразных интроектов и стереотипов, — сущность человека и его намерения, он попадает в беду.

На вокзале герой переживает действие мнимого (как он считает) чужого взгляда: «...при выходе из вагона князю вдруг померещился странный, горячий взгляд чьих-то двух глаз, в толпе, осадившей прибывших с поездом» (с. 158). Этот объектный опыт сохраняется в его памяти: «Поглядев внимательнее, он уже ничего более не различил. Конечно, только померещилось; но впечатление осталось неприятное» (с. 158).

Когда князь Мышкин говорит Рогожину: «Давеча, выходя из вагона, я увидел пару совершенно таких же глаз, какими ты сейчас сзади поглядел на меня», — он отмечает свою активность как субъекта («я увидел»), при этом осознавая себя объектом взглядов Парфёна и «пары глаз», то есть в самоотчёте отражено зрительное восприятие из обеих позиций (с. 171).

Сам Рогожин в этой ситуации осознаёт себя объектом визуальной перцепции Льва Николаевича, зрительное поведение которого его смущает, поэтому он предпринимает попытку сменить пространственное расположение гостя (предлагает ему сесть), а также прерывает контакт глаз, начав говорить.

Князь Мышкин до последнего не хочет отождествлять Парфёна и пару «давешних глаз», корит и осуждает себя за желание «подойти к Рогожину и сказать ему, “чьи это были глаза”!» и за это «неотразимое впечатление, невольно переходящее в полнейшее убеждение» (с. 193—195). Не признавая правду, он

даже прогнозирует свой взгляд из позиции субъекта: «Какими же глазами буду я смотреть теперь всю жизнь на этого человека!» (с. 194). Данный приём должен помочь восстановить веру в добрую сущность названного брата, но в итоге приводит под его нож.

Настасья Филипповна, как и Мышкин, воспринимает глаза Рогожина отдельно от его личности. Но если князь угадал в них страшную сущность Парфёна, то она, напротив, находит себя, читая «в двух ужасных» молчащих глазах (даже не видя их в реальности), что практически прекратила существование и что в ней «бог знает, что вместо» неё живёт (с. 380). Взгляды Рогожина героиня интерпретирует самостоятельно, а князю Мышкину задаёт вопросы, чтобы понять, как она выглядит в его глазах: «А как вы узнали, что это я? Где вы меня видели прежде? <...> И позвольте вас спросить, почему вы давеча остолбенели на месте? Что во мне такого остолбеняющего?» (с. 89).

Рефлексия Рогожина как субъекта чужого взгляда встречается в его воспоминаниях о встречах с Настасьей Филипповной: «Я и ростом мал, и одет как холуй, и стою, молчу, на нее глаза пялю, потому стыдно...» (с. 12); «А вот встанешь с места, пройдешь мимо, а я на тебя гляжу и за тобою слежу» (с. 176). Кроме того, Парфён рассказывает князю Мышкину, как на него смотрит его будущая жена — словно «на последнюю самую шваль» (объектный опыт), как она «подглядела в окошко», когда он скрытно следил за ней (воспринимает ситуацию из обеих позиций) (с. 174—175).

С. Л. Франк отмечает, что в визуальной перцепции сознание объекта нередко сопричастно смотрящему субъекту, то есть не только позволяет изучать себя, но и познаёт в ответ [10]. Утверждение философа соотносимо со стремлением некоторых героев романа «Идиот» корректировать взгляды окружающих через речевое воздействие на их сознание (вплоть до склонения к отчуждённому самовосприятию).

Эта тенденция прослеживается во взаимодействии князя Мышкина и младшей дочери Епанчиных: «Аглая даже и не оглянулась на него <...>, с аффектацией продолжая смотреть на одного только князя...» (с. 208). Героиня сама пристально смотрит на Льва Николаевича без объяснений, но акцентирует внимание на его зрительной активности в свой адрес: «Что вы на меня так смотрите, князь?» (с. 287); «Что вы так вдруг на меня уставились? — прибавила она почти с гневом» (с. 355). Кроме того, Аглая в истерическом порыве призывает Мышкина посмотреть на себя её глазами: «Разве можно выйти за такого смешного, как вы? Вы посмотрите теперь в зеркало на себя, какой вы стоите теперь!..» (с. 283). Однако князь остаётся независимым в своем визуальном поведении, и даже проявляет умение смотреть, абстрагируясь от неё как от носителя сознания: «Иногда вдруг он начинал приглядываться к Аглае и по пяти

минут не отрывался взглядом от её лица; но взгляд его был слишком странен: казалось, он глядел на нее как на предмет, находящийся от него за две версты, или как бы на портрет ее, а не на нее самое» (с. 287).

Подчинить себе чужую визуальность пытается не только Аглая; генерал Иволгин сообщениями о том, что подвергается зрительному восприятию, преследует, как минимум, две цели: манипуляция мнением людей; оправдание последующих своих слов и действий. Например, фраза: «Вы, кажется, смотрите на меня с удивлением?» — предваряет его самопрезентацию (с. 203). А его сын, Гаврила Ардалионович, похожим образом использует упоминание обращённого к нему взгляда сестры не просто как аргументацию в беседе с матерью, но и как способ публично подчеркнуть собственную стойкость характера: «Я никогда и ни за что вас не оставлю; другой от такой сестры убежал бы по крайней мере, — вон как она смотрит на меня теперь!» (с. 85).

Таким образом, разделение актантов на группы субъектов и объектов чужого взгляда в романе «Идиот» позволяет проследить некоторые общие тенденции.

В рефлексии героев нередко встречается совмещение ролей: персонажи осознают свой объектный опыт, но при этом могут рассматривать воспринимающего их героя, или, наоборот, проявивший первичную зрительную активность субъект отмечает ответный взгляд объекта. Объект чужого взгляда в направленном на него взгляде может как прочесть характеристики смотрящего и, следовательно, воспринять его из позиции субъекта, так и, интерпретируя модальность и направленность обращённого к нему взора, установить намерения или отношение воспринимающего к себе — получить объектный опыт. В романе «Идиот» присутствует также субъект-объектное взаимодействие, позволяющее увидеть себя в глазах другого.

Интерпретация героями взглядов других персонажей друг на друга и взоров, обращённых к ним самим, зависит от их особенностей: «положительно прекрасный» князь Мышкин и, например, Лебедев — «нечто вроде закорюзлого в подьячестве чиновника» (с. 7) — наделены разительно отличающимся восприятием. Иными словами, феномен чужого взгляда встраивается в пространство художественного произведения, а изучение субъект-объектного визуального взаимодействия персонажей помогает детализировать их образы, что открывает перспективу для дальнейшей разработки авторской антропологии и характерологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский; под ред. В. Г. Базанова. — Л.: Наука, Т. 8. — 1973. — 509 с.

Ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.

2. Рефлексия выступает «ядром сознания», дающим возможность осмысливать онтологические проблемы субъекта, фундаментом самообъективации и самопознания. Подразумевается, что это «сознание» не позволяет смотреть на мир «со стороны» (практически беспристрастно), увидеть себя и своё место на поле событий, поскольку важна включённость отдельного носителя осознания в процесс, в деятельность [7]. Сознание и самосознание находится в паузе «длящегося опыта индивида; <...> активности, поведения, деятельности» [Там же, с. 170].

ЛИТЕРАТУРА

1. Геригк Х.-Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / пер. с нем. К. Ю. Лаппо-Данилевского. — СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2016. — 320 с.

2. Мелетинский Е. М. Заметки о творчестве Достоевского / Е. М. Мелетинский. — М.: РГГУ, 2001. — 190 с.

3. Савинков С. В. Аспекты русской литературной характерологии / С. В. Савинков, А. А. Фаустов. — М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2010. — 331 с.

4. Мочульский К. В. Достоевский: жизнь и творчество / К. В. Мочульский. — Париж: Ymca-press, 1980. — 564 с.

5. Свительский В. А. Самодостаточность личности и жизненные роли героев Достоевского: От «Записок из подполья» к «Братьям Карамазовым» / В. А. Свительский // Филологические записки: Вестн. литературоведения и языкознания. — 2001. — Вып. 16. — С. 15—24.

6. Dalton E. Unconscious Structure in The Idiot / E. Dalton. — Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1979. — 237 p.

7. Зинченко В. П. Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили / В. П. Зинченко. — М.: Новая школа, 1997. — 334 с.

8. Дёгтева Я. Н. Чужой взгляд: уточнение дефиниции в контексте творчества Ф. М. Достоевского / Я. Н. Дёгтева // Известия ВГПУ. Серия: Филологические науки. — Воронеж, 2016. — Т. 272. — № 3. — С. 162—165.

9. Miller R. F. Dostoevsky and The Idiot: Author, Narrator, and Reader / R. F. Miller. — Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1981. — 293 p.

10. Франк С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. — М.: Республика, 1992. — 510 с.

Воронежский государственный университет

Дёгтева Я. Н., аспирант кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: Dyogteva@phil.vsu.ru

Voronezh State University

Dyogteva Y. N., Postgraduate student of the Department of history and typology of Russian and Foreign Literature

E-mail: Dyogteva@phil.vsu.ru

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ МЕЩАНСТВО В ПОВЕСТИ М. ГОРЬКОГО «ГОРОДОК ОКУРОВ»

А. И. Иванов

Тамбовский государственный университет

Поступила в редакцию 1 сентября 2018 г.

Аннотация: Анализируется авторское отношение к российскому мещанству в повести «Городок Окуров». В этом произведении зачастую выделялась лишь позиция Горького-социалиста. Однако мещанский мир в Окурове дает возможность увидеть не только традиционно воспринимаемую обывательскую среду после революции 1905 г. На наш взгляд, Горький-художник изобразил отечественную провинцию между двумя войнами, а также мещанство, которое начинает задумываться о своем месте в России начала века.

Ключевые слова: провинция, повседневная жизнь, мещанство, авторская позиция.

Abstract: In the short novel *The Town Of Okurov* the author analyzes his attitude towards the Russian petty bourgeoisie. This literary work has often been regarded as one in which Maxim Gorky manifested his socialist views. However the society of petty bourgeois in Okurov provides an unconventional point of view on everyday life after the revolution of 1905. In our opinion Gorky has successfully depicted the Russian provincial life between the two wars as well as lower middle classes as they start musing on their role in the Russian society at the outset of the 20th century.

Keywords: province, everyday life, petty bourgeoisie, author's attitude

Россия начала двадцатого столетия. 1909 год: только что закончилась Русско-японская война и Первая русская революция, впереди Первая мировая война и две революции. Чем живет в это время русская глубинка, основу которой составляет не дворянство, не крестьянство, не купечество, а мещанство — ремесленники, лавочники, мелкие предприниматели из разбогатевших крестьян? Кто он, этот «человек предместья», непереносимые атрибуты жизни которого — герань и клетка с канарейкой? Городок Окуров из одноименного произведения (1909) и стал для М. Горького местом для поиска ответов на эти вопросы.

Долгое время в советском литературоведении эта повесть воспринималась как отражение социально-политической обстановки в глубинной России после Первой русской революции (1905). Считалось, что значительным литературным явлением «Городок Окуров» сделал «показ того, как мещанская косность и бедность разума перерастали в ограниченность и реакцию политическую», а «окуровщина» «как олицетворение ветхозаветной замкнутости и враждебности ко всему новому быстро стала нарицательным понятием» [1, с. 313]. Утверждалось, что в мещанстве, изображенном в окуровском цикле, «Горький видит один из оплотов царского самодержавия, а в умонастроении его — социальную почву реакционных антидемократических идей» [2, с. 245]. В подобного рода суждениях, кочевавших из

учебника в учебник, напоминающих отслужившие свое время пособия по истории политических движений, на первое место ставилась позиция «писателя-социалиста», но не художественные достоинства произведения.

На последнюю роль в «политизации» произведения сыграли слова самого Горького, сказанные им в советское время в статье «О самом главном» (1932): «Исчезают древние городки Окуровы, гнездища тупых мещан, людей ленивого ума, мелких паразитов, которые всю жизнь жульнически старались разбогатеть на крови рабочих, крестьян и умирают полунищими. Вместо Окуровых в центрах промышленности создаются новые, социалистические города, уничтожая в стране древний идиотизм мещанства, скопища деревянных особнячков, в три окна, душевные чуланы... где изо дня в день непрерывно шла мелкая борьба зоологического индивидуализма слепых, самолюбия, самости, ячества, зависти, жадности и всякой гадости» [3, с. 634]. Сказано в полном соответствии с идеологией 1930-х годов. Правда, в это время уже появился «Город Градов», где А. Платонов увидел новый идиотизм, а М. Зощенко, например, во всей красе показал новое мещанство. Но насколько эта хлесткая характеристика мещанства, прозвучавшая у Горького-публициста советского времени, соответствует облику окуровцев, изображенных Горьким-художником?

Ко времени появления «Городка Окурова» русская литература и журналистика накопили огромный опыт в исследовании отечественной провинции [4,

с. 625]. И этот художественный опыт отечественной литературы и журналистики XVIII—XIX веков, конечно же, был востребован М. Горьким-художником, что не позволило ему прибегнуть к однозначной оценке провинции. Можно, наверное, увидеть элементы откровенно-сатирического изображения, например, в начальной характеристике Окурова и окуривцев. В частности, в мрачноватом колорите города, который «имеет форму намогильного креста: в комле женский монастырь и кладбище, вершину — Заречье — отрезала Путаница, на левом крыле — серая от старости тюрьма, а на правом — ветхая усадьба господ Бубновых...» [3, с. 8]. Или в авторской иронии по отношению к более богатым жителям Окурова: «Жили на Шихане благодушно и не очень голодно, предугадывая начало повинувались мирно, старину помнили крепко, но, когда встречалась надобность, гибко уступали и новым требованиям времени: так, заметив избыток девиц, мещанство решило строить прогимназию.

— Всех девок, видно, замуж не выдашь, — стало быть, пусть идут на службу в учительницы!» [3, с. 9]. Но этими примерами, пожалуй, и исчерпывается «явная» ирония Горького.

Как в дореволюционных, так и в современных исследованиях темы мещанства в произведениях Горького можно встретить справедливые суждения о сложности, неоднозначности русских мещан. Несмотря на, в общем-то, негативное отношение к мещанству ему даны довольно чёткие определения с точки зрения социальной, этической, политической [5]. Но повсюду даётся понять, что это нечто однородное, постоянное. А жизнь мещан — монотонная, однообразная смена будней. Между тем еще в начале восьмидесятых годов XIX века стало меняться отношение к мещанству, обыденной жизни так называемого среднего человека. На смену обличительству приходит стремление «проникнуть в тайны современности», разобраться в них. Размышляя о переходе сатиры к «бытовым вещам», о сложности так называемого среднего человека, М. Е. Салтыков-Щедрин прозорливо заметил «потрясающие драмы», которые «переполняют жизненную обыденность» [6, с. 343]. — то, что стало затем основной темой произведений Чехова [7, с. 200].

Обращаясь к проблеме мещанства в творчестве Горького, немецкий исследователь Н. Катцер задаётся вопросом, является ли мещанство признанной социальной прослойкой или же это «воплощение неподвластной времени жизненной философии корыстного, к искусству и всему возвышенному враждебно настроенного обывателя?» [4, с. 625]. Сюда же следует отнести и вопрос о том, насколько раскрылся мир обывателя взору Горького-художника или он увиден Горьким-социал-демократом? Для ответа на эти вопросы перелистаем страницы «Городка Окурова», чтобы увидеть, насколько сложен этот слой

населения, и как в повседневной монотонной жизни окуривцев переплелись естественные, биологические и социальные начала.

Отношение современников Горького к мещанству, их противоречивые порой оценки повести «Городок Окуров» помогают понять суть горьковских мещан. Для К. Чуковского, например, мещанство — «это прославление цели и целесообразности» [8, с. 262]. Но если, по словам К. Чуковского, глубочайшая и предвечная сущность мещанства — *утилитаризм*, то можно ли в таком случае считать мещанином окуривца Павла Стрельцова, который «спрашивает у Тиунова всегда о чем-нибудь, имеющем практическое значение:

«— А что, Яков Захарыч, ежели водку чаем настоять — будет с этого мадера?» [3, с. 18].

Трудно обвинить в утилитаризме того же Павла Стрельцова, собирающегося вот уже который год сделать чайник со свистком:

«— Я, конечно, его сделаю, чайник! Со свистком хочется мне, чтоб поставил на огонь и — не думай! Он уж сам позовет, когда вскипит, — свистит он: в крышке у него свисток будет! <...> — А то — колокольчик можно приспособить! На ручке — колокольчик, а внутри, на воде — кружок, в кружке — палочка — так? Теперь — ежели крышку чайника прорезать <...>» [3, с. 19].

Следует сказать, что далеко не все современники Горького видели в «Городке Окурове» социал-демократическую подоплеку. Сразу же после публикации А. В. Амфитеатров писал автору повести: «Спасибо за вторую половину «Городка Окурова». Так как она переходная, то говорить о ней в отдельности подожду, а в целом повторяю: «Окуров» — доказательство, что Вы с каждым новым томом идёте все вперед и вперед в высоте изобразительности. *Бытовые декорации и психологический фон написаны в «Окурове» так ярко, что пред ними уже меркнет самое действие.* Да иначе и быть не может: *какое действие в городке Окурове или Теплой слободе? А народ хороший, добротный.* И пишете Вы его так, что смерть в Россию хочется» (Выделено мной. — А.И.) [9, с. 453].

Действия, событий в Окурове, действительно, не много. Окуривцы что-то прослышали о войне с японцами, вызвало тревогу временное отсутствие связи с губернией да еще убийство Симы Девушкина. Пожалуй, и всё. Но в повести передано состояние бездвижности, какого-то зыбкого покоя. И тут невольно вспоминается из школьной физики, что это состояние — одно из сложных в материальном мире. Во времена неведения о том, что же происходит в столицах, в Окурове возникало «настроение нервное, подозрительное и тоскливое» (9, с. 78). «Разбились по группам, сообразно интересам своим, смотрели друг на друга подозрительно, враждебно и не столько слушали, сколько подслушивали друг друга» (9, с. 79). «Общая тревога не угасала,

недоумение не разрешалось — среди этих людей не было сил создать одну мысль и одно чувство...». Но всё ощутимей какие-то непонятные токи, всё громче слышны слова о какой-то свободе:

«— В городе, слышь, чего-то шумят? — задумчиво молвил Четыхер.

— Н-да, шумят, был я там вчера и третьего дни: кричат все, а — что такое? И Ваила кричал — свобода, дескать, надобна, и чтобы каждый сам за себя. Это — есть! Этого — сколько хочешь! [3, с. 91].

«Городок Окуров» — не столько реалистическое воспроизведение обыденной жизни его обывателей, в повести передано *время* — это растущее беспокойство перед общественной бурей, первые признаки которой явлены в картине стихийного митинга и последовавшего за ним столкновения горожан со слободскими жителями. В то же время в повести передано мироощущение горожан, начало пробуждающегося самосознания мещанства, своего места в жизни России. Вот первая, общая авторская характеристика окурцев: «Мещане в городе юркие, но сытенькие; занимаются они торговлей красным и другим товаром на сельских ярмарках уезда, скупают пеньку, пряжу, яйца, скот и сено для губернии; жены и дочери их вяжут из разноцветных шерстей туфли, коты, шарфы, фуфайки и дорожные мешки, — это рукоделие издавна привила им монастырская школа, где почти все они учились грамоте. Город славится вязаньем, <...> и, должно быть, эта работа развила у жителей любовь к яркой окраске домов» [3, с. 8].

Но за стенами пестрых домов с цветущими палисадниками — уездный житель, который, по словам доктора Ряхина, «всё делает, но ничего не умеет». А на упрек в мрачности рассуждений ответил:

«— Такова позиция человека уездного, ибо — как сказано во всех географиях — население русских уездных городов сплошь состоит из людей, занимающихся пьянством, карточной игрой и мизантропией». Для уездных жителей, считает философствующий доктор, важно не желание конституции, которая придёт, стоит только подождать, а не торопиться. Философию Толстого он свёл к убеждению: «...ничего не делай, всё сделается само собой» [3, с. 67].

Пробовал во время начавшихся волнений объяснить что-то землякам о сути мещанства его идеолог Яков Тиунов, но забыл, что перед ним — «люди, привыкшие жить и думать одиноко — издревле отученные верить друг другу. На улицу, к миру, выходили не для того, чтобы поделиться с ним своими мыслями, урвать чужое, схватить его и, принеся домой истереть, измельчить в голове, между привычными тяжелыми мыслями о буднях ...» [3, с. 71].

О том, что Окуров — это не что-то однородное, собирательное, — говорится в самом начале повести. Это город, разделенный рекой Путаницей «на две равные части: Шихан, где живут лучшие люди, и Заречье — там ютится низкое мещанство» [3, с. 7].

Окуров — не просто провинция, но провинция, которая начинает осознавать свое место в России:

«— Вот, иной раздумаю я — Россия! Как это понять — Россия?» — задается вопросом печник Марк Ключников. И слышит издавшего виды Якова Тиунова:

— Что ж — Россия? Государство она, бесспорно, уездное. Губернских-то городов — считай — десятка четыре, а уездных — тысячи, поди-ка! Тут тебе и Россия.

Помолчав, он добавил:

— Однако — хорошая сторона, только надо это понять, чем хороша, надо посмотреть на нее, на Русь, пристально...» [3, с. 17].

Обобщающие характеристики окурцев несколько не затмевают индивидуальных. Среди жителей окурцевской слободы своего рода белой вороной является местный поэт Сима Девушкин: «Юноше нравилось читать свои сочинения этому человеку, и он для него читал особенно: не торопясь, мягким шепотом, старался придать любимым словам особую значительность и порою таинственно толкал слушателя, подчеркивая этим толчком слово или строчку, которые ему казались особенно важными» [3, с. 50].

Каким же чудодейственным образом влияла на душу «квадратного» Четыхера — сторожа притона — незамысловатая поэзия Симы Девушкина:

«— Ну-ка еще! — просил Четыхер, разглядывая из-под мохнатых рыжих бровей серебристое сияние Млечного Пути, радостное горение звезд, медленный ход медного круга луны или тихий бег облаков; смотрел Четыхер, слушал и, двигая плечом, незаметно крестился» [31, с. 50—51].

С нескрываемым детским любопытством смотрит Павел Стрельцов на привычные вещи:

— Вот тоже сахар возьмем — отчего из березового сока сахар не делать? Сок — сладкий, березы — много!

Ему никто не отвечает.

— Также и лён, — почему только лён? А может, и осока, и всякая другая трава годится в дело? Надо всё испробовать!» [3, с. 24].

Не меньшую загадку для местных жителей, чем Тиунов, представляет собой и Ваила Бурмистров: красивый, сильный, склонный к безудержному бунтарству и — доносчик.

Это разнообразие лиц обывателей Окурова — еще одно свидетельство тому, что мещанство — не одноликая, серая масса, а окурцы — обыватели, старающиеся понять себя. Повидавший жизнь Яков Тиунов, которого принято было считать идеологом мещанства, спрашивает поэта Симы Девушкина:

«— Как же это ты сочиняешь, интересно мне?

Юноша обрадовался, охотно и легко стал говорить» [3, с. 52]. Стал говорить о том, как и о чем он думает, как приходят стихи и почему они такие грустные. Что хотел услышать в его стихах Яков Ти-

унов? Но, видимо, что-то затронуто было в его душе, и грустно и ласково он воскликнул:

«– Эхе-хе, дурачок!» [3, с. 53].

Стихи Девушкина о бедности, о смерти и об одиночестве заставили Якова Тиунова сказать автору меланхолической поэзии, что «все это, конечно, действует в жизни <...>, а людей однако не одолевает». Какую память о себе оставят не злодей, не добрый человек, а такие как Яков Тиунов и Семен Девушкин? Об этом, по мнению Тиунова, следовало бы задуматься молодому поэту.

Именно во время этой продолжительной беседы Тиунов коснулся вопроса о месте мещанства: «Живут в России люди, называемые — мещане. Кто их несчастнее? — подумай. Есть цыгане, они всё бродяжат, по ярмаркам — мужиков лошадьми обманывают, по деревням — кур воруют. Может, они и не делают ничего такого, ну уж так говорится про них. А мещане хоть больше на одном месте трутся — но тоже самые бесполезные в мире жители...» [3, с. 55].

Начавшуюся войну с японцами окурловцы, как и вся Россия, поначалу встретили с уверенностью:

«– Вздует! <...> — Японсы? Разумному человеку даже смешно самое это слово!»

В Заречье разговоры о войне «вызывали равнодушное эхо:

– Накладем!

И долго несчастья войны не могли поколебать эту мертвую уверенность» [3, с. 25].

«И только один Тиунов вдруг весь подобрался <...>:

– Кто воюет? Россия, Русь! А воеводы кто? Немцы!» [3, с. 25—26].

При этих словах Тиунова вспоминаются некоторые фамилии военачальников Русско-японской войны: Штакельберга Г. К. (не пользовавшийся у солдат популярностью командующий 1-м Сибирским армейским корпусом), Бильдерлинга А. А. (командующий 3-й армией), Каульбарса А. В. (командующий 2-й Маньчжурской армией), П. К. Ренненкампа (командующий Забайкальской казацкой дивизии).

«– Какие они немцы? — неохотно возражали слушатели. — Чай, лет сто русский хлеб ели!» [3, с. 26].

Напомним, что родившись в России, такие офицеры зарекомендовали себя храбрыми воинами и в Первую мировую войну.

«– Репой волка накормишь? Можешь? — серьезно спрашивает Тиунов. — Вы бы послушали, что в городе канатчик Кожемякин говорит про них! Да я и сам знаю!» [3, с. 26].

Заметим при этом, что во время поражений в начавшейся через пять лет Первой мировой войне среди огромной части населения бытовало убеждение, что причиной тому и немецкая кровь у императрицы.

Говоря об особенностях прозы дореволюционного Горького, тот же К. Чуковский заметил: «И в «Исповеди», и в «Городке Окурове», и в «Кожемякине» —

всюду пестрота и широта панорамы, множество весело-написанных лиц, темпераментный размах композиции, самые яркие краски...» [10]. Если же говорить о социальном содержании повести, то можно подчеркнуть, что в «Городке Окурове», в жизни его персонажей, намечается переход из одного состояния в другое, из состояния покоя в движение. Повесть интересна проникновением мысли в изображение. Пробуждающееся сознание необходимости (или возможности?) прежде всего социальных перемен потребует ответа на вопрос: в чем же заключается протест против социальной косности провинции?

Повестью «Городок Окуров» не завершилось исследование провинциального мещанства. Характерно, что уже после написания «Городка Окуров», в июне 1910 г., Горький обратился к Амфитеатрову: «Нет ли у вас в библиотеке истории каких-нибудь уездных городов? Шуи, Клины, Чухломы, Арзамаса? Если есть — пришлите, усердно прошу! Губернских — не надо, имею» [9, с. 473]. В его библиотеке уже были книги об Угличе, о Коврове, о Ростове Великом и др. Скорее всего, М. Горький чувствовал потребность в дальнейшем всестороннем погружении в далеко не простой мир уездной России.

В статьях, посвященных творчеству М. Горького начала века, Д. Филосов не раз задавался вопросом о противостоянии Горького-художника Горькому-социал-демократу. На наш взгляд, заслуга Горького-художника в том, что вопреки своему отрицательному отношению к мещанству идеологическому, вопреки доминировавшему в отечественной литературе сатирическому изображению жалкого существования подмастерья, ремесленника, мелкого чиновника он не стал изображать лишь негативное в жизни обывателей русского предместья. Мещанство в «Городке Окурове» — это еще не устоявшаяся, только что начинающая осознать себя среда. Горьковские мещане в данном случае — уже не глуповцы, но еще и не градовцы. В начале XX века, в обстановке накаляющейся классовой борьбы и приближающихся революционных катаклизмов эта пробуждающаяся сила, говоря словами Д. Филосова, может послужить или добру, или злу, приложиться к рычагу или дьявольскому, или божескому» [11]. Сколько бы еще понадобилось *мирного* времени, чтобы каждому из окурловцев обрести чувство собственного достоинства, осознать себя как личность?

В 1911 г. М. Горький в письме П. Х. Максимову сказал по поводу «Городка Окурова»: «...Вы говорите: “не видал Окурова, у нас на юге таких городов нет”. Знаю, что ваши Окуровы поживее наших, но больше таких, как наши, их свыше 800. Да к ним же отнесите города, подобно Симбирску, Пензе, Рязани, Калуге — много их. И заключены в них великие миллионы русских людей» [3, 633]. Так что судьба окурловцев — это отчасти и судьба многомиллионной российской провинции накануне великих потрясений.

ЛИТЕРАТУРА

1. История русской литературы: В 4 т. Т. 4. Литература конца XIX — начала XX века (1881—1917). — Ленинград: Наука, 1983.
2. Соколов А. Г. История русской литературы конца XIX — начала XX века / А. Г. Соколов. — Москва: Высшая школа, 1984.
3. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 9. Повести. 1909—1912 / М. Горький. — Москва: ГИХЛ, 1950.
4. Катцер Н. Горький, мещане, мещанство / Н. Катцер // Максим Горький и литературные искания XX столетия. Горьковские чтения. — 2002: Материалы Международной конференции. — Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2004. — С. 625—636.
5. Зайонц Л. «Провинция»: опыт историографии / Л. Зайонц // Отечественные записки. — 2006. — № 5. — С. 27—43.
6. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 16. Кн. 2. / М. Е. Салтыков-Щедрин. — Москва: Художественная

литература, 1974.

7. Катаев В. Б. Щедринское и нещедринское в русской сатире конца XIX века / В. Б. Катаев // М. Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира XVIII — XX веков. — Москва: Наследие, 1998.
8. История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страды и Ефима Эткинда. — Москва: Изд. группа «Прогресс» — «Литера», 1995.
9. Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. — Москва: Наука, 1988.
10. Чуковский К. Две души М. Горького / К. Чуковский. — URL: <http://maximgorkiy.narod.ru/ON/chukovsky.htm> (дата обращения 8.08. 2017).
11. Филосов Д. В. Конец Горького / Д. В. Филосов. — URL: http://dugward.ru/library/filosofov/filosofov_konec_gorkogo.html (дата обращения 8.08. 2017).

*Тамбовский государственный университет
Иванов А. И., профессор кафедры русской и зарубежной
литературы, журналистики
E-mail: ivanov_ai@bk.ru*

*Tambov State University named after G. R. Derzhavin,
Ivanov A. I., Professor at the Russian and Foreign Literature
Department
E-mail: ivanov_ai@bk.ru*

ГОТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ СТИВЕНА КИНГА «СИЯНИЕ»

Ю. Ю. Иванов

Литературный институт им. А. М. Горького

Поступила в редакцию 13 февраля 2018 г.

Аннотация: в статье впервые в российском научном контексте устанавливаются взаимосвязи романа Стивена Кинга «Сияние» с произведениями других авторов в жанре готического романа, по результатам чего делается вывод об уникальном творческом методе писателя, включающем элементы психологизма, социальной драмы, американской культуры и собственно готического романа.

Ключевые слова: готический роман, литература ужасов, интертекстуальность, психологизм, социальная драма, американская культура.

Abstract: in the article for the first time in the Russian scientific context the author establishes the connection of the Stephen King's novel «The Shining» with the creative works of the other writers in a genre of Gothic fiction; in the results of the study the author concludes that the writer's creative method is unique and includes the elements of psychology, social drama, American culture and Gothic fiction itself.

Keywords: gothic fiction, horror literature, intertextuality, psychology, social drama, American culture.

В 1934 году философ и культуролог Михаил Бахтин в работе «Слово в романе» отметил, что «слово рождается в диалоге, как его живая реплика, формируется в диалогическом взаимодействии с чужим словом в предмете» [1, 33]. Полстолетия спустя представитель постструктурализма Юлия Кристева, подхватив идею диалогичности текстов Бахтина, разработала свою теорию интертекстуальности, согласно которой между всеми текстами всегда есть явные и неявные связи, что выражается во взаимном цитировании, а также в том, что «в любом поэтическом высказывании можно прочесть сразу несколько иных дискурсов» [2, 270].

Американский писатель-беллетрист Стивен Кинг в своей монографии об эволюции жанра ужасов в американской культуре «Пляска смерти» (1981) признал, что на его творчество в основном повлияли его соотечественники Эдгар Алан По и Натаниэль Готорн. Эти романтики мистического толка безусловно сформировали Стивена Кинга как творческую фигуру, и не только напрямую, но и в целом через всю литературу ужасов, так как являются основоположниками жанра. Вместе с тем при сопоставлении творчества американского писателя с творчеством других авторов можно с уверенностью сказать, что Кингом «впитано и трансформировано» текстов намного больше, чем собрание сочинений Э. А. По и Н. Готорна. К примеру, роман Кинга «Сияние» (1977) имеет большое количество отсылок к роману американского писателя и публициста Чарльза Брокдена Брауна «Виланд», который жил в последней трети XVIII века и является предшественником упомянутых романтиков, хотя о нем Стивен Кинг в своей монографии практически не упоминает. При этом связи между романами довольно сильные и очевидные:

оба используют элементы закрытого пространства, семейного насилия и фанатизма.

Указанное не умаляет, а только подтверждает теорию интертекстуальности, так как очевидно, что Браун повлиял на Э. А. По и Н. Готорна, а они, в свою очередь, повлияли на Кинга. Но в то же время это дает нам мотивацию исследовать корни творчества Стивена Кинга глубже, не ограничиваясь его соотечественниками и условным временем зарождения американской литературы ужасов. В этом контексте будет вполне оправданным сопоставить роман «Сияние» с более ранним жанром готического романа, элементы которого американский писатель, безусловно, наследует.

Готический роман является квинтэссенцией всех иррациональных проявлений романтизма и мистицизма. Его возникновение во второй половине XVIII века является закономерным, так как он, по сути, представляет собой реакцию на удушающий рационализм Просвещения. Российский исследователь готической традиции Бэлла Напцок довольно точно выразилась о причинах возникновения этого жанра: «Созерцание «готических» руин, замков, монастырей, повышенная чувствительность, развитое воображение, тяга к таинственному, сверхъестественному, эстетические идеи о природе страха, ужаса и других отрицательных эмоций — все это позволило создать в английской эстетике и литературе оппозиционную систему художественного восприятия, основанную на признании загадочности и непознаваемости бытия, а главное — представить новую концепцию литературной традиции» [3, 6].

Готический роман фактически имеет свою дату рождения — 1764 год, когда английский писатель с тонкой душевной организацией Гораций Уолпол (Horace Walpole) анонимно опубликовал свой зна-

менитый «Замок Отранто». Сам писатель к названию романа добавил подзаголовок «a gothic story», что дало имя и направление целому жанру. Фактически, это литература ужасов, так как главной целью готического романа является напугать или шокировать читателя проявлениями сверхъестественного порядка (в основном, призраками). Если из готического романа убрать все необъяснимые явления, то он стремится к реализму, так как персонажи в нем обычно представляют собой обычных людей с обычными проблемами для своего времени. Так, в «Замке Отранто» существенную часть текста занимают мысли пожилого владельца замка Манфреда по поводу законности наследства, развода с опостылевшей женой и нового брака с молодой красавицей — в целом, характерные мысли для типичного феодала XVIII века. Романтические же тенденции в основном проявляются после сверхъестественного поворотного события, когда поведение повергнутых в ужас персонажей становится неестественным, идеалистическим. Например, абсолютно неестественной можно назвать сцену, когда дочь Манфреда Матильда, заколотая кинжалом своим безумным отцом и истекающая из-за этого кровью, находит время и силы пространно просить у него прощения за прошлые обиды и недопонимания [4, 198].

Страшные явления, которые происходят в замке Отранто и которые могли напугать читателя XVIII–XIX веков, в наше время смотрятся комично — как, например, огромный рыцарский шлем, упавший с неба, или оживший портрет. Ужас стареющей Ипполиты по поводу предстоящего развода, о котором она узнает случайно, выглядит куда более страшным и убедительным в романе, чем все паранормальные явления вместе взятые (и действительно, положение женщины и ее права в то время были такие, что любое изменение ее статуса в обществе зачастую несло негативные и даже плачевные последствия). В этом плане литература ужасов имеет серьезный недостаток в виде жизнеспособности самих ужасов — новое поколение обычно перестает воспринимать и понимать эстетику ужаса старшего поколения. К слову сказать, идея оживших портретов в наше время используется в основном в детской литературе, как, например, в серии романов «Гарри Поттер» Джоан Ролинг [5, 161].

Сейчас практически невозможно представить, чтобы серьезно написанный роман о доме с призраками стал культурно значимым явлением или хотя бы чтобы за эту тему, без постмодернистской иронии, взялся крупный авторитетный писатель (как, например, в 1898 году это сделал Генри Джеймс со своей повестью «Поворот винта»). Даже в более раннем по отношению к «Сиянию» романе Ричарда Матесона «Адский дом» (1971) автор начинает как бы с извинения: «Он ощущал себя персонажем одного из современных готических романов» [6, 7]. Роман

же Стивена Кинга «Сияние» (об отеле с призраками) в 1977 году разошелся по всему миру тиражом более трех миллионов экземпляров. Важно тут то, что роман действительно написан «серьезно» — без иронии и практически без чувства юмора. То есть плохой отель и призраки действительно полагаются как могущими быть и, мало того, способными нагнетать страх и трепет. В этом контексте можно предположить, что человеческий страх эволюционировал: если во второй половине XX века все еще тлеют концепции романтизма и мистицизма, то в XXI они уже полностью растаптываются научным сознанием — человеку теперь более свойственно бояться неконтролируемого искусственного интеллекта или безответственных генетических манипуляций, чем привидений или вампиров. Наука одерживает победу во всех областях человеческой деятельности, даже в литературе: любое иррациональное начало в творческом тексте сознательно или бессознательно препарируется рациональным подходом (например, преступления монаха Амбросио, главного героя романа М. Г. Льюиса «Монах», в наше время скорее бы объяснили психопатологическими причинами, нежели сатанинскими).

В связи с указанными тенденциями литературные жанры либо трансформируются, либо, если не смогли адаптироваться, перестают двигаться дальше. В литературе ужасов элементы мистики и романтизма все чаще вытесняются элементами научной фантастики, схожие по своим функциям (например, при манипулировании эмоцией страха). А роман «Сияние», вполне возможно, не что иное, как последние конвульсии готического романа как жанра.

В романе Стивена Кинга, конечно, нет такой откровенной наивности готического романа прошлых веков, однако его способы устрашения, характерные для мистики 70-х годов (например, оживший пожарный шланг), сейчас также смотрятся довольно неубедительно. Вместе с тем, именно это стремление автора напугать читателя паранормальными явлениями, а также локация в виде замкнутого пространства (готический замок у Уолпола и заброшенный отель у Кинга) и являются главными причинами, по которым роман «Сияние» можно отнести к наследнику жанра готического романа¹.

В данном вопросе также нельзя не согласиться с самим Стивеном Кингом, который в монографии «Пляска смерти» утверждает, что любая история об ужасном — это всегда аллегория, символизация наших фобий, и пугают нас, прежде всего, не сами ужасные вещи и явления, а то, что они являются отклонением от нормы, ведь отсутствие порядка по-

¹ Многие исследователи, включая российского литературоведа Евгения Жаринова, указывают в своих работах на прямую взаимосвязь английского готического романа с современной литературой ужасов [7, 200].

тенциально несет разрушение и смерть [7, 57]. Таким образом, при анализе готического произведения в принципе не важно, какими именно средствами автор пытается устроить читателя, главное — это какие базовые темы автор поднимает в своей метафоре.

Так, преемственность между «Замком Отранто» и «Сиянием» присутствует не только в методе устрашения читателя, но и в общей моральной основе. Сюжет романа Уолпола строится на стремлении феодала Манфреда любыми средствами сохранить в собственности замок Отранто, однако из-за различных ужасных событий у него это не получается. Зная, что предки Манфреда захватили замок незаконно, читатель может сделать несложный моральный вывод: мы отвечаем за грехи своих отцов. Образ призрака в готическом романе — это всегда метафора неразрешенного прошлого. Манфред борется не столько с реальными призраками, сколько с призраками прошлого, и они не дают ему покоя именно потому, что его предки — это его кровь, и, соответственно, это он сам.

Современная мораль отрицает принцип ответственности человека за действия своего совершеннолетнего и дееспособного родственника. Принцип талиона («око за око») был отменен уже во времена написания романа «Замок Отранто», однако, безусловно, читатель XVIII века определял страдания Манфреда как справедливые, так как идея мести была ему еще близка (существовали, к примеру, дуэли). Для современного человека такая взаимосвязь покажется нелогичной, так как с его точки зрения преступление взрослого человека — это сугубо его личная ответственность. По этой причине в наше время роман можно признать морально устаревшим.

Между тем Стивен Кинг в своем романе «Сияние» наследует идею родственной взаимосвязи, однако, конечно, в современном варианте: в контексте психологическом, а не кровной ответственности.

По сюжету романа супруги Джек и Венди Торранс с сыном Дэнни поселяются на зимний период в горный отель «Оверлук», где глава семейства устраивается смотрителем. Джек Торранс — бывший преподаватель и начинающий писатель, его характер сильно изменился после женитьбы, он начал распускать руки и выпивать². С прошлой работы его уволили за то, что он избил ученика, который проколол шины его автомобиля, а в одно из своих похмельий он случайно сломал руку маленькому Дэнни.

В романе подробно в психологическом ключе объясняются агрессия и алкоголизм Джека: его отец был

еще более запойным алкоголиком, который жестоко избивал его мать. Семья Джека была из рабочего класса, и в целом его детство было тяжелым. Он сам добился более сносной жизни, но сомнительное отцовское воспитание дает о себе знать: Джек тоже не может найти счастья и гармонии в семейной жизни.

Эта своеобразная эстафета несчастья и подтверждает наличие в романах Кинга и Уолпола одной универсальной моральной основы: оба произведения говорят об ответственности за грехи своих отцов. При этом каждый из романов находится в парадигме своего времени: «Замок Отранто» построен на средневековом мировоззрении, «Сияние» — на современном фрейдовском психоанализе.

Однако, если между английским романом XVIII века и американским романом XX века преемственные черты можно находить только в общем порядке, то у своего соотечественника Чарльза Брокдена Брауна автор «Сияния» наследует традиции готического жанра более явно и конкретно.

Чарльз Брокден Браун опубликовал свой первый и главный роман «Виланд» в 1798 году. По сюжету романа, который ведется от лица Клары Виланд, ее брат, Теодор Виланд сходит с ума на религиозной почве и убивает своих детей и жену. Теодор видит необычный свет и слышит странный голос, которые он принимает за проявления божественного. Голос приказывает Теодору убить свою семью, что он и делает. Впоследствии выясняется, что голос принадлежит их общему знакомому Карвину, который обладает способностью чревоуговещания. Теодор не выносит открывшейся правды и совершает самоубийство.

Роман Брауна одновременно удивителен и типичен для своего времени и своей страны. Удивителен он тем, что строгая пуританская мораль еще имела сильные позиции в конце XVIII века в США, а сюжет романа фактически осуждает религиозный фанатизм и объясняет все проявления божественного в скептическом ключе. Типичен же он в том, что американскому менталитету в принципе свойственно нарушать любые запреты и табу, открывая и завоевывая новые пространства, что, в свою очередь, обусловлено психологией фронта [10, 27]. Примечательно в этом смысле объяснение своей религиозности главной героиней романа:

«Мы не искали основы для нашей веры, не взвешивали доказательств и не анализировали убеждений. Наша религиозность была смешанным и легковесным чувством, о котором мы редко говорили, которое усердно не искали и которое бережно не хранили» [3, 24].

Более того, после безумных преступлений своего брата Клара Виланд приходит к более конкретному выводу, говоря, что «религиозные предрассудки достойны презрения». При этом, однако, надо учитывать, что роман не является атеистическим по сути,

² В своей книге «Король темной стороны: Стивен Кинг в Америке и России» переводчик большинства произведений писателя Вадим Эрлихман отмечает, что автор часто вносит в романы автобиографические моменты, в том числе и свою проблему с алкоголизмом [9, 115].

так как главная героиня романа — соответствующая своему времени христианка и пуританка. Она только осуждает религиозный фанатизм, но не отрицает религию в принципе, так как это было невозможно в ее обществе, как, впрочем, и в обществе самого автора романа. Также важно учитывать, что роман «Виланд» не является прогрессивным по форме, так как в нем присутствуют элементы самого наивного сентиментализма³: бесконечные причитания, слезы и восклицания главной героини не дадут нам обмануться во времени его написания.

Вместе с тем, если для европейской литературы роман не является шагом вперед, то для американской он, безусловно, является знаковым, так как несет в себе черты американского менталитета, как, например, стремление к рационализации фантастического. Учитывая, что Чарльз Браун является практически первым профессиональным литератором Америки, можно сказать, что именно он заложил основы американского готического романа. Особенности национального характера побудили писателя избавиться от таких элементов западноевропейского готического романа, как народные суеверия, готические замки, средневековые мотивы и другие сугубо иррациональные моменты. Наоборот, свое пристальное внимание он обратил на природу человека, в особенности на его психологию.

В романе «Виланд» ужасное мы видим не только в кровавых и страшных сценах, но и в том согласии с мыслью автора, что слабого человека невероятно легко вовлечь в пучину религиозного фанатизма, во имя которого он способен убивать близких себе людей. В этом смысле писателя больше интересует зло внутреннее, чем зло внешнее.

Российский исследователь американской литературы Борис Гиленсон так описывает творческий метод Чарльза Брауна:

«Браун трансформировал готический роман: сцены ужаса, брутальности он смягчает, придавая им психологическую мотивацию. Браун изображает психические отклонения, патологию в поведении людей (с этой целью он штудировал медицинские журналы); в его романах присутствуют мотивы. Сюжеты Брауна, как правило, драматичны и увлекательны» [12, 43].

Описывая творчество Брауна, Гиленсон словно говорит о творчестве Стивена Кинга: его романы тоже, как правило, драматичны и увлекательны, а самое главное — психологичны, так как Кинг также в первую очередь интересуется не ужасами, а патологией в поведении людей.

Герой романа «Сияние» Джек Торранс интересен для читателя как раз-таки своим патологическим поведением, которое выражается в алкоголизме, са-

моразушении, эскапизме и агрессии. Реальный мир с его проблемами и тяжелыми детскими воспоминаниями заставляют Джека уходить в мир алкогольного дурмана, который, в свою очередь, провоцирует у мужчины агрессию — в конце романа он пытается убить жену и малолетнего сына.

Сюжет «Сияния» подразумевает, что изменение личности Джека вызвано отцом «Оверлук», являющимся некой обителью потустороннего зла. Однако если убрать все сверхъестественные моменты, то налицо социально-психологическая драма об алкоголизме мужа и отца, от которого зависят жизнь и благополучие всей семьи.

В этом контексте (саморазрушение, эскапизм и агрессия) романы Кинга и Брауна имеют очевидные сходства: по сюжету романа «Виланд» герой Теодор также стремится к эскапизму, который впоследствии запускает механизмы саморазрушения личности и агрессии к собственной семье, идентичные тем, которые произошли с Джеком Торрансом. Отличие между «Сиянием» и «Виландом» только в том, что эскапизм Теодора не алкогольный, а религиозный, и он приводит к куда более печальным последствиям — герой «Виланда» успевает осуществить задуманное и убивает свою семью.

Роман «Виланд» основан на реальных событиях. Домашнее (семейное) насилие, а также убийство членов своей семьи — характерные преступления, известные любому обществу. Затрагивая эти темы, литература вольно или невольно пытается разобраться в причинах и механизмах такого рода преступлений. На данный момент человек не способен их предотвращать, поэтому их осмысление и отражение в современном искусстве является вполне предсказуемым.

Предшествующая американская литература о «плохом месте» не всегда содержала элемент семейного насилия. Например, в романах «Призрак дома на холме» Ширли Джексон (1959) и «Адский дом» Ричарда Мэтисона (1971) главными героями являются несколько мужчин и женщин, не связанные друг с другом семейными отношениями и решившие по собственной инициативе исследовать «проклятый» дом в научно-исследовательских целях. При этом произведение Ширли Джексон занимает особое место в литературе ужасов, так как сейчас является практически эталоном современного романа о доме с призраками. Многие современные писатели, в том числе Стивен Кинг, признают огромное влияние, которое на них произвело творчество Джексон. Так, например, в романе «Призрак дома на холме» одним из главных элементов было представление особняка «Хилл-хаус» как некоего живого существа, которое способно негативно воздействовать на эмоции человека и, как следствие, его убить. Уже в первом вводном абзаце романа Джексон дает «оживляющую» характеристику особняка, с помо-

³ В Европе сентиментализм прекратил свое существование уже в 80-е годы XVIII века.

щью которой читатель начинает воспринимать его как самостоятельного героя романа:

«Ни один живой организм не может долго существовать в условиях абсолютной реальности и не сойти с ума; говорят, сны снятся даже кузничикам и жаворонкам. Хилл-хаус, недремлющий, безумный, стоял на отшибе среди холмов, заключая в себе тьму; он стоял здесь восемьдесят лет и вполне мог простоять еще столько же. Его кирпичи плотно прилегали одни к другому, доски не скрипели, двери не хлопали; на лестницах и в галереях лежала незыблемая тишь, и то, что обитало внутри, обитало там в одиночестве» [13, 7].

Именно этот элемент материализации потустороннего зла Стивен Кинг заимствовал у Ширли Джексон, его отель «Оверлук» также нечто живое и, по сути, является полноценным антагонистом:

«Теперь хозяином положения стал отель. Может, первые происшествия были всего лишь случайностями. Может быть, те вещи, которые Дэнни видел в начале, действительно не могли причинить вреда, как не могут этого сделать страшные картинки. Но теперь ими управлял отель, и они могли обидеть и сделать больно. «Оверлук» не хотел, чтобы Дэнни шел к отцу» [14, 318].

В заключение также следует указать на аналогии между романом Кинга и уже упомянутой повестью Генри Джеймса «Поворот винта» (1898). Это произведение, возможно, повлияло на создание образа Дэнни из «Сияния». Так же, как и Дэнни, малолетние Майлс и Флора из «Поворота винта» имеют какую-то связь с призраками и способны видеть их. Немаловажным является и то, что главная героиня «Поворота винта» мисс Гидденс прибывает в «плохое место» в связи с необходимостью, так как ей была нужна работа. Джек Торранс («Сияние») также испытывал материальную нужду и тоже прибыл в отель «Оверлук» по причине трудоустройства. В довершение ко всему оба главных героя психически неустойчивы.

Вместе с тем, так как Генри Джеймс — одна из крупнейших фигур американской литературы рубежа XIX и XX веков, вполне понятно, что он не мог себе позволить написать художественный текст в спекулятивном жанре с очевидными приемами на угоду публике. Поэтому его повесть «Поворот винта» — нечто большее, чем история с призраками. Джеймс, прежде всего, исследует характер своей героини — молодой мисс Гидденс, которая устраивается гувернанткой с проживанием в аристократическом особняке, где сталкивается с явлениями мистического характера. Для более полного отображения ее характера автор ведет повествование от первого лица, а в некоторых местах, где особенно много мыслей и переживаний, стиль приближается к технике «потока сознания». Но самое главное достижение писателя в этой повести — это блестящее развитие приема «ненадежного

рассказчика», так как в какой-то момент читатель перестает доверять героине из-за обилия глаголов неопределенного чувственного восприятия (подумала, почувствовала, показалось), а также некоторых моментов сюжета, которые свидетельствуют о ее чрезмерной эмоциональности и мнительности. Среди литературных критиков до сих пор ведутся споры, является ли повесть примером готического жанра либо же это зарисовка на тему психически неадекватного сознания. Генри Джеймс изначально добивался такого эффекта, так как в предисловии к повести подстегнул читателя к свободе интерпретации и дал при этом небольшую подсказку: «ее характер достаточно показан в той мере, в какой он отражает ее тревоги» [15, 400].

По мнению некоторых критиков, Стивен Кинг также стремился к неоднозначности интерпретации романа, добавив главному герою «Сияния» такую черту, как пристрастие к алкоголю. Согласно этой версии все ужасные явления и события на самом деле происходят в воспаленном мозгу алкоголика, который таким образом пытается справиться с неконтролируемой агрессией к своей семье.

Подводя итоги, можно констатировать высокую степень интертекстуальности романа Стивена Кинга «Сияние» в контексте американской литературы и культуры. Вполне возможно, что отсылки и цитирование произведены намеренно, так как Стивен Кинг — филолог и бакалавр искусств, пишет литературоведческие монографии. Более того, в своем исследовании литературы ужасов «Пляска смерти» он демонстрирует увлеченность жанром готического романа, а также много размышляет об архетипе «плохого места».

Наследуя в своем романе элементы творчества Эдгара Аллана По, Натаниэля Готорна, Горація Уолпола, Чарльза Брокдена Брауна, Ширли Джексон, Генри Джеймса и других авторов Стивен Кинг тем самым развивает в целом литературу ужасов, переосмысливая и осовременивая жанр готического романа. При этом заслуга писателя состоит, прежде всего, в том, что он неповторимым и самобытным способом смешивает в романе «Сияние» элементы психологизма, социальной драмы, американской культуры и того же готического романа, что уже, в свою очередь, обеспечивает ему статус одного из самых ярких и интересных современных писателей мирового масштаба.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 т. Том. 3 / М. М. Бахтин. — М.: Русское слово, 2012. — 877 с.
2. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. — М.: РОССПЭН, 2004. — 652 с.
3. Напцок Б. Р. Традиция литературной «готики»: генезис, эстетика, жанровая типология и поэтика: дис. ... докт. филол. наук / Б. Р. Напцок. — Краснодар: Кубан. гос. унив., 2016. — 479 с.

4. Уолпол Г. Замок Отранто / Г. Уолпол. — СПб.: Азбука, 2011. — 218 с.
5. Ролинг Д. К. Гарри Поттер и философский камень / Д. К. Ролинг. — М.: РОСМЭН, 2009. — 397 с.
6. Матесон Р. Адский дом / Р. Матесон. — М.: Эксмо, 2006. — 366 с.
7. Кинг С. Пляска смерти / С. Кинг. — М.: АСТ, 2011. — 505 с.
8. Жаринов Е. В. Историко-литературные корни массовой беллетристики: дис. ... докт. филол. наук / Е. В. Жаринов. — М.: МГОПУ, 1999. — 388 с.
9. Эрлихман В. В. Король темной стороны: Стивен Кинг в Америке и России / В. В. Эрлихман. — СПб.: Амфора, 2006. — 381 с.
10. Аллен У. Традиция и мечта / У. Аллен. — М.: Прогресс, 1970. — 424 с.
11. Браун Ч. Б. Виланд / Ч. Б. Браун. — М.: Терра, 1998. — 309 с.
12. Гиленсон Б. А. История литературы США / Б. А. Гиленсон. — М.: Академия, 2003. — 703 с.
13. Джексон Ш. Призрак дома на холме / Ш. Джексон. — М.: Эксмо, 2011. — 315 с.
14. Кинг С. Сияние / С. Кинг. — М.: Экоцентр, 1992. — 461 с.
15. Джеймс Г. Поворот винта / Г. Джеймс. — СПб.: Азбука-Классика, 2005. — 413 с.

*Литературный институт им. А. М. Горького
Иванов Ю. Ю., аспирант кафедры зарубежной литературы*

*Literary Institute A. M. Gorky
Ivanov Yu. Yu., Postgraduate Student of the Department of Foreign Literature*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ

И. П. Конопелько

Воронежский государственный педагогический университет

И. А. Стернин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 марта 2018 г.

Аннотация: в данной статье представлена методика сопоставительного анализа ассоциативных полей лексем «дело» и «affaire» в русском и французском языках. Со словом «дело» проведен свободный ассоциативный эксперимент с носителями русского языка. Результаты были сопоставлены с ассоциативным полем одноименного стимула «affaire» во французском ассоциативном словаре.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, русский язык, французский язык, слово-стимул, значение.

Abstract: this article presents a method of comparative analysis of associative fields of lexemes «дело» and «affaire» in Russian and French. With the word «дело» a free associative experiment with native Russian speakers was conducted. The results were compared with the associative field of the same stimulus «affaire» in the French associative dictionary.

Keywords: comparative analysis, Russian language, French language, the word-stimulus meaning.

В настоящее время психолингвистика становится, по справедливому высказыванию Е. И. Горошко, «одним из приоритетных направлений в современной лингвистической науке» [1, 36]. Активное развитие психолингвистики обогащает лингвистику новыми методами и результатами. В настоящее время уже созданы многочисленные ассоциативные словари, которые содержат богатый языковой материал, позволяющий судить о реальной семантике слова в языке, периферийных компонентах значения, тенденциях развития семантики, групповых и национальных особенностях семантики слова. Разрабатывается проблема психолингвистического описания семантики слова [2].

Основной метод психолингвистики — ассоциативный эксперимент. В. П. Белянин так определяет основные цели ассоциативного эксперимента: «понимание ассоциативного ряда усредненного респондента; построение и анализ ассоциативных взаимосвязей между словами, поиск закономерностей; формирование ассоциативного словаря» [3, 204—212]. Легко заметить, что в числе задач ассоциативного эксперимента автор не видит межъязыкового сопоставления ассоциативных полей. С нашей точки зрения, сопоставительный анализ ассоциативных полей весьма важен: при сопоставлении ассоциативных полей одноименных стимулов, полученных от испытуемых — носителей разных языков, нельзя не заметить, что эти поля всегда обладают суще-

ственной национальной спецификой, что отражает национальную специфику семантики слов-стимулов. Однако до настоящего времени не разработаны методы и принципы сопоставительного анализа ассоциативных полей одноименных стимулов разных языков в интересах выявления и описания их национальной специфики. Этому посвящена данная статья.

Нами была проанализирована лексема «ДЕЛО» в русском и «AFFAIRE» во французском языках. Со словом «ДЕЛО» был проведен свободный ассоциативный эксперимент с носителями русского языка. Результаты были сопоставлены с ассоциативным полем одноименного стимула «AFFAIRE» во французском ассоциативном словаре М. Дебрэн [4]. Представим полученные результаты.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ СТИМУЛА ДЕЛО

Дело 98 — сделано 9, жизни 5, в шляпе 4, дряннь, мое, номер 3, бизнес, время, делать, мокрое, папка, работа, уголовное 2, 13, N03217, N107, N131, N3, N67, N..., альманах со стихами Д. А. Пригова, было, было так, в жизнь, времени, всей жизни, грабеж, для мужчины, досье, закончилось, закончить, закрытие, закрыто, Ильича, к своему другу, каждого, картонная папка, КГБ, любимое, мастер, милиция, надо работать, надоело, начато, начатое, не ждет, не идет, не твое, не умеешь-не воруй, незаконченное, новое, нужное, ОК, пестрых, потребность, пошло веселее, прибыльное, проиграно, производитель, сделать, серьезно, случая, собственное, судебное, табак, труд, хорошее, худо, цифра, чести 1.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ СТИМУЛА AFFAIRE

Affaire 485 — business 91, travail 31, argent, chose 28, vêtement 27, commerce, dossier, homme 10, cas, valise 8, entreprise, justice, sac 7, économie, habit, marché 6, état, histoire 5, classé, finance, matériel 4, bonne, bourse, bureau, chiffre, classée, contrat, crime, étrangère, famille, négoce, objet, procès, solde 3, attaché-case, banque, business, boulot, conclue, deal, finances, intérêt, mallette, négociation, occasion, personnel, personnelle, possession, pressante, rangement, rendez-vous, travailler, trucs, vêtements, voyage 2, accessoire, achat, adultère, à faire, appartenance, avocat, bagage, bazar, bien, biens, bon plan, brocante, budget, cabinet, cartable, certaine, choses, classe, classer, classeur, client, comptable, corruption, costume, courante, criminelle, défaire, désordre, d'état, d'Etat, devis, dextérité, droit, ebay, en or, enquête, escroc, étude, fric, futiles, habillé, immeuble, industrie, internationale, judiciaire, lit, litige, louche, métier, meurtre, mien, négociier, net, objets, option, perdre, personne, petite, policière, politico financière, politique, porte serviette, posséder, prendre prix, problème, professionnelle, promotion, propre, propriété, ranger, réglementaire, remise, richesse, sacoche, scandale, sérieux, social, socialiste, société, soi-même, sou, suivre, test, tiroir, tourisme, transaction, travaille, tribunal, tromperie, truc, urgence, vendre 1.

Для сопоставления ассоциативных полей в языковом сознании носителей разных языков нами предлагаются следующие параметры:

- количество синтагматических и парадигматических реакций;
- актуализация прецедентных текстов;
- яркость ядра ассоциативного поля (трех самых частотных реакций);
- актуализация многозначности одноименных стимулов.

Сопоставление по данным параметрам позволяет описать ассоциативный профиль исследуемых слов-стимулов.

Ассоциативный профиль слова

	Русский язык	Французский язык
Синтагматические ассоциации	61%	8%
Парадигматические ассоциации	23%	90%
Ассоциации, актуализирующие прецедентные тексты	16%	2%
Не интерпретируемые реакции	2 или 1%	-

Яркость ядра ассоциативного поля

Стимул	Три наиболее частотные реакции	Совокупная яркость ядра (вычисляется как отношение суммы частотностей трех реакций к общему количеству ИИ)
ДЕЛО	сделано 9, жизни 5, в шляпе 4	0,18
AFFAIRE	business 91, travail 31, argent, chose 28	0,37

Анализ ассоциативных полей позволяет описать также национальную специфику семантики слов-стимулов в сравниваемых языках через описание актуализации в эксперименте многозначности соответствующего слова.

ДЕЛО

Согласно данным современных толковых словарей русского языка [5, 6, 7], слово «ДЕЛО» имеет 13 системных значений. Из 13 системных значений слова ДЕЛО в русском языке в современном языковом сознании носителей языка представлены 6. Ассоциативное поле подтверждает актуальность для языкового сознания современных носителей русского языка следующих значений:

- работа, занятие, действие — 32 реакции: *сделано 9, время 2, делать 2, работа 2, было 1, для мужчины 1, закончилось 1, закончить 1, любимое 1, мастер 1, надо работать 1, не ждет 1, незаконченное 1, не идет 1, новое 1, пошло веселее 1, сделать 1, серьезно 1, случая 1, труд 1, хорошее 1.*
- разг. бизнес, предприятие — 9 реакций: *мое 3, бизнес 2, потребность 1, прибыльное 1, производитель 1, собственное 1.*
- офиц. досье; набор документов, связанных общей темой — 5 реакций: *папка 2, досье 1, картонная папка 1, цифра 1.*
- деловая надобность, нужда — 13 реакций: *жизни 5, в жизнь 1, всей жизни 1, времени 1, надоело 1, не твое 1, нужное 1, каждого 1, чести 1.*
- административно-судебное разбирательство по поводу какого-нибудь события, факта; судебный процесс — 23 реакции: *номер 3, уголовное 2, мокрое 2, 13 1, N03217 1, N107 1, N131 1, N3 1, N67 1, N...1, грабеж 1, закрытие 1, закрыто 1, начато 1, начатое 1, не умеешь — не воруй 1, проиграно 1, пестрых 1, судебное 1.*
- обязанность, круг ведения — 2 реакции: *милиция 1, КГБ 1.*

Выделяются также два значения, не отраженные в словарях:

- складывающиеся обстоятельства — 11 реакций (*в шляпе 4, дрянь 3 и др.*);
- сфера деятельности — 1 реакция (*Ильича 1*).

Выявлено 2 не интерпретируемые реакции (*своему другу 1, альманах со стихами Д. А. Пригова 1*).

Таким образом, ассоциативное поле подтверждает актуальность для языкового сознания современных носителей русского языка шести системных значений из 13 (46%) и актуализирует два новых значения, не зафиксированные словарями.

AFFAIRE

По данным современных толковых словарей французского языка [8, 9, 10], слово «AFFAIRE» имеет 12 системных значений.

Ассоциативное поле подтверждает актуальность для языкового сознания современных носителей русского языка следующих значений:

- то, что нужно сделать; то, чем человек должен заниматься — 53 реакции: *travail 31, homme 10, bonne 3, boulot 2, travailler 2, bien 1, courante 1, futiles 1, métier 1, travaille 1*.
- коммерческое или промышленное предприятие — 239 реакций: *business 91, argent 28, commerce 10, valise 8, entreprise 7, économie 6, marché 6, finance 4, bourse 3, bureau 3, chiffre 3, contrat 3, négoce 3, solde 3, attaché-case 2, banque 2, bizness 2, deal 2, conclue 2, finances 2, intérêt 2, mallette 2, négociation 2, possession 2, pressante 2, rendez-vous 2, rangement 2, trucs 2, à faire 1, appartenance 1, bazar 1, biens 1, brocante 1, budget 1, cartable 1, cabinet 1, client 1, certaine 1, classe 1, classer 1, classeur 1, comptable 1, défaire 1, devis 1, industrie 1 internationale 1, immeuble 1, mien 1, négociier 1, net 1, promotion 1, propre 1, propriété 1, richesse 1, sacoche 1, sérieux 1, soi-même 1, sou 1, transaction 1, urgence 1, vendre 1*.
- криминальная ситуация, решение которой доверено суду; тяжба, судебный процесс — 48 реакций: *dossier 10, cas 8, justice 7, crime 3, procès 3, adultère 1, avocat 1, bon plan 1, corruption 1, criminelle 1, dextérité 1, droit 1, enquête 1, escroc 1, fric 1, judiciaire 1, litige 1, meurtre 1, perdre 1, policière 1, réglementaire 1, tribunal 1*.
- источник озабоченности, трудностей; опасная, пугающая ситуация — 10 реакций: *histoire 5, occasion 2, problème 1, scandale 1 tromperie 1*.
- область знаний — 31 реакция: *état 5, étrangère 3, famille 3, personnel 2, personnelle 2, voyage 2, d'état 1, d'Etat 1, tourisme 1, étude 1, option 1, petite 1, suivre 1, politique 1, politico financière 1, professionnelle 1, socialiste 1, social 1, société 1, test 1*.

Таким образом, из 12 системных значений слова AFFAIRE во французском языке в современном языковом сознании носителей французского языка представлены только 5 (42%). Кроме того, из результатов ассоциативного эксперимента выявляются два значения, не отраженные в словарях:

- одежда и аксессуары, принадлежащие человеку — 95 реакций: *chose 28, vêtement 27, sac 7, habit 6, matériel 4, objet 3, vêtements 2, accessoire 1, achat 1, bagage 1, choses 1, costume 1, désordre 1, habillé 1, lit 1, louche 1, objets 1, personne 1, porte serviette 1, tiroir 1, prendre prix 1, posséder 1, ranger 1, remise 1, truc 1*.
- выгодное дело, приносящее прибыль — 1 реакция: *enor 1*.

Не интерпретируемых реакций нет.

Актуализация многозначности слова-стимула AFFAIRE

	Русский язык	Французский язык
Значения слова, зафиксированные в словарях	13	12
Подтвержденные экспериментом словарные значения	6	5
Не подтвержденные экспериментом словарные значения	7	7
Значения, не зафиксированные в словарях, но выявленные в ходе эксперимента	2	2

Проведенное исследование по сопоставлению ассоциативных полей «ДЕЛО» и «AFFAIRE» в русском и французском языках позволяет сделать следующие общие выводы.

1. Предложенные параметры сопоставления ассоциативных полей одноименных стимулов в разных языках реально выявляют национальную специфику исследуемых единиц сравниваемых языков.

2. В русском языковом сознании актуализируется больше синтагматических реакций и прецедентных текстов.

3. Во французском языке преобладают парадигматические реакции и актуализируется мало прецедентных текстов.

4. Ядро ассоциативного поля (три наиболее частотные реакции) во французском языке в два раза

ярче, чем в русском языке, что свидетельствует о большей «солидарности» французского языкового сознания в ассоциативных связях слов по сравнению с русским, в котором ассоциации существенно более индивидуальны.

5. По количеству системных значений слова ДЕЛО и AFFAIRE примерно одинаковы — 13 и 12, и актуальными для языкового сознания в обоих языках оказывается примерно одинаковый процент значений — 46% и 42%. Таким образом, анализ ассоциативных полей показывает, что примерно половина значений многозначного слова в обоих языках не актуальна для языкового сознания и представляет периферию значения.

6. В обоих языках языковое сознание в исследуемых стимулах актуализирует по 2 значения, не зафиксированные в словарях.

7. Не интерпретируемых реакций выявляется больше в русском языке, что свидетельствует о предположительно большей индивидуальности русского языкового сознания по сравнению с французским.

Полученное ассоциативное поле определенного слова-стимула может рассматриваться как своеобраз-

ная форма «овнешнения» структуры одноименного концепта, существующего в сознании носителя данной культуры. Методом когнитивной интерпретации [2], [4] полученных ассоциативных полей может быть построена модель концепта ДЕЛО в русском и французском когнитивном сознании, что может быть дальнейшим направлением сопоставительных исследований ассоциативных полей в языковом сознании носителей разных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горошко. — Харьков; М.: Изд. группа «РА — Каравелла», 2001. — 320 с.
2. Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание / И. А. Стернин, А. В. Рудакова // Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. — 192 с.
3. Белянин В. П. Психолингвистика: Учебник. 6-е изд. / В. П. Белянин. — М.: Флинта, Московский психолого-социальный институт, 2009. — 232 с.
4. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ, Восток-Запад, 2010. — 314 с.

Воронежский государственный университет

Стернин И. А., доктор филологических наук, профессор, кафедра общего языкознания и стилистики

E-mail: sterninia@mail.ru

Воронежский государственный педагогический университет

Конопелько И. П., преподаватель, кафедра французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей

E-mail: inessazlenko@rambler.ru

Voronezh State University

Sternin I. A., Doctor of Philology, Professor of the General Linguistics and Stylistics Department

E-mail: sterninia@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University

Konopelko I. P., Lecturer of the French and Foreign Languages for Non-Linguistic Profiles Department

E-mail: inessazlenko@rambler.ru

АНТИТЕЗА «МАТЕРИАЛИЗМ — ДУХОВНОСТЬ» В РОМАНЕ ДЖОНА БРЕЙНА «ПУТЬ НАВЕРХ»

Ю. А. Куцевич

Смоленский государственный университет

Е. Е. Маркадеева

Смоленский государственный университет

Поступила в редакцию 1 августа 2018 г.

Аннотация: в статье представлены результаты анализа особенностей выражения антитезы «материализм — духовность» в романе Джона Брейна «Путь наверх». Посредством элементов литературоведческого и лингвистического анализа текстовых фрагментов романа в исследовании показано, что внутренние противоречия, переживаемые героем, обусловлены разрушительным влиянием его материалистического мировоззрения, заставляющего его ценой собственных чувств следовать социальному стереотипу «богатство — это счастье». В работе также выявлены языковые средства, позволившие автору более экспрессивно выразить идею конфликта материальных ценностей и духовности героя: лексический повтор, оценочная лексика, сравнение, риторический вопрос, ирония, многосоюзие и др.

Ключевые слова: антитеза, Джо Лэмптон, Джон Брейн, материалистическое мировоззрение, Путь наверх.

Abstract: the article studies the way the antithesis “materialism — spirituality” is expressed in John Braine’s novel “Room at the Top”. By means of literary and linguistic analysis of text fragments the authors show that the inner conflict the hero faces is caused by his materialistic philosophy, making him at the expense of his feelings follow the social stereotype “money is happiness”. The article also dwells on the expressive means the author of the novel uses to convey the idea of the conflict between material values and the hero’s spirituality: repetition, evaluative vocabulary, simile, rhetorical question, irony, polysyndeton, etc.

Keywords: antithesis, Joe Lampton, John Braine, materialistic philosophy, Room at the Top.

Проблема противоборства духовных потребностей человека и его жажды наполнить свою жизнь материально-вещественным содержанием, как ключевая идея романа «Путь наверх» (1957) английского писателя Джона Брейна, сделала это известное произведение своеобразным «антиманифестом “философии успеха”» [1, 4]. Повествование в нем ведется от лица героя, участника Второй мировой войны, молодого провинциала Джо Лэмптона. Происхождение Джо, родившегося в семье рабочего, а также вся его жизнь в небольшом английском промышленном городке Дафтон тяготят его, поскольку с юности он мечтает о богатстве и карьере. Надеясь изменить свою судьбу к лучшему, он переезжает в город больших перспектив, Уорли, где рассчитывает добиться своей цели. Средством ее достижения, ключом к «волшебной пещере Аладдина» [1, 192], где скрыто все, что манит Джо в жизни, становится юная дочь богатого фабриканта Сьюзен Браун, полюбившая Джо. Однако на пути героя к цели появляется препятствие — взаимное чувство любви, возникшее между Джо и Элис

Эйсгилл, замужней женщиной намного старше него. В душе Джо происходит борьба противоречий: одной стороной своего существа он жаждет добиться своей цели, женившись на богатой наследнице Сьюзен, другая часть его внутренней сущности хочет быть счастливой рядом с Элис, что грозит ему крушением его надежд на обеспеченное будущее.

Согласно «Лэмптон-лэффордской докладной о любви» [1, 47], составленной Джо и его другом Чарльзом, Элис Эйсгилл принадлежит к категории женщин № 8. По описанию рассказчика, Элис — бледная тридцатичетырехлетняя женщина с волосами цвета меда, тонкими чертами лица, прямым носом и чуть тяжеловатым подбородком. В юности пережив трудные годы бедности и впоследствии без любви став женой состоятельного предпринимателя Джорджа Эйсгилла, Элис знакомится с Джо в любительском театре Уорли.

В силу сложившихся в жизни Элис обстоятельств, а также не забывая о своей цели, Джо находит в лице последней не возлюбленную, но понимающего друга, с которым он делится своими переживаниями о Сьюзен:

I'd never told any woman as much about myself — not only that, but I hadn't any fears of having said too much, of having made a fool of myself [2] (1).

Перевод: <...> я подумал о том, что еще никогда ни одной женщине на свете не рассказывал так много о себе ... Более того: я не испытывал ни малейшего страха, что сказал что-нибудь лишнее, попал в глупое положение [1, 74] (1).

Как видно из примера (1), Джо признается себе в том, что между ним и Элис с самого начала возникает необыкновенное доверие, позволяющее ему быть с ней предельно откровенным и честным.

Такие отношения Джо сравнивает со своей дружбой с Чарльзом. И все же, несмотря на отсутствие кокетства в отношении Элис к Джо, на ее товарищескую улыбку, в его глазах она остается женщиной, и спустя время у героя появляется искреннее чувство к ней. Однако, понимая, что Элис является для него родственной душой, Джо боится потерять дружбу с ней, начав романтические отношения:

I honestly didn't want to spoil the relationship that was building up between us <...> the friendship which Alice had given me from that first evening at the St. Clair <...> had come to us quickly and smoothly but without hurry; we could not only talk about every subject under the sun but we could sit together in silence and be happy and contented [2] (2).

Перевод: Я отнюдь не хотел испортить те особые отношения, которые установились между мной и Элис <...> такую дружбу, которой неизменно дарила меня Элис с того первого вечера в кабачке «Сент-Клэр» <...> возникла сама собой, легко и просто, и вместе с тем ее нельзя было назвать скоропалительной, и мы теперь могли уже не только беседовать решительно обо всем, но и просто молча сидеть рядом и чувствовать при этом, что нам обоим хорошо [1, 107] (2).

В примере (2) показано, насколько ценными Джо считает свои отношения с Элис, с которой он может не только говорить на любые темы, но и молчать, чувствуя себя при этом счастливым. Отметим, что конструкция “not only ... but”, а также повтор модального глагола “could”, на наш взгляд, достаточно экспрессивно передают идею значимости Элис в жизни Джо.

Понимая, что никто в его жизни не сравнится с Элис, герой чувствует, как в его душе рождается настоящая любовь к ней. Этому способствуют как особенности ее характера и личности, так и некоторое сходство между судьбой и даже внешностью Джо и Элис. Так, как отмечает про себя Джо, Элис тоже северянка и хорошо знает, что значит иметь мало денег, а ее зубы не лучше, чем у самого Джо:

They weren't bad; but they were no better than mine and this fact gave me a kind of shabby kinship, as if we'd both had the same illness [2] (3).

Перевод: Нельзя сказать, чтобы у Элис были плохие зубы, но, во всяком случае, они были не лучше моих, и это породило во мне ощущение какого-то

печального сродства с нею — так роднит людей недуг, от которого они одинаково страдают [1, 107] (3).

Как видно из примера (3), свое чувство родства с Элис Джо объясняет, в частности, некоторыми изъянами в ее внешности, которые он находит схожими со своими собственными. Интерес, на наш взгляд, представляет и сравнение Джо, в соответствии с которым степень родства между ним и Элис подобна болезни, которая объединяет разных людей.

Как никто другой, Джо Лэмптон знает, что за надменной, холодной женщиной, какой Элис кажется со стороны, прячется беспомощная маленькая девочка, которая глубоко несчастна:

I'm empty. I lie awake at nights aching with emptiness. I wake up and I'm alone and I walk round Warley and I'm alone and I talk with people and I'm alone and I look at his face when I'm home and it's dead [2] (4).

Перевод: Я пуста. Я лежу ночью без сна и терзаюсь от этой пустоты. Я встаю утром и чувствую, что я совсем одна; хожу по Уорли и чувствую, что я одна; разговариваю с людьми и чувствую, что я одна; смотрю на лицо Джорджа, когда он дома, и вижу лицо мертвеца [1, 235] (4).

В вышеприведенном текстовом фрагменте идея одиночества Элис выражена не только эксплицитно посредством предикативного прилагательного “alone”, но и имплицитно рядом стилистических приемов: синтаксического параллелизма, многосоюзия, лексического повтора. Так, на основе параллельных синтаксических структур (*I wake up and I'm alone; I walk round Warley and I'm alone; I talk with people and I'm alone; I look at his face <...> and it's dead*) реализуется прием логического нарастания, вершиной которого становится прилагательное “dead”, выражающее степень отчаяния Элис, живущей с не любимым и не понимающим ее человеком, а также, на наш взгляд, передающее значение конечного элемента семантического ряда «духовная пустота — одиночество — смерть». Эпифора “I'm alone”, повтор местоимения “I”, а также корневой повтор “empty — emptiness” выступают в качестве дополнительного средства эмпазы и передают силу переживаний Элис, глубоко страдающей от своего одиночества. В свою очередь, многосоюзие (“and”) выражает «однообразие и монотонность» [3] в жизни Элис, не находящей понимания ни у кого, кроме Джо.

Осознавая свое единство с Элис, Джо также чувствует себя одиноким, когда ее нет с ним рядом:

When we were together I wasn't lonely, when we were apart I was lonely. It was as simple as that [2] (5).

Перевод: Просто, когда мы бывали вместе, я не ощущал одиночества, а когда мы бывали врозь, чувствовал себя одиноким — только и всего [1, 230] (5).

Как видно из примера (5), в данном случае идентичный синтаксический рисунок сложноподчиненных предложений, а также лексический повтор являются основой, на которой строится логическое противопол-

ставление антонимов “together” и “apart”, а также положительной и отрицательной форм глагола “to be”. Как представляется, благодаря вышеназванным стилистическим приемам высказывание Джо не только обретает полную смысловую законченность, но и имплицитно выражает его уверенность в его истинности, которая также выражена и эксплицитно — посредством предложения “It was as simple as that”.

Так, понимая, какие чувства он испытывает к Элис, Джо крайне негативно реагирует на любое упоминание ее имени в связи с другими мужчинами:

It was as if the soft hand gently caressing me had turned hard and big and hit me. I felt sick and betrayed and dirtied [2] (6).

Перевод: Нежная, ласково гладившая мое плечо рука, казалось, стала вдруг тяжелой и грубой и ударила меня наотмашь: я почувствовал, что меня унизили, запачкали, предали [1, 159] (6).

В приведенном отрывке посредством антонимических пар “soft” — “hard”, “caress” — “hit” ярко выражена перемена в настроении героя, узнавшего от Элис о том, что много лет назад она позировала художнику обнаженной. Выражение его негативных эмоций усиливают отрицательно оценочные лексемы “sick”, “betrayed”, “dirtied”. Так же остро Джо реагирует на подарки, сделанные Элис ее мужем. Так, когда Джо замечает на руке Элис золотые часы, ему хочется раздавить их каблуком, но он сдерживает себя.

Последней каплей его терпения становится новость о том, что ранее Элис встречалась с Джеком Уэйлсом, состоятельным молодым человеком, добившимся больших успехов на военной службе и в карьере, чем Джо. Последний сравнивает эту новость с полным зарядом зенитки, полученным в лицо штурманом бомбардировщика во время авианалета:

He grunted when it happened, then he said: “Oh no. Oh no” [2] (7).

Перевод: Когда это случилось, он сначала только ахнул, а потом сказал: «Нет, не это, нет!» [1, 288] (7).

В примере (7), как представляется, следует обратить внимание на повтор междометия “oh” в начале каждого предложения прямой речи. Так, по мнению И. Р. Гальперина, междометие является неотъемлемой частью предложения и «окрашивает все высказывание в соответствующие эмоциональные тона» [3]. В рассматриваемом текстовом примере, в котором герой вспоминает гибель своего товарища, оно придает предложению оттенок мольбы. Джо хочет, чтобы то, что он узнал от мистера Брауна о прошлом Элис, оказалось неправдой, он отказывается верить в реальность.

Примечательным, с нашей точки зрения, является и тот факт, что однажды во время ссоры с Элис, искренне переживая о будущем их отношений, Джо утрачивает свойственный ему интерес к деньгам:

I looked at the pound note on the floor and suddenly discovered that I didn't give a damn about it [2] (8).

Перевод: Я увидел фунт стерлингов, который все еще валялся на полу, и понял вдруг, что мне на него наплевать [1, 166] (8).

В данном примере грубое разговорное выражение “not to give a damn”, употребленное героем при описании момента, предшествующего его размовке с Элис, способствует контрастному выражению антитезы «материальное — духовное», характеризующей, на наш взгляд, как противоречивую сущность Джо, так и его отношения с Элис, символизирующей для героя духовное начало, любовь, и со Сьюзен, символизирующей для него материальное благосостояние.

Расставшись с Элис, Джо чувствует себя опустошенным и одиноким:

I occupied my mind with dreariness like a starving man eating earth [2] (9).

Перевод: Я мысленно снова и снова ворошил свою горечь и боль, словно изголодавшийся, который набивает рот землей [1, 167] (9).

В примере (9) Джо сравнивает свою тоску с безумием умирающего от голода человека, поедающего землю. Посредством сравнения “like a starving man” в данном текстовом фрагменте выражена сила большого чувства героя, который не может «насытиться» волной охватившей его горечи.

Осознавая, что отношения с Элис являются самым важным событием в его жизни, Джо продолжает думать о ней:

But we had already said goodbye; why did I still think of her in the present tense, why had I, in the morning, instinctively thought that Hoylake had found out about Alice, why had I felt that the dead relationship with a woman almost ten years older than myself was the most important? [2] (10).

Перевод: Впрочем, мы уже простились навсегда. Почему же я по-прежнему думаю о ней как о чем-то неразрывно связанном со мной и сейчас, почему утром я решил, что Хойлэйк узнал про Элис, почему порванную связь с женщиной, которая почти на десять лет старше меня, я считаю самым главным в моей жизни? [1, 209] (10).

В вышепредставленном примере (10) анафора “why ... I”, заключенная в риторический вопрос, выражает в высшей степени эмоциональное отношение героя к его проблеме с Элис.

Однако интуиция Джо, всегда достигающего своих целей, подсказывает ему, что Элис — препятствие на его пути к главной из них. Герой понимает, что если он останется с ней, все его надежды на обеспеченное будущее будут напрасными. Под влиянием таких размышлений Джо испытывает страх перед счастьем, которое он ощущает рядом с Элис:

I'd stumbled upon something bigger than myself. Something which was uncompromisingly real, something which I couldn't avoid but which, I felt ashamedly, I was trying to avoid. There was happiness at its centre but it was a frightening kind of happiness [2] (11).

Перевод: <...> я столкнулся с чем-то, что неизмеримо больше меня. С чем-то огромным, подлинным и не терпящим притворства, с чем-то, чего нельзя избежать и от чего — сознавал я со стыдом — я пугливо старался спрятаться... Я чувствовал, что за всем этим кроется счастье, но и оно было пугающим [1, 137] (11).

В примере (11) повтор “something which” выполняет функцию нарастания, которая «выражает постепенность увеличения силы эмоций» [3]. В рассматриваемом случае речь идет об отрицательных эмоциях, имплицитным переходом от нейтрального “something bigger” к “something which <...> I was trying to avoid”, где инфинитив “to avoid” имеет значение «предотвратить ч-л плохое» (“to prevent something bad from happening” [4]). Интерес также представляет оксюморон «пугающее счастье» (“frightening kind of happiness”), совмещающий в себе две полярные коннотации входящих в его состав лексем и выражающий внутренние противоречия, переживаемые героем. Так, прилагательное «пугающий» имеет значение «внушающий страх, боязнь, опасение» [5] (отрицательная семантика). В свою очередь, существительное «счастье» выражает значение «состояние абсолютной удовлетворенности жизнью, чувство наивысшего удовольствия, радости» [5] (положительная семантика).

Ощущая свою беспомощность перед возможным счастьем с Элис, Джо кажется, что он тонет в нем, отдаляясь от своей цели:

I had a sensation of black water closing over my head; the room seemed airless, too heavily scented, somehow decadent [2] (12).

Перевод: Мне вдруг почудилось, что я тону и черные воды бесшумно смыкаются у меня над головой. В пропахшей духами комнате нечем было дышать, в ней было что-то невыразимо тоскливое [1, 145] (12).

Так, в примере (12) Джо описывает место своих встреч с Элис. Он сравнивает ощущение счастья с черной водой, смыкающейся у него над головой, так как осознает, что, выбрав Элис, он навсегда закроет путь к своей цели. Тяжелые размышления Джо, принимающего решение о своем будущем, дополнительно выражены лексемами с отрицательной коннотацией “black”, “airless”, “heavily”, “decadent”.

Герой понимает, что если он женится на Элис, ему придется покинуть Уорли, поскольку, как отмечает он сам, «Уорли никогда не будет любить соответчика в бракоразводном процессе» [1, 268]. Джо принимает твердое решение разорвать свои отношения с Элис навсегда:

I know which side my bread is buttered on [2] (13).

Перевод: Рыба ищет где глубже, а я — где лучше [1, 290] (13).

В примере (13) показано, что в своем последнем разговоре с Элис Джо открыто говорит ей о тех мотивах, которые побуждают его оставить ее. В связи

с этим интерес представляет мнение М. Демирел, подвергающего сомнению любовь Джо к Элис: “If it was really a love, age or money would not matter for him, but they do <...> When there is a greater material gain, Joe does not hesitate to choose it, instead of “loving” Alice” [6, 312].

С нашей точки зрения, решая дилемму «любовь или деньги», Джо уверенно выбирает второе в силу своей моральной слабости. Так, отметим, что использованный в данном текстовом фрагменте фразеологизм “to know which side one’s bread is buttered on”, на наш взгляд, очень точно характеризует не только выбор Джо, но и всю его личность. Не менее интересным представляется русский перевод данного фразеологизма: «Рыба ищет где глубже, а я — где лучше».

Узнав о том, что, не выдержав нанесенного ей удара, Элис разбилась на машине, Джо понимает, что преграда, которой она была для его будущего, исчезла, и готов наслаждаться жизнью, которую сам выбрал:

I had eight hundred in the bank, I was going to be an executive with an expense account, I was going to marry the boss’s daughter, I was clever and virile and handsome, a Prince Charming from Dufton [2] (14).

Перевод: <...> у меня лежит восемьсот фунтов в банке, я займу солидный пост и буду иметь достаточно денег на расходы, я женюсь на дочери хозяина, я умен, силен и красив — словом, сказочный принц из Дафтона [1, 301] (14).

Как видно из примера (14), анафора “I” выражает высшую степень эгоизма героя, способного планировать свою жизнь сразу после гибели Элис. Многосоюзие (“and”) передает идею уверенности Джо в том, что он обладает значительным количеством достоинств и заслуживает новой жизни. В свою очередь, ирония “a Prince Charming from Dufton” (рус. «сказочный принц из Дафтона») имплицитно передает внутреннюю веру Джо Лэмптона в свое право на богатство несмотря на его происхождение. Особо отметим наличие в ироничном выражении героя неопределенного артикля, выражающего значение «один из многих, не единственный, никому не известный, какой-то» и тем самым лишь подчеркивающего убежденность Джо в своем «законном, неоспоримом праве человека» [1, 35].

Итак, как показало исследование, антитеза «материализм — духовность» в романе Джона Брейна «Путь наверх» основывается на противопоставлении стремления героя к материальному благополучию и его духовных потребностей. Дуалистический образ Элис Эйгилл воплощает в себе, с одной стороны, препятствие на пути Джо Лэмптона к материальным ценностям и, с другой стороны, возможность духовной самоактуализации его личности. В дополнение к развитию сюжетной линии произведения, эксплицитно представляющей идею доминирования материализма над духовностью, последняя имплицитно выражается с помощью таких языковых средств, как, например: повтор (“something which”), оксюморон

(«пугающее счастье»), семантические переходы от выражений с нейтральным оценочным значением к отрицательному значению ("something bigger" — "to avoid"), лексемы с отрицательной коннотацией ("black", "airless", "heavily", "decadent"), сравнение (счастье — черная вода), ирония ("a Prince Charming from Dufton") и ряд других.

В свою очередь, отношение героя к духовным ценностям и к Элис Эйгилл имплицитно выражается, в частности, с помощью синтаксического параллелизма ("I wake up and I'm alone"); отрицательно оценочных лексем ("alone", "dead", "sick", "betrayed", "dirtied"); приема нарастания, формирующего семантический ряд «духовная пустота — одиночество — смерть»; риторических вопросов ("why ... I"); повторов ("I", "empty — emptiness"); антонимических пар ("together" — "apart", "soft" — "hard", "caress" — "hit"); сравнения ("like a starving man") и других средств.

Смоленский Государственный университет

*Куцевич Ю. А., канд. филол. наук, доцент кафедры ан-
глийского языка и переводоведения*

E-mail: julia_1807@list.ru

Маркадеева Е. Е., студент филологического факультета

E-mail: lena123ivanova1@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА

1. Брейн Д. Путь наверх: роман / Д. Брейн. — М.: Астрель, 2010. — 318 с.

2. Braine J. Room at the top: novel / J. Braine. — Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/666938-room-at-the-top/toread>

3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. — Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/5080829/>

4. Oxford Advanced Learner's Dictionary. 8th ed. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — 1952 p.

5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. — Режим доступа: <http://www.efremova.info/>

6. Demirel M. Alienation In Room At The Top: Joe Lampton's Transformation Into The Stereotypical Others Of His Mind / M. Demirel // International Journal of Eurasia Social Science, 2015. — Vol. 6. — № 18. — P. 300—315.

Smolensk State University

*Kutsevich Yu. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of the English Language and Translation Department*

E-mail: julia_1807@list.ru

Markadeeva E. E., Student of Philological Faculty

E-mail: lena123ivanova1@gmail.com

«УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Н. А. Макаричева

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Поступила в редакцию 1 августа 2018 г.

Аннотация: роман «Униженные и оскорбленные» рассматривается в гендерном аспекте. Анализируется логика взаимоотношений мужских и женских персонажей, специфика изображений любовных «многоугольников», выявляются особенности женской и мужской психологии в интерпретации Достоевского. Оценивается художественная перспектива гендерологических открытий Достоевского, сделанных в «Униженных и оскорбленных», для последующего романного творчества.

Ключевые слова: гендерологическое направление в литературоведении, гендерная проблематика, роман о любви, мужская и женская психология.

Abstract: the novel “Humiliated and Insulted” is considered in gender aspect. The logic of relationship of male and female characters, specifics of portrayal of love “polygons” is analyzed, features of female and men’s psychology in Dostoyevsky’s interpretation come to light. The art prospect of Dostoyevsky’s genderological discoveries made in “Humiliated and offended” for the subsequent novelistic oeuvre is estimated.

Keywords: the genderological direction in literary criticism, a gender perspective, the love story, female-male psychology.

Гендерные исследования в области литературоведения — относительно новое и перспективное направление. Особо активный интерес в области гендерной лингвистики и литературоведения в России начинает проявляться в конце прошлого столетия, когда «становится все более очевидным, что гендерная система общества оказывает влияние на создание, анализ и интерпретацию литературного произведения, что находит отражение и в содержании, и в форме литературного произведения, а также особенностях читательского восприятия» [1, 273]. Взгляд сквозь призму гендера, несомненно, дает ценный материал для осмысления и литературного произведения как художественного целого. По мнению С. Р. Охотниковой, «формирующееся в литературоведении гендерологическое направление, объектом которого являются зафиксированные в литературе социально-психологические стереотипы феминности и маскулинности, воплощаются в особой картине мира, особой точке зрения автора и героя, особой системе персонажей, в особом характере авторского сознания, объектно-субъектной системе, реализуются в особом типе женской-мужской литературы (речевых жанрах), репрезентирующихся в особенностях речевого поведения мужчин и женщин, особом стиле женской и мужской поэзии и прозы, а также в жанровой системе, имеющей также гендерное измерение» [1, 279]. К настоящему времени в литературоведении уже зафиксировано и активно разрабатывается понятие «гендерная поэтика» [2].

В последние годы гендерная проблематика в художественной литературе становится предметом диссертационных исследований. В центре внимания оказываются прежде всего «женские» в авторском отношении художественные произведения XIX—XX столетий [3]. Однако в поле зрения исследователей попадают и «мужские» тексты. Можно отметить диссертационную работу С. В. Синцовой «Гендерная проблематика в творчестве Н. В. Гоголя (литературно-художественные аспекты)» [4].

Впервые гендерную проблематику в творчестве Ф. М. Достоевского стал разрабатывать А. П. Власкин [5]. Также можно отметить ряд работ О. Ю. Юрьевой, написанных в русле данной тематики [6]. Но в целом для достоевистики этот аспект достаточно нов и малоизучен. Поэтому приложение гендерного подхода к творчеству Ф. М. Достоевского представляется нам весьма перспективным.

Для иллюстрации нашей мысли обратимся к роману «Униженные и оскорбленные». Это первый большой, полноформатный роман Достоевского. Именно поэтому от него можно ожидать в гендерологическом отношении многого, и ожидания эти в основном оправдываются.

Прежде всего наше внимание должен привлечь «многоугольник», в котором со стороны мужчин выступают повествователь Иван Петрович и Алексей Валковский, а со стороны женщин — Наташа Ихменева и Катя Филимонова. Мужчины по отношению к Наташе напоминают персонажей в «Белых ночах»: Иван Петрович влюблен в Наташу; она отвечает на его чувства, но лишь с благодарностью, потому что

отдала свое сердце возлюбленному (и любовнику) Алеше. Совпадают даже отдельные мизансцены. Например, в романе обрисована такая: «Наташа вздрогнула, вскрикнула, взгляделась в приближавшегося Алешу и вдруг, бросив мою руку, пустилась к нему. Он тоже ускорил шаги, и через минуту она была уже в его объятиях. На улице, кроме нас, никого почти не было. Они целовались, смеялись; Наташа смеялась и плакала, все вместе, точно они встретились после бесконечной разлуки. Краска залила ее бледные щеки; она была как иступленная... Алеша заметил меня и тотчас же ко мне подошел» [7, 201]. Но это почти калька со сцены, которая была прописана в «Белых ночах».

Дополнительную сложность расстановке мужских и женских ролей придают: во-первых, князь Петр Валковский: он интригует против Наташи и склоняет сына, Алексея, жениться на богатой невесте Кате. Кроме того, и сам князь желал бы жениться на мачехе Кати, графине Филимоновой. Во-вторых, в Ивана Петровича влюблена девочка-подросток, загадочная Нелли Смит, которая, как выясняется в итоге, является дочерью Петра Валковского. Всё это подтверждает правоту норвежского исследователя Эрика Эгберга, который прямо причисляет «Униженных и оскорбленных» к «романам о любви». Но он же замечает, что подобные романы (сопоставлено с «Преступлением и наказанием») «тематически гетерогенны» [8, 49]. То есть в них сочетаются очень разные, хотя и взаимосвязанные темы.

В свете нашей темы в «Униженных и оскорбленных» примечательны многие единичные, как будто «точечные» наблюдения автора, касающиеся как женской, так и мужской психологии. Например, такое: «У женщины <...> бывает иногда потребность чувствовать себя несчастною, обиженною, хотя бы не было ни обид, ни несчастий. Есть много мужчин, похожих в этом случае на женщин, и даже мужчин не слабых, в которых вовсе не так много женственности» [7, 222]. Или такое: «...случалось: Алеша войдет со мною, робко заговорит с ней (с Наташей. — Н. М.), с робкою нежностью смотрит ей в глаза. Она тотчас же угадает, что он виноват, но не покажет и вида, никогда не заговорит об этом первая, ничего не выпытывает, напротив, тотчас же удвоит к нему свои ласки, станет нежнее, веселее, — и это не была какая-нибудь игра или обдуманная хитрость с ее стороны. Нет; для этого прекрасного создания было какое-то бесконечное наслаждение прощать и миловать; как будто в самом процессе прощения Алеша она находила какую-то особенную, утонченную прелесть» [7, 225].

Проницательность и правоту Достоевского относительно женской психологии первым в печати отметил уже Чернышевский. В своей статье «Новые периодические издания» (речь в ней шла и о новом журнале «Время», где печатался роман) он выделил из персонажей Наташу: «...это соединение гордости

и силы в женщине с готовностью переносить от любимого человека жесточайшие оскорбления, одного из которых было бы, кажется, достаточно, чтобы заменить прежнюю любовь презрительной ненавистью, — это странное соединение в действительности встречается у женщин часто» (цит. по Примечаниям в ПСС. — [7, 528]). Не менее сложны в романе характеры и других женских персонажей, особенно Нелли и Кати. Этому способствовали факты биографии писателя. Он к моменту создания «Униженных и оскорбленных» все ближе и интимнее узнавал женщин, прежде всего в лице своей возлюбленной и первой жены Марьи Дмитриевны Исаевой.

Брак с ней продлился у писателя семь лет (1857—1864), вплоть до ее смерти от туберкулеза. Но взаимоотношения супругов были сложными, в силу чего после возвращения из Семипалатинска они жили в основном раздельно, иногда даже в разных городах. Позднее в одном из писем А. Е. Врангелю Достоевский признавался: «О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо. <...> несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (по ее странному, мнительному и болезненно фантастическому характеру), — мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу. Как ни странно это, а это было так» [9, 116].

Тем не менее, в сложностях взаимоотношений супругов до сих пор находят поводы для развернутых изысканий, в которых Достоевский предстает, мягко выражаясь, не в лучшем свете [10]. Л. И. Сараскина видит здесь лишь спекулятивные измышления [11, 303—305]. Мы, в свою очередь, не склонны к такой категоричности, поскольку в указанной работе («Кузнецкий венец»...), при всей спорности ее общей концепции, собран и систематизирован обширный биографический материал, что само по себе для науки небесполезно.

Характер М. Д. Исаевой, ее поведение и взаимоотношения с Достоевским являлись, по мнению ряда исследователей, прототипическими образами Зины Москалевой, Наташи Ихменевой, Катерины Мармеладовой [12], [13, 348]. И главное в гендерологическом аспекте состоит в том, что как сама Исаева, так и перечисленные героини ярко раскрываются именно через их взаимоотношения с мужчинами (или с мужскими персонажами). В связи с первым последующим романом примечательное наблюдение сделала Л. И. Сараскина: «Любовный треугольник «Униженных и оскорбленных», художественно преобразивший драматический узел, завязанный перед первым браком Ф. М. (пылкой страстью Марии Дмитриевны к молодому учителю и готовностью жениха пожертвовать своим чувством ради счастья любимой), содержал такой мощный потенциал переживаний, что им суждено было, ничуть не повторяясь сюжет-

но, вновь захватить и обжечь Достоевского. Через три месяца после того, как во «Времени» закончилось печатание записок Ивана Петровича, 1 ноября 1861 года, вышел очередной номер журнала, где под «сенью крыл» — четырех глав «Записок из Мертвого дома» — значилась повесть никому не известной дебютантки «А. С-вой». (Имеется в виду Аполлинария Сулова. — Н. М.) <...> До рокового эпизода, когда писателю вновь пришлось играть неблагодарную роль «друга и брата» неверной возлюбленной, оставалось два года» [11, 352].

Возвращаясь к «Униженным и оскорбленным», еще раз заметим, что говорить о «любовном треугольнике» в этом романе является упрощением. Скорее, сюжетные роли здесь распределены по двум накладываются друг на друга «многоугольникам», в которых отдельные фигуранты совпадают. С одной стороны: Иван Петрович — Наташа — Нелли. С другой стороны, это Иван Петрович — Наташа — Катя — Алеша. Относительно первой расстановки сама Наташа с женской проницательностью открывает глаза Ивану: «Знаешь что, Ваня, — сказала она, подумав, — мне кажется, она тебя любит. <...> Это ожесточение оттого, что ты не понимаешь ее любви, да и она-то, может быть, сама не понимает себя; ожесточение, в котором много детского, но серьезное, мучительное. Главное, — она ревнует тебя ко мне. Ты так меня любишь, <...> а потому на нее обращаешь мало внимания. Она заметила это, и ее это уязвило. Она, может быть, хочет говорить с тобой, чувствует потребность раскрыть перед тобой свое сердце, не умеет, стыдится, сама не понимает себя, ждет случая, а ты, вместо того чтоб ускорить этот случай, отдаляешься от нее, сбегаясь от нее ко мне и даже, когда она была больна, по целым дням оставлял ее одну. Она и плачет об этом: ей тебя недостает, и пуще всего ей больно, что ты этого не замечаешь» [7, 387].

Второе «распределение» векторов влюбленности еще сложнее, во многом за счет того, что женщины пытаются избежать соперничества. Наташа отпускает Алешу к Кате, и в этом содержится сложная смесь смирения и расчета. А Катя, будучи еще неискушенной во взаимоотношениях с людьми (как с мужчинами, так и с женщинами), рассчитывает чуть ли не на союз и дружбу с соперницей. Вот характерный их диалог: «Катя села на ручку кресел Наташи, не выпуская ее из своих объятий, и начала целовать ее руки.

— Если б вы знали, как я вас люблю! — проговорила она плача. — Будем сестрами, будем всегда писать друг другу... а я вас буду вечно любить... я вас буду так любить, так любить...

— Он вам о нашей свадьбе, в июне месяце, говорил? — спросила Наташа.

— Говорил. Он говорил, что и вы согласны. Ведь это всё только так, чтоб его утешить, не правда ли?

— Конечно.

— Я так и поняла. Я буду его очень любить, Ната-

ша, и вам обо всем писать. Кажется, он будет теперь скоро моим мужем; на то идет. И они все так говорят. Милая Наташечка, ведь вы пойдете теперь... в ваш дом? — Наташа не отвечала ей, но молча и крепко поцеловала ее» [7, 398—399].

В преображенном виде обозначенная здесь Достоевским любовная коллизия могла, на наш взгляд, повлиять на гендерологическую сторону концепции романа Чернышевского «Что делать?» (появился в печати спустя два года после публикации «Униженных и оскорбленных»). Приведенный выше позитивный отзыв Чернышевского свидетельствует о том, что лидера демократического лагеря роман Достоевского задел за живое. Он попытался предложить своего рода «рецепт», то есть эту коллизию по-своему *разрешить*, однако ему пришлось свести ее до традиционного любовного треугольника (два мужчины и одна женщина). Две женщины и мужчина — это было бы сложнее.

Впервые такую возможную параллель («Униженные и оскорбленные» и «Что делать?») обозначил В. А. Туниманов в своей монографии, посвященной послекаторжному периоду творчества Достоевского. В частности, он указывал: «В страдания и переживания Веры Павловны, вдруг обнаружившей, что у нее есть сердце и вынужденной от одного благородного человека уйти к другому, столь же благородному, не очень верится... <...>. Ригорист Рахметов считает, что разумнее было бы историю или предотвратить, или мирно покончить добровольным и чистосердечным союзом, а не углубляться в психологические тонкости. Кстати, нечто аналогичное идеальному союзу трех сердец представляется и Наташе Ихменевой, но как невероятная мечта. С точки зрения Чернышевского и Рахметова, такой мирный союз был бы наилучшим разрешением проблемы <...>. По Достоевскому, такое гармоническое единство вообще немыслимо, ибо противоречит вечным законам человеческой натуры; оно возможно не для эгоистического современного человека, а для существа неземного, бесполого, чуждого ревности и сладострастия» [14, 266].

Возвращаясь конкретно к «Униженным и оскорбленным», присмотримся целенаправленно к мужским образам. Центральный среди них — повествователь Иван Петрович. Давно, еще со времен первых критиков романа (Чернышевский, Добролюбов), его значение распознано и прокомментировано, — потому что оно вполне «прозрачно»: фактически это alter ego Достоевского. Во многом этот образ наследует «мечтателю» из «Белых ночей» — в частности, по его страдательной роли в любовном треугольнике. Однако в гендерологическом аспекте и в своей художественной перспективности он для нас примечателен менее, чем другие герои. В самом деле, таких откровенно автобиографичных персонажей Достоевский впоследствии уже не «выводил на сцену». Другое дело — отец и сын Валковские. Они, на наш

взгляд, и многообразно значимы в романе, и весьма перспективны.

В. А. Туниманов так комментирует отзыв Добролюбова: «Избранник Наташи Алеша Банковский, пожалуй, более всего не удовлетворил Добролюбова. Но мнению критика, в романе предпринята фальшивая попытка «идеализировать» героя, достойного только самого резкого осуждения. Алеша, каким он представляется Добролюбову не «по описанию <...> а по ходу дела», — «мальчишка уже в 21 год, ветреный, цинический, лишенный всякой нравственной основы в характере до того, что он не конфузится никакой своей пакости...». Добролюбов резко сгущает краски, называя Алешу «смердякой козявкой» и — вопреки содержанию романа — «обольстителем» Наташи» [14, 160].

Исследователь аргументированно возражает Добролюбову и резонно видит связь его откровенно субъективистской интерпретации образов романа с воинствующими принципами «реальной критики». Вместе с тем, В. А. Туниманову приходится сожалеть о досадной «живучести» мнений критика вплоть до современной науки (то есть до 1980 г.): «Оценки и формулировки Добролюбова прочно вошли в научную и критическую литературу о Достоевском. Это естественно: концепция гуманизма творчества Достоевского, с такой страстностью изложенная в статье Добролюбова, мощно противостоит другим, несравненно более узким и тенденциозным представлениям о писателе, в частности статье Н. К. Михайловского «Жестокий талант». К сожалению, были механически усвоены и полемические преувеличения Добролюбова, и даже его явно несправедливые суждения. Так, почти всеми современными исследователями безоговорочно принимается мнение Добролюбова об Алеше Валковском» [14, 163].

Сам В. А. Туниманов высказывается об этом персонаже достаточно объективно: «Достоевский не идеализирует Алешу Валковского, но и не клеймит его — ни за происхождение, ни за слабость воли, ни за легкомыслие, ни за визиты к доступным и веселым женщинам. Слабый и легкомысленный герой Достоевского, как справедливо заключает Е. Старикова, не принадлежит к лагерю хищников и злодеев, он по-своему трогателен и обаятелен, он самый простодушный и невинный участник запутанной и сложной любовной драмы. Поэтому Иван Петрович, когда несколько притупилось чувство ревности к счастливому и «недостойному» сопернику, отказывается от пристрастных суждения о нем» [14, 164]. Вместе с тем, он находит нужным возражать Е. В. Стариковой (в постраничной сноске), потому что она будто бы «преувеличивает, сопоставляя «наивного эгоиста» Алешу Валковского с князем Мышкиным и Алешей Карамазовым» [15, 22—23]. Но, на наш взгляд, Е. В. Старикова весьма проникательно оценивает художественную перспективность образа

Алеша Валковского для последующего творчества Достоевского.

В самом деле, ведь очень выразительны характеристики Алеши со стороны Наташи Ихменевой. Например, такая: «Он и дурной поступок, пожалуй, сделает; да обвинить-то его за этот дурной поступок нельзя будет, а разве что пожалеть. Он и на самопожертвование способен и даже знаешь на какое! <...> Вот он какой!» [7, 198]. Алеша Валковский действительно по своему психотипу некоторыми чертами напоминает будущего князя Мышкина, а его взаимоотношения с двумя девушками, Наташей и Катей, — коллизия с Аглаей и Настасьей. И речь не только о потребности Алеши в любви к обеим девушкам. Например, откровения Наташи Ихменевой предвещают болезненные переживания Настасьи Барашковой, в которых ревность мешается с сомнением в своей способности осчастливить любимого («Я ведь и сама знаю, что с ума сошла и не так люблю, как надо. Хорошо я люблю его...» [7, 199]).

Еще менее, чем Алеше Валковскому, «повезло» в критике и науке образу его отца, князя Валковского. Не только в нравственном, но и в художественном отношении он обычно воспринимался почти исключительно негативно. Даже В. А. Туниманов исходил из того, что князь «Валковский — статичная фигура, он как герой не эволюционирует в обычном смысле слова, а приданная ему буржуазно-ретроградная оболочка — очень удобная, почти идеально сливающаяся с сутью злодея форма, обусловленная временем, когда подлинным князем мира стал Ротшильд (но не единственно возможная). И хотя жизненный путь князя прочерчен в романе, пожалуй, обстоятельнее, чем у других героев, все «приключения» его однотипны и угнетающе отвратительны: нет даже намека на какие-либо духовные или психологические перемены» [14, 161—162]. Но как в критике, так и в науке случались исключения. Так, сам же В. А. Туниманов передает мнение Евгении Тур, которая считала, что князь в романе «самый выпуклый, самый цельный, самый верный жизни и действительности характер» [14, 177]. В современной науке образу Валковского-старшего отдает должное Эрик Эгеберг в уже упомянутой нами статье. Во многом опираясь на книгу В. А. Туниманова, он делает акцент на следующем: «В «Униженных и оскорбленных» есть по крайней мере одна фигура, достойная особого внимания потому, что его тип узнаваем не только в «Преступлении и наказании» (на это обращал внимание и В. А. Туниманов. — Н. М.), но и в последующих «великих» романах» [8, 55]. Далее автор статьи, правда, не уточняет, кого из поздних героев Достоевского он имеет в виду. При этом Эрик Эгеберг цитирует метафоричное замечание еще одного зарубежного исследователя (Julius Meier-Graefe) о том, что от князя Валковского «пахнет серой» [8, 55].

Для нас примечательна почти исключительно *гендерологичная* сюжетная роль этого персонажа. Мы имеем в виду тот художественный факт, что вся его негативная репутация в основном базируется на интригах вокруг женско-мужской психологии. Своего сына Алексея он коварно соблазняет в личных корыстных целях, подменяя один объект привязанности — другим: «Князь рассчитал, что все-таки полгода должны были взять свое, что Наташа уже не имела для его сына прелести новизны и что теперь он уже не такими глазами будет смотреть на будущую свою невесту, как полгода назад. <...> Алеша действительно увлекся» [7, 226].

Этот персонаж психологически очень гибок во взаимоотношениях с женщинами — и во многом благодаря своему проникновению в их психологию. Например, в общении с потенциальной противницей Наташей, которой увлечен его сын, он мастерски использует лживую «игру на откровенность» (женщинам она особенно близка): «Именно, я заметил, в женском характере есть такая черта, что если, например, женщина в чем виновата, то скорей она согласится потом, впоследствии, загладить свою вину тысячью ласк, чем в настоящую минуту, во время самой очевидной улики в проступке, сознаться в нем и попросить прощения. Итак, если только предположить, что я вами обижен, то теперь, в настоящую минуту, я нарочно не хочу извинения; мне выгоднее будет впоследствии, когда вы сознаете вашу ошибку и захотите ее загладить перед мной... тысячью ласк. А вы так добры, так чисты, свежи, так наружу, что минута, когда вы будете раскаиваться, предчувствую это, будет очаровательна» [7, 305].

Не менее тонко князь Валковский играет и на нюансах мужской психологии. Так, своему потенциальному оппоненту Ивану Петровичу он не стесняется будто бы «открывать душу». Причин здесь целый комплекс: мужская откровенность должна заведомо импонировать; демонстрируется позиция явно колоритная; собеседник должен ее оценить, потому что он — «поэт»; наконец, может сработать и своеобразное обаяние цинизма. Поэтому князь откровенничает: «Вот что, мой поэт, хочу я вам открыть одну тайну природы, которая, кажется, вам совсем неизвестна. Я уверен, что вы меня называете в эту минуту грешником, может быть, даже подлецом, чудовищем разврата и порока. Но вот что я вам скажу! Если б только могло быть (чего, впрочем, по человеческой натуре никогда быть не может), если б могло быть, чтоб каждый из нас описал всю свою подноготную, но так, чтоб не побоялся изложить не только то, что он боится сказать и ни за что не скажет людям, не только то, что он боится сказать своим лучшим друзьям, но даже и то, в чем боится подчас признаться самому себе, — то ведь на свете поднялся бы тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться. <...> Заклучу же так: вы меня обвиняете в пороке, разврате,

безнравственности, а я, может быть, только тем и виноват теперь, что откровеннее других и больше ничего; что не утаиваю того, что другие скрывают даже от самих себя, как сказал я прежде...» [7, 361—362]. Нельзя не заметить здесь перспектив на будущего (и ближайшего по времени) героя-парадоксалиста, Свидригайлова, а также на самого дальнего наследника подобных откровенностей — Федора Павловича Карамазова. Подтверждением этому (относительно Карамазова) служат и дальнейшие откровения князя. Например, такое: «Да, мой поэт, если еще есть на свете что-нибудь хорошенькое и сладенькое, так это женщины» [7, 362]. И еще такое: «Но главное, главное — женщины... и женщины во всех видах; я даже люблю потаенный, темный разврат, пострашее и оригинальнее, даже немножко с грязнотой для разнообразия...» [7, 365]. И здесь предвещаются (как уже указывалось нами ранее) многие герои-циники — парадоксалист, Свидригайлов, Ставрогин, Федор Карамазов.

Таким образом, роман «Униженные и оскорбленные» — важный в развитии художественной гендерологии Достоевского этап. В этом романе Достоевский изображает два особых, актуальных для последующего творчества женских психотипа, получивших воплощение в образах Наташи Ихменевой и Кати. В образе Алеши Валковского можно усмотреть первые намеки на характер князя Мышкина, и во многом благодаря раскрытию через взаимоотношения с двумя женщинами — Наташей и Катей. Князь Валковский, как было сказано, генетически связан с целым рядом мужских героев из романов «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы», и особенно ярко эта связь выявляется именно через анализ женско-мужских отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Охотникова С. Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики / С. Охотникова // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: в 2 ч. — Иваново, 2002. — Ч. 2. — С. 273—279. Или: — Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/gender_issledovaniya_v_literature.htm (Дата обращения 31.01.2018).
2. См., например: Тарланов Е. 3. Женская поэзия в России рубежа веков / Е. 3. Тарланов // Русская литература. — 1999. — № 1. — С. 134—145; / Воробьева С. Ю. Проблема «женского стиля» в литературоведении С. Ю. Воробьева. // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. — 2013. — Т. 13 (4). — С. 87—91.
3. Пензина О. В. Женская проза второй половины XIX века: гендерный аспект авторства: дис. ... к. филол. наук. М., 2009; Пушкарь Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект: на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой: дис. ... к. филол. наук. Ставрополь, 2007; Татаркина С. В. Творчество А. Я. Панаевой в литературном контексте эпохи: гендерный аспект: дис. ... к. филол. наук. Томск, 2006.

4. Синцова С. В. Гендерная проблематика в творчестве Н. В. Гоголя (литературно-художественные аспекты): дис... д-ра. филол. наук. Казань, 2011.
5. См., например: Власкин А. П. Мужское и женское: перспективы непонимания в художественной среде Достоевского / А. П. Власкин // проблемы истории, филологии, культуры. 2003. — № 13. — С. 450—458; А. П. Власкин, Т. Б. Зайцева, С. В. Рудакова. Образная система романа Достоевского «Преступление и наказание» в гендерном аспекте» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. — № 2. — С. 196—205 и др.
6. См.: Юрьева О. Ю. Бунт против тирании и тирания бунта в рассказе Достоевского «Кроткая» / Юрьева О. Ю. // Достоевский и мировая культура. — 2006. — № 21. — С. 91—102; Мужской ум и женское недоумение в мире Достоевского // Три века русской литературы: Межвуз. сб. науч. тр. — М., Иркутск, 2006. — Вып. 13. — С. 99—117.
7. Достоевский Ф. М. ПСС в 30 т. — Л.: Наука, 1972—1990. — Т. 3. — Л.: Наука, 1972. — 543 с.
8. Erik Egeberg. На пороге мастерства: От Униженных и оскорбленных к Преступлению и наказанию // Dostoevsky Studies (MOD). Vol. 20, 2016. — С. 47—58.
9. Достоевский Ф. М. ПСС в 30 т. — Л.: Наука, 1972—1990. — Т. 28/2. — Л.: Наука, 1985. — 616 с.
10. Кушникова М., Тогулев В. «Кузнецкий венец» Федора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века. — Кн. 1 и 2. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005; 2007. — 608; 638 с.
11. Сараскина Л. И. Достоевский. — М.: Мол. Гвардия, 2013. — 825 с.
12. Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество. — Париж: YMCA-Press, 1980. — 563 с.
13. Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение» / С. В. Белов — Т. 1. — СПб.: Алетейя, 2001. — 572 с.
14. Туниманов В. А. Творчество Достоевского: 1854—1862 / В. А. Туниманов. — Л.: Наука, 1980. — 293 с.
15. Старикова В. Е. Вступительная статья / В. Е. Старикова // Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. — М.: Худож. лит., 1969. — С. 22—23.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Макаричева Н. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: 812nataly@mail.ru

*Saint-Petersburg State University of Economics
Makaricheva N. A., Candidate of philology, associate professor,
Russian Language and Literature Department
E-mail: 812nataly@mail.ru*

СЛОВО В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НАИМЕНОВАНИЯ ПОНЁВЫ В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ)

М. В. Панова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 мая 2018 г.

Аннотация: целью данной статьи является этнолингвистическое описание наименований понёвы в воронежских говорах. Исследуются семантические и структурные особенности номинаций, анализируются их мотивировочные признаки, изучается связь с материальной и духовной культурой диалектоносителей. Источниками материала послужили данные современных воронежских говоров и памятников воронежской деловой письменности XVII—XVIII вв.

Ключевые слова: диалектная лексикология, воронежские говоры, этнолингвистический подход, наименования женской одежды, тематическая группа, мотивировочные признаки, связь языка и культуры.

Abstract: the purpose of the article is ethnolinguistic description of nomination of poneva in Voronezh dialects. The semantic and structural features of nominations are investigated. The motivational attributes of nominations are analyzed. The connection of dialect carriers with the material and spiritual culture is studied. The sources of the material are modern Voronezh dialects and texts of Voronezh business literature of the 17th-18th centuries.

Keywords: dialectal lexicology, Voronezh dialects, ethnolinguistic approach, names of women's clothing, thematic group, motivational characteristics, language and culture.

Этнолингвистический подход к описанию диалектных явлений исходит из представления о диалекте не только как о лингвистической территориальной единице, но одновременно и этнографической, и культурологической [1, 21], поэтому объектом этнолингвистики могут быть не любые звенья лексической системы языка, «но только те из них, которые коррелируют с определенными материальными или культурно-историческими комплексами» [2, 71]. Это обстоятельство определяет необходимость этнолингвистического подхода к наименованиям предметов женской одежды как одного из важных лексических пластов, отражающих материальную и духовную культуру жителей региона.

В русских сёлах Воронежской области основной поясной женской одеждой являлась понёва — один из наиболее древних компонентов русского национального костюма. Понёва являлась знаком социального статуса того, кто её носит: её могли надевать только замужние женщины (иногда девушки с наступлением совершеннолетия: *Как вѣйд'а замуш, тѣк пан'овѣ, ѱпку тады брѣсайа. Этѣ ана у ѱпку хѣд'а дѣ замужствѣ* (с. Платава Репьёвского района). Понёвы шились из шерстяной ткани в клетку, образуемую полосами цветных нитей; различались по характеру соединения полотнищ и по особенностям декорирования, что нашло отражение в их номинациях.

Древнее общеславянское слово *понѣва*, известное во многих славянских языках, этимологически

соотносится с *опона* 'кусок материи, завеса, покров' [3, 73]. М. Фасмер связывает лексему *опона* с пьнь, пати 'натягивать' [4]. Е. В. Ухмылина приходит к выводу об индоевропейском характере корня, связанного с терминологией прядения и ткачества [5, 283—286]. Система значений слова *понёва* подтверждает указанное положение.

В древнерусском языке слово *понѣва* обозначало 'кусок полотна, покрывало, плащаницу, завесу, одеяло, покрывало, ковер' [6]. Словарь русского языка XI—XVII веков фиксирует значения, связанные с обозначением ткани или одежды, изготовленной из этой ткани: 'кусок полотна; полотенец' (с XI в.), 'накидка, покрывало' (XI—XII вв.), 'домотканая женская одежда типа юбки' (XVI в.) и др. [7, 67]. Слово *понёва* и его варианты *понява*, *понька* широко представлены в воронежских памятниках XVII — начала XVIII в.в. [8, 143].

Весьма информативный материал дают русские народные говоры, где развитие семантики слова *понёва* (*понява*) пошло двумя путями. Во-первых, реализовалось значение 'накрывать, покрывать', причем внимание акцентируется, главным образом, на ткани, из которой шьют одежду: ср.: *понёва* 'домотканая шерстяная материя; 'женское платье с рукавами из домотканой материи'; 'одежда пожилых женщин из белого домотканого сукна'; 'верхняя холщовая одежда' [9, 254]. Во-вторых, у слова появилась система переносных значений, также мотивированных особенностями материала и покроя. Так, во многих случаях

реализовались семы с отрицательной окраской ('плохая, старая, некачественная ткань; тряпка'; 'бесформенный, мешковатый'): 'длинная и широкая не по росту одежда', 'плохая, затрепанная женская одежда' [9, 254]. Таким образом, можно предположить, что развитие значения слова *понёва* шло от названия ткани, завесы любого рода, выполнявшей защитную функцию, к одежде определенного типа и далее к номинации с отрицательной коннотацией.

Тематическая группа названий *понёвы* включает родовые названия *понёвы* и её видовые номинации. В качестве родовых наименований выступают лексемы *понёва* и словообразовательные варианты *пóня*, *пoнёвша*. Видовые наименования *понева* многочисленны и разнообразны (более 50 номинаций), по структуре их можно разделить на составные номинации и однословные названия.

Составные названия представляют собой лексикализованные словосочетания, включающие слово *понёва* с определением, которое может быть выражено: а) именем прилагательным (*понёва белогла́зая*, *понёва синегла́зая*, *понёва черногла́зая* и др.); б) страдательным причастием (*понёва бра́тая*, *понёва тка́тая*, *понёва ря́женная* и др.); в) существительным в форме творительного падежа с предлогом *с* (*понёва с кра́сью*, *понёва с бе́лью*, *понёва с кру́гами* и др.); г) существительным в форме творительного падежа без предлога (*понёва кле́пушками*); д) существительным в форме винительного падежа с предлогом *в* (*понёва в ду́рочку*, *понёва в четы́ре гла́за* и др.).

Однословные названия в ряде случаев являются результатом «свёртывания» конструкции: *понёва с кру́гами* → *круг*, *понёва синегла́зая* → *синегла́зка*, *понёва кле́пушками* → *кле́пушки*, *понёва в ду́рочку* → *ду́рочка* и др.

Дифференциация видовых названий *понёвы* осуществляется в зависимости от цвета ткани, специфики украшений, способа ношения, способа изготовления ткани, т.е. от существенных для диалектоносителей этнографических признаков.

Изначально *понёва* отражала родоплеменную принадлежность, и одним из ярких признаков, свидетельствующих о племенном статусе, является цвет ткани. Данный признак определяет названия *понёва черногла́зая*, *понёва синегла́зая*, *синегла́зка*, *синebróвка*, *синевка*, *синетка*. Лексеме *синевка* со значением 'синяя понева' отмечает В. И. Хитрова в воронежской письменности XVII в.: *рубашка му(с)кая да портки да понева сине(в)ка* [8, 145]. Слово *синетка* регистрирует С. И. Котков в воронежских письменных источниках XVII века [10]. По наблюдениям этнографов, синяя *понёва* совпадает с областью распространения культуры вятичей по берегам Оки [11, 215]. *Понёвы* синего цвета в Воронежском регионе встречались редко, по большей части бытовала черная клетчатая *понёва*. Видимо, именно стремление диалектоносителей зафиксировать уникальность

данного предмета одежды закрепилось в номинациях.

Особое значение придавалось способу, характеру декорирования *понёвы*. Наличие или отсутствие орнамента, богатство и разнообразие украшений зависели часто от экономического благополучия семьи: *Над'авáли пан'óву ч'óрна́йу, а нис у пан'óвы в'ес' был вы́шитай цв'а́тами, ку́биками. Чем бо́л'ша ку́бики, тем ба́га́чь же́ншы́на. У бе́дных ку́бики сафс'ём ма́лин'кыйа бы́ли* (с. Мастюгино Острогожского района). Характер украшений свидетельствовал о функции *понёвы* (праздничная или будничная), мог нести информацию о возрасте женщины: самые нарядные *понёвы* носили «молодухи» в первый год замужества до рождения первого ребёнка; чем старше становилась женщина, тем меньше украшений оставалось на *понёве*. В с. Роговатое Шаталовского р-на Белгородской области (ранее Нижнедевицкий уезд Воронежской губернии) зафиксированы названия *понёв*, которые носили только старые женщины — *понёва стару́шечья в поло́ску*, *стару́шечьи поло́сы*.

С учетом особой значимости украшений большинство видовых названий *понёвы* следует дифференцировать в зависимости от особенностей орнамента. Специфика декорирования *понёвы* могла проявляться в наличии или преобладании определенного цвета в деталях, о чем свидетельствуют наименования *белгорóдка*, *белору́ска*, *понёва белогла́зая*, *понёва с бе́лью* 'понёвы с белыми полосками, образующими клетки', *понёва с кра́сью*, *краснополо́ска* 'понёва с преобладанием красного цвета в орнаменте вышивки'.

Наименования, характеризующие *понёву* по степени её нарядности обозначают богато украшенную *понёву* безотносительно ко времени ее использования (*понёва ря́женная*, *кудря́вка*, *понёва жи́тная*, *понёва расше́нацкая*) и *понёвы*, приуроченные к определенному празднику; такие *понёвы* декорировались особенно пышно (*понёва воскре́сёнская*, *понёва воскре́сенья*, *годо́ви́шная понёва*).

Названия, отражающие локализацию украшений, указывают на особенности расположения данных элементов на *понёве*. Украшение может быть сосредоточено по краям клеток (*голо́клéтка*), по рубцам и нижнему краю *понева* (*понёва распо́лотнённая*), только по нижнему краю (*понёва вы́кладенная*, *понёва подвезённая*, *понёва подложённая*, *понёва подш́итая* и др.). Названия, мотивированные характером рисунка, узора, включают диалектные наименования орнамента: *понёва с кру́гами*, *понёва кле́пушками*, *понёва с па́льчиками*, *четырёхгла́зка* и др. По способу украшения, особой технике выполнения узора отличаются *понёва бра́тая*, *понёва подбо́рочная*, *понёва ко́лоная*, *понёва петли́стая* и др.

Анализ наименований *понёвы* в воронежских говорах позволяет говорить об отражении в лексике богатого культурного пласта, характерного для исследуемой территории. При этом привлечение дан-

ных воронежских памятников письменности XVII столетия (периода, с которым преимущественно связано освоение Воронежского края) позволяет установить непрерывную историю существования понёвы как этнографической реалии и лексем, её называющих. Полагаем, что наличие большого разнообразия видовых наименований понёвы свидетельствует не только об «укоренённости» слова и его богатом словообразовательном и семантическом потенциале, но и об особенностях языковой картины мира диалектоносителей, воплотивших в наименованиях предмета костюма свое восприятие действительности — как утилитарное, так и эстетическое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Н. И. Язык и культура / Н. И. Толстой // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М., 1995. — С. 15—26.
2. Сухачев Н. Л. Этнолингвистический аспект ареальных исследований / Н. Л. Сухачев, В. А. Михайлов // Лингвоэтногеография: Сб. науч. трудов. — Л., 1983. — С. 66—73.
3. Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии / П. Я. Черных. — М., 1956. — 243 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 тт. / М. Фасмер. — М., 1964—1973.
5. Ухмылина Е. В. Праславянский корень *рѣ- в лексике одежды / Е. В. Ухмылина // Собрание по общеславянскому лингвистическому атласу. Воронеж, 11—16 сентября 1974 г. — Воронеж, 1974. — С. 283—286.
6. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. / И. И. Срезневский. — М., 1958.
7. Словарь русского языка XI—XVII вв. — Вып. 17. — М., 1991.
8. Хитрова В. И. Местная лексика в языке воронежских рукописных памятников XVII — первой четверти XVIII вв.: дис. ... канд. филол. наук / В. И. Хитрова. — Воронеж, 1972. — 440 с.
9. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. — Вып. 29. — М.-Л., 1995.
10. Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков / С. И. Котков. — М., 1970. — 316 с.
11. Лебедева Н. И. Русская крестьянская одежда XIX — начала XX века / Н. И. Лебедева, Г. С. Маслова // Русские: Историко-этнографический атлас. — М., 1967. — С. 193—358.

*Воронежский государственный университет
Панова М. В., доцент кафедры славянской филологии
филологического факультета
E-mail: mvpanova@mail.ru*

*Voronezh State University
Panova M. V., Associate Professor of the Slavic Philology
Department of the Philological Faculty
E-mail: mvpanova@mail.ru*

«РАСПАД ВРЕМЕН» В РОМАНАХ М. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» И М. ОСОРГИНА «СИВЦЕВ ВРАЖЕК»

Г. О. Папшева, Н. В. Голубцова

Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко

Поступила в редакцию 1 августа 2018 г.

Аннотация: в статье анализируется интерпретация постреволюционного времени в творчестве 20х годов XX века на примере романов М. Осоргина и М. Булгакова, выявляются сходные черты в повествовательной, образно-метафорической и лингвистической структуре прозаических произведений. Выдвигаются предположения о возможных стилистических заимствованиях и аллюзиях при построении модели художественного мира, проводится сравнительно-сопоставительный анализ произведений. Выявляются основные черты сходства и различия в воспроизведении реалий новой государственной формации: антитезы «свет-тьма», «холод-свет», образ Дома в качестве положительного ориентира, специфика интерпретации хронотопа переходного периода, имитация сказовой манеры повествования.

Ключевые слова: русская литература, Гражданская война, М. А. Осоргин, М. А. Булгаков, хронотоп.

Abstract: In this article the specific character of the post-revolutionary period in the novels of M. Osorgin and M. Bulgakov works is analyzed, similar features of the narrative, metaphorical and linguistic structure are represented. "The collapse of times" in the novels of M. Bulgakov "White Guard" and M. Osorgin "Sivtsev Vrazhek" became the subject of comparative analysis. There are the main types of characters, existence in mythological space and time of a new historical period, reflected in the structure of the text. It is suggested the possible stylistic allusions in the creating model of the world in novels, comparative analysis of writer's masterpieces is shown. The main lines of similarities and differences in image of new state formation are represented: antithesis "light-darkness", "cold-light", the image of the House as a positive marked place, chronotope of transition period, imitation of fable narrative manner.

Keywords: Russian literature, Civil war, M. A. Osorgin, M. A. Bulgakov, chronotope.

Эпоха больших культурно-исторических изменений неизбежно влечет за собой трансформацию окружающего пространства, создает культурный разлом между цивилизационными образованиями, разделяя объективно существующий мир на «до» и «после». Русская культура в полной мере испытала последствия смены политического строя, что, в свою очередь, нашло отражение в литературе и публицистике. Быстрые и подчас чудовищные перемены становятся предметом размышлений для целого ряда писателей, в числе которых оказываются М. А. Осоргин и М. А. Булгаков.

Судьба двух авторов ощущается как диаметрально противоположная. Михаил Андреевич Осоргин, талантливый журналист и очеркист, писательскую деятельность начнет только в эмигрантском Париже; Михаил Александрович Булгаков, обладавший к 1917 году заслуженной репутацией автора и драматурга, становится непосредственным свидетелем переломной эпохи.

Таким образом, мы имеем возможность сопоставить презентацию революционной эпохи извне, с позиций писателя-иммигранта, и изнутри, глазами

человека, пережившего трагедию «распада времен» на личном опыте.

При первом знакомстве становится очевидным существенное сходство прозаических произведений в архитектонике сюжета, в построении образно-метафорической системы, даже в повествовательной манере. Можно предположить факт знакомства писателя-эмигранта с прозаическим или драматургическим текстом Булгакова. Подтверждением тому служит благосклонная рецензия на изданный в Париже текст пьесы, опубликованная Осоргиным в 1929 году. Вероятно, писатель-эмигрант мог ознакомиться и с полным текстом литературного собрата, так как французское издание «Белой гвардии» увидело свет в 1927—1929 годах, в то время как «Сивцев Вражек» выходит в печать в 1929.

Однако и без вышеизложенных соображений сходство между романами достаточно велико. И Булгаков, и Осоргин воспринимают первые годы революционного режима как хаотическое движение элементов распадающейся культуры, как столкновение прошлого и настоящего на пороге рождающегося мира, как диалог двух культур. Тем не менее созданный в условиях эмиграции «Сивцев Вражек» вступает в полемику с выводами произведения Булгакова.

Для объективности анализа выделим уровни архитектоники текста: воспроизведение «пространства-времени», специфику образно-метафорической системы, особенности языковой презентации автора-повествователя.

Местом действия авторы избирают знаковые города, обладающие обширным багажом культурно-исторических параллелей. У Осоргина это Москва, у Булгакова — Киев. При этом в романе «Сивцев Вражек», первоначально претендующем на камерность сюжетно-повествовательных линий, парадоксально возникает масштабность и широкий охват географии; герои путешествуют, в поисках пропитания наведываются в близлежащие деревни; ласточки — объект наблюдения старого орнитолога — приносят на крыльях тепло и свет далекого Египта; в рядах солдат Первой мировой войны отважно сражаются французы, итальянцы и немцы: Жаны и Базили из Масси, Джованни и Базилио из Пьеве ди Кастелло [1, 11].

Оба писателя вводят ассоциативный ряд: «революция-смерть-зима-холод-темнота», но временные и пространственные рамки романа Осоргина шире, описываемый исторический период — с 1914 до 1919 — подразумевает концепт смены времен года, как символ надежды. Герои Булгакова словно заперты в одном временном периоде, в границах одного города.

У Булгакова холод связан с образом снежной стихии — метели, движение холодных потоков ветра характеризует энтропийную сущность революции, хаотическое движение людей, бесформенное «пространство-время» переходного периода [2, 8]. У Осоргина холод статичен, это ледяное дыхание смерти, отрицающее саму идею динамики. Символично, что в романе «Сивцев Вражек» холод концентрируется в Кремле — средоточии государственной жизни России. У Михаила Булгакова сходный мотив трупного окоченения встречается в картине посещения морга, куда Николка приходит в поисках останков погибшего Най-Турса. В символическом плане гибель старого мира в романах метафорически передает смерть матери Алексея Турбина («Белая гвардия») и смерть бабушки, заменившей мать осиротевшей Танюше Горяевой («Сивцев Вражек»).

Тезис о мертвенности первых месяцев нового режима закономерно ставит вопрос об антитезисе, о культурных ценностях, противостоящих распаду. У Булгакова это, прежде всего, интимный круг единомышленников, собирающихся на квартире Турбиных, как обозначение тепла и света — изразцовая печь, лампа. У Осоргина сходные мотивы воплощены в образах самовара на углях, часов с кукушкой, ласточкиного гнезда под крышей. Однако в романе писателя-эмигранта отчетливо звучит мотив перемен, воплощенный в природно-сезонных трансформациях, символе возрождения и воскрешения, в ласточке, прилетающей каждый год на одну и ту

же крышу. Такова внутренняя философия человеческого бытия, в понимании автора: «человек — тоже растение, прорастающее на камнях цивилизации» [1, 148]. У Михаила Булгакова весна предстает далеким воспоминанием, природа лишена животворящей силы, сады стоят, «отягченные снегом», персонажи остаются один на один в сложном историческом поединке [4, 13].

Смена культурных эпох закономерно вызывает в памяти целый ряд культурно-исторических параллелей. Временные смещения и разломы, возникающие в момент хаотического движения, позволяют героям мысленно перемещаться из настоящего в прошлое. На страницах романа возникают образы древнейших катастроф: развалины Колизея, гибель Вавилона, бунт времен «Лексия Михалыча» («Сивцев Вражек»), «Кай Юлий Цезарь», Петр I и Мазепа, князь Владимир («Белая гвардия») [5, 8].

В романе М. Осоргина временные искажения получают метафорическое обоснование, поскольку диффузия временных пластов соответствует постреволюционному состоянию мира. Время становится «не-настоящим», оно утратило способность развиваться непрерывно и поступательно, возвратилось к прежнему хаотическому состоянию. В романе «Сивцев Вражек» этому соответствует символический образ сломанных часов, в «Белой гвардии» — восход на небе зловещего красного Марса.

Помимо вполне реалистичного пространства в системе художественного мира присутствует онирическое пространство снов, выполняющих роль предостережения и рефлексии сознания, зашифрованной в архетипах и символах [6, 78]. В романе Осоргина снам посвящены отдельные главы, особенно выразительны в данном плане картина «бунта уродов и калек», предстающая в сновидении офицера Стрельникова, «гнилозубая тень» Смерти в сером балахоне [1; 78, 156, 180]. Не менее значим мир снов у Булгакова, зыбкий и обманчивый, он носит на себе отпечаток измененной реальности. Мифологизированное пространство проникает в реальный мир, наполняя сознание овеществленными страхами и демонизированными персонажами, чьи конкретно-исторические черты размыты. В «Белой гвардии» таковым выступает таинственный Петлюра, чьего появления, как Ревизора в пьесе Гоголя, боятся и ждут герои. Мертвым кораблем высится среди развала кипения и суеты гимназия, где еще недавно учился Николка Турбин. В романе Осоргина в данном качестве выступает абстрактный солдат-дезертир, несущий вместе с окопной вошью ощущение опасности и беспокойства; зловещий образ поезда, свинцовые «шмели» — пули, «металлическая птица»-самолет, «чудовищная рыба, плюющаяся огнем» — подводная лодка [1, 48].

Лишь Дом, семейный очаг сохраняют привычные характеристики в стремительно меняющемся мире, принадлежность к Дому, служение его идеалам —

единственно верное средство противостоять силе распада. Свет и тепло противопоставлены внешней тьме, в огороженном, огражденном от нечистой силы пространстве сплавляются воедино идеалы старого поколения и молодежи, с надеждой смотрящей в будущее. В качестве последней выступают Николка Турбин («Белая гвардия»), Вася Болтановский и Татьяна («Сивцев Вражек»).

Говоря о построении образно-метафорической системы, следует обозначить антиномические пары, организующие данную систему. В качестве таковых выступают «свет-тьма», «тепло-холод», «мир-война».

Последняя пара антиномий выявляет различие в мировоззрении писателей. Если у Булгакова герои в большинстве своем принадлежат к военной касте и способны воспринимать войну как патриотическую и справедливую, персонажи Осоргина, прежде всего, представители интеллигенции, любая военная эскапада преподносится заведомо в негативных тонах. «Насильственных вторжений в мировую эволюцию природа вообще не терпит; она мстит за это, и жестоко мстит», — заявляет старый профессор, выступающий носителем мудрости и здравого смысла в романе «Сивцев Вражек» [1, 7]. Персонажи, непосредственно связанные с военными действиями (Андрей Колчагин, Эрберг, инвалид Стольников, инженер дядя Боря), являются носителями преимущественно негативных характеристик. Концепт войны предстает на страницах романа как «багряный закат», «кровь, стекающая по столбам северного сияния», «красный гриб под сосной». Последний образ пророчески совпадает с картиной атомного взрыва — угрозы, еще незнакомой первой трети XX века.

Воссоздав картину нового, искаженного пространства-времени, писатели предполагают две модели поведения обывателя, порожденные страхом переходного периода. Символически их можно обозначить как уподобление зверю и уподобление вещи, «овеществление» [7, 73].

В романе «Белая гвардия» жители Города заняты лихорадочной деятельностью, они суетятся, спешат жить, обедают в лавках-паштетных, чтобы только заглушить ужас перед приближающейся бедой. Михаил Осоргин проводит параллели с животным миром: с обезьянами, оказавшимися на изолированном острове, с крысами, расчищающими жизненное пространство.

На более низкой ступени развития оказываются люди-вещи, полностью лишенные свободы воли. И если Николка Турбин удивляется неуважительному отношению к останкам доблестного Най-Турса, в художественном мире Осоргина живые люди постепенно привыкают к новому статусу неживого предмета. Из горевших и обстрелянных домов выбегают уже не люди — выбегают довольство и нужда, в Обрубок превращается офицер Стольников, «вещью с абсолютным слухом» становится

музыкант Эдуард Львович, лишенный любимого инструмента.

На страницах романов часто возникает тема музыки, специфическим языком звуков и диссонансов говорящей о «распаде времен». Музыка переходного периода — это какофония звуков, идей, слов, соответствующая энтропийному состоянию мира. «Мира нет», — заключает Алексей Турбин. «Дисгармония», — вторит ему персонаж М. Осоргина музыкант Эдуард Львович.

Музыка присутствует как неотъемлемый атрибут образа Дома, в романе Осоргина это особый язык, повествующий об утраченном Космосе и Хаосе нового времени, у Булгакова музыка воссоздает картины семейного уюта семьи Турбиных. Музыка сопутствует эпитету «вечный», «бессмертный», как признак нетленности культурного наследия, противостоящего хаосу бытия.

Говоря о языковой системе, нельзя не отдать должное стилистической составляющей анализируемых прозаических произведений. Оба автора, характеризуя возникшее противоречие бытия, прибегают к имитации «живой речи», импровизированному рассказу, образу «наивного рассказчика» [8, 10; 6, 8].

Оба романа имеют схожее начало, восходящее к сказовым традициям зачина. Булгаков воспроизводит интонацию библейского эпоса: «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом» [цит. по 9, с. 6], Осоргин прибегает к градации, подчеркивающий масштабы происходящего: «В беспредельности Вселенной, в Солнечной системе, на Земле, в России, в Москве, в угловом доме Сивцева Вражка, в своем кабинете сидел в кресле ученый-орнитолог Иван Александрович» [1, 4].

Библейски-торжественное начало дробится, распадается на короткие, эмоциональные фразы, избилующие риторическими вопросами и восклицаниями, особенно востребованными в сценах описания войны: «Вы слышите гудящий свист, — вам еще это не знакомо? Бросьтесь на землю, закопайтесь в нее головой, глубже, глубже» («Сивцев Вражек») — «Абажур священен. Никогда не убегайте крысёй побегом на неизвестность от опасности. У абажура дремлите, читайте — пусть воет вьюга, — ждите, пока к вам придут. Тальберг же бежал» («Белая гвардия»). Авторы косвенно вступают в полемику: писатель-эмигрант советует держаться ближе к земле, Булгаков воспекает охранную силу Дома.

Язык как феномен культуры в полной мере передает происходящее, фиксирует социальные перемены, сохраняет культурную традицию [10, 15], поэтому в обоих романах важную роль играет личная, интимная переписка, и если у Булгакова — это символ преемственности поколений, в «Сивцевом Вражке» М. Осоргина старыми письмами растапливают

печи, продают на бумагу для папирос, используют в качестве оберточной бумаги.

Хотя в творчестве М. Булгакова тема борьбы с «канцеляритом», с упрощением языка появится позже, стилистическое единство писателей кажется очевидным: вербализация новых реалий в романе «Сивцев Вражек» — «уплотнение», «кремлевский паек», «мешочники», «игранный сахар», — кажется, могла бы принадлежать и автору «Мастера и Маргариты».

Речевая стратегия и тактика кризисного дискурса включает в себя подмену основных понятий, господство однотипных лозунгов, маскирующих абсурдность бытия. В художественном мире Осоргина мертвецы называются простонародным словом «жмурики», дворяне — «бывшими, буржуазными элементами», жена — «сожительницей», в Москве не просят о помощи, а «входят в контакт», «устанавливают связь», люди существуют в соответствии с законами «экономии душевного тепла».

Подводя итоги анализа, отметим основные мотивы, возникающие в творчестве двух писателей. Борьба старого и нового мира, видоизменение окружающего пространства-времени воспринимается как неизбежный процесс, упрощение мировосприятия, сброс усложненных механизмов восприятия, сопровождающиеся усилением ощущений страха и растерянности, искажение «пространства-времени», подмена символических понятий, разрушение языковой системы.

Наряду со схожими чертами нельзя не отметить и различия в воссоздаваемой художественной картине мира, переживающего момент распада. Если Булгаков в Хаосе Гражданской войны не видит положительных моментов, то М. Осоргин настроен на оптимистический диалог двух культур: из Хаоса переходной эпохи неизбежно возникнет новая культура, новый Космос. И этот жизнеутверждающий вывод Осоргина позволяет предположить новое прочтение

главного вопроса 20-х годов, оправдание Хаоса, бессмыслицы революции как неведомого ранее смысла, как надежды на возрождение и воскрешение утраченной гармонии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осоргин М. А. Сивцев Вражек. Свидетель истории. / М. А. Осоргин. — М.: Моск. рабочий, 1990. — 622 с.
2. Гуткина Н. Д. Роман М. А. Булгакова «Белая гвардия» и русская литературная традиция: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Д. Гуткина. — Н. Новгород, 1998. — 27 с.
3. Барковская Н. В. Возвращение к истокам: (Осмысление исторической судьбы России в «Старинных рассказах» М. Осоргина) / Н. В. Барковская // Михаил Осоргин: Страницы жизни и творчества. — Пермь, 1994. — С. 72—77.
4. Михалевич Е. В. Сопоставительный анализ речевых партий персонажей романа М. Булгакова «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных»: автореф. дис. канд. филол. наук / Е. В. Михалевич. — СПб, 1999. — 23 с.
5. Кадырова Н. С. Концептосфера романа М. А. Булгакова «Белая гвардия»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Кадырова. — Sterlitaamak, 2013. — 25 с.
6. Папшева Г. О. Эсхатологические мотивы в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек» / Г. О. Папшева // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика, 2010. — № 1. — С. 75—79.
7. Лобанова Г. И. «Маленький человек» в вихре истории: опыт анализа романов М. Осоргина 1920—1930 г. / Г. И. Лобанова. — Уфа: Вагант, 2008. — 259 с.
8. Кашина И. В. Фразеологизмы в исторических рассказах М. Осоргина / И. В. Кашина // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. — Т. 143. — Казань, 2002. — С. 145—147.
9. Орлова О. А. Эсхатологические мотивы в творчестве М. А. Булгакова: на примере романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Орлова. — Москва, 2008. — 23 с.
10. Фрадкина С. Я. На перекрестке традиций: («Сивцев Вражек» М. Осоргина и традиции русской классики) / С. Я. Фрадкина // Михаил Осоргин: Страницы жизни и творчества. — Пермь, 1994. — С. 13—21.

Воронежский Государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко

Папшева Г. О., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка

E-mail: gal.o.p@yandex.ru

Голубцова Н. В., преподаватель кафедры русского языка

E-mail: nadia.golubtsova@yandex.ru

Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko
Papsheva G. O., Candidate of Philology, Lecturer of the Russian language Department

E-mail: gal.o.p@yandex.ru

Golubtsova N. V., Lecturer of the Russian language Department

E-mail: nadia.golubtsova@yandex.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК НОВЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ¹

Е. А. Попова

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию мая 2018 г.

Аннотация: статья посвящена прецедентным текстам региональной направленности, связанным с Липецким краем. Изучение прецедентных текстов региональной направленности с позиций актуальных направлений современной филологии является задачей особой важности, так как эти тексты через понятие малой родины и ее составляющих помогут современным носителям русского языка и культуры почувствовать свою причастность к большой Родине, ее языку и культуре и тем самым сохранить свою национальную и культурную идентичность.

Ключевые слова: прецедентные тексты региональной направленности, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, И. А. Бунин, М. М. Пришвин, национальная и культурная идентичность.

Abstract: the article is devoted to the regionally oriented precedent texts connected with the Lipetsk region. The study of regionally oriented precedent texts from the perspective of the current trends in modern philology is a task of particular importance, since these texts, through the notion of a small homeland and its components, will help modern Russian speakers and culture carriers feel their involvement in the great Motherland, its language and culture and thereby preserve their national and cultural identity.

Keywords: regionally oriented precedent texts, A. S. Pushkin, L. N. Tolstoy, I. A. Bunin, M. M. Prishvin, national and cultural identity.

Среди словесных текстов, оказывающих наиболее сильное влияние на формирование филологической культуры языковой личности, причем как индивидуальной, так и коллективной, т.е. нации, самое важное место принадлежит прецедентным текстам. Этот термин был введен в науку о языке Ю. Н. Карауловым во 2-й половине 80-х гг. прошлого века. Прецедентными он назвал тексты, «значимые для... личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников», тексты, «обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1, 216]. Дальнейшее изучение прецедентных текстов привело к их различным классификациям (одной из самых распространенных является деление прецедентных текстов на универсально прецедентные, национально прецедентные, профессионально прецедентные), а также к их включению в ряд прецедентных феноменов, таких как прецедентные имена, прецедентные высказывания,

прецедентные ситуации. Одним из новых аспектов исследования прецедентных текстов является выделение среди национально прецедентных текстов прецедентных текстов региональной направленности. Применительно к Липецкому краю к таким текстам будут относиться национально прецедентные тексты, созданные родившимися, жившими и/или бывавшими здесь писателями и поэтами (И. С. Тургеневым, Л. Н. Толстым, И. А. Буниным, М. М. Пришвиным, Е. И. Замятиным, Б. Л. Пастернаком, К. Г. Паустовским и др.), особенно те тексты, в которых упоминаются топонимы и антропонимы, связанные с нашим краем: города *Липецк, Елец, Лебедянь, Задонск* и др.; села *Хрущево, Становое, Чернава* и др.; реки *Дон, Воронеж, Сосна, Красивая Меча* и др. Уже такая сильная позиция некоторых прецедентных текстов, как заглавие, включает «липецкие» топонимы: это комедия А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», рассказы И. С. Тургенева «Лебедянь», «Касьян с Красивой Мечи» и др.

Многие авторы национально прецедентных текстов имеют отношение к Липецкому краю. На липецкой земле родились и жили несколько поколений предков А. С. Пушкина, отец М. Ю. Лермонтова, И. А. Бунин, М. М. Пришвин, Е. И. Замятин, бывали В. А. Жуковский, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, Г. И. Успенский, М. А. Булгаков, Б. Л. Пастернак, К. Г. Паустовский, М. Горький, у нас прошли последние дни жизни Л. Н. Толстого. Этими и другими писателями

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики» (2018–2019 гг.) № 18-412-480003

созданы классические произведения русской литературы, являющиеся гордостью как нашего края, так и всей русской литературы.

Так, Пушкин в незаконченной поэме «Езерский» писал о себе и своих предках следующее: *Люблю от бабушки московской / Я слушать толки о родне, / Об отдаленной старине. / Могучих предков правнук бедный, / Люблю встречать их имена / В двух-трех строках Карамзина.*

Речь здесь идет о родной бабушке великого поэта — Марии Алексеевны Пушкиной (Ганнибал), — которая, прежде чем переехать в Москву и стать «московской бабушкой», была «бабушкой липецкой»: в Липецке она родилась и жила, здесь венчалась с Осипом Абрамовичем Ганнибалом — сыном знаменитого арапа Петра Великого (его направила в Липецк Екатерина II для осмотра и ревизии железоделательных заводов), сюда она вернулась после развода с мужем вместе с дочерью Надеждой — будущей матерью Александра Пушкина.

У Ю. Н. Тынянова в романе «Пушкин» есть отрывок, в котором изложены мысли бабушки Пушкина, готовящейся к встрече гостей, приглашенных в дом по случаю крестин внука Саши. Значительное место в ее размышлениях занимает город Липецк: *В глубине души она считала основательным местом и вообще основным местом своей жизни город Липецк, недалеко от которого была усадьба ее отца и в котором она жила барышнею. Город был чистый, главные улицы обсажены дубками и липами. Груш и вишен — горы. Девки в безрукавках, расшитых сорочках. А липы как раз в такую пору цвели; от них шел густой приятный дух. Приезжали летом самые лучшие люди, самые нарядные, сановные, из столиц — купаться в липецких грязях. На чугунные заводы посылали самых лучших и тонких офицеров из столицы с поручениями по артиллерии. И когда она выходила замуж, ей все завидовали, хотя и притворялись, что равнодушны, и даже посмеивались, что идет за арапа. Был по морской артиллерии, любезен до пределов, весь как на пружинах, страстен и на все готов для невесты. А оказался злодей. <...> А Липецк как был, так, говорят, и стоит. Последнее предложение в немногочисленном виде (А Липецк как стоял, так, говорят, и стоит) повторяется в романе еще раз.*

Пушкин в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» упоминает Елец, в котором он был проездом: *До Ельца дороги ужасны. <...> Мне случилось в сутки проехать не более пятидесяти верст. Наконец увидел я воронежские степи и свободно покатился по зеленой равнине.*

В последние годы в лингвистике активно изучаются сверткосты: Петербургский, Московский, Провинциальный, Воронежский и другие. Немаловажное место в Провинциальном тексте русской литературы занимает автобиографический роман И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева», в котором предстает город со

«старым, наследственным бытом». На его долю не раз выпадало горе, и он стойко переносил пожары, голод, эпидемии, вновь и вновь, словно Феникс из пепла, возрождаясь к прежней жизни. В «Жизни Арсеньева» можно обнаружить многочисленные элементы Провинциального текста русской литературы. Так, в романе не упоминается настоящего названия провинциального города, в который приезжает учиться герой произведения, хотя упомянутые И. А. Буниным детали городского быта позволяют с уверенностью говорить, что речь идет о Ельце. Елец описан как удивительный, многообразный мир, и не случайно на первом месте в детских воспоминаниях главного героя стоит путешествие в «заповедную страну, которая называлась городом».

Патриархальным и исполненным какого-то необычайного покоя (*покой* — один из ключевых концептов Провинциального текста русской литературы) предстает Елец и на страницах произведения К. Г. Паустовского «Золотая роза». Писатель, у которого «с ранней юности была неистребимая страсть посещать места, связанные с жизнью любимых писателей и поэтов», решил съездить в Елец, чтобы посмотреть этот бунинский город. Об этом Паустовский так писал в «Золотой розе»: *Я ехал в Елец. Тощие зеленя тянулись за окнами вагона. <...> Был серый высокий день. Пошел неожиданный запоздалый снежок. Ветер сдувал его с мостовых, обнажая каменные, избитые подковами, белые плиты.*

Город был весь каменный. Чудилось в этом его каменном облике что-то от крепости. Оно чувствовалось и в пустынности улиц, и в их тишине. <...> Елец действительно был крепостью. Бунин в «Жизни Арсеньева» говорил о нем: «... Город... гордился своей древностью и имел на то полное право: он и впрямь был одним из самых древних русских городов, лежал среди великих черноземных полей Подстепья на той роковой черте, за которой некогда простиралась “земли дикие, неизвестные”, а во времена княжеств Суздальского и Рязанского принадлежал к тем важнейшим оплотам Руси, что, по слову летописцев, первые вдыхали бурю, пыль и хлад из-под грозных азиатских туч...»

Почти каждое слово в этом отрывке доставляет наслаждение своей простотой, точностью, образностью. <...>

Я долго простоял около здания мужской гимназии с каменным двором. В этой гимназии учился Бунин. Внутри было тихо, за окнами шли уроки.

Писатель Иван Алексеевич Бунин (1870—1953) приходился родственником знаменитому географу, энтомологу, ботанику, государственному и общественному деятелю Петру Петровичу Семенову-Тянь-Шанскому (1827—1914), бабушка которого — Мария Петровна — была урожденная Бунина. И. А. Бунин проявлял большой интерес к своему известному родственнику и его семье. 1932 годом датирован его очерк «Семеновы и Бунины», опубликованный в парижской

газете «Последние новости» под названием «Записи». При создании очерка Бунин опирался на «Мемуары» П. П. Семенова-Тян-Шанского. Значительное место в очерке занимает биография первой русской поэтессы Анны Петровны Буниной (1774—1829), приходившейся выдающемуся географу и путешественнику близкой родственницей — сестрой его бабушки. Бунин пишет: *В этом первом томе мемуаров Семенова много говорится о нашем, бунинском, роде, к которому Семеновы принадлежат по женской линии, и в частности, об Анне Петровне Буниной*. В конце очерка Бунин, рассказывая о последних днях А. П. Буниной, умершей от рака, пишет о внучатом племяннике поэтессы — П. П. Семенове-Тян-Шанском: *Последние дни свои она провела за переводом проповедей Блэра и за непрестанным чтением книг Священного писания. Скончалась 4 декабря 1829 года, в селе Денисовке, Рязанской губернии, у своего племянника Д. М. Бунина. Тело ее погребено в ее родном селе Урусове. На могиле ее, может быть, и до сих пор стоит скромный памятник, в свое время возобновленный П. П. Семеновым-Тян-Шанским* (орфография автора. — Е. П.). В его мемуарах приводится милая надпись, сделанная ему А. П. на переводе проповедей Блэра, на книжечке в красном сафьяновом переплете:

«Дорогому Петеньке Семенову в чаянии его достославной возмужалости».

П. П. Семенов-Тян-Шанский и А. П. Бунина — наши земляки: их место рождения (а у А. П. Буниной и погребения) находится в современном Чаплыгинском районе Липецкой области. В очерке «Семеновы и Бунины» упоминается Липецк как место, где бывала А. П. Бунина: *Жила она эти последние годы то у родных, в деревне, то в Липецке, то на Кавказских водах, всюду ища облегчений от своих страданий*.

Липецкий край — родина Михаила Пришвина, который родился «в 1873 году в селе Хрущево Соловьевской волости Елецкого уезда Орловской губернии по старому стилю 23 января, когда прибавляется свет на земле и у разных пушных зверей начинаются свадьбы» («Кашеева цепь»).

Весь автобиографический роман «Кашеева цепь» есть, по определению Пришвина, «песнь мальчика о своей родине», как большой, так и малой. В дневниках Пришвина часто упоминаются Елец, Хрущево, а также Липецк, Лебедянь, Задонск.

В дневниковых записях Пришвина от 13 и 16 октября 1919 г., сделанных в Ельце, писатель искал от-

вета на вопрос, «что обозначает слово родина и слово отечество, — какая между ними разница? Ответ: родина — место, где мы родились, отечество — родина, мною созданная». Осознать свою Родину как Отечество во многом помогают прецедентные тексты региональной направленности.

Для человека мир и все в нем существующее всегда делится на свой и чужой, границы между которыми часто очень условны. По словам М. М. Пришвина, «у меня свое, у тебя свое, у него ... а вместе — это родина» («Раздумья») [2, 207]. Региональные прецедентные тексты не только отражают духовные и интеллектуальные ценности русского народа, сохраняют культурную память многих поколений, но и делают великих русских писателей и их произведения частью своего мира. Они помогают, как писал уроженец русской провинции философ С. Н. Булгаков, «познать самого себя» (здесь и далее выделено автором. — Е. П.) в своей природной индивидуальности, «...» полюбить свое, род и родину, постигнуть в ней самого себя» [3, 308].

В современном мире очень остро стоит проблема сохранения национальной идентичности. Главное средство сохранения национальной и культурной идентичности — это русский язык и созданная на его основе русская литература. Литература, связанная с родным краем, через понятие малой родины и ее составляющих (прецедентные тексты региональной направленности, Провинциальный текст русской литературы и др.) поможет современным носителям языка и культуры почувствовать свою причастность к большой Родине, ее языку и культуре и тем самым сохранить свою национальную и культурную идентичность, стать устойчивыми к глобальным внешним угрозам национальной безопасности. Исходя из этого, изучение прецедентных текстов региональной направленности с позиций актуальных направлений современной филологии является задачей особой важности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М.: Наука, 1987. — 263 с.
2. Пришвин М. М. Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 7. Натаска Ромки; Глаза земли / М. М. Пришвин. — М.: Худож. лит., 1984. — 479 с.
3. Булгаков С. Н. Моя родина / С. Н. Булгаков // Булгаков С. Н. Тихие думы. — М.: Республика, 1996. — С. 308—319.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Попова Е. А., заведующий кафедрой русского языка и литературы

E-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Lipetsk Semenov-Tyan-Shan State Pedagogical University
Popova E. A., the Head of the Russian Language and Literature
Department

E-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ ГЕРОЯ В СОПРОТИВЛЕНИИ СРЕДЕ В ОКУРОВСКИХ ПОВЕСТЯХ М. ГОРЬКОГО

Э. А. Радь

Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал

Поступила в редакцию 12 марта 2018 г.

Аннотация: в настоящей статье рассматривается концепция личности, противостоящей среде, на примере повестей окурковского цикла М. Горького. Сопротивление среде осуществляется через внутреннюю осмысляющую активность главного героя, воплощающуюся в «летописи мещанства», преодолении мещанства в самом себе и постижении смысла жизни.

Ключевые слова: Горький, мещанство, внутренняя активность, «тихий» бунт, принцип самораскрытия.

Annotation: the article deals with the concept of personality, opposing the environment, on the example of the novels of the Okurov cycle of Gorky. Resistance to the environment is realized through the inner meaningful activity of the protagonist, embodied in the "chronicle of philistinism", overcoming philistinism in himself and comprehending the meaning of life.

Keywords: Gorky, philistinism, inner activity, "quiet" rebellion, principle of self-disclosure.

В современном литературоведении уже давно назрела необходимость в развенчании сложившегося когда-то, в угоду главенствующей идеологии, мифа о Горьком как о «пролетарском писателе». Разрушение многих, казавшихся незыблемыми, истин, связанных с именем художника XX века, заслуживает особого внимания. Речь идет о необходимости вдумчивого прочтения текстов писателя, написанных в контексте религиозно-философских и художественных исканий в переломную эпоху.

В изучении наследия писателя были «проложены тропы» к вполне определенным произведениям (ранние романтические рассказы 90-х, драматические произведения начала XX века, автобиографическая трилогия, «Мать»), другие же почти не изучены или неверно истолкованы (окурковский цикл, «Жизнь Клима Самгина», рассказы 20—30-х, поздняя драматургия). И даже в интерпретации его биографии до сих пор продолжает сохраняться традиция «подверстывания» различных жизненных фактов, этапов творчества и мировосприятия к уже созданному образу пролетарского писателя. За таким подходом к писателю гораздо меньше попытки постижения Горького как художника, очевидно и желание сбросить его с корабля современности. Идеологический диктат давал «нужное» направление и литературоведческим исследованиям. Так, в монографии советского исследователя И. Груздева «Горький» ни слова не говорится, да и не могло говориться, о «Несвоевременных мыслях», вскользь упоминается «Городок Окуров». В целом наблюдалось смещение взгляда на

творчество Горького (прижизненного, в советский и постсоветский периоды) в область социально-политическую в ущерб постижению неисчерпаемого многозначного текста художника.

М. Горький уже в 90-е годы XIX в. стал объектом пристального внимания критиков, общественных деятелей, причем полярность их оценок сохраняется и в современной ситуации. Публицистика отмечает следующие весьма характерные черты восприятия произведений Горького до 1910 г.: 1) стремительный взлет популярности писателя, обусловленный актуальностью темы о босяках; 2) сравнение с классиками русской литературы (А. Чеховым, Л. Толстым); 3) связь с философией Ф. Ницше; 4) классовый характер произведений и т.д. В частности, такие критики как Н. Минский, Н. Михайловский, М. Меньшиков, С. Адрианов дают высокую оценку его творчеству, видя в нем «художественное наслаждение и пищу для размышления», что объясняют талантом художника и актуальностью темы босячества для начала века [1, 326]. Другие же, например, Н. Стечкин, Д. В. Философов, отрицают М. Горького как художника и даже призывают «...низвергнуть эту грязь, именуемую сочинениями, из общественной потребности...», объявив тем самым «конец Горького» [1, 697—719]. Полярное и противоречивое отношение к творчеству и личности художника имеет место и по сей день.

В «битве за Горького» (А. Удодов) особенно значимыми становятся впервые опубликованные воспоминания современников, противоречиво освещающие личность писателя. В частности, К. Чуковский резко критикует творчество М. Горького до 1910-х гг. («психологическая слепота, коллективизм, доктри-

нерство»), но, анализируя повесть «Городок Окуров», называет ее лучшим произведением Горького [1, 824—844]. В мемуарах советского периода Алексей Максимович представлен уже как друг, неутомимый работник, внимательный, умный человек. Воспоминания современников расходятся с традиционным восприятием писателя. Наиболее знаменательны в этом плане мемуары И. Бунина. Долгое время Горький и Бунин считались большими друзьями, но впоследствии они стали врагами, по утверждению самого Бунина [2, 243]. Одним из первых он указал на более чем странный факт отсутствия биографии Горького, отметил в нем актерские способности, некоторую двуличность («... на людях он бывал совсем не тот, что со мной наедине или вообще без посторонних...»). Следует отметить, что И. Бунин далек от односторонней характеристики А. М.: он дает объективный портрет писателя, описывая в нем и положительное, и отрицательное. Совершенно противоположно воспоминание Б. Зайцева: он обвиняет Горького в продажничестве, спекуляции. Суров к А. М. и В. Ходасевич, который среди характерных для писателя черт перечисляет заученность воспоминаний, легенду о тяжелой болезни, готовность быть обманутым и обманывать, сомнительное окружение и при этом постоянное стремление помочь, трудолюбие, начитанность, усердие, внимание [2; 127—153, 246].

Представляется, что понять творчество М. Горького во всем его объеме, во всей его глубине и художественной специфике можно лишь погрузившись в его художественный мир, и, конечно, в историческом контексте. Мы позволим себе смелость не согласиться с точкой зрения В. Набокова, отрицающего Горького как художника [3, 373—388]; с мнением А. Солженицына о нем как о корыстном, неумейной личности и мелкотравчатом писателе [4, 84].

М. Горький, при всей сложности и противоречивости его ума (об этом пронизательно говорил еще Л. Толстой), был и остается художником мирового масштаба. Полярное размежевание мнений, их противоречивость, обращение к Горькому как художнику, мыслителю свидетельствуют о все возрастающем интересе к личности писателя, о внимании к его творчеству. Сегодня единственное разрешение спора о Горьком находится на позиции *активного читателя*. На современном этапе, чтобы овладеть не только знанием «слова», но и пониманием «духа» Горького, необходимо обратиться к его художественному пространству. Дальнейшее развитие горьковедения А. Удодов видит в «...выявлении всей многокрасочности творческой палитры писателя, <...> что позволяет заново открыть Горького для современного общества, взыскующего истины» [4, 87].

Весьма точную характеристику М. Горькому и его вкладу в историю русской литературы дает исследователь А. Акбашева: «Являясь выразителем обновления в жизни и культуре, писатель открыл широкому

читателю особые ценности, предложил свою *концепцию личности*: человека создает не только и не столько среда, сколько *сопротивление среде*. Именно в этом сопротивлении среде и рождается творческое и действенное отношение к жизни» [5, 6].

Творческое и действенное отношение к жизни в своем сопротивлении среде проявляет главный герой повести Горького «Жизнь Матвея Кожемякина». Образ Матвея находится в стороне от галереи героев Горького. В дооктябрьской критике окурковский цикл получил положительную оценку, а в советское время произведения «трудного» десятилетия были преданы забвению, оказались в «опале». Причины такого отношения к окурковским повестям были заключены в том, что в них не видели «активного», то есть идеологически подходящего, героя с пробудившимся революционным сознанием. Осмысление событий первой русской революции обратило Горького к пристальному и всестороннему исследованию уездной России, малоподвижных пластов российской действительности, психологии мещанства. Летописцем этой жизни выступает Матвей Кожемякин.

Через образ Матвея, его мировосприятие, осмысливается мещанская среда с ее идеологией и психологией, наиболее полно и отчетливо выраженная в цикле окурковских повестей. Мещанство видится автором не столько как сословие, низший разряд городских обывателей в Российской империи до 1917 г., а как социально-психологический тип со своей системой ценностей, характеризующейся такими чертами: страх перед возможными изменениями, индивидуализм, разобщенность, покорность, мелочность, скупость, отсутствие воли и чувства ответственности перед обществом, желание обогатиться методичным, каждодневным трудом. Городок Окуров предстает как пространство замкнутое, вне истории и времени. При этом обитатели его — это потревоженные люди, с беспокойством в груди, ищущие ответов на мучительные вопросы о Боге, истине, о национальном, свободе.

Взгляд Горького на мещанство содержит негативные коннотативные смыслы, связанные с репрезентацией обобщенного образа мещанина, крайне серьезно относящегося к вещам как таковым, ставящего их выше других ценностей, и стремящегося к обладанию ими. Автор в лице мещанина выдвигает *антиидеал*, как образец «недоверчивости, понимания счастья как состояния насыщения, застоя, прозаичности, ориентации на среднее, стремления к видимости добродетели, которая измеряется исключительно полезностью. Мещанство в качестве антиидеала — это порожденные серостью и бесцельностью существования приземленность притязаний и ненависть ко всему возвышающемуся над нормой, невосприимчивость к эстетической культуре (“полезное, как правило, враждует с прекрасным” — Э. Шпрангер) и категоричность суждений о мире» [6].

Матвей Кожемякин выражает внутренне несогласие со средой. Степень и характер активности главного героя определяется душевной устремленностью к коренным изменениям: будучи представителем своего класса, отверженным им, Матвей Кожемякин не мыслит себя вне этой среды, всеми силами ума и души старается понять мещанство, чтобы сделать жизнь лучше, добрее, красивее. Для достижения этой цели он предпринимает несколько попыток: внимание к «интересным» людям, «выдающемуся» мещанству города, дружба и любовь с «новыми» людьми, возможный уход в монастырь. Все они заканчиваются крахом или разочарованием либо по вине окурловцев, либо по вине самого Матвея. Кожемякин — блудный для своего социального круга — близок другим «блудным детям» своего класса, на которых так богато творчество Горького. Но внутреннее состояние обособленности, «выламывания» из своей среды Кожемякина существенно отличается от эмоционального взрыва Фомы Гордеева или предсмертного озарения Егора Булычова. С детства жизнь героя была обособлена от жизни за воротами дома, т.е. замкнута, с детства в нем была сильна внутренняя жизнь: эмоциональная, чувственная, аналитическая. Кожемякин был изначально направлен на контакт с мещанством Окурова, но его любовь к Палаге провела резкую черту между ним и обывателями. Возникшая ситуация — типичная для мещанства: среда, будучи фигурально «болотом жизни», жестоко карает всякое несоответствие и противление себе, всякое изменение. Несмотря ни на что, главный герой расходует себя на «познание скорбной жизни уездного города» [7, 308]. В этом проявляется его *внутренняя осмысляющая активность*. В конце своего жизненного пути он постигает принятое в городе мироустройство / жизнеустроение: Окуров видится Кожемякину противоестественным. Герой, устремленный к преобразованию жизни в Окурове, пытается поделиться приобретенными нравственными ценностями, научить добру, терпению, веселью. Однако желание донести до обывателей города свои одухотворяющие взгляды натолкнулось на непонимание и неприятие; авторитет, заслуженный им в Окурове, обусловлен в глазах мещан не ценностью самой личности Матвея Кожемяки, а его капиталом.

Очередным свидетельством внутренней активности героя стал его *«тихий» бунт*. Этим парадоксальным словосочетанием исчерпывается жизненная позиция Матвея: в отличие от бунта Фомы Гордеева, яркого и напористого, «тихий» бунт человека, спасовавшего перед Окуровым, не помышляющего «о действии наперекор обстоятельствам» [7, 313], продолжается всю жизнь, как продолжается преодоление мещанства в самом себе и постижение смысла жизни.

М. Горький неоднократно подчеркивает, что равнодушные *почти* завладело Матвеем, что под слоем скуки в нем *продолжало* жить «тревожное и неясное

чувство», что мысли, пусть «маленькие, полуживые и робкие», все-таки скользили «над поверхностью чего-то плотного и неподвижного». Если семантически определять «действие» только как революцию, борьбу с оружием в руках, бунтарство В. Бурмистрова, то Матвей Кожемякин предстает бездейственным. Его активность проявилась в способности быть вдумчивым созерцателем и летописцем. Семантическое расширение и углубление границ концепта «действия», выраженное как внутренняя работа, связанная с противостоянием среде, самоограничением, самодисциплиной, поиском внутренней гармонии (герой *не* стал таким, как окурловские мещане, *не* жил, как они, выбрал *одиночество*, почти отшельничество, как защиту от обывателей), позволяет убедиться в действительности героя. Его жажда добра — «тихая», не преследующая корысть — воплотилась в незаметном для окружающих записывании жизни города, настоящей, без прикрас, для истории, для будущего, для самосознания жителей. На что оказались не способными даже самые лучшие люди города.

«Летопись мещанства», которую ведет Кожемякин и в которой нашли отражение его «мысленные и сердечные замечания», требовала от летописца больших усилий, интеллектуальной активности, идущих из самых глубин души и сердца на пределе откровенности. И в летописи Окурова, и в дневнике Кожемякина представлено рефлексирующее сознание их автора с открытой оценкой, осуждающей жизнь в Окурове, «столь жалостную и постыдную», и свою принадлежность к ней, — сознание, призванное возбуждать в читателе этой летописи процесс активного смыслопорождения, стремление почерпнуть в написанном самое ценное, значительное, лучшее.

Внутренняя нескончаемая духовная работа принесла свои плоды — очевидная смена настроений от пассивного и констатирующего к оптимистичному, связанному с реализацией того, к чему он был всегда устремлен — научить людей жить лучше, быть добрее, терпимее. Измененное сознание героя реализовало возможность дружеских отношений с человеком, с которым он мечтал встретиться всю свою жизнь, — с Любой Матушкиной: «Душа его томилась желанием дружбы, откровенных бесед об этих людях, и всей жизни, а вокруг не было человека, с которым он мог бы поговорить по душе» [8, 417]. Люба Матушкина становится для него примером деятельной жизни и в сознании, и в повседневности в сочетании с лучшими человеческими качествами и красотой русской женщины.

Имя героя в цикле сопровождается эпитетом «добрый». Но доброта мыслится не традиционно в народном ключе, не как идеальное качество, и качество, требующее условия времени, места и окружения. Весь внутренний человеческий потенциал в конкретно-исторических условиях нуждается в благодатной почве для реализации созидательного

начала: только реализованные задатки становятся чертами характера, только обеспеченная волей и «непрерывным напряжением всей силы души» талантливость может постоять за себя и пропасть даром. Матвей добр от природы, щедро наделен душевными талантами, образующими мир «естественного человека». Но Окуров парализует волю, затягивает душу в «прочные петли безысходной скуки», поглощает человека однообразною нищетою будней, вызывает в нем «печальное ощущение бессилия» [7, 311—312]. «Окуровщина» — мещанский «строй души» — пассивность, фатализм, вера в необратимые силы, неумение и органическая неспособность вмешиваться в жизнь — в полной мере нашли свое отражение в учении Маркуши, силу которого почувствовал на себе Матвей: «Слова Маркуши усыпляли душу, пытавшуюся порой приподняться, заглянуть дальше завтрашнего дня с его клейкой, привычной скукой» [8, 420]. Душа, пытающаяся приподняться, и Душа, засыпающая, черствеющая в бездействии, — вот «две души» Матвея Кожемякина, колебания между которыми составили истинную историю его жизни. Горький с особой тщательностью останавливается на эпизодах, когда душа героя пытается приподняться, встряхнуться, — моментах, важных для понимания образа «летописца мещанства» как читателю, так и для самого автора, решающего своим творчеством единую задачу обновления русского человека и возбуждения «дееспособности» всего народа.

Сила окуровщины довлеет над человеком, испытывающим безысходную, томительную скуку. Под влиянием окуровщины лучшие качества претерпевают изменения: доброта становится хуже злобы, становится «плохой добротой». Теперь героя сопровождает мотив «плохой доброты». Внутренняя работа над собой, разбуженная внутренняя мысль подводят героя к осознанию этой внутренней трансформации. Жизненное кредо окуровского горожанина: «Тебе — твое, а мне — мое, и не приставай ко мне!». Содержание жизни и трагедия Матвея Кожемякина — в осознании, осмыслении узости своей жизни по сравнению с широтой, открывшейся от общения с «новыми» людьми, в высокой степени внутренней активности, направленной на осмысление себя, окружающих, всего хода жизни, на улучшение ее через обмен знаниями, опытом, общим делом с людьми будущего.

Мотив тоски / грусти определяет весь ход повествования цикла и складывается не только из описаний томительной жизни, образов жестокости, самодурства, неприкаянности, не только из отсутствия целей, идеалов, беспощадного однообразия, но связывается и с темой одиночества человека среди ему подобных — с темой отверженности среди мещан. «Если сказать, что в повести главенствует лишь атмосфера тоски, то это приводит к неправильному толкованию ее художественной концеп-

ции», — считает А. Волков [9, 238]. Действительно, в финале произведения складывается общее ощущение доброй силы разума и величия души человека, а оптимизм героя связан с приходом новой жизни. Внутренняя активность Матвея в последних эпизодах выражается в способности радоваться новому, принять его, увидеть в новом хорошее, позитивное, что совершенно не характерно для мещанской психологии. Большим стимулом для развития этой способности послужило осознание значимости личного вклада в процесс обновления — от трагичного осознания ненужно прожитой жизни к устремленности в лучшее будущее. Своеобразным резюме повести «Жизнь Матвея Кожемякина» стала запись героя, свидетельствующая о проявлении исповедально-го начала: «Оканчивая воспоминания мои о жизни, столь жалостной и постыдной, с горем скажу, что не единожды чувствовал я, будто некая сила... толкала меня на путь иной, неведомый мне, но, вижу, несравненно лучше того, коим я ныне дошел до смерти по лени духовной и телесной, потому что все так идут. Но не понял я *вовремя* наставительных и любовных усилий жизни и сопротивлялся им... когда же благодатная *сила эта все-таки незаметно овладела мною* — поздно было. Вкушая, вкусих мало меда и се — аз умираю» [8, 100].

Писатель признает в Матвее Кожемякине прежде всего *Человека Мыслящего*, а не Мещанина, изображая сложную, тягостную *внутреннюю* борьбу: жизни быта, определяемого средой, к которой принадлежит герой, и жизни бытия, как не до конца реализованной возможности. Хроника окуровского обывателя, свидетельствующая о внутренней активности героя, осуществленной на интуитивном уровне, перерастает под пером писателя в повествование о национальной судьбе, личные качества героя рассматриваются автором не просто как индивидуальные свойства натуры, а в контексте общего взгляда на русский национальный характер.

Осмысляя сложный процесс российской общественной жизни, Горький исследует мировосприятие, мировоззрение центрального действующего лица, свидетеля всех событий, используя прием *самораскрытия*. В образе Матвея Кожемякина представлен тот усиливающийся подъем сознания, который Горький ставит в прямую связь с политическим и духовным пробуждением широких народных масс, с формированием новой концепции личности. Матвей Кожемякин принадлежит к числу героев с «беспокойством в груди», «задумавшихся», всю жизнь борющихся с окуровщиной внутри себя. Именно ему — «не делателю событий» (С. Касторский), а *созерцателю*, представляющему собой «процесс брожения» (Г. Плеханов), «непрерывно растущему человеку» — Горький доверяет летопись мещанства, ставшую делом всей жизни Матвея, с чем связана особая функция «нового» героя. Деятельность глав-

ного героя трактуется автором как внутренняя осмысляющая активность. Внутреннее разрешение личностью конфликта между желаемым и действительным оправдывается им, рассматривается как прогрессивный процесс, имеющий значение не только для конкретно-исторической эпохи, но и *всевременное*. В факте отверженности Кожемякина своим классом — столкновении с новым для него, высшим сознанием, отрицающим устои мещанского общества, страх мещанства быть обвиненным судьей-летописцем и страх понятия правоты обвинения, потеряв почву существования.

Концепция личности и взгляд на мещанство XX в., сформулированные в повестях окурловского цикла М. Горьким, актуализируют в сознании читателя XXI века проблемы, связанные с общим восприятием человека, деградирующим ментально, соотношением человеческого совершенства / несовершенства, материального и духовного, «внешнего» и «внутреннего» (вслед за Н. В. Гоголем и другими писателями-мыслителями).

ЛИТЕРАТУРА

1. М. Горький: Pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей 1890—1910 гг. Антология / Составитель Ю. В. Зобнин. — Санкт-Петербург: РГХИ, 1997.
2. Бунин И. А. Горький // Бунин И. А. Окаянные дни:

Дневники, рассказы, воспоминания, стихотворения / Предисловие О. Михайлова и С. Крыжицкого, примечания С. Крыжицкого / И. А. Бунин. — Тула: Приок. кн. изд-во, 1992.

3. Набоков В. В. Максим Горький (1868—1936) // Набоков В. В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев / В. В. Набоков. — Москва: Независимая газета, 1998.
4. Удодов А. В. М. Горький. Преодоление мифа / А. В. Удодов. // Литература в школе. 1991. № 4.
5. Акбашева А. С. Герои М. Горького в сопротивлении среде / А. С. Акбашева // Акбашева А. С., Басманова Л. В., Басманов П. А., Онуфриева Н. И., Радь Э. А., Тикеева С. З. Русская литература XX века: Учебное пособие. — Уфа: Гилем; Стерлитамак: СГПА, 2009.
6. Мещанство // Оссовская М. Рыцарь и буржуа. — Москва 1987. — Режим доступа: // <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01c5f4f777c55511d84aabc5> (дата обращения: 26.02.2018.)
7. Пискунов В. М. Учитесь любить Русь // Пискунов В. М. Тема о России / В. М. Пискунов. — Москва: Сов. писатель, 1983.
8. Горький М. Собрание сочинений: В 18 т. — Т. 6. Произведения 1909—1912 гг. / М. Горький. — Москва: ГИХЛ, 1961.
9. Волков А. А. Путь художника. Горький до Октября / А. А. Волков. — Москва: Худ. лит., 1969 (глава III. После бури. Окурловский цикл).

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

Радь Э. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: elza_rad@mail.ru

Sterlitamak Branch of Bashkir State University

Rad E. A., Candidate of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign literature

E-mail: elza_rad@mail.ru

МАРКЕМЫ В СТРУКТУРЕ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА ПИСАТЕЛЯ

М. Я. Розенфельд

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 августа 2018 г.

Аннотация: в исследовании описываются закономерности функционирования маркем в индивидуальном ментальном лексиконе писателя.

Ключевые слова: маркема, ментальный лексикон, психолингвистический эксперимент.

Abstract: the article describes the regularities of the functioning of markemes in the individual mental lexicon of the writer.

Keywords: markeme, mental lexicon, psycholinguistic experiment.

Одним из приоритетных направлений современной психолингвистики является изучение ментального лексикона. Под ментальным лексиконом может пониматься индивидуальный словарный запас; репрезентация слов в долговременной памяти человека; система, отражающая в языковой способности знания о словах и эквивалентных им единицах и выполняющая сложные функции, связанные как со словами, так и со стоящими за ними структурами репрезентации энциклопедических знаний [1].

В настоящий момент изучение ментального лексикона предполагает решение таких вопросов, как: *Каковы единицы ментального лексикона?; Каким образом может быть осуществлено моделирование ментального лексикона?; Какие методы могут быть использованы для выявления ментального лексикона?*

Согласно концепции Ю. Н. Караулова, лексикон человека представляет собой сложную по структуре ассоциативно-семантическую сеть, имеющую ядро и периферию. Это совокупность ассоциативных полей, и ключевым методом, при использовании которого моделируется ассоциативно-вербальная сеть, является свободный ассоциативный эксперимент.

В данном исследовании предпринимается попытка изучения индивидуального лексикона писателя (поэта) в структурно-статистическом аспекте. Методологической базой исследования является серия психолингвистических экспериментов с ключевыми словами, извлечёнными из художественного текста — маркемами (Понятие *маркема* введено в научный обиход А. А. Кретовым и рассмотрено в: [2]). На базе полученных экспериментальных данных осуществляется моделирование ассоциативно-вербальной сети. Затем определяется, какова роль в ней ключевых слов, каким образом они встраиваются в ассоциативные поля. Следующий этап исследования — сопоставление обнаруженных в результате

статистической интерпретации экспериментальных данных закономерностей с закономерностями авторского лексикона, реализуемого в художественном (главным образом, поэтическом) тексте.

В экспериментальные списки включается 50 маркем, взятых из художественных текстов изучаемого автора, и 50 «фоновых» лексем. Исследование осуществляется на базе экспериментов четырёх типов: свободного ассоциативного эксперимента, направленного ассоциативного эксперимента, эксперимента на свободные дефиниции и серии экспериментов на группировки слов (эксперимент на симилары, оппозицы, создание тематических групп).

Указанные психолингвистические эксперименты позволяют выявить семантику исследуемых слов, а также установить их связи в индивидуальном лексиконе испытуемого — осуществить моделирование ассоциативно-вербальной сети.

На начальном этапе построения ассоциативное поле удобно представить в виде таблицы, в столбцах которой слева направо располагаются слова-стимулы и слова-реакции. Алгоритм построения ассоциативных полей подробно описан в нашей работе: [3], программное обеспечение разработано Н. Ю. Свиридовой и также рассмотрено в: [3].

Лексемы, участвующие в развёртывании ассоциативного поля, мы называем *словами-переключателями*, а лексемы, на которых развёртывание ассоциативной цепи заканчивается — *словами-замыкателями*.

Построенное ассоциативное поле может быть подвергнуто разноаспектным количественным исследованиям. Среди наиболее значимых параметров:

- количество слов, использованных в качестве переключателей (и количество употреблений таких слов);
- количество слов, использованных в качестве замыкателей (и количество употреблений таких слов);

- доля маркем-переключателей среди слов-переключателей (и доля употреблений маркем);
- доля маркем-замыкателей среди слов-замыкателей (и доля употреблений маркем);
- количество столбцов и строк в таблице соответствующего ассоциативного поля (количество шагов и ступеней).

Кроме того, для более детального анализа ассоциативных полей необходимо учитывать для каждой лексемы из экспериментального списка, сколько раз она выступала в качестве переключателя и в качестве замыкателя (такие данные могут быть получены как для одного ассоциативного поля, так и для всех полей в сумме).

На сегодняшний день психолингвистическому исследованию, а затем статистической интерпретации подверглись маркемы, извлечённые из поэтических сборников воронежских поэтов Галины Умывакиной и Полины Синёвой.

Проведённые статистические исследования позволяют сделать некоторые предварительные выводы.

1. Существует относительно устойчивый показатель — доля маркем среди переключателей и замыкателей в ассоциативном поле слова. Вне зависимости от того, является лексема маркемой или нет, этот показатель в среднем составляет 0,6—0,7 (подробнее об этом см.: [4]). Следовательно, в построении ассоциативных полей всех слов экспериментального списка наиболее активно «работают» именно маркемы.

2. Средний объём ассоциативного поля маркем несколько меньше среднего объёма поля не-маркем. Определённые группы маркем, как в случае маркем Г. Умывакиной, так и П. Синёвой, обладают близкими размерами ассоциативных полей.

3. Набор маркем, обладающих близкими размерами ассоциативных полей, во многом совпадает с совокупностью маркем, наиболее активно задействованных на переключении и замыкании в ассоциативных полях (подробнее об этом см.: [5]). Можно предположить, что объём поля маркем коррелирует с их активностью в лексиконе. Наиболее активные маркемы обладают сходными объёмами ассоциативных полей.

4. Сравнение поведения маркем в художественном тексте и в ассоциативно-вербальной сети, рекон-

струированной на основе данных психолингвистических экспериментов, предполагает прежде всего сопоставление совместной встречаемости исследуемых слов. Словесными объединениями, наиболее часто совпадающими в эксперименте (стимул-реакция, совместная встречаемость в пределах одного экспериментального текста-симптома) и в художественном тексте, являются пары слов. Цепочки, состоящие из трёх и более лексем, встречающихся вместе в пределах одного стихотворного контекста, обычно не воспроизводятся в психолингвистических экспериментах.

5. Опираясь на введённый нами коэффициент совместной встречаемости слов (алгоритм его вычисления для пары слов см. в: [5]), отметим, что наибольшие его величины как в тексте, так и в эксперименте имеют маркемы.

6. Слова, имеющие высокие показатели совместной встречаемости, оказываются наиболее востребованными в построении ассоциативно-вербальной сети.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залевская А. А. Введение в психолингвистику: Учебник. 2-е изд. испр. и доп. / А. А. Залевская. — М.: Росийск. гос. гуманит. ун-т, 2007. — 560 с.
2. Кретов А. А. Понятие маркемы: методика выявления и практика использования / А. А. Кретов // Универсалии русской литературы 2. Сборник статей / Под ред. А. А. Фаустова. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. — С. 138—153.
3. Фаустов А. А. Сравнительный анализ активности ключевых слов: автоматизированный подход / А. А. Фаустов, И. Е. Воронина, М. Я. Розенфельд, Н. Ю. Свиридова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. — 2017. — № 1. — С. 175—180.
4. Розенфельд М. Я. Ассоциативная активность маркем (ключевых слов) и авторский лексический кругозор / М. Я. Розенфельд, А. А. Фаустов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2018. — № 1. С. — 49—51.
5. Фаустов А. А. Сравнительная активность авторских маркем в психолингвистическом эксперименте и в поэтическом тексте / А. А. Фаустов, М. Я. Розенфельд // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2018. — № 2. — С. 21—25.

Воронежский государственный университет
Розенфельд М. Я., доцент кафедры общего языкознания и стилистики
E-mail: maryanka.08@mail.ru

Voronezh State University
Rozenfeld M. Ya., Senior Lecturer of the General Linguistics and Stylistics Department
E-mail: maryanka.08@mail.ru

ВЫЯВЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО МИКРОКОМПОНЕНТА ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В ХОДЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

М. С. Саломатина

Воронежский государственный университет

Самахер Хасан Давуд

Багдадский университет

Поступила в редакцию 26 февраля 2018 г.

Аннотация: *настоящая статья посвящена описанию методики выявления функционально-стилистического микрокомпонента значения слова в рамках свободного ассоциативного эксперимента.*

Ключевые слова: *психолингвистика, функционально-стилистический микрокомпонент, семантика, психолингвистическое значение, ассоциативный эксперимент.*

Abstract: *this paper is devoted to description of stylistic element of meaning of lexis with the method of association experiment.*

Keywords: *psycholinguistics, semantics, psycholinguistic meaning, association experiment, stylistic.*

Функционально-стилистический микрокомпонент значения слова входит в состав функционального макрокомпонента наряду с функционально-социальным, функционально-темпоральным, функционально-территориальным и функционально-частотным и содержит информацию об особенностях функционирования лексической единицы в речи [1].

При подготовке традиционного толкового словаря лексикограф, снабжая слово стилистической пометой, пользуется методами контекстуального анализа и интроспекции. Лингвист, работающий над составлением ассоциативного словаря, должен идти при описании лексического значения от данных эксперимента. Алгоритм интерпретации результатов свободного ассоциативного эксперимента и подготовки на его основе словарной статьи описан нами в ряде публикаций [см, например, 2].

И. А. Стернин в работе «Стилистическая характеристика слова в обыденном языковом сознании» говорит о том, что «экспериментальные исследования, направленные на описание языкового сознания носителей языка, показывают, что обыденное сознание носителей языка содержит картину стилистической дифференциации лексики, отличную от выстроенной лингвистами и отраженной в словарях. <...> реально языковое сознание носителей языка с достаточной уверенностью различает не более трех стилистических разрядов лексики, дифференцируемых по условиям употребления: литературная, разговорная и ненормативная лексика» [3, 92]. Данное положение

автор подтверждает результатами психолингвистического эксперимента, в ходе которого испытуемым предлагалось распределить слова по трем группам: 1) те, которые «можно употреблять в любой ситуации, в письменной и устной речи»; 2) те, которые «можно употреблять только в неформальном разговоре «со своими»; 3) те, которые «можно употреблять только себе под нос, в отсутствии собеседника» [3, 93].

Мы полагаем, что и в рамках свободного ассоциативного эксперимента реципиент, не давая прямой стилистической характеристики стимулу, нередко осуществляет очень точную функционально-стилистическую оценку слова-стимула.

Проанализируем материалы ассоциативного эксперимента, в ходе которого реципиентам предлагалась стилистически маркированная лексика. Приведем ассоциативные статьи лексем «копец», «отродье»¹.

КОПЕЦ 100: конец 25; плохо 8; пипец, полный 6; всё 3; двойной, очень плохо, совсем плохо 2; беда, безвыходная ситуация, бывает, быть тупорылым, все плохо, жди беды, засада, кому, конец чего-то, кранты, недовольство, очень-очень неприятный результат, печально, позорный, попадос, приехали, ругательство, трындец, тупик, удивление, ужас, ужасная ситуация, фильм, это копец 1.

¹ Эксперимент был проведен членами проблемной группы кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета в рамках научного проекта «Значение как феномен языкового сознания носителя языка».

ОТРОДЬЕ 100: человеческое 4; выродок, изгой 3; дети, дьявола, ребёнок, урод 2; ад, ада, адское, бандит-простолудин, бесплодие, ведьмино, выродилось, выродки, выскочка, грязное, демон, демонов, жестокость, исчадие, лишний, людское, матан, мрака, не жить, негативное, неживое, нехороший, нечто ругательное, ничтожество, они, орган, оскорбление, отвратительный, отродье, плохой, плохой человек, поместье, потомство, продюсер, прядь, ребёнок чужой, родной город, родственники, сброд, свинарник, сволочь, собачье, страшилище, тряпки, ужасный, ужасный человек, ущербное, хороший, челядь, чёртова, что-то нехорошее 1; отказ 31.

Как можно видеть, в реакциях присутствуют метаязыковые характеристики лексем: *ругательство* (на стимул «копец»), *нечто ругательное, оскорбление* (на стимул «отродье»). Это подтверждает тезис о том, что т.н. профанный носитель языка, употребляя ту или иную лексему, осуществляет определенную рефлексию относительно ее функционально-стилистической отнесенности.

Однако нам представляется, что результаты ассоциативного эксперимента отражают значительно более четкую и глубокую стилистическую дифференциацию и организацию лексики в языковом сознании носителя языка. Так, на стимул, который представлен стилистически маркированной неодобрительно оценочной лексемой, испытуемые дают заметное количество реакций, представленных языковыми единицами, имеющими те же стилистические ограничения: *копец* 12 (*нипец* 6; *быть тупорылым, засада, кранты, попадос, трындец, это копец* 1); *отродье* 7 (*выродок* 3; *выродки, отродье, сброд, сволочь* 1).

Мы полагаем, что стилистически маркированные реакции должны быть интерпретированы в двух аспектах — в аспекте лексического значения и в структурно-языковом аспекте. Поясним: нам представляется логичным рассматривать стилистически маркированные лексемы, данные участниками экс-

перимента, в качестве метаязыковой характеристики стимула. Таким образом, лингвист, интерпретирующий результаты ассоциативного эксперимента, должен формулировать функционально-стилистическую помету на основе анализа реакций, имеющих стилистические ограничения.

Так, для лексемы «копец» могут быть сформулированы признаки «разговорное /сниженное» (*нипец* 6; *быть тупорылым, засада, кранты, попадос, трындец, это копец* 1), для лексемы «отродье» — «бранное /сниженное» (*выродок* 3; *выродки, отродье, сброд, сволочь* 1). Данные реакции коррелируют с такими реакциями метаязыкового характера, как *ругательство* (на стимул «копец»), *нечто ругательное, оскорбление* (на стимул «отродье»).

Таким образом, в психолингвистическом толковом словаре может быть применена система стилистических помет, используемых в традиционной лексикографической литературе, с той разницей, что, как говорилось выше, в традиционной лексикографии лингвист пользуется методами контекстуального анализа и интроспекции, тогда как в психолингвистической лексикографии функционально-стилистические пометы должны быть исключительно результатом интерпретации ассоциативных реакций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова З. Д. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания): учебное пособие. — 2-е изд., испр. и доп. / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: Либком, 2009. — 172 с.
2. Саломатина М. С. Психолингвистическое значение слова: опыт описания / М. С. Саломатина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2014. — № 2. — С. 69—72.
3. Стернин И. А. Стилистическая характеристика слова в обыденном языковом сознании / И. А. Стернин // Языковое сознание жителей Воронежа / под ред. И. А. Стернина. — Воронеж: Истоки, 2010. — С. 92—100.

Воронежский государственный университет
Саломатина М. С., доцент кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета
E-mail: salomatina.maria@yandex.ru

Багдадский государственный университет
Самахер Хасан Давуд, преподаватель факультета языков
E-mail: sarinhussain82@gmail.com

Voronezh State University
Salomatina M. S., Associate Professor of the General Linguistics and Stylistics Department
E-mail: salomatina.maria@yandex.ru

Baghdad State University
Samaher Hasan Dawood, Associate Professor of the Faculty of Languages
E-mail: sarinhussain82@gmail.com

УРОВНИ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Е. А. Скаврон

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 24 января 2018 г.

Аннотация: *предлагается описание двух режимов понимания текста — в формате прямого прочтения и в формате символической интерпретации на примере анализа отрывка из произведения Ричарда Баха «Иллюзии».*

Ключевые слова: *текст, символическое восприятие, прямое восприятие, интерпретация, эксперимент.*

Abstract: *the article offers describing of the two modes of understanding of the text in the form of direct and symbolic reception, on the example of an excerpt from the works of Richard Bach's "Illusions".*

Keywords: *text, symbolic reception, direct reception, interpretation, experiment.*

Результатом процесса восприятия текста является появление в сознании реципиента некоего вторичного текста, выражающего семантическое значение того текста, который был воспринят. Этот вторичный текст, который является результатом когнитивного процесса, является интерпретацией.

Рассматривая множественные акты восприятия одного и того же текста различными людьми или одним и тем же человеком в разном возрасте, мы получим множество интерпретаций.

Смысл, лежащий в основе любой интерпретации, возникает в контексте. Контекст при контакте с воспринятым текстом порождает конкретную интерпретацию. Когнитивное поле, в которое реципиент погружает текст, предсуществует самому акту восприятия текста. «Установлено, что при восприятии текста большое значение имеет способность человека опираться на имеющиеся у него сценарии текстов, уже воспринятых им ранее, на имеющиеся у него схемы (структуры) знаний о мире, способность человека использовать имеющиеся знания для формирования определенных пропозиций и суждений» [2, 5].

Разнообразие интерпретаций напрямую зависит от разнообразия и объема концептосферы реципиента, что в свою очередь зависит от уровня образования и культуры индивидуума.

Когнитивная база каждого носителя языка индивидуальна, поэтому один и тот же текст у разных людей может вызвать разные интерпретации. Это отражает разные уровни интерпретации, которые выявляются в сознании реципиентов. Наиболее распространенными уровнями интерпретации являются прямая и символическая.

С целью анализа разных уровней понимания в языковом сознании носителей языка нами был проведен экспериментальное исследование.

Было опрошено двадцать пять студентов, учащихся вторых и третьих курсов негуманитарных направлений в возрасте от 18 до 20 лет. Студенты ранее не имели опыта прочтения и анализа философских текстов, чтение художественной литературы было ограничено школьной программой, а чтение сказок и басен присутствовало в раннем детстве. Во время проведения эксперимента студенты не были ограничены во времени и за предложенную им работу не ставилась оценка.

Для эксперимента был выбран отрывок из произведения Р. Баха «Иллюзии» [1]:

«Когда-то на дне одной большой хрустальной реки стояла деревня, и жили в ней некие существа. Река безмолвно текла над ними всеми — молодыми и старыми, богатыми и бедными, хорошими и плохими, текла своей дорогой и знала лишь о своем собственном хрустальном «Я». И все эти существа, каждый по-своему, цеплялись за камни и тонкие стебли, росших на дне реки растений, ибо умение цепляться было у них основой жизни, а сопротивляться течению реки они учились с самого рождения.

Но одно существо наконец сказала: «Я устал цепляться. И хоть я не вижу этого своими глазами, я верю, что течение знает, куда оно направляется. Сейчас я отпущу камень, и пусть оно унесет меня с собой. Иначе я умру от скуки».

Другие существа засмеялись и сказали: «Дурак! Только отпусти свой камень, и твое обожаемое течение так тебя перекувырнет да шмякнет о камни, что от этого ты быстрее помрешь, чем от скуки!» Но он не послушался их и, набрав побольше воздуха, разжал руки, и в тот же миг течение перекувырнуло его и ударило о камни.

Однако существо все же не стало ни за что цепляться, и тогда поток поднял его высоко надо дном, и о камнях его больше не било. А существа, жившие ниже по реке, для которых он был незнакомцем, закричали: «Глядите, чудо! Он такой же как мы, однако, он летит! Смотрите, Мессия пришел, чтобы спасти нас!»

И тогда тот, которого несло течение, сказал: «Я такой же Мессия, как и вы. Река с радостью освободит нас и поднимет вверх, если мы только осмелимся отцепиться от камней. Наше истинное предназначение заключается в этом странствии, в этом отважном путешествии». Но они лишь громче закричали: «Спаситель!», все так же цепляясь за камни, а когда они снова взглянули наверх, его уже не было, и они остались одни и начали слагать легенды о Спасителе».

Испытуемым было дано следующее задание:

Прочтите текст и опишите при помощи 2—3 предложений основной смысл данного текста.

Анализ результатов проведенного эксперимента показал, что среди опрошенных студентов одни использовали прямое прочтение, а другие восприняли данный текст символически.

Из результатов проведенного эксперимента следует, что испытуемые использовали следующие способы передачи смысла:

Подробное фактологическое описание (4 человека)

1. На дне реки живут люди, цепляются за камни, чтобы их не унесло. Один смельчак решил отпустить камень (2 человека).

2. На дне хрустальной реки, жили существа, которые цеплялись за камни, чтобы их не унесло течением.

3. На дне реки живут существа. Он держаться за камни, чтобы течение не унесло их, одно из существ решается отпустить камень.

Абстрактное описание (4 человека)

1. О доверии к жизни и миру.

2. Не бояться перемен, не бояться делать, что хочешь тебе, а не остальным.

3. Решившийся измениться кажется странным, но чудо заключается только в выборе.

Морально-этический вывод (2 человека)

1. Жизнь — это не борьба, жизнь — это странствие.

2. Индивидуальность, предполагает храбрость.

Развернутое объяснение при помощи слов из текста (10 человек)

1. Текст о жителях подводного мира, которые боялись отцепиться от камней и не понимали своего истинного предназначения.

2. Текст о «существе», которое пошло против устоев, нашло освобождение, но остальные называли это чудом и не последовали примеру.

3. Существа, жившие на дне реки, сопротивлялись течению реки, но один устал сопротивляться, река унесла его, и он был назван «Спасителем».

4. Отрывок о том, как существо сменило уклад жизни и поразило других, но не стало для них все равно примером.

5. Эта история о том, как одно существо, жившее на дне реки, устало от однообразного и бесполезного существования и решило изменить свою жизнь, тогда как остальные продолжали цепляться за камни, слагая легенды об отважном «Спасителе».

6. Жизнь существ, которые боятся изменить что-то, но есть один смелый, изменивший свою жизнь.

7. Существо устало цепляться за камни и решило, что можно попробовать жить по-новому, то есть плыть по течению. Остальные существа удивлялись, что у него это получилось.

8. Существо, жившее в реке, в отличие от своих собратьев отпустило камни и позволило потоку нести его, поднять над другими. Остальные сочли это чудом и называли его спасителем.

9. Существо нарушило привычный уклад жизни, показав новые возможности, за что было признано мессией.

10. Жители хрустальной реки существовали, как привыкли, но один бросил вызов обыденности.

Обобщение в рамках данного текста (4 человека)

1. Одному из подводных существ надоело быть зависимым от своих проблем.

2. Был один, который смог отцепиться от камней.

3. Некое существо оторвалось от камней и доверилось течению.

4. О том, как существо научилось летать.

Описание при помощи ключевых слов (1 человек)

1. Судьба, свобода, река жизни.

Обсуждение результатов эксперимента

Таким образом, испытуемые достаточно четко разделились на 2 группы — использовавшие символическое прочтение текста (6 испытуемых) и использовавшие прямое прочтение текста (19 испытуемых).

Маркеры прямого прочтения текста:

Подробное фактологическое описание.

Развернутое объяснение при помощи слов из текста.

Обобщение в рамках данного текста.

Описание при помощи ключевых слов.

Маркеры символического прочтения текста:

Абстрактное описание;

Морально-этический вывод.

Данные уровни понимания, несомненно, отражают разную глубину интерпретации текста носителем языка. Карл Юнг первый из выделенных уровней предлагает назвать «знаковым мышлением». В нем интерпретация строится на наиболее поверхностном смысле, конституированном на прямом прочтении. Второй уровень Юнг назвал «метафорическим мышлением» [3]. На этом уровне смысловые фигуры предложений и фрагментов текста рассматриваются как метафоры как правило чего-то значительного, более сложного и глубокого. Именно на

этом механизме основывается прочтение скрытых смыслов текста.

Итак, глубина восприятия текста связана не только с объемом когнитивной базы носителя языка, но и с качеством мышления реципиента — в частности, с доминирующим в его сознании уровнем восприятия текстов определенного типа. Как минимум, в случае с философским текстом можно говорить о наличии двух принципиально разных уровней интерпретации — прямого и символического. Все полученные ответы испытуемых делятся на эти две категории без остатка.

У носителя языка может сложиться ментальный механизм прямого восприятия текста и не сложиться механизм символического восприятия текста, а также могут сложиться оба типа восприятия, но один из них будет доминировать.

Можно предположить, что любой человек способен воспринимать поступающую информацию при помощи двух режимов: режима прямого прочтения и режима символического прочтения. Выбор но-

сителем языка того или иного режима зависит от типа текста, опыта восприятия носителем языка художественных текстов определенного типа, опыта интерпретации текстов, доминирующего типа восприятия, а также целого комплекса других факторов языкового и когнитивного характера, которые подлежат изучению. Выявление этих факторов может позволить в итоге сформировать систему обучения учащихся символической интерпретации текстов, что является целью обучения пониманию художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бах Р. Иллюзии / Р. Бах / пер. Сидерский А., Мищенко А. — София, 2011. — 160 с.
2. Стернин И. А. Анализ скрытых смыслов в тексте / И. А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2011. — 66 с.
3. Юнг К. Г. Методы аналитической психологии К. Г. Юнга. — Режим доступа: (<http://maap.ru/library/book/133>).

Воронежский государственный университет

Скаврон Е. А., аспирант кафедры общего языкознания и стилистики

E-mail: skavronia@gmail.com

Voronezh State University

Skavron E. A., Postgraduate Student of the of General Linguistics and Stylistics Department

E-mail: skavronia@gmail.com

ПИСАТЕЛЬ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ

С. Н. Филюшкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 августа 2018 г.

Аннотация: критически относясь к современной «эгоцентрической, элитарной прозе», героем которой зачастую выступает сосредоточенный «на себе любимом» автор, Вл. Новиков («Новый мир», 2017, 11) отстаивает ценность писательских биографий. На примере шести книг А. Я. Ливерганта, вышедших в серии ЖЗЛ, критик доказывает, что как раз реальный писатель, с его биографией, характером, противоречиями, может стать подлинным, «колоритным литературным персонажем». С этих позиций в предлагаемой статье рассматривается изображенный Ливергантом известный английский писатель Грэм Грин.

Ключевые слова: персонаж, характер, сюжет, жизнь, эволюция, мнение, проблема.

Abstract: being critical about modern “egocentric, elite prose” where a self-centered author makes himself the central hero figure, “himself beloved”, Vl. Novikov (in “Novy Mir”, 2017, 11) asserts a value of a true writer’s biography. Using A. Livergant’s six Lives of Great People books as an example, Novikov argues that in fact the real writer, with all controversies of his life and personality, can only become a true “vivid literary hero”. In the article below, we apply the same line of reasoning to the figure of Graham Greene, a notable English writer (also a subject of Livergant’s work).

Keywords: personage, character, plot, life, evolution, opinion, problem

«Шесть героев нашли автора» — так назвал свою статью известный литературовед и критик Вл. Новиков на страницах журнала «Новый мир» (№ 11, 2017). Исследователь дает оценку книгам А. Я. Ливерганта, вышедшим в серии ЖЗЛ и посвященным писательским биографиям Р. Киплинга, С. Моэма, О. айльда, Фр. С. Фицджеральда, Г. Миллера, Г. Грина.

При всей краткости, характеристика творческих личностей и их наследия, как всегда у Новикова, интересна, изящна, касается и теоретических проблем. В данном случае это проблема литературного героя, ныне достаточно насущная. Вл. Новиков критически относится к современной «эгоцентрической элитарной прозе», где автор «выдает за героя «себя любимого», может быть и умного, и симпатичного, но слишком статичного, без развития... Профессионально сконструированный герой добротной беллетристики надолго в памяти и душе не задерживается». Главной удачей Д. Быкова являются не созданные им виртуальные личности, а «нефиктивный герой по имени Борис Пастернак» [1] из серии ЖЗЛ.

С точки зрения критика, именно писательские биографии вносят весомый вклад в решение обозначенной проблемы: «...Настоящий писатель — это колоритный литературный персонаж, созданный самой жизнью. У него непременно есть характер, причем с необходимыми противоречиями, без которых творческая личность немыслима. У него есть судьба, то есть причинно-следственные связи между событиями.

Уловил биограф эту связь — вот и сюжет, обладающий обобщенным антропологическим и онтологическим смыслом» [1]. В конце статьи, уже ссылаясь на Грэма Грина, исследователь говорит о таком важном факторе, как сложная личная жизнь писателя: «Без романов романы не пишутся» [1].

Отдельные положения тезиса Вл. Новикова нашли реализацию в предложенной А. Я. Ливергантом писательской биографии уже упомянутого Грэма Грина, одного из ярких, оригинальных романистов XX века.

Претензии на «статус» литературного героя обрз Грина под пером исследователя предъявляет уже на первых страницах книги в разделе, озаглавленном «Вместо предисловия». Подобно персонажу в произведении, он сразу наделяется портретной характеристикой. Лицо и фигура прославленного романиста увидены из переполненного зала будущим автором книги о Грине, не столь давним выпускником филфака МГУ. Ощутима первая попытка уловить через внешний облик только что вошедшего в зал человека его психологическое состояние и характер.

Перед нами в рамках того же вступления штрихами набросанные отличительные черты мировоззрения, идейной позиции Грина. Вот наиболее примечательные из них. Это сочетание в гриновском мировосприятии веры и сомнения, убежденность писателя в нераздельности добра и зла и в том, что именно грешник наиболее глубоко воспринимает сущность христианства; принципиальное различие сострадания и жалости (не в пользу последней), поиск человечности в тех людских особях, где че-

ловечность внешне наименее очевидна, неприязнь к догматике, к общим формулировкам... В той же повествовательной манере — рассказа, прямых оценок, непреложного факта — подаются во вступлении черты характера Грина, неприятные и привлекающие: «Бунтарь по натуре, человек резкий, неуживчивый, отличающийся прескверным характером, Грин в то же время был привязчив, верен, безотказен, обязателен. И обаятелен. Обладал отменным чувством юмора...» [1, 13].

Очевидно стремление А. Я. Ливерганта к афористическим броским высказываниям, чаще всего при напоминании о парадоксальности поведения писателя: «Он всегда путешествовал по принципу — чем хуже, тем лучше» [1, 173]. В отдельных репликах персонажей, по мнению литературоведа, трудно не узнать самого Грина. В то же время в попутных замечаниях к поступкам, письмам, выражению чувств писателя, например, к Ивонн Клоэтта, последней, многолетней подруге романиста, автор жизнеописания Грина может быть и ироничен: «Как же ему присущ мелодраматизм, который он с таким талантом высмеивал в своих книгах» [1, 184].

Но среди всех комментариев А. Я. Ливерганта, служащих созданию образа Грина-персонажа, наиболее ценными являются те, которые выявляют в последнем облик Творца, мастера пера. Это наблюдения над изобретательностью Грина как художника слова в создании метафор, частом и умелом использовании приема контраста; убедительно суждение, что существенную особенность поэтического мышления писателя составляет чувство абсурда, трагикомичность видения мира. Исследователь пытается наглядно показать труднейшее: связь психологии романиста как человека с создаваемым им художественным образом, с избранным тропом — эпитетом или сравнением, с метафорой...

Хотелось бы коснуться и замечаний Вл. Новикова о сюжете в писательской биографии. Напряженные сюжетные «узлы» возникают в книге Ливерганта часто — при изложении истории женитьбы Грина и его дальнейших любовных приключений, вступления на стезю журналистики, становления писательской «карьеры», посещения «горячих точек» планеты, попытки ради развлечения проникнуть в мир шпионских авантур, а позже уже официального оформления в ряды МИ-6, правда, на время. Но наиболее впечатляет проявление сюжетного начала (возможно, потому, что оно следует за несколько растянутым, перегруженным именами и подробностями рассказом о родственниках писателя) при изображении юного Грина в школе, где его травят, домашней обстановки, где отсутствует душевность, нарастающего отчуждения от семьи и в конечном итоге бунта, когда Грин предъявляет родителям ультиматум (чем не кульминация в сюжете!) и побеждает.

Любопытно у Ливерганта частое, подчеркнутое соотнесение вымышленной действительности в романах Грина с реальными случаями, ситуациями, даже психологическими или бытовыми подробностями в жизни самого писателя. Роман с Кэтрин Уолстон отражен в произведении «Конец одной любовной связи» (1951). Противоречащие друг другу по смыслу телеграммы касательно болезни и смерти близкого человека были пережиты самим писателем и обыграны им в романе «Суть дела» (1948). Особенно искусен, как показывает это Ливергант, Грин в использовании запомнившихся ему впечатляющих «деталей». Это мертвый ребенок во Вьетнаме, так и не выпустивший из руки кусок хлеба. Это чувственное потрясение от отражения в зеркале женщины в красном халате, расчесывающей волосы (подобным собственным переживанием писатель наделяет журналиста Фаулера в романе «Тихий американец», 1955).

Вспомним суждения Вл. Новикова, что герой в современных произведениях, представляющий самовыражение автора, не развивается, зато в талантливо написанной писательской биографии эволюция романиста как персонажа ощутима. Применительно к Грину она проявляется в развитии характеров и судеб сотворенных им героев. И это их эволюция в сторону большей душевной активности, обогащения внутренней жизни, способности к Поступку. Особенно наглядно она проявляется в «Почетном консуле» (1973) в судьбах Пларра, Фортнума, Риваса. А для нас (поспорим здесь с Ливергантом) и в образе отца Кихота («Монсеньор Кихот», 1982). Да и противник войны во Вьетнаме, как и всякой вообще, Томас Фаулер, в чью настойчивую декларацию нравственно-психологического нейтралитета как-то не очень верится, в конечном итоге отказавшись от попыток сказать правду в печати, совершает, пусть только под влиянием душевного потрясения, решительный шаг, чтобы «унять» чересчур активного «тихого американца».

Любопытно внезапно возникающее противопоставление в романе «Ценой потери» (1961) мягко-сердечного Настоятеля, чья христианская доброта состояла в том, что он позволял мальчику, больному лепрой, таскать у него из стола конфеты, — материалисту и атеисту доктору Колэну, который бьется за то, чтобы вылечить ребенка — и «без потерь»! Какова здесь позиция Грина-героя? Не тот ли это случай, когда перо гения достигает дальше, нежели хотел гений? Или это иллюстрация его размышлений, что родившийся персонаж, как ребенок, вышедший из утробы матери, начинает потом жить своей жизнью и диктует свое поведение автору?..

По признанию Вл. Новикова, к чтению книги А. Я. Ливерганта о Грине он приступал с некоторым предубеждением: «Слишком хорошая репутация была у него в Советском Союзе! А это вызывало ответную

негативную реакцию в независимых читательских кругах. Не жаловали мы в «застойные годы» писателей «прогрессивных», и в особенности «леваков»...» [2]. Но разделяя позицию «независимых», критик все же вынужден признать, что Грину был искренне интересен текущий политический процесс. А Ливергант на протяжении повествования неизменно повторяет, что его героя с молодых лет волновала проблема социальной справедливости. Подчеркнем, что связанные с ней коллизии помещаются Грином в пространство более разнообразных и сложных отношений, нравственно-этических, религиозных, философских — в предлагаемой Ливергантом «писательской биографии» это достаточно ощутимо. Хотя порой и спорно.

Возьмем, например, знаменитый роман «Сила и слава» (1940), отразивший угнетение верующих и в целом католической церкви в Мексике после буржуазно-демократической революции 1910—1917 гг. Лейтенант республиканской милиции, преследующий единственного оставшегося в одном из штатов священника, трактуется у Ливерганта (как можно предположить и у Новикова) неприязненно, зло, но, главное, упрощенно, с явным игнорированием текста романа, в котором как раз показаны истоки атеизма персонажа, причина неприятия им церкви. Это горький опыт детства, когда мальчик видел, как надрывающаяся от непосильного труда мать несла священнослужителям обязательную подать, жалкие гроши, оторванные у голодной семьи. Лейтенант мечтает об иной жизни для юного поколения, которому он стремится дать материальное благополучие, знания, свободу от суеверий и порока.

Конечно, нельзя не согласиться со священником, когда тот упрекает лейтенанта, что тот хочет отдать людям свое сердце, однако, не выпуская из рук пистолета. Но нельзя не заметить и того, что Грин, отстаивая устами священника культ очищающих бедняков страданий и веру в их райское блаженство после смерти, не позволяет лейтенанту опереться на какие-то возможные контраргументы. Орудием спора с персонажем писатель зачастую избирает целенаправленный отбор художественных средств, с помощью которых создается этот образ. Изогранные по своему характеру тропы призваны подчеркнуть в облике лейтенанта раздражительность, хмурость, ощущение им вокруг себя холодной, пустой, мертвой Вселенной; вместе с тем лейтенанта сопровождает раздражающий блеск амуниции, пуговиц, пистолетной кобуры. Все это в сочетании с разрушительными действиями персонажа призвано эмоционально оттолкнуть от него читателя, утвердить мысль об узости, ограниченности самого «служения идее», воплощенной в лейтенанте.

Но у священника ведь тоже своя «идея», и достоинством книги Ливерганта является то, что автор сумел ярко показать те душевные и физические муки,

на которые обрекает героя его «служение». Для Ливерганта важно (и с этим нельзя не согласиться), что священник требователен и даже безжалостен именно к себе как человеку и христианину, не достигающему того идеала, которому он поклоняется. Но хотелось бы к этой позиции критика присоединить некоторый дополнительный «оттенок» — разрабатываемое Грином на протяжении почти всего творчества противопоставление двух позиций: у так называемых «праведных» (pious) и у «греховных» персонажей, воплощающих естественную человечность; последняя может проявиться, например, у того же священника в вызове принципам собственной веры. Такова его любовь к малолетней дочери — плод его плотского греха, от которой он не хочет и перед Богом отказаться.

Свое благополучное прошлое прозревший в результате испытаний гонимый священник воспринимает как ложное, пропитанное корыстью и лицемерием. Его противники — не только разрушающий церкви новый режим, но и носители готовых идеологических формул, в рамки которых они вменяют живые человеческие чувства и судьбы: спор священника, отстаивающего значительность и правомерность конкретных физических и душевных переживаний, с набожной женщиной в тюрьме. Подобный спор уже в других ситуациях продолжится и на примере истории комиссара Скоби в «Сути дела» (1948), в «Монсеньоре Кихоте» (1982) и со специфической остротой в «политическом», как определил сам Грин, «Тихом американце»¹. Разработка обозначенной нами коллизии — на уровне сюжета, в картинах нравственно-психологических противоборств, соотношения антропологического и онтологического начал — придает зримость фигуре Грина как литературного персонажа; вспомним, этот феномен отстаивает Вл. Новиков.

Бросается в глаза примечательная тенденция в книге А. Я. Ливерганта: он обращает внимание на наличие во многих произведениях Грина «разномастных пар», призванных потягаться в «силе» и «слабости». Могущественный международный финансист Эрик Крог и вырождающийся викторианец Энтони Фаррант («Меня создала Англия», 1935), уязвимая в своих представлениях о справедливости Айда и юный гангстер Пинки («Брайтонский леденец», 1938), уже упомянутые лейтенант и священник, наделенный многими общепризнанными добродетелями американец Пайл и опустившийся скептик англичанин Фаулер, иронически относящийся к своей профессии журналиста. А. Я. Ливергант считает, что на первый план здесь выступает проблема **читательских симпатий, читательского выбора**, тем более сложного, поскольку, по Грину, люди не «белые» и «черные», а скорее «черно-серые».

¹ См. об этом подробнее в монографии С. Н. Филюшиной «Нет, не песчинка!» Размышления над романами Грэма Грина. — Воронеж, 2010. — 151с.

Характеристики, которые литературовед дает слагаемым «разномастных пар», убедительны и учатывают систему тропов, используемых Грином-творцом и доносящих до нас оценку персонажа **на уровне текста**, порой даже в полемике с публицистическими заявлениями автора. Возможно, опираясь именно на последние, А. Я. Ливергант делает вывод, вызывающий категорические возражения. Оказывается, «узор на гриновском ковре несменяем: нет в мире правых и виноватых» ([1, 164].

Значит, кровь невинных людей на асфальте площади в Сайгоне, в которую разгневанный Фаулер толкает «тихого американца», не лежит на совести последнего? Как и мины, сделанные из пластика, присланного подопечным Пайла из США? Как и убежденность, что американские деньги позволят через неделю забыть об убитых и искалеченных, о растерзанном младенце и рикше, лишившемся ног? Или нужно «смягчить» вину Пайла, поскольку и у Фаулера был «грешок» — ревность по случаю утраты возлюбленной, которая ушла к Пайлу? Личные мотивы и неприятие «общественного зла» совпадают? Ливергант вспоминает о несколько сходной ситуации в романе «Комедианты». Прав-

да, нам хотелось бы подчеркнуть скорее различие: ведь Фаулер **смирняется** с потерей Фуонг и «бунтует», лишь окончательно уяснив логику действий Пайла-робота, для которого не существует ничего индивидуального, частного, неповторимого, а все подводится под уже готовую модель отношений, будь то любовь (статистика Кинси) или впечатления о Вьетнаме (оценка политических комментаторов). Впрочем, здесь мы, наверное, впадаем в «левацкую риторику».

Но как бы то ни было, образ Грина-персонажа, главного действующего лица писательской биографии, получился у Ливерганта захватывающим и зримым. И подтвердил интересный тезис Вл. Новикова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ливергант Александр. Грэм Грин. — Серия «Жизнь замечательных людей» / Александр Ливергант. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 287 с.
2. Новиков Вл. Шесть героев нашли автора. О биографических книгах Александра Ливерганта. — Режим доступа: http://www.nm.1925.ru/Archive/Journal16_2017_11/Content/Publication6_6769/Default.Aspх (дата обращения: 20.08.2018).

Воронежский государственный университет

Филюшкина С. Н., доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: snfilushkina@yandex.ru

Voronezh State University

Filushkina S. N., Doctor of Philology, Professor of the history and Typology of the Russian and Foreign Literature Department
E-mail: snfilushkina@yandex.ru

СЛОВО ДУБ И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ В МИКРОТОПОНИМИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Чэнь Цзыди

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 мая 2018 г.

Аннотация: в данной статье рассмотрен символ дуба в общерусской и региональной культуре, выяснена этимология названия «дуб», перечислены названия микротопонимов дуба в воронежской области и объяснено использование данного дерева в жизни общества.

Ключевые слова: топоним, микротопоним, производные онимы, этимология, значение онима, региональная ономастика.

Abstract: in the given article the symbol of Oak in all-Russian and regional culture has been considered, the etymology of the name of the Oak has been clarified, the names of the Oak's microtoponyms in the Voronezh region have been listed and the use of this tree in the life of society has been explained.

Keywords: toponym, microtoponym, derived onyms, etymology, significance of onym, regional onomastic.

1. Дуб — в традиционной культуре славян самое почитаемое дерево, символизирующее силу, крепость и мужское начало; место совершения религиозных обрядов [1, 146].

В верованиях, практической магии и фольклоре дуб последовательно выступает как мужской символ. Воду после купания новорожденного мальчика выливали под дубом. Когда невесту вводят в дом мужа, она первой входит туда и говорит про себя: «Около двора дубочки, а в дом — сыночки», если хочет, чтобы у нее рождались мальчики.

У славян дуб занимает первое место в ряду деревьев и соотносится с первыми элементами других символических рядов, а также с верхним миром; ему приписываются положительные значения. Сербы говорили о дубе — *цар дрва*, русские называли его *Царь Дуб*; в сакральной практике именно дуб выполнял ряд культовых функций, в фольклоре и практической магии фигурировал в качестве **мирового дерева**; согласно поверьям и фольклорным текстам, на дубе обитал царь птиц **орел** или птица Кук; в приметах и запретах дуб сопоставлялся с хозяином дома [1, 147]. Сравните также роль дуба в поэме «Руслан и Людмила» и сказках А. С. Пушкина, а также в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого.

2. Этимология названия дуб

М. Фасмер указывал на общеславянское происхождение слова и понятия *дуб* (укр. дуб, ст.-слав. д@áи, болг. дъб, чешск. и словацк. dub, польск. dąb), предполагая первичное значение 'дерево' [5—1, 547]. Сравните: самый главный гриб у русских — *белый гриб*, в польском же языке называется просто *grzyb*, видимо это и было первичным значением.

3. Использование дуба

Во все времена дуб использовался человеком повсеместно: из его древесины строили дома, делали двери, лестницы, паркет и очень дорогую мебель; в России из него делали срубы колодцев, так как это дерево в воде не гниет и вода в таком колодце не цветет, всегда оставаясь холодной и чистой; из него делали (и продолжают делать) бочки для выдержки пива, вина и коньяка; из него гнули ободья, полозья и т.д. При строительстве мостов из дуба делали сваи, поскольку в соприкосновении с водой древесина становится только тверже; шел он и на строительство деревянных судов: и древнерусские челны-однодеревки, и крупные палубные суда в Воронеже при Петре I строились из дуба.

Дубовая кора тоже имеет множество применений: из нее производят дубильные вещества — в отваре коры и стружки выдерживают другие породы древесины для получения так называемого эффекта черного дерева; ее используют при дублении кожи; а кроме того и в медицинских целях — отвар коры дуба отличное закрепляющее средство, хорошо помогает при воспалениях десен, инфекциях полости рта и горла. Даже желуди, как правило, идут на корм скоту.

4. Названия микротопонимов, связанных с названием дуба и его производных лексем в воронежской области

Очень разнообразны номинации «дубовых» названий в региональной топонимии. В Воронежской области остались только два населенных пункта, в названиях которых есть корень *дуб-*: пос. Дубовый Грибановского р-на и пос. Дубовый Таловского р-на [3: 93]. Раньше таких названий было гораздо больше. Значительный разброс в семантике таких названий

наблюдается в микротопонимии. Материалом для данной выборки послужил Словарь микротопонимии Воронежской области Г. Ф. Ковалева [4]:

ДУБЕЧЕНКА (Дубе'ченка) — ул. в с. Сухой Донец Богучарского р-на. Ее основали несколько семей, прибывших в 1767 г. из Московского уезда. «Эти семьи до того были монастырскими крестьянами Троице-Сергиевой лавры. Лавра владела селами Мигулино и Дубечным под Москвой. Из них в Воронежскую губернию пришло 6 семей» [Прохоров 1973, с. 312]. Таким образом, часть с. Сухой Донец Богучарского р-на, где поселились выходцы из Дубечного, стала называться Дубеченкой. Официально — ул. Садовая.

ДУБКИ (Дупки') — место в г. Павловск. Расположено возле кинотеатра «Юность», где были четыре срубленных дуба.

ДУБОВАЯ СТРЕЛИЦА (Дубо́вая Стри́лица) — озеро у с. Третьяки Борисоглебского р-на: *Стри́лицы на э'тѣм лу́гу: Пе́рвѣя Стри́лица, Фта́рая Стри́лица, Дубо́вая Стри́лица.*

ДУБОВКА, ДУБОВОЙ КОНЕЦ, ДУБОВОЙ ХУТОР, ДУБОВСКАЯ (Дубо'фка, Дубово'й Кане'ц, Дубово'й Ху'тор, Дубафска'я) — ул. (плант) в с. Платава Репьевского р-на, упирающаяся в Платавский лес, в котором, по легенде, был дуб, с вершины которого виден Воронеж. *На Дубаво́м у нас ра́ньша дубо́ф мно́гѣ бы́ль.*

ДУБОВОЕ (Дубо'вэ) — поле в с. Власовка Грибановского р-на. Распахано на месте срубленного дубового леса.

ДУБОВСКАЯ (Дубафска'я) — поляна близ с. Средний Карачан Грибановского р-на. Вокруг поляны растут дубовый лес.

ДУБОВЩИНА (Дубафщи'на) — часть с. Синие Липы Нижнедевицкого р-на. Названа по поселившимся здесь выходцам из с. Дубовка.

ДУБОВЫЙ (Дубо'вый) — микрорайон в с. Верхний Мамон. Назван по хутору близ Верхнего Мамона. Хутор начинался со сторожевого домика в дубовой роще.

ДУБОВЫЙ КУСТ (Дубо'вый Куст) — лесопосадка в поле у с. Ступино Рамонского р-на. На ней растут в основном дубы.

ДУБОВЫЙ ЯР (Дубо'вый Яр) — овраг близ г. Калач. По склонам оврага раньше росли дубы.

ДУБОК (Дубо'к) — пруд в с. Юрасовка Ольховатского р-на. Назван так, поскольку до 50-х годов прошлого века вокруг пруда росли дубы.

ДУБОЧКИ (Ду'бочки) — овраг в с. Кирсановка Грибановского р-на. Назван так потому, что в нем растут дубы.

ДУБРАВА (Дубра'ва) — гора близ с. Средний Карачан Грибановского р-на. Дубовый лес полностью

вырубили, но название осталось. Сейчас там берёзовая роща.

ДУБРАВНЫЙ ЛОГ (Дубра'вный Лох) — овраг в с. Верхний Икорец Бобровского р-на. По краям оврага (кое-где и в нем) располагалась дубрава.

ДУБРОВКА (Дубро'ўка) — лес у с. Истобное Репьевского р-на. *У лясу' Дубро'ўка ра'ньша-та дубы' раслі'.*

ДУБЫ (Дубы') — овраг у с. Новосильское Семилукского р-на. Назван так потому, что «только в этом логу растет несколько дубов».

ЗЕЛЁНАЯ ДУБРАВА (Зилён'ья дубра'ва) — культуры сосны Суходского в Хреновском бору, в окрестности с. Семено-Александровка Бобровского р-на. Когда-то на этом месте была дубрава. Сейчас — рукотворный сосновый лес, один из самых ценных участков Хреновского бора.

ПОДДУБОК (Падубо'к) — место в с. Братки Терновского р-на. Местные жители полагают, что эта территория раньше была занята лесом.

РЕДКОДУБ (Риткодуп) — лес у с. Кривая Поляна Острогожского р-на. В этом дубовом лесу деревья растут редко, на большом расстоянии друг от друга.

РЕДКОДУБЬЕ (Риткодуб'ье) — лес в старых окрестностях с. Старая Меловая Петропавловского р-на, тогда еще слободы.

ТРИ ДУБА (Три Ду'ба) — сенокосное угодье в лесу близ с. Власовка Грибановского р-на. Здесь посередине покоса растут три дуба.

ХОРОШИЙ ДУБ, ХОРОШИЙ ДУБОК (Харо'ший Дуп), (Харо'ший Дубо'к) — лес у с. Платава Репьевского р-на. В этом лесу, по легенде, был дуб, с вершины которого был виден Воронеж. Когда дуб срубили, по словам местных жителей, на его пне разворачивалась карета, запряженная тройкой лошадей.

ЧЕРНОДУБОВО (Чирнаду'бовэ) — роща у хут. Гойкалово Каменского р-на. Названа так потому, что кроны деревьев в дубраве сомкнулись и пропускают мало света.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2. — М.: Междунар. отношения, 2002.
2. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. — в 2 т. — 8-е изд. — М.: Рус. яз. — Медиа, 2007.
3. Прохоров В. А. Вся Воронежская земля / В. А. Прохоров. — Воронеж: Центр.-Черноз. изд-во. — 367 с.
4. Ковалев Г. Ф. Словарь микротопонимии Воронежской области / Г. Ф. Ковалев. — в 2 т. — Воронеж: Наука-Пресс, 2017.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. — в 4 т. — М.: Прогресс, 1964.

Воронежский государственный университет
Чэнь Цзыди, аспирант кафедры славянской филологии
E-mail: zidichen@yandex.ru

Voronezh State University
Chen Zidi, Postgraduate Student of the Slavic Philology
Department
E-mail: zidichen@yandex.ru

А. С. НЕВЕРОВ (1886—1923) — ПИСАТЕЛЬ «ПЕРЕХОДНОГО» ВРЕМЕНИ (ТРАДИЦИОННОЕ И НОВАТОРСКОЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖНИКА)

Г. А. Шпилева

Воронежский государственный педагогический университет

Д. А. Скобелев

Цзилиньский государственный педагогический университет (КНР)

Поступила в редакцию 1 августа 2018 г.

Аннотация: в данной статье будут рассмотрены поэтологические особенности прозы А. С. Неверова (показавшего дореволюционную деревню и изменения, произошедшие в послереволюционной России) в сравнении с некоторыми художественными данностями поэзии и прозы Н. А. Некрасова и Г. И. Успенского. Два выдающихся писателя, чьи творческие биографии также сложились в переходные эпохи, безусловно, оказали влияние на становление Неверова, пережившего войны и революции начала XX века.

Ключевые слова: деревенская проза, концептированный автор, типологические сходства, народные ценности.

Abstract: in this article poetological features of A. S. Neverov's prose (who depicted the pre-revolutionary village and changes that occurred in post-revolutionary Russia) in comparison with N. A. Nekrasov's and G. I. Uspensky's artistic entities of poetry and prose are considered. The two outstanding writers, whose creative biographies also developed at the time of transition, undoubtedly influenced Neverov's formation, who survived the wars and revolutions of the early 20th century.

Keywords: village prose, conceptualized author, typological convergence, folk values.

Творчество Александра Сергеевича Неверова (Скобелева) сегодня может быть отнесено к разряду «забытых и второстепенных», которые сейчас интенсивно изучаются литературоведами, но недостаточно востребованы читателями. Однако в своё время (1920-е гг.) это был один из популярнейших писателей Советской России, о нём с большим одобрением отзывались такие признанные классики литературы, как А. Блок, М. Горький, Ф. Кафка. Знаменитую повесть «Ташкент — город хлебный» анализировал выдающийся литературовед В. Б. Томашевский.

Что же привлекало современных Неверову читателей (и писателей) к его невесёлым (чаще всего) рассказам, повестям, драмам, где порой развивались трагические сюжеты из жизни деревенской бедноты, о тяжелейшем крестьянском труде, лишениях сельских учителей, болезнях и смертях детей?

Прежде всего, демократического читателя подкупала сама биография Неверова — внука крепостного крестьянина. Послужив «в должности мальчика в лавке купца, потрудившись в «мануфактурном магазине», будущий летописец «голодного Поволжья» в 1903 г. «ушёл пешком в село Озерки, чтобы продолжить ученье» [1, 9]. Через 2 года Неверов вышел оттуда учителем для церковной «школы грамоты». Так к крестьянскому жизненному опыту прибавился

преподавательский: работа в сельских школах, обитание в крошечных комнатках, нищенское существование на 10 рублей в месяц. При этом «небогатый» учитель отличался невероятным оптимизмом, страстью к чтению (среди любимых писателей — Пушкин, Некрасов, Г. Успенский, Чехов, Горький), был очень добр, щедр, отзывчив.

С наступлением Первой мировой войны Неверов был призван в армию, «его направили в 90-ю пешую дружину, которая стояла недалеко от Самары», «назначили писарем», затем «определили на фельдшерские курсы в Самаре». Жена писателя, Пелагея Андреевна, вспоминала о тяготах военной жизни писателя: «В казармах — теснота, грязь. Спать приходилось на полу. Муштра, грубость, издевательства <...> унтер-офицера» [2, 46].

В течение своей недолгой жизни Неверов трудился в редакциях самарских изданий, много и напряженно работал, читал, писал, его повести и рассказы рецензировали М. Горький, В. Г. Короленко. Последние месяцы жизни писателя прошли в Москве.

Революцию 1917 г. Неверов в конечном итоге принял с большой надеждой на улучшение жизни многомиллионного крестьянства, чьи беды были хорошо ему знакомы. Всё творчество этого писателя можно разделить на 2 периода: первый (ранний) — дореволюционный, и второй (послереволюционный), безусловно, отмеченный пафосом оптимизма.

Брат Неверова, П. С. Скобелев, так передаёт настроение своего родственника, наставника и друга: «На нашу долю выпало чрезвычайное счастье быть свидетелями и участниками величайших событий, жить в такое время и правдиво, без искажений и прикрас, отобразить в своих произведениях хоть частичку российской революционной действительности» [3, 88]. При этом не будем забывать, что Неверов был человек ранимый, писатель искренний и далёкий от конъюнктуры. В одном из своих писем он так отреагировал на своё восприятие *новой* жизни: «Лично я — болезненный идеалист, человек тихий, кроткий, и все кровавые жертвы переходного времени во имя великого будущего меня страшно угнетают» [4, 379]. Как видно, Неверов действительно ощущал себя писателем *переходного* (очень жестокого) времени.

Новое время требовало новых форм, и, как известно, переходные эпохи являются «нероманными» — в фавориты выходят небольшие рассказы, очерки, фиксирующие сиюминутное, повседневное. Л. А. Финк, исследуя раннее творчество Неверова, отметил: «Он всегда (именно всегда — и в этом его особенность) писал о том, что только что происходило. Все его рассказы и очерки, даже повести и пьесы выстраиваются как бы в единый ряд современной истории, и писатель старательно фиксирует события, факты и фактики, детали, и подробно, словно он убеждён в том, что любая из них должна быть закреплена в слове» [5, 170].

Указанная поэтологическая особенность, на наш взгляд, генетически и типологически восходит к коренным чертам русской «натуральной школы» 1840-х гг. Подобно молодому Н. А. Некрасову-прозаику, который «ориентировался на «голую» действительность, убеждая читателя в правдивости изображаемого» [6, 31], молодой Неверов показывает статичную, застывшую в безрадостной повседневности жизнь «низов», например, в очерке «На вокзале» (впервые опублик. в 1918 г.): «В городе слышится благовест, разливаются унылый, тоскующий звон, а на железнодорожных путях свищут, пылят паровозы <...> группа чернорабочих разворачивает каменный уголь и грузит его на подводы. Тут же около них работают женщины с синими, перепачканными лицами. На губах и под глазами — угольная пыль... Из-под коротких растрёпанных юбок выглядывают красные «гусиные» ноги, привыкшие к холоду. Нищета...» [7, т. 1, 32]. Закономерно вспоминаются «физиологии» русских «натуралистов», где также заявляет о себе «локальная образность», «эффект нагнетания сходных, однозначно окрашенных терминов и тропов» [5, 170], например при описании ночлежки Н. А. Некрасовым в «Повести о бедном Климe» (1841—1848): «В одну из таких квартир, называемых артельными, судьба привела нашего героя... Войдя в неё, он увидел множество стариков, старух, пожилых людей, детей женского и мужского полов в ветхих, полура-

зодранных рубищах <...> Сквозь дым крепких солдатских корешков и освещавшей комнату лучины герой наш увидел мужчин и женщин всевозможных видов и возрастов в лохмотьях и рубищах. Особенно много было детей» [8, т. 8, 38].

Как видно, у Н. А. Некрасова и у Неверова «изображаемая личность стоит перед готовой, застывшей, подавившей её действительностью» [9, 103]. Однако обращает на себя внимание *слово*, завершающее процитированный фрагмент очерка Неверова: «Нищета...». Это уже *вывод*, которого писатели «натуральной школы» избегали. Однако в целом поэтика произведения «дореволюционного» Неверова характеризуется тем, что «репродукция фактов преобладает над их укрупнением, над вымыслом и обобщением» [5, 103].

У нас нет сведений о том, что Неверов читал прозу Н. А. Некрасова, тематические схождения в этой сфере могли протекать в типологическом русле (объектом описания стали нищета, страдания обездоленных людей), но поэзия зрелого Н. А. Некрасова была усвоена им хорошо и любима. Брат Неверова, П. С. Скобелев, представил по этому поводу красноречивые воспоминания: «Осталось в памяти одно из его посещений, когда он прошёл по двору, окинул грустным взглядом нашу убогую «недвижимость» и процитировал знаменитые некрасовские строчки:

Есть и овощ в огороде —
Хрен да луковица,
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица» [3, 84].

Литературоведы справедливо отмечали, что Некрасов не переставал «углубляться в крестьянскую жизнь, изучать народный характер, язык и поэзию» [10, 345]. Выдающийся поэт знал: «Для того чтобы писать о деревне, о народе, надо водвориться в деревне», так как именно она «питает поэзию» [11, 330].

Неверов сам был крестьянином, ему не нужно было *изучать* жизнь и язык деревни, этот писатель поначалу испытывал дефицит в другом — нехватку знаний, недостаток культурной информации, мастерства, и в этих сферах Некрасов многому учил начинающего литератора, был для него образцом. Именно поэтологически в прозе Неверова дают о себе знать некрасовские поэтические интенции.

Без учёта некрасовской лирики (где грубая «проза жизни» непостижимым образом становилась настоящей (новой!) поэзией, где только самый чёрствый читатель не слышал *голос* искренне сострадающего «концептированного автора» (термин Б. О. Кормана)), постижение Неверова-прозаика будет недостаточным (отметим, что в своих немногочисленных стихотворениях писатель *шёл* за Маяковским).

Создаётся впечатление, что опыт Некрасова-поэта был очень полезен Неверову-прозаику для установления равновесия между «индивидуальным психологическим рисунком» и «изображением коллек-

тивных социально-психологических импульсов» [12, 204]. Н. А. Некрасов соединил эти категории одним из первых, и опирался он при этом на такое родовое качество лирики, как *обобщение*, интерферирование «эмпирического», «эмоционального» и «философского» [13, 168] начал.

Можно предположить, что Неверов унаследовал поэтологические законы создания образа «слабого человека» («состояние, синонимичное гибельной усталости») [14, 45], новаторски развитый Некрасовым («Руки, что вывели борозды эти, / Высохли в щепку, повисли как плети...» («Несжатая полоса», 1854)). Неверов также создавал обобщённые образы русского крестьянина, чья трагическая жалоба стала высокой поэтической: «Господи, умру я... Прости мои грехи. Ребятишек моих не оставь... маленькие они... Хлебца им уроди побольше... Не веди старшине корову продавать за подати... А я уж, верно, умру» («Под песнь вьюги, 1908») [7, т. 1, 96]. Как здесь не вспомнить знаменитое некрасовское: «Кушай тюрю, Яша! / Молочка-то нет!» — «Где ж коровка наша?» — «Увели, мой свет». / «Барин для приплоду / Взял её домой...»!

Особое место в лирике Н. А. Некрасова и прозе Неверова занимают образы детей — ранимых и незащищённых. Оба писателя создавали в своих произведениях такую трагическую оппозицию, как *детство* (начало жизни) — *смерть* (её конец). Данная антиномия (ставшая *универсалией* при изображении жизни деревенской и городской бедноты) позволила с особой остротой показать и социальную несправедливость, и нарушение всех норм гуманизма, и бессилие взрослого человека, не имеющего возможности защитить, спасти ребёнка от голода и болезней.

И Н. А. Некрасов, и Неверов создали образ зыбкой *границы* между жизнью и смертью ребёнка, ставшего *обузой* для бедняка, однако состоявшаяся трагедия показывает всю глубину переживания этого человека, самого страдающего от голода, непосильного труда, а также акцентирует ощущение необратимости. Это с особой остротой показано, например, в некрасовском стихотворении «Гробок» (опубл. в 1850 г.):

А как было живо дитяtko,
То и дело говорилось:
Чтоб ты лопнуло, проклятое!
Да зачем ты и родился? [8, т. 1, 78].

С одной стороны, Неверов повторил одну из созданных Некрасовым моделей «бедного» детства, например, в рассказе «Дети» (1916) читаем: «Отец частенько советовал ему умереть: — Уми, брат, лучше будет. А Серёжке не хотелось умереть» [7, т. 1, 264]. Те же настроения в рассказе «Егорка родился» (1911): «Вон в углу ещё четверо, тоже дети. Переплелись руками, дышат друг другу в лицо. Наверно, зябнут. Хорошо если бы умерли. Встать поутру, а они лежат застывшие, синие, с мёрзлыми улыбками. Дескать, не беспокойся, тятенька, нам хорошо» [7, т. 1, 175].

Но в развязке рассказа, будто устранившись «расчеловечивания — желания смерти близким и даже детям» [5, 172] (что было обусловлено крайней нищетой, голодом, непреходящей усталостью), писатель показывает, как герой «возвращается» к естественным отцовским и человеческим чувствам, желая детям *жить*.

В ряду любимых писателей, изобразивших бытие бедноты (Помяловский, Решетников, Златовратский, Левитов, Писемский, Каронин-Петропавловский, Засодимский, Салов и др.), которых Неверов читал (и составлял «списки прочитанной <...> литературы» [15, 14], особо был выделен Г. И. Успенский, чьи очерки 1860—1880 гг., безусловно, стали очень важной школой для писателей конца XIX — начала XX вв. И здесь снова нужно вернуться к теме детства и связанной с ней оппозицией «ребёнок (начало жизни)» — «смерть (конец жизни)», представленной Г. И. Успенским с иной позиции (в сравнении с Н. А. Некрасовым и Неверовым).

Есть основания полагать, что Неверов был знаком с известным циклом очерков Г. И. Успенского «Власть земли» (впервые опубл. в 1882 г.), где обозначенная нами универсалия представлена именно с точки зрения «власти земли», вследствие которой древние законы земледелия (а не юридические нормы) жестко регулируют бытие крестьян. Вот что сообщает автор-повествователь очеркового цикла (напомним: писатель уезжал в деревню, жил в крестьянской избе и записывал в дневник свои впечатления от уклада русской сельской жизни): «В июле Авдотья родила, к ужасу мужа <...>, двоих девочек» [16, 195]; «Я нагнулся: от детей несло водкой... Водка была в рожках. Дети умерли в ту же ночь. Они были лишние, появление их нарушало расчёты и весь обиход труда» [16, 196]. Как видно, дети были принесены в жертву «экономическому расчёту», они умерли по воле родителей, которыми руководила «власть земли», заставлявшая крестьян убивать конокрадов, жениться «на идиотках» (опять же — по жесточайшему расчёту) и пр.

Г. И. Успенский в следующем фрагменте покажет (для сравнения) и многодетную беднейшую семью, где дети рождаются ежегодно, и родители из жалости и милосердия не наливают им в рожки вместо молока водки: «...им есть нечего, а она, добрая мать, утешает голодных детей сказками про Димитрия-царевича, который был красив, силен, умён и точь-в-точь походил красотой и силой на её Васютку, который так доволен <...> сидит с вытаращенными <...> глазами, на которых ещё не просохли слёзы от голода...» [16, 197].

Г. И. Успенский, по словам В. Г. Короленко (руководившего развитием Неверова-прозаика), был писателем, который «всей силой своего таланта продолжал призывать внимание общества ко всем вопросам народной жизни» [17, 314]. Одним из таких «вопро-

сов» был *школьный*, затронувший проблему народного образования.

Г. И. Успенский, периодически живший в деревне, наблюдал тяжелейший труд учителей, влачивших самое жалкое существование: «...вознаграждение учителя хуже, чем нищенское, так как всякий нищий точно так же, как и учитель, найдёт ночлег в чужом доме, найдёт и кусок хлеба, но деньгами соберёт гораздо более того несчастного гривенника, который платят (и всегда с издержками) учителю» [16, 109]. Неверов сам был беднейшим школьным учителем, и в своём творчестве он продолжил развитую Г. И. Успенским тему. В 1911 г. Неверов издаёт рассказ «Учитель Стройкин», где описываются физические и душевные терзания сельского интеллигента. В рассказе «Без цветов» (1913) так представлено место работы и обитания учителя: «тут стоит и школа грамоты. Внутри — грязь, теснота, сплошное убожество. Стёкла в окнах перебиты, рамы гнилые. Стены замазаны пылью, копотью, паутиной. В «классе» три парты <...> В заднем углу, рядом с печью, — дощатая перегородка. Это — «квартира» учителя с одним окном на пустырь <...> Поодаль от стола — книжный шкаф, несколько рваных учебников, две-три разбитых чернильницы, мышинный помёт» [7, т. 1, 115]. Если учитель Тяпушкин из очерка Г. И. Успенского «Выпрямила» (1885) нашёл утешение в созерцании Венеры Милосской, то учитель Неверова уже задаёт вопрос: «Кто виноват?» («Без цветов», 1916). Как видно, в данном случае сказываются и разные даты создания двух произведений, и «физическая точка зрения», то есть «положение в пространстве» [18, 19] субъекта речи: сторонний наблюдатель в очерках Г. И. Успенского и непосредственный участник изображённых событий, *рассказчик* из неверовских произведений о школе и учителе.

В очерках Г. И. Успенского, во многом первооткрывателе (литературном) сельского бытия, «постоянно присутствуют древнейшие мифологемы: земля, вода <...> подчёркивается полнейшая закономерная и справедливая зависимость человека от земли» [19, 13]. «Крестьянские» циклы очерков Г. И. Успенского действительно создаются во многом за счёт активизации *мифологического* мышления, утверждающего народные ценности, поэзию земледельческого труда, эстетику универсализации веками утверждавшейся «власти земли». Писатель воспел земледельческий труд, восхитился «народным» календарём, что не помешало ему показать и пороки деревенской жизни: пьянство, «массовое драньё» взрослых мужиков (безропотно переносящих это унижение), тяжелейший труд крестьян, вынужденных «пахать, ходить по кочкам за сохой или плугом и напрягать свои силы до степени лошадиных» («Крестьянин и крестьянский труд», впервые опублик. в 1880 г.).

Можно найти сходные *тропы* и *фигуры* в произведениях двух писателей, чем подтверждается то,

что Неверов во многом следовал за Г. И. Успенским, учился у него. Например, на ироничное описание «остроумной утки» («Крестьянин и крестьянский труд»), которая «тщательно скрывала, куда кладёт яйца», Неверов *откликнулся* сходным «анималистическим» эпитетом: «Из-под колоды с гнезда выглядывала жёлтая курица, удивлённая появлением незнакомого человека» («Радость», 1916). «Остроумная утка» Г. И. Успенского и «удивлённая» курица Неверова, конечно, родственные поэтологические явления, указывающие на безусловное «доверие» художников «к первоосновам массовой народной жизни» [12, 210]. Однако не будем забывать, что Неверов — писатель другого поколения, «летописец» следующего этапа народной жизни. В. П. Скобелев, анализируя «новые» повести литераторов — современников Неверова (создателя повести «Ташкент — город хлебный», 1923) — «Падение Даира» (1923) А. Малышкина, «Железный поток» (1924) А. Серафимовича, «Бронепоезд 14—69» (1921) Вс. Иванова — отмечал, что «массовая народная жизнь представляла здесь в категорически утверждающемся единстве, которое исключало сколько-нибудь действенное проявление индивидуальной воли, если она не совпадает с устремлениями коллектива». Таким образом, события, изображённые в повестях, «приобретали подчёркнуто тотальный характер» [12, 210] — такие требования предъявляла новая эпоха. Казалось бы, тот же пафос и в очерках Г. И. Успенского и отчасти в поэзии Н. А. Некрасова, но Неверов (художник, вышедший из «низов») и его современники не просто искренне и страстно сочувствовали народу. Будучи неотъемлемой его частью, эти художники остро ощущали и кризис многих составляющих указанных «первооснов», и грозно надвигающиеся следствия кризиса: революции и войны. Когда читаем рассказ Неверова «На земле» (1910), то понимаем, что жизнь настойчиво требовала социальных изменений, так как измождённый «шестнадцатилетний мужик Федька» в прямом смысле слова «выбился из сил» (как и любой другой бедный «мужик»): «Лошадь останавливается, соха падает на бок. Федька садится в борозду. Снова ставит соху, снова упирается грудью, натягивает мускулы, а через полчаса опять садится на отдых. Сидит, точно подстреленный» [7, т. 1, 124]. Как видно, *человек, животные*, крестьянский *инвентарь* изображены в едином локусе «невыживания», в *мёртвой зоне*: лошадь, соха, сам Федька исчерпали запас *терпения*, физических *сил* (прочности, поддерживаемой знаменитой «властью земли»).

Неверов в течение революций и войн изображал человека из «масс», и подавляющее большинство его произведений отмечены рефлексией, направленной на фиксирование человеческого страдания по поводу острой нехватки необходимого — пищи, одежды, земли, книг и связанных с книгами знаний, культуры, самоуважения. Однако совершенно очевидно, что со

временем в произведениях писателя появляются настроения надежды и веры в то, что страдания должны вознаградиться, и человек в новых исторических условиях обретает стойкость, позволяющую самому распоряжаться своей жизнью, *самоопределиваться* в сферах духовных и материальных.

В 1923 г. Неверов опубликовал свой главный труд — повесть «Ташкент — город хлебный», во многом автобиографическую. П. С. Скобелев так описывал причины путешествия в Среднюю Азию: «Наступило страшное для Поволжья лето 1921 г. Почти каждый день пыль, жаркое дыхание суховея. Ни капли дождя. Началось стихийное бегство населения в хлебные места — в Сибирь, в Среднюю Азию. Нашим семьям тоже нечего было есть. Решили ехать и мы. <...> Выехали 12 августа 1921 года. Ехали целый месяц... Всю дорогу Александр Сергеевич сильно болел малярией... В дороге мы видели много страшного. На останках вагоны осаждались голодающими. <...> Оборванные дети с жадностью бросались на брошенные арбузные и дынные корки. ...Александр Сергеевич болезненно реагировал на детские мольбы, не мог в это время есть, отдавал нищим еду. <...> Поездка длилась два с половиной месяца. Вернулись больные, грязные, оборванные до живописности. Александр Сергеевич, помнится, вернулся в шляпе и в лаптях. Однако муку мы всё-таки привезли. Правда, добытого (А. Неверов привёз что-то около 15—20 пудов) хватило ненадолго, так как нужно было помогать родным и знакомым» [3; 89, 90].

Лично увиденное, пережитое, выстраданное трансформировалось в замечательную повесть, героем которой стал крестьянский мальчик Мишка Додонов. «Суровая необходимость» заставляет маленького крестьянина повзрослеть, совершить тяжёлое и опасное путешествие в Ташкент, «стараясь отвести от матери и меньших братишек голодную смерть» [20, 263]. Выстоявший и выживший в жестоких испытаниях, Мишка стал символом нового крестьянства (по представлениям Неверова), поэтому пафос повести (несмотря на её трагизм), конечно, жизнеутверждающий. Основная мысль (обретшая художественные формы) произведения сводится к тому, что личность «сильнее голода», даже если это «юный, совсем неопытный, только вступивший в жизнь Мишка Додонов» [5, 173].

***

Неверов, изобразивший жизнь сельской и городской бедноты, конечно, ориентировался на признанных классиков, на своих знаменитых предшественников: Н. А. Некрасова, Г. И. Успенского — художников «переходного» времени. У Неверова, как и у его выдающихся «наставников», можно найти и очерковый (прерывистый) психологизм, и устремлённость к романной форме (что роднит его прозу с циклами Г. И. Успенского), и некрасовские «натуралистич-

ность», *эмблемность* образов (что отразилось на композиции очерков и рассказов Неверова). Однако, в конечном итоге, Неверову довелось увидеть и описать ту «пору прекрасную», о которой сказал в своё время Н. А. Некрасов. Народ действительно «проложил» новую «дорогу», и Неверов изобразил тот период русской истории, когда индивидуальные и общие «социальные инстинкты» входили в сложные диалектические отношения со сложившейся «логикой революционной борьбы» [21, 149]. Творческое наследие Неверова — это летопись «исторической устойчивости народного бытия» [21, 168], повествование и о зависимости человека от «власти земли», и о коррекции этой многовековой зависимости, и о тех известных и новых чертах народного характера, проявляющихся в кризисную («переходную») эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панкова-Скобелева А. С. Сестра о брате / А. С. Панкова-Скобелева // Александр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. — С. 8—11.
2. Скобелева-Неверова П. А. Штрихи былого / П. А. Скобелева-Неверова // Александр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. — С. 38—48.
3. Скобелев П. С. В трудную пору / П. С. Скобелев // Александр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. — С. 83—91.
4. Цит. по: Чалмаев В. А. Серафимович. Неверов / В. А. Чалмаев. — М.: Молодая гвардия, 1982. — 399 с.
5. Финк Л. А. О некоторых особенностях реализма Неверова / Л. А. Финк // Александр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. — С. 170—182.
6. Шпилева Г. А. Динамика прозы Н. А. Некрасова / Г. А. Шпилева. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. — 272 с.
7. Неверов А. С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1—4 / А. С. Неверов. — Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1958.
8. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 1—15. — Л.: Наука, 1981—2000.
9. Шпилева Г. А. Жиль Блаз «Петербургских углов» (к вопросу о жанре и художественном методе романа Н. А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова») / Г. А. Шпилева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. № 1, 2004. — С. 87—111.
10. Жданов В. В. Некрасов / В. В. Жданов. — М.: Молодая гвардия, 1971. — 494 с.
11. Скотов Н. Н. Некрасов / Н. Н. Скотов. — М.: Молодая гвардия, 1994. — 411 с.
12. Скобелев В. П. Роман А. Неверова «Гуси-лебеди» в контексте русской советской прозы 20-х гг. (к вопросу о соотношении романа и повести) / В. П. Скобелев // Алек-

сандр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. — С. 201—234.

13. Сильман Т. И. Заметки о лирике / Т. И. Сильман. — Л.: Советский писатель, 1977. — 224 с.

14. Фаустов А. А. Очерки по характерологии русской литературы / А. А. Фаустов, С. В. Савинков. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. — 156 с.

15. Свидерский А. И. Два года в Озёрской школе / А. И. Свидерский // Александр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. — С. 12—22.

16. Успенский Г. И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 5 / Г. И. Успенский. — М.: ГИХЛ, 1956. — 494 с.

17. Г. И. Успенский в русской критике. — М.-Л.: ГИХЛ, 1962. — 524 с.

18. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. — М.: Просвещение, 1972. — 110 с.

19. Шпилева Г. А. Жанровая эволюция циклов очерков Г. И. Успенского («Нравы Растеряевой улицы», «Разоренье», «Власть земли») / Г. А. Шпилева. Автореф. ... канд. филол. наук. — Воронеж: ВГУ, 1993. — 18 с.

20. Шпилева Г. А. Мир детства в прозе А. Неверова / Г. А. Шпилева // Александр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. — С. 254—264.

21. Кизименко Н. Н. О нравственно-гуманистических исканиях Неверова-прозаика / Н. — Н. Кизименко // Александр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. — С. 138—169.

Воронежский государственный педагогический университет

Шпилева Г. А., доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

Цзилиньский государственный педагогический университет (КНР) Скобелев Д. А., кандидат филологических наук, преподаватель

E-mail: 9alex04@mail.ru.

Voronezh State Pedagogical University

Shpilevaya G. A., Doctor of Philology, Professor of the Chair of Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature

Jilin State Pedagogical University (PRC)

Skobelev D. A., Candidate of Philology, instructor

E-mail: 9alex04@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ИНСТРУКЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Н. К. Яшина, А. А. Никифорова

*Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых*

Поступила в редакцию 16 марта 2018 г.

Аннотация: в данной статье рассматриваются особенности переводов текстов инструкций (на материале английского языка). Даны определения текста технической инструкции. Выявлены причины перевода этой важной документации в деятельности современного специалиста. Приводятся характеристики официально-делового стиля речи, жанрово-стилистические особенности инструкций, их структура и способы перевода на русский язык.

Ключевые слова: перевод технических инструкций, официально-деловой стиль речи, юридический документ, повысить качество перевода.

Abstract: the given article is concerned with the specific features of instruction text (based on the English materials). The definitions of the types of instruction texts are given. Need analysis of translation of these important documents in the activity of the present-day specialists is identified. Characteristics of formal-business style of speech, genre and stylistic features of instructions, their composition and methods of translation are presented.

Keywords: technical instructions translation, business style of speech, legal document, to improve the quality of translation.

В связи с расширением международной торговли и ввозом импортной продукции возникла острая необходимость в переводе на русский язык всех сопроводительных документов (технических паспортов, описаний к приборам, инструкций по эксплуатации и монтажу оборудования и т.д.). Это обстоятельство заставило выделить перевод инструкций в отдельное направление.

Слово *инструкция* произошло от лат. instructio, означающего устройство, наставление. Сюда можно отнести свод правил выполнения какой-либо работы, пользования машиной, устройством, прибором, а также подзаконный правовой акт, которым регламентируется какая-либо деятельность. Она содержит также нормы, правила, определяющие порядок и условия реализации нормативных актов, изданных вышестоящими органами.

За своё долготелее существование жанр инструкции приобрёл свои собственные дифференциальные признаки, хотя некоторые варианты содержат черты других типов текста. Существуют разные классификации инструкций, но, на наш взгляд, наиболее приемлемой в плане её основных признаков является вариант И. С. Алексеевой:

1. Потребительская инструкция к товарам (инструкция к телевизору, к велосипеду, к детскому питанию и др.).
2. Аннотация к медикаментам.

3. Ведомственная инструкция (правила заполнения документов и правила поведения клиентов: таможенная декларация, пожарная инструкция и др.).

4. Должностная инструкция (правила поведения работника в данной должности).

Прежде всего следует отметить, что инструкция — важный документ, посредством которого покупатель реализует своё право на полезную и доступную информацию о предмете купли-продажи. Она представляет собой своеобразный договор между потребителем и производителем. Потребитель обязуется соблюдать правила пользования каким-либо прибором; в свою очередь производитель гарантирует, что при соблюдении правил пользования прибором, описанных в инструкции, прибор является абсолютно безопасным для жизни и здоровья потребителя.

Вместе с тем инструкция также является юридическим документом для защиты прав потребителя. Согласно российскому законодательству, потребителю должна быть предоставлена необходимая и достоверная информация о товаре и его изготовителе. Поэтому язык инструкции должен быть прост и понятен, т.е. не требовать специальной подготовки при восприятии. Поэтому от переводчика требуются знания этого особого вида технической документации.

Несмотря на то, что техника перевода инструкции может быть очень разной, сами по себе инструкции похожи друг на друга, в первую очередь, своей

структурой. Стандартная инструкция обычно представляет собой документ, содержащий ряд типичных разделов: общее описание изделия, комплектация, правила пользования, условия эксплуатации, техника безопасности, хранения и гарантия. Имея дело с инструкциями к приборам, необходимо знать, что они обладают общими и важными чертами, характерными для официально-делового стиля:

1. Точность, исключающую возможность интерпретаций.
2. Языковой стандарт.

Все эти черты находят отражение в отборе языковых средств (лексических, грамматических, стилистических).

Рассмотрим особенности лексики, морфологии и синтаксиса, характерные для официально-делового стиля, которые необходимо знать специалисту, занимающемуся переводом инструкций к оборудованию. Общая функция деловой речи в значительной степени предопределила характерные особенности языка этого стиля: 1) наличие терминов и терминологических словосочетаний, например *voltage, alternating current*; 2) устойчивых оборотов и клише: *out of the reach of children*; 3) отлагательных существительных: *blending, slicing*; 4) разговорные формулы обращения и уважения: *We hope you'll enjoy your appliance*; 5) сокращения, аббревиатуры, сложносокращённые слова: *amp* (сокращение от *ampere*) — ампер.

Что касается синтаксических особенностей инструкции как жанра, то они сводятся прежде всего к соблюдению внешней формы деловых текстов. К ним относятся стандартные формы завешивания, страхования, объявления, всевозможных дипломов. Исходя из этого, можно предположить, что текст инструкции имеет свою композицию, которая связана с основными свойствами текста, цельностью и связностью, представляющую собой группировку элементов содержания по определённой логической схеме, которая обусловлена функциональной направленностью текста, подчинённостью его общей тематике и целеустановке автора. Например, текст инструкции состоит из следующих разделов:

Description, safety recommendations, using our appliance for the first time;

— *Functions of your appliance, cleaning, what to do if your appliance does not work.*

Помимо клишированности внешнего оформления, типовыми языковыми средствами для реализации императивности и рекомендательности являются:

1. Модальные глаголы:

The appliance can only be switched on when the food processor bowl is properly engaged.

2. Глаголы в императиве:

Keep the appliance out of the reach of children.

3. Временные формы глагола:

— предписание (или долженствование);

— формы будущего времени (приобретают в контексте различные модальные оттенки долженствования, предписания, возможности, близкой к необходимости).

В стиле деловых документов слова употребляют преимущественно в основных предметно-логических значениях. В связи с этим существует и другая особенность стиля деловой речи — отсутствие каких бы то ни было образных средств: в текстах деловых документов нет метафор, метонимии или других приёмов создания образности речи.

Каким правилам необходимо следовать при переводе инструкций:

1. Соблюдать единство терминологии присущей данной области знаний, т.е. использовать в качестве авторитетного источника технических терминов специальные двуязычные и одноязычные толковые словари.

2. Руководствоваться Международной системой единиц (СИ) и употреблять единицы, применяемые наравне с единицам и СИ, а также метрическую и российские ведомственные системы единиц.

3. Применять официальные названия организаций, международных договоров и конвенций, товарные знаки, номенклатурные обозначения и единицы других лексических категорий, регламентируемые общепринятыми национальными и международными стандартами.

4. Транскрибировать наименования иностранных фирм, компаний, концернов, монополий, промышленных объектов и заключать их в кавычки, перед названием ставить обобщающее слово «фирма», «компания», «акционерное общество» «корпорация» — в зависимости от их традиционного употребления в русскоязычной литературе.

Например: *Thank you for choosing a product from the KRUPS range.*

Фирма КРУПС благодарит Вас за то, что Вы отдали предпочтение её изделию.

5. Транслитерировать наименование фирм (написание их на латинице).

6. Расшифровывать аббревиатуры и переводить их полностью.

Подводя итог, подчеркнём ещё раз, что инструкция относится к документам внешнего пользования и рассчитана на широкую аудиторию специалистов и неспециалистов и, следовательно, должна быть переведена на высоком уровне.

Сопоставление русскоязычных переводов текстов с оригиналами позволяет привести такие наиболее типичные виды переводческих трансформаций, как: 1) генерализация; 2) конкретизация; 3) описательный перевод; 4) антонимический перевод; 5) добавления; 6) грамматические замены.

Можно сделать вывод, что перевод инструкций как один из наиболее ответственных видов перевода требует от переводчика исчерпывающих знаний

не только лингвистического характера, но и узкоотраслевого профиля знаний объекта перевода и его специфики. Точность, логичность, лаконизм, единообразие и однозначность лексических значений и их способов выражения станут результатом профессиональной работы специалиста над этим важным и необходимым документом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И. С. Алексеева. — СПб.: Союз, 2001. — 288 с.

*Владимирский государственный университет
Яшина Н. К., доцент кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации
E-mail: jaashina@gmail.com*

*Никифорова Алина Н., студент
E-mail: alinania@mail.ru*

2. Гарбовский Н. К. Теория перевода. — М.: Изд-во Московского университета, 2004. — 544 с.

3. Климзо Б. Н. Словарный перевод / Б. Н. Климзо. — Журнал «Мосты» № 2. — М.: Р. Валент, 2004. — 96 с.

4. Пьянкова Т. Н. ABC переводчика научно-технической литературы / Т. Н. Пьянкова. — М.: Летопись, 1994. — 73 с.

5. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. — М.: Международные отношения, 1974. — 216 с.

6. Harper Dictionary of Contemporary Usage. William and Mary Morris. Harper and Row, Publishers NY, Hagerstown, San Francisco, London, 1975–XX. — 650 pp.

*Vladimir State University
Yashina N. K., Associate Professor of the Foreign Languages for Professional Communication Department
E-mail: jaashina@gmail.com*

*Nikiforova A. N., Student
E-mail: alinania@mail.ru*

ИНОВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ МИА «РОССИЯ СЕГОДНЯ»)

А. Л. Акопова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 21 марта 2018 г.

Аннотация: в настоящей статье приводится анализ современного состояния медиаменеджмента, осуществляемого посредством социальных сетей в виртуальной среде. Дан анализ соответствующей деятельности МИА «Россия сегодня» в контексте использования новейших информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: медиаменеджмент, социальные сети, интернет-технологии, МИА «Россия сегодня», виртуальный мир, Facebook, Twitter.

Abstract: in this article the author analyzed modern management of media by using the social media. We give analyze of work of international agency «Russia Today» in new informational technology.

Keywords: media management, social networks, Internet technologies, MIA «Russia today», virtual world, Facebook, Twitter.

Средства массовой информации, осознав преимущества распространения новостей через социальные сети, очень быстро увеличили свою аудиторию и получили существенный прирост аудитории своих читателей, слушателей и пользователей. Самым продвинутым среди отечественных СМИ в Рунете по праву считается телеканал Russia Today, ставший в апреле 2017 г. лидером среди российских телеканалов и отечественных СМИ в целом по цитируемости в Рунете [1]. По сведениям, представленным системой «Медиалогия», в рейтинге СМИ за апрель 2017 г. количество гиперссылок на RT в российских соцсетях составило 1 155 914 [2]. Примечательно, что количество подписчиков RT на русском языке в социальной сети «ВКонтакте» в мае 2017 г. перешагнуло миллионный рубеж [1], и это лишь в одной социальной сети.

Самой значимой и самой массовой социальной сетью во всем мире остается сеть Facebook, поэтому исследование роли соцсетей в распространении новостного контента целесообразно начать с самой крупной социальной сети в мире — Facebook.

Основанная 4 февраля 2004 г. в США FB быстро завоевала весь мир и на сегодняшний день насчитывает около 2 миллиардов пользователей. Так называемые «лайки» в FB ставятся около 6 миллиардов раз в день [4]. Продвижение новостей МИА «Россия сегодня» через FB является наиболее эффективным способом донесения новостного контента до массового потребителя и одним из самых оперативных

средств их распространения, т.к. многие пользователи FB пользуются приложением регулярно и часто используют его в смартфонах, получая контент практически в режиме реального времени.

Проведенный нами анализ показал, что создание в 2013 г. медиахолдинга «Россия сегодня», включая сайт Sputnik, позволило качественно повысить уровень охвата немецкоязычной аудитории стран Европы и воздействия на данную аудиторию [9, 383]. «Блогосфера» МИА «Россия сегодня» стала весьма популярной площадкой новостного потребления и обмена, так как виртуальные «блоги» превратились в один из важнейших каналов коммуникации немецкоязычного европейского сообщества с российской информационной средой, обеспечивая ему доступ к альтернативной и неангажированной новостной среде.

МИА «Россия сегодня» имеет несколько собственных страниц в сети FB, т.к. каждая иновещательная редакция имеет свою персональную страницу на определенном языке (например, страница, редактируемая на немецком языке, имеет около 200 тысяч подписчиков, что свидетельствует о высоком интересе аудитории к данному виду коммуникации). Редакторы осуществляют:

- ежедневный отбор и публикацию новостей;
- написание комментариев и информационного сопровождения к новостной информации;
- выделение ключевых слов с помощью знака # («хештег»), по которым легко находить другие статьи на данную тему с аналогичными ключевыми словами («хештегами»);

- подбор иллюстраций и подбор «мемов» к новостям;
- ответы на комментарии пользователям под постами;
- обработка онлайн-трансляций;
- формирование опросов посетителей странички в FB;
- ведение лайф-апдейта (например, пресс-конференция Путина: каждое его высказывание идет в специально созданный материал отдельным заголовком);
- мониторинг посещений и просмотр новостей и постов и т.п.

В целом же социальная сеть FB, как и большинство подобных проектов, созданных зачастую по ее образу и подобию, имеет массу возможностей для распространения новостного контента: формирование групп подписчиков, добавление «друзей» и т.п.; обмен мнениями и сообщениями с пользователями сети; распространение новостей и дополнительных материалов, включая мультимедиафайлы; ведение блога; развитие социальных связей; проведение опросов и обмен мнениями; персонализация пользователей (читателей); возможность подписки и оперативного распространения новостного контента и др. Все это поддерживает интерес целевой аудитории и привлекает дополнительную аудиторию, тем самым увеличивая количество просмотров новостей на основном сайте.

Аналогичные цели преследует редактор, используя такой всемирно известный ресурс, как Twitter. Появившись в 2006 г., он быстро распространился в США, а затем и в других странах, особенно среди политических деятелей и публичных людей [5]. Эта социальная сеть набирает популярность в современном обществе, стремящемся к минимализму и оперативности распространения информации.

Блоги уже давно стали местом ведения политической борьбы и политического дискурса власти с народом, и даже чиновников между собой. Очевидно, что данный канал коммуникации широко востребован и для распространения новостного контента, и для привлечения внимания целевой аудитории к информационному и новостному продукту.

Благодаря простоте исполнения и использования, а также возможности интеграции с другими распространенными социальными сетями, Twitter очень востребован. Данный ресурс микроблогов, в котором пользователи размещают короткие сообщения (не более 140 символов) позволяет не только оперативно привлечь внимание аудитории, но и перенаправить данное внимание на основной ресурс, где можно уточнить детали или прочитать новость целиком.

Сообщения, размещенные в Twitter, практически моментально появляются на странице у всех подписчиков и даже в определенных случаях в виде

оперативных сообщений появляются на смартфонах и планшетах подписавшихся пользователей, включая уведомления, поступающие по электронной почте, которые также помогают привлечь множество читателей к актуальным новостям. В связи с этим МИА «Россия сегодня» активно использует возможности Twitter.

По праву становится одним из лидеров социальных медиа и Instagram. Как известно, в мире насчитывается более трех миллиардов смартфонов и еще восемь миллиардов прочих сетевых устройств, и их число продолжает расти [3, 99], а Instagram ориентирован прежде всего на оперативный доступ со смартфонов, и в этом один из основных секретов его популярности. Размывается, «Спутник», а ранее «Голос России» активно продвигали и продвигают новостной контент в данном ресурсе. Создан Sputnik Instagram (https://www.instagram.com/sputnik_deutschland) и отдельные ресурсы, разделенные по языковым предпочтениям, например SputnikDeutschland на немецком языке. Туда выкладываются наиболее яркие фотографии по политическим событиям в мире и на иные темы. Фотографии либо берутся из фотобаз крупных информационных агентств (Reuters, Visualrian, AP и т.д.), либо делаются сотрудниками.

Таким образом, современные электронные социальные медиа активно способствуют продвижению новостного контента МИА «Россия сегодня» (сайта Sputnik).

Актуальность вышеизложенного также подтверждается положениями утвержденных в мае 2017 г. двух федеральных стратегий, затрагивающих напрямую политику государства в вопросах информационной безопасности и информационного суверенитета России, а именно:

- Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг., утвержденной указом Президента РФ от 9 мая 2017 г., № 203,
- Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной указом Президента РФ от 13 мая 2017 г., № 208.

В свете этих крупнейших доктринальных политико-правовых актов предстоит усилить научный поиск решений в сфере виртуальной информационной деятельности МИА «Россия сегодня» с учетом проанализированного опыта организации иновещания на немецкоязычном информационно-коммуникационном рынке Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деловая газета «Взгляд». — 26.01.2015. — URL: <http://vz.ru/> (дата обращения: 10.03.2018).
2. Лихоманов П. Остановить «мировотворца» / П. Лихоманов // Российская газета. — 21.04.2015. — URL: <http://www.rg.ru/2015/04/22/sbu.html> (дата обращения: 10.03.2018).

3. Пураев А. С. О синергетической эффективности и эффекте / А. С. Пураев, Е. А. Рыбкина, Э. Н. Шарифуллина // Вестник ИжГТУ.— № 2 (50).— 2011.— С. 95—100.

5. Вороненкова Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества / Г. Ф. Вороненкова.— Москва: Языки русской культуры, 1999.

6. Аков Г. Л. Феномен информационных войн в сети Интернет и его воздействие на современную политику. Государственное и муниципальное управление / Г. Л. Аков // Ученые записки СКАГС.— 2011.— № 1.— С. 86—102.

7. Аков Г. Л. Политические интернет-коммуникации как инновационный фактор общественного развития:

автореф. дис. ... докт. полит. наук / Г. Л. Аков.— Санкт-Петербург, 2013.

8. Акова А. Л. Интернет-коммуникации как способ модернизации распространения новостного контента (на примере иновещательной радиоконпании «Голос России») / А. Л. Акова // СМИ германоязычного региона.— Москва.— 2012.— Выпуск 3.— С. 35—38

9. Акова А. Л. Развитие интернет-коммуникации в контексте распространения новостного контента МИА «Россия сегодня» / А. Л. Акова // Творчество, профессия, индустрия. Материалы Международной научно-практической конференции «Журналистика 2017».— Москва, 2018.— С. 382—383.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Акова А. Л., аспирант кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики

E-mail: arewik@yandex.ru

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Akopova A. L., Postgraduate of the Foreign Journalism and Literature Department*

E-mail: arewik@yandex.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РОССИЙСКОМ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В. В. Богуславская, А. Д. Ивушкина

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Поступила в редакцию 9 июля 2018 г.

Аннотация: актуальность исследования прецедентных феноменов (ПФ) в целом и прецедентных текстов в частности определяется в первую очередь спецификой самого феномена прецедентности — ярко выраженными национальными особенностями, которые и находят отражение в прецедентных феноменах, существующих в языке того или иного лингвокультурного сообщества. В условиях же глобализации, процессы которой в настоящий момент охватывают все сферы человеческой жизнедеятельности, изучение специфики языка и культуры того или иного народа становится особенно важным. Необходимость изучения ПФ на материале средств массовой информации определяется тем, что прецедентные феномены являются одним из самых популярных средств выразительности в массмедиа. Они широко распространены и используются в СМИ с разными целями. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании русского языка как иностранного.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентный текст, функции прецедентных феноменов, средства массовой информации, печатная пресса.

Abstract: relevance of the study of precedent phenomenon (in particular of precedent texts) depends on the specificity of precedent phenomenon. Precedent phenomenon which exist in the language of cultural community have the pronounced national characteristics, and it becomes very important to study national specificities of the certain languages and cultures in the context of globalization which covers all areas of human activity. The exploration of the precedent texts needs to be based on media coverage because precedent phenomenon are one of the most popular expressive medium of language in mass media. They are widespread and they are used in media for different purposes. The results of the study can be used in the teaching of Russian as a Foreign Language.

Keywords: precedent phenomenon, precedent text, functions of precedent phenomenon, mass media, print media.

Впервые понятие прецедентности было использовано известным советским и российским исследователем Ю. Н. Карауловым, который в своей книге «Русский язык и языковая личность», опубликованной в 1987 г., дал определение указанному термину, выделив характерные черты прецедентных текстов. «Назовем прецедентными, — пишет ученый, — тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1, 216]. Таким образом, признаками, определяющими сущность прецедентных текстов, Ю. Н. Караулов называет 1) познавательную и эмоциональную значимость текста; 2) общеизвестность и широкую распространённость текста; 3) воспроизводимость тек-

ста, а значит, и возможность его переосмысления, многократной интерпретации.

Под прецедентным феноменом в статье понимается явление, (1) значимое для члена того или иного лингвокультурного сообщества в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, (2) имеющее сверхличностный характер и (3) многократно воспроизводимое в дискурсе лингвокультурного сообщества.

Ученый Д. Б. Гудков, посвятивший большое количество своих работ исследованию феномена прецедентности, говорит о ПФ как о единицах, формирующих когнитивную базу (КБ) [2, 53—54; 3, 83—84]. Под когнитивной базой здесь подразумевается «определённым образом структурированная совокупность знаний и представлений, которой обладают практически все члены того или иного лингвокультурного сообщества» [3, 83]. Когнитивная база формируется некими инвариантами представлений о том или ином значимом в культурном плане феномене (прецедентном феномене). Эти инварианты представлений национально детерминированы и в свернутом,

редуцированном виде являются содержанием прецедентных феноменов.

В традиционной классификации, широко представленной в трудах Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаевой и др., прецедентные феномены принято разделять на невербальные и вербальные [2, 53—54; 4, 47—50; 5, 82—84].

К первому типу — невербальных ПФ — относят значимые в культурном отношении произведения живописи, скульптуры, архитектуры и т.д. В качестве примера здесь можно упомянуть картину Михаила Врубеля «Демон сидящий», античную статую Венеры Милосской, храм Василия Блаженного и множество других культурно значимых объектов.

Вербальные ПФ в свою очередь делятся на собственно вербальные и вербализуемые (Д. Б. Гудков называет их «поддающиеся вербализации»). К собственно вербальным относят прецедентные имена (ПИ) и прецедентные высказывания (ПВ), к вербализуемым — прецедентные ситуации (ПС) и прецедентные тексты (ПТ) [2, 54—56].

Прецедентный текст — это «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сумма значений компонентов которой не равна смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества <...> обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы» [2, 54—55]. К данному типу ПФ относятся произведения художественной литературы («Евгений Онегин», «Бородино»), тексты песен («Подмосковные вечера», «Темная ночь»), рекламы, политические тексты и т.д.

Интересно, что ПТ существует в КБ не в своём первозданном виде, он хранится в виде инварианта восприятия, то есть в форме «минимизированных национально-детерминированных представлений о нём» [4, 8]. Характерно и то, что прецедентный текст редко употребляется в речи полностью, его актуализация (на основе ассоциативных связей) чаще всего происходит при упоминании названия произведения, имени героя (прецедентного имени) или известной цитаты (прецедентного высказывания), от него происходящей. Именно поэтому ПТ рассматривается как вербализуемый феномен: несмотря на то, что сам текст произведения, относящегося к прецедентным, явление вербальное, в КБ и в ИКП он хранится не полностью, не от первой до последней строчки, а как «очень сжатый «образ», максимально «уплотненное» представление об этом тексте (включая сюжет, основные коллизии, персонажей <...> и т.д.)» [6, 172], и в речи коммуникант обращается именно к этому, «свёрнутому» представлению о ПТ, которое впоследствии может быть вербализовано.

Актуализация прецедентных текстов в речи может происходить:

1) при упоминании названия прецедентного текста: *Так школьницей я читала «Войну и мир» — только про любовь, войну пролистывала. Так и живу* (STORY, № 12 (98), с. 24) — Л. Н. Толстой, «Война и мир»;

2) при упоминании имени героя ПТ: *Пылкие юноши тоже второпях ускользали из жизни. Думали, что они Вертер. Надеялись на славу. Рассчитывали, что смерти нет* (STORY, № 12 (98), с. 47) — И. Гёте, «Страдания юного Вертера»;

3) при упоминании имени автора ПТ: *Так именно и происходит — лучше, чем многие, описал этот разрушительный процесс* [прим. — Увядание красоты] *русский писатель Лев Толстой на примере семьи Курагиных* (STORY, № 12 (98), с. 54) — Л. Н. Толстой, «Война и мир»;

4) при употреблении прецедентного высказывания (ПВ) или цитаты, происходящих от этого ПТ: *А на другой день я нахожу в почтовом ящике письмо: «Я к вам пишу, чего же боле...»* (STORY, № 12 (98), с. 24) — А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»;

5) При пересказе ПТ или его ключевого эпизода: *Но они [писатели] говорили с нами уникальным языком о пограничных, а не общепринятых вещах. О пожилой женщине тридцати лет, которая покончила с собой, бросившись под поезд, например* (STORY, № 12 (98), с. 30) — Л. Н. Толстой, «Анна Каренина».

Изучая КБ, ученые говорят о том, что состав прецедентных феноменов с течением времени может меняться [2, 54—55]. В связи с этим выделяют так называемые «классические» ПТ (к которым относятся, например, тексты писателей-классиков) и современные ПТ (к которым причисляют тексты, недавно ставшие прецедентными, порожденные современной культурой).

Основной сферой-источником прецедентных текстов, как показал контент-анализ выявленных единиц в одном номере журнала STORY (№ 12 (98), декабрь 2016), является литература (77,03%) (см. таблицу ниже). Сюда относятся художественные произведения как русской литературы (Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, В. С. Высоцкого и т.д.), так и произведения зарубежных классиков (произведения У. Шекспира, И. Гёте, В. Гауфа, Дж. Р. Р. Толкина и т.д.).

Как известно, русская культура долгое время была литературоцентричной, и, несмотря на то, что эпоха литературоцентричности закончилась как для русской культуры, так и для всего мира, исследователи отмечают, что литература всё ещё остаётся «хранителем и ретранслятором культурного кода России» [7, 19]. Таким образом, то, что в медиадискурсе используется значительная часть прецедентных текстов, происходящих из сферы «Литература», кажется закономерным, поскольку именно произведения русских писателей-классиков долгое время служили источником, откуда русский человек черпал знания о том, что хорошо, а что плохо, что прекрасно, а что безобразно.

Кроме того, надо отметить, что журнал STORY, на материале которого была проведена значительная часть исследования, сохраняет в себе черты литературно-художественных изданий [8, 176—181]. Очевидно, что одной из таких черт является ориентация на классическую литературу как на образец для подражания при написании тех или иных журналистских текстов как в стилистическом, так и структурном плане.

Также значимой сферой, откуда происходят ПТ, оказалась религия (10,81%). В частности, часто актуализирующимся текстом в газетно-журнальном дискурсе является Библия, сюжеты из которой являются прецедентными ситуациями (строительство Вавилонской башни, Страшный суд, Исход евреев из Египта и др.), а герои этих сюжетов носят прецедентные имена (Иисус, Моисей, Дева Мария и т.д.). Использование библейских текстов в качестве пре-

цедентных наблюдается во многих культурах Европы и мира, из чего можно сделать вывод о том, что Библия — феномен универсально-прецедентный, который оказал значительное влияние на мировую культуру [9, 5—6]. Таким образом, важной особенностью Библии является её «всеохватность и универсализм, который позволяет охарактеризовать библейскую прецедентность как кросскультурную универсалию» [9, 11—12].

Количество прецедентных текстов, заимствованных из сферы-источника «Музыка», такое же, как и количество ПТ, происходящих из религиозного дискурса (10,81%). Культурно значимыми здесь оказались тексты песен российских рок-исполнителей (В. Сюткина, группы «Чиж & Со»), советская классика («Широка страна моя родная», песня В. Кикабидзе «Мои года — мое богатство») и т.д.

Таблица 1.

Контент-анализ прецедентных текстов (сферы-источники)

Прецедентные тексты «АиФ», № 12 (1949); STORY », № 12 (48)		
Сфера-источник	Количество	Проценты
Всего	74	100%
Религия/Мифология	8	10,81%
Музыка	8	10,81%
Литература/Фольклор	57	77,03%
Философия	1	1,35%

Прецедентные тексты, использованные в журналистских текстах, выполняют различные функции.

Одной из основных функций ПТ, как можно увидеть на примере медиатекстов журнала STORY, является текстообразующая функция.

Ярким примером реализации текстообразующей функции прецедентного текста может послужить статья Дм. Воденникова о Мэрилин Монро, озаглавленная «Прости меня, моя любовь» (STORY, № 12 (98), с. 46—49), в которой указанную функцию выполняют два прецедентных текста — «Братья Карамазовы» и «Идиот» Ф. М. Достоевского.

В данном материале для актуализации прецедентного текста используются названия произведений («Братья Карамазовы», «Идиот»), большое количество прецедентных имен (Грушенька, Алеша Карамазов, Настасья Филипповна, Рогожин, князь Мышкин и др.), а также пересказ сцен из романов Ф. М. Достоевского. Например, статья начинается с описания одного из эпизодов произведения «Братья Карамазовы»: *Мэрилин Монро очень хотела сыграть Грушеньку из «Братьев Карамазовых». Наверное, ее привлекла сцена, когда Грушенька сидит с чистой барышней, та смотрит на неё влюбленными восторженными глазами, щебечет: «Ах как же я вас люблю, Аграфена Александровна! Каждый бы пальчик вам на ручках поцеловала!» <...> Она [Грушенька]*

смотрит долго-долго на чистую барышню тёмным, как ноябрьское окошко, взглядом и вдруг добавляет: «Наверное, и я должна поцеловать. В ответ. А я не буду» <...> (STORY, № 12 (98), с. 47).

Дм. Воденников начинает свою статью с пересказа той сцены из «Братьев Карамазовых», в которой ярко показан характер Грушеньки. Здесь проявляются такие ее черты, как гордость, решительность, своеобразие, стремление к независимости. Делая замечание о том, что М. Монро могла заинтересовать именно эта сцена из романа Ф. М. Достоевского, автор статьи тем самым предполагает, что именно эти черты в героине романа привлекали американскую актрису, заставляли её сопереживать Грушеньке и понимать ее. Таким образом, Воденников использует здесь эпизод из «Братьев Карамазовых» для характеристики самой Мэрилин, приписывая ей черты героини, придуманной Ф. М. Достоевским.

Основой статьи, написанной Дм. Воденниковым, становится сравнение Мэрилин Монро с женщинами из произведений Ф. М. Достоевского — Грушеньки из «Братьев Карамазовых» и Настасьи Филипповны из «Идиота». Находя общие черты у американской актрисы и героинь русской классической литературы, автор текста создает живой образ М. Монро и выстраивает повествование, ориентируясь на романы Ф. М. Достоевского, выбирая для описания те эпизо-

ды жизни Мэрилин, которые могли бы гармонично вписаться в произведение русского классика.

Так, например, Дм. Воденников описывает отношения между Мэрилин и ее мужем, спортсменом Джо Ди Маджо: *Но Монро как будто искушает судьбу. Выходит выступать перед десятком тысяч солдат в Корее <...> Ты не представляешь, как мне аплодировали, как меня встречали!» — с восторгом рассказывает дурочка Настасья Филипповна своему американскому Рогожину. На что он холодно замечает, позвякивая воображаемыми склянками со ждановской жидкостью: «Почему же, представляю. Я это слышу постоянно». В общем, он её тоже «убил». В символическом смысле, разумеется (STORY, № 12 (98), с. 48).*

Как можно увидеть, автор статьи проводит параллели между семейной жизнью М. Монро и Джо Ди Маджо и отношениями Настасьи Филипповны и Рогожина из романа «Идиот», сближая образы Мэрилин и Настасьи, обнаруживая сходство их характеров. Можно сделать вывод о том, что Воденников стремится сделать американскую актрису ближе и понятнее русскому читателю, сформировать у читателя понимание о ней, как о «своей», заставить сопереживать героине статьи. Текст романа Ф. М. Достоевского выступает здесь в качестве аргумента для убеждения читателя, реализуя также персуазивную функцию.

Ещё одним примером, когда текстообразующая функция выходит на первый план при употреблении в речи ПТ, является текст «Играй, мормон!», написанный Ильей Носыревым (STORY, № 12 (98), с. 78—88). Эта статья посвящена истории мормонского движения — религиозной группы, зародившейся в начале XIX в. и до сих пор распространенной на территории США.

Основной целью, которую, очевидно, ставил перед собой журналист, создавая данную статью, было высмеять религию мормонов, а прецедентным текстом, который автор использует для реализации своей цели, стала Библия, что оправдано тематически. Используя в тексте статьи множество прецедентных выражений и прецедентных имён, происходящих из библейских текстов, упоминая прецедентные ситуации из Священного Писания, автор актуализует в сознании читателя Библию как прецедентный текст, тем самым решая свои идейные и стилистические задачи.

Значительная часть статьи посвящена основоположнику мормонской религии Джозефу Смиту, о деятельности которого журналист пишет: *Перевравшись на новое место в Пенсильванию, Смит стал заводить беседы с соседями о том, что пора бы восстановить Иисусову церковь, лежащую в руинах. Соседи смеялись: кто же нам её восстановит. Я. Отчего же ты? Потому что только у меня есть золотая книга, которую дал ангел. Но показать книгу Смит наотрез отказался: тайна сия велика есть и не надо трогать её вашими немытыми пальцами (STORY, № 12 (98), с. 80).*

Высказывание «Тайна сия велика есть», происходящее из библейского текста (Новый Завет, Послание апостола Павла к Ефесеянам, гл. 5, ст. 32), употребляется здесь в ироническом плане и соседствует с упоминанием «немытых пальцев», которое отсылает читателя к «низкой» области физиологии. Таким образом, употребление библейской цитаты направлено здесь на формирование мнения о том, что «великая тайна» Джозефа Смита на самом деле великой не является, автор стремится высмеять поведение Смита, подвергая сомнению его авторитет и священность Книги Мормона, о которой идёт речь в данном отрывке.

Увидеть актуализацию ПТ «Библия» можно также на следующих примерах: *Выходила удивительная история: оказывается, Америка издавна была землёй пророков. Сперва Господь велел отправиться сюда на корабле одному из строителей Вавилонской башни, попросившему в порядке исключения сохранить ему родную мову. Что тот и сделал, погрузив на корабль свой род, а также лошадей, верблюдов и слонов (STORY, № 12 (98), с. 80);*

Нет, говорил Смит, американская цивилизация куда древнее европейской, праведников на нашем континенте было вдвое больше и даже сам Христос, сойдя с креста, не замедлил явиться в Америку — собрал тут другую дюжину апостолов, прочел на бис Нагорную проповедь и обещал явиться в конце времён именно в Штатах. И американцы оказались столь мудры, что не распяли его вторично! (STORY, № 12 (98), с. 80).

В указанных примерах прецедентный текст актуализируется упоминанием ряда прецедентных ситуаций библейского происхождения: автор пишет о строительстве Вавилонской башни и смешении языков, распятии Иисуса Христа, упоминает 12 апостолов и Нагорную проповедь, в первом примере также возникает ассоциация с ветхозаветным сюжетом о Ноевом ковчеге.

Отсылки к Священному Писанию, прецедентные высказывания, имена и т.д. используются в статье для создания такого стилистического приёма как ирония, а значит, здесь имеет место эстетическая (людическая) функция ПТ. Ирония подчеркивается также использованием разговорной лексики и разговорных синтаксических конструкций («заводить беседы», «пора бы восстановить», «родную мову», «сперва», «дюжину апостолов», «прочёл на бис проповедь» и др.).

Также можно сделать вывод о том, что журналист использует здесь отсылки к Библии как к прецедентному тексту для того, чтобы создать у читателя определённое представление о мормонах и, выражая свое насмешливое отношение к ним, сформировать мнение об их религиозной группе как о секте, которая не имеет ничего общего с настоящей религией, а значит, помимо текстообразующей и эстетической

функций здесь будет выполняться функция смыслообразующая.

Таким образом, библейские прецедентные единицы, употреблённые автором, подчёркивают контраст между христианством и религией мормонов, противопоставляя их как религию истинную и религию неистинную, «ненастоящую», высмеивая образ жизни и мировоззрение мормонов.

Прецедентные тексты (поэтические в частности) часто используются в медиатекстах в качестве рамочного элемента журналистского произведения. В литературоведении под рамой произведения понимается совокупность компонентов произведения, которые «графически отделены от основного текста произведения и чья основная функция — создание у читателя установки на его эстетическое восприятие» [1, 104—103]. К рамочным элементам относят заголовочный комплекс (имя автора, заглавие, подзаголовок, посвящение, эпиграф), авторские примечания, предисловие, послесловие, обозначение места и даты написания, а также деление произведения на части, оглавление [6, 3].

Одной из основных функций, которую выполняют рамочные элементы в художественном произведении, является функция структурообразующая [1, 105]. То же самое можно сказать и о прецедентных текстах, употребляющихся в качестве рамочных компонентов: их использование в материалах газетно-журнального дискурса подчеркивает смысловое и структурное единство журналистских материалов, часто ПТ выступают в качестве средств связи между частями журналистского произведения.

Например, в уже упомянутой статье «Прости меня, моя любовь» (STORY, № 12 (98), с. 46—49), написанной известным поэтом Дм. Воденниковым, в качестве рамочного компонента был использован «Монолог Мерлин Монро» А. А. Вознесенского. Стихотворение разделено на пять частей, каждая из которых выступает связующим элементом одного фрагмента статьи с другим. Дм. Воденников, по сути, использует в своем тексте произведение А. А. Вознесенского для перехода от описания одной ситуации из жизни актрисы к описанию другой ситуации, часто усиливая связь между своим текстом и текстом Вознесенского с помощью лексического повтора:

[Вознесенский]:

(Как страшно вспомнить во «Франс Обзёрвере»
Свой снимок с мордой самоуверенной
На обороте у мёртвой Мерлин!)

[Воденников]: Страшно вспоминать — не вспоминать. Но не может <...>

[Вознесенский]:

О, кинозвездное оледененье,
Нам невозможно уединенье,
В метро,
В троллейбусе,
В магазине,
«Приветик, вот вы!» — глядят разины.

[Воденников:] Кстати, о разинах. Вторая моя любимая история с Монро как раз о них <...>

Таким образом, произведение поэта-шестидесятника становится средством связи, «перехода» между отдельными эпизодами жизни американской актрисы, о которых пишет автор. Кроме этого, прецедентный текст выступает здесь в качестве средства диалогизации, связывая не только части отдельного журналистского произведения, но и произведения авторов разных эпох.

Также в структуре журналистского материала прецедентный текст часто используется как послесловие. Например, статья, озаглавленная «27 декабря 1908. Марина Цветаева стрелялась в театре» (STORY, № 12 (98), с. 9), оканчивается стихотворными строками М. И. Цветаевой: «Ты дал мне детство — лучше сказки, так дай мне смерть — в семнадцать лет» («Молитва», 1909). Эта цитата не входит в основной текст журналистского произведения, однако указывает на основную его тему — неудачную попытку самоубийства, совершённую поэтессой.

Так же часто прецедентные тексты реализуют в медиадискурсе персуазивную функцию. Например, в той же статье о мормонах (STORY, № 12 (98), с. 78—88): *Но дурная слава о мормонах шла девятым валом уже за пределы Америки. Артур Конан Дойл в «Этюде в багровых тонах» рассказал, будто в поисках всё новых жен мормоны грабят лагеря иноверцев, убивая мужчин и захватывая женщин, что тайная организация похищает мормонов, выказавших хоть малейшее сомнение в том, чему учит их религия* (STORY, № 12 (98), с. 86);

Пять лет назад на Бродвее даже поставили сатирический мюзикл «Книга Мормона», в котором отпавившийся в Уганду незадачливый миссионер, так и не осиливший священный текст, кормит африканцев историями про магистра Йоду и хоббитов, выдавая их за полные глубокого смысла сочинения Джозефа Смита <...> Нельзя же построить рай на книге [прим.— Автор статьи имеет в виду Книгу Мормона, священный текст мормонов], которая читается как продолжение «Властелина колец», написанное студентом-толкиенистом!

Итак, выявленные прецедентные тексты выполняют в журналистских материалах следующие функции: текстообразующую, эстетическую (людическую), смыслообразующую, структурообразующую, персуазивную и функцию диалогизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва, 2010.
2. Гудков Д. Б. Межкультурная коммуникация / Д. Б. Гудков. — Москва, 2000.
3. Гудков Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. — Вып. 4. — Москва, 1998.

4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В. В. Красных. — Москва, 2002.

5. Захаренко И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. — Вып. 1. — Москва, 1997.

6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва, 2003.

7. Клинг О. А. Литература — хранитель и ретранслятор

культурного кода России / О. А. Клинг // Слово.ру: Балтийский акцент, 2012. — С. 19—20.

8. Пономарева Е. В. STORY как феномен «мидл-журнала»: жанрово-стилевые характеристики и коммуникативные стратегии / Е. В. Пономарева // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. — 2003. — № 4 (36). — С. 176—181.

9. Орлова Н. М. Библейский текст как прецедентный феномен: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Н. М. Орлова. — Саратов, 2010.

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Богуславская В. В., доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации

E-mail: inbox@pushkin.institute

Ивушкина А. Д., магистрант филологического факультета

E-mail: inbox@pushkin.institute

Pushkin State Russian Language Institute

Boguslavskaya V. V., Doctor of Philology, Professor of the Chair of Russian Philology and Intercultural Communication

E-mail: inbox@pushkin.institute

Ivushkina A. D., Master Candidate of Philology

E-mail: inbox@pushkin.institute

ТРЕВЕЛ-ЖУРНАЛИСТИКА: АСПЕКТЫ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

Л. Г. Вихорева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 27 августа 2018 г.

Аннотация: в статье тревел-журналистика рассматривается как важный фактор обеспечения общества знаниевыми, аксиологическими и поведенческими ресурсами. В кругу ответственности тревел-СМИ — участие в организации межкультурного диалога, основанного на этических принципах толерантности и миролюбия. Изучается положительное влияние пользовательского контента на развитие тревел-журналистики, на формирование медиакарты мира в сознании массовой аудитории.

Ключевые слова: тревел-журналистика, тревел-приложения, медиaprостранство, интеллектуализация, инновации, пользовательский контент, публичность образовательной практики.

Abstract: in the article, travel journalism is viewed as an important factor in providing the society with knowledge, axiological and behavioral resources. In the circle of responsibility of travel media, participation in the organization of intercultural dialogue based on ethical principles of tolerance and peacefulness. We study the positive impact of user content on the development of travel journalism, on the formation of the media world in the minds of the mass audience.

Keywords: travel journalism, travel applications, media space, intellectualization, innovations, user content, publicity of educational practice.

Туристический поток в мире стремительно растет. Люди совершают разнообразные международные поездки, цель которых — профессиональная деятельность, волонтерство, отдых. Согласно данным мирового туристского барометра, Всемирной туристской организации (UNWTO), прирост туристического потока в 2017 г. отмечается самым высоким показателем за последние 12 лет [1]. В 2018 г. ожидается рост туризма в Европе и Северной и Южной Америке на 3,5%–4,5%, Азии — на 5–6%, Африке — на 5–7%, а на Ближнем Востоке — на 4–6%. ЮНВТО (UNWTO) прогнозирует, что к 2030 году в мире будет зарегистрировано 1,8 млрд. международных туристов.

С развитием отрасли туризма мировая тревел-журналистика сложилась в широкую систему: ее медиaprостранство регулярно пополняется медиатекстами, разработчики онлайн-сервисов для смартфонов и планшетов выпускают тревел-приложения, функционирующие онлайн и офлайн.

Тревел-журналистика приобрела характер массового распространения на территории нашей страны. Активно используются ресурсы крупнейших авиакомпаний, тревел-агентств, выходят в печать новые выпуски инфлайт-журналов с тематическими приложениями (как у «Аэрофлота», S7 и др.). Приказ Ростуризма от 15 апреля 2015 года о национальном туристическом портале свидетельствует о создании

благоприятных условий для освещения туристической в отечественном медиaprостранстве. В приказе утверждается информационно-сервисный мультимедийный централизованный интернет-ресурс о туризме, включающий информацию «об объектах, коллективных средствах размещения, транспортной доступности, ключевых событиях, существующих туристских маршрутах» [2].

Во многих регионах страны туризм становится элементом устойчивого развития российского общества, что дает основание утверждать о наличии прямой зависимости экономического процветания территории от способности эффективно развивать туристическую индустрию.

На фоне глобализации, развития технологий формируются межкультурные коммуникации, межнациональный диалог. Отечественная тревел-журналистика создает положительный имидж России в глобальном информационном пространстве, оказывает поддержку внутреннему туризму, совместному участию представителей разных стран в воспитательных, эстетических, научных, спортивных и оздоровительных видах деятельности, которые направлены на развитие дружеских отношений государств и реализацию международных образовательных программ. В журнале «L'Officiel Voyage Россия» регулярно публикуются материалы о российском туризме, включая такие направления, как Горный Алтай, республика Марий Эл и др. В материалах жур-

нала и тревел-приложениях можно найти гиды по спортивным комплексам, воспользоваться множеством предлагаемых туристам услуг: купить разовое посещение или абонемент, забронировать сафари. Культурно-образовательная составляющая заключается в популяризации центров искусства и образовательных курсов и программ для аудитории. У пользователей и авторского коллектива налажена обратная связь, курсы формируются исходя из запросов читателя, абонемент или разовое посещение лекций и семинаров можно получить онлайн.

Образование является приоритетным направлением политики развитых стран и важным фактором межкультурного взаимодействия в современном медиапространстве тревел-журналистики. Программы образовательного туризма основаны на непрерывной коммуникации и принципе целостности — соединении культуры духовной с гуманитарным и техническим знанием. Туризм неотделим от процесса познания, и любой его вид будет сопряжен с получением каких-либо знаний [3].

Международное сотрудничество России с другими странами в сфере образования и культуры стремительно развивается. У представителей различных этносов и национальностей появляется возможность взаимодействовать друг с другом в российском медиапространстве, чтобы обмениваться информацией, интеллектуальными ресурсами — знаниями, аксиологическими, поведенческими — на пути цивилизационного развития. Журнал «Вокруг света» и два одноименных мобильных приложения демонстрируют обширное поле взаимодействия пользователей из разных стран и результаты сотрудничества — общие выставки, музыкальные концерты и литературные вечера.

Главная характеристика нового этапа развития современного информационного общества — интегрирование различных областей знания. Междисциплинарные исследования позволяют формировать целостный взгляд на мир для адекватного понимания проблем и способов их решения. Без знания целостной картины мира невозможно формирование личности, способной самостоятельно проявлять свои интересы, в максимальной форме реализовывать их, саморазвиваться. Современная картина мира — это продукт творческого развития человечества, в ней обнаруживаются значительный воспитательный и образовательный ресурсы, так как идеи универсального понимания мира вмещаются в представления о современной картине мира [4].

Формированию целостной картины мира способствуют также тревел-СМИ, авторские блоги, которые дополняют друг друга и помогают рассмотреть проблемы образования, туризма, культурного взаимодействия; они включают и пользовательский контент, и экспертное мнение, что помогает взглянуть на проблемы сферы туризма с разных сторон.

Культурно-образовательное взаимодействие является важным фактором интеллектуализации мирового сообщества, обеспечивающим активацию ноосферных процессов в развитии человечества.

С развитием инновационных технологий произошло широкое распространение российского пользовательского тревел-контента. Такой контент называют «Тревел 2.0» (англ. Travel и «Web 2.0»). Распространение пользовательского контента говорит о том, что каждая личность является важным субъектом развития социальной и образовательной практики. Зарубежные исследователи обратились к теории антропологической тревел-практики. В круг вопросов, активно освещаемых зарубежными авторами, вошли вопросы взаимодействия путешественников, тревел-журналистов, ученых-антропологов, чья деятельность тесно связана, поскольку обусловлена изучением различных аспектов социальной и культурной жизни общества. Среди зарубежных исследователей, которые внесли вклад в развитие теории антропологической тревел-практики, можно назвать И. Гргуринович [5] и Мери Луиз Пратт [6]. Геополитическая ситуация диктует необходимые условия ведения диалога, в котором человеческий фактор — первостепенный. Конфликтность мировой ситуации, соперничество стран не касается культурной сферы, где есть сотрудничество и диалог, который сближает людей. Жители различных государств предпочитают коммуникацию и обмен опытом социальной и образовательной практики в глобальном культурном пространстве.

Комитет дружбы МГУ — Куба, кафедра имени Хосе Марти на историческом факультете Московского университета, официальные источники (сайт, журналы) и гражданские источники (страницы в социальной сети), которые освещают деятельность организаций, нашли продолжение в развитии совместного научного и культурного сотрудничества исторического факультета МГУ с посольствами Кубы и Венесуэлы. Представители кафедры имени Хосе Марти, студенты и аспиранты приняли участие в многочисленных конференциях и симпозиумах, в частности международном форуме «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и перспективы» (Санкт-Петербург, 2015 г.), симпозиуме «Источники и историография по антропологии Америки» (Москва, 2015 г.), VII международной научной конференции испанистов «Nomo loquens в ибероамериканском лингвистическом пространстве: исследования и преподавание» (Москва, 2016 г.) (кафедра имени Хосе Марти, 2018). Благодаря успешному взаимодействию с Кубой, Венесуэлой, Эквадором с 2017 г. установлены контакты и начато сотрудничество с кафедрой имени М. В. Ломоносова университета Сьего-де-Áвила (Куба), а также образовательный обмен студентами из Эквадора и Венесуэлы.

Образовательный туризм динамично развивается, что в первую очередь можно проследить на примере российских вузов и довузовской подготовки — образовательных курсов и школ. Развивается и процесс акцентирования национальной и этнокультурной тематики в СМИ. Понимая роль традиций, обычаев, искусства, литературы, журналистики как орудий формирования культуры наций, редакционный и авторский активы медиа направляют совместные усилия на поддержку и развитие традиций толерантности, миролюбия, взаимопонимания народов. Так, тревел-журнал «Discovery Россия» представил множество совместных туристических проектов зарубежных стран и России, кроме того, зарубежные конгломераты предоставляют автомобили и другие транспортные средства для проведения тест-драйвов и публикуют рекламные и тревел-материалы, отзывы в журнале и медиаприложении.

Тревелологи налаживают коммуникацию и обеспечивают представление многообразия культурно-эстетических элементов, которые выполняют функцию положительных ориентиров в медиасреде, разумно сочетающих просвещение, воспитание, досуг. Тем не менее существуют определенные трудности, как, например, противоречие между потребностями аудитории в знаниевой и аксиологической информации и их реализацией, особенно это касается образовательного процесса. Не все накопленные ресурсы социума реализованы, поскольку существует дефицит публичности образовательной практики. Именно поэтому перед отечественной тревел-журналистикой стоят важные задачи по преодолению недостатков, что приобретает особую актуальность в условиях возрастающей конкуренции со стороны западных технологий и механизмов софт-медиа.

В отличие от зарубежных исследований, актуальные проблемы развития отечественной тревел-журналистики в российском медиапространстве не до конца изучены.

Вопрос обеспечения публичности образовательной практики тревел-СМИ является важным на современном этапе развития тревел-журналистики. Важная роль публичности состоит в открытости информационных источников, информационном обеспечении движения общественного интеллекта и развитии публичного диалога [7]. Открытость источников предполагает связь и активное сотрудничество с федеральными органами, в том числе в сфере культуры, искусства, туризма и т.д.

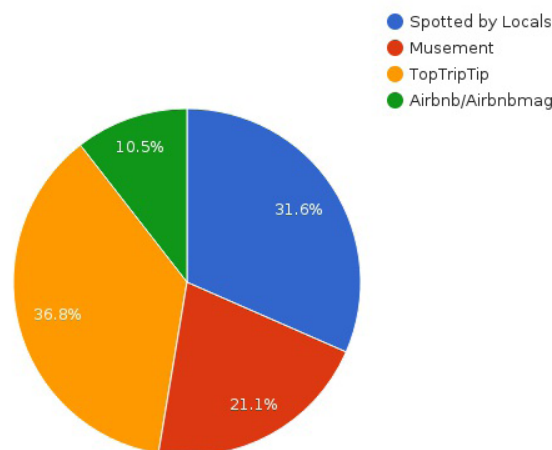
Современные источники тревел- и образовательной информации сочетают в себе элементы прикладной и просветительской журналистики, предоставляют возможность воспользоваться обратной связью для оценки действий редакции, для выявления полезности контента медиасервиса.

Массовый пользователь (зритель, читатель) теперь может быстрее реагировать на информацию:

комментировать, создавать медиаответы (фотографии, видео), оформлять подписку не только с персонального компьютера, но и через мобильные устройства [8].

Для участников программ образовательного туризма, которые стажировались в Московском университете, наиболее функциональным и часто используемым стало мобильное приложение, созданное совместно с Федеральным агентством по туризму Министерства культуры РФ, Ассоциацией туроператоров России и телерадиокомпанией «Мир» TopTripTip. Это приложение, в котором сочетаются информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры [9], позволяет самостоятельно формировать медиатексты и отправлять видео- и аудиоматериалы, что повышает популярность сервиса среди студентов гуманитарных факультетов.

Приложения, используемые в Москве

В процессе развития отечественной туристической индустрии изменяются предпочтения аудитории и выдвигаются новые требования к форме и контенту медийных тревел-ресурсов, к своевременности информации. Приложение TopTripTip призвано обеспечивать не только донесение востребованной информации, но и развивать многоуровневое сотрудничество между Россией и странами-партнерами по культуре и образованию. Совмещение «Тревел 2.0» и экспертного состава МТРК «Мир», позиционирующей себя как межгосударственная телерадиокомпания, содействующая международному обмену информацией, обеспечивает мобильному приложению широкую аудиторию. Разработчики приложения сообщают о том, что уже на этапе проектирования приложения они закладывают и предусматривают возможности дальнейшего расширения функционала проекта.

Зарубежные тревел-ресурсы не всегда открыты для российских журналистов. Несмотря на при-

существование на российском рынке функциональных приложений и медиасервисов, журналов и печатных и электронных гидов, современная российская тревел-журналистика не вполне адекватно отражает интеллектуальные ресурсы, которые рождает практика современной науки, образования и культуры, в частности прикладная и просветительская журналистика.

Ценность интеллектуальных ресурсов журналистики в мировом пространстве подтверждается стремлением социально активных субъектов этого пространства взаимодействовать в рамках субъективного фактора цивилизационного прогресса, непрерывно обмениваться актуальными знаниями и аксиологическими ресурсами.

Аналитичность журналистских публикаций снижает упрощение современного тревел-продукта по форме и по содержанию, однако курс на развлечение все еще преобладает в тревел-СМИ. Среди причин этого процесса — сформировавшаяся за последние годы тенденция «клипового мышления», из-за которого человек не способен долго концентрироваться на информации, у него заметно снижается способность к анализу. Влияние пользовательского контента невысокого качества также оставляет отпечаток в тревел-СМИ. Кроме того, причины иного характера — формирование стереотипов, популяризация определенных туристических маршрутов и т.д. — воздействуют на аудиторию тревелогов.

***

Журналистское творчество в сочетании с пользовательским контентом в тревел-журналистике помогает аудитории получать разнообразную информацию, а также рассматривать проблемы и вопросы образования, туризма, культуры, спорта, международных отношений под разными углами зрения. Travel 2.0 (пользовательский контент) включает комментарии и отзывы, life news, что положительно сказывается на объединении материалов профессионального качества и «народной» информации. Разнообразный контент тревел-СМИ, включая непрофессиональную часть, способствует развитию мирового опыта в области туризма, культуры, истории и др.

Массовое распространение тревел-контента на новых платформах в современном мировом медиaprостранстве способствует обмену культурным и историческим опытом, практическими навыками, освоению образовательной практики, налаживанию межкультурного диалога. Динамичное развитие образовательного туризма в стране, потоки иностранных студентов, возможность узнавать из тревел-СМИ и тревел-рубрик о языковых программах и курсах, лингвострановедческих материалах влияют на отношения наций и народностей, укрепляют их связь, поддерживают положительное воздействие этносов на культуру и образование.

Возрастающий туристический поток влияет на экономическую и на технологическую составляющие [10]. Туристических медиаприложений и сервисов становится больше, растет прибыль, технологии упрощают международную коммуникацию по поводу передачи знаний, аксиологических и поведенческих ресурсов; получать и делиться информацией становится легче и быстрее. Важный тренд в тревел-журналистике, по словам экспертов, — коммуникации в реальном времени. Благодаря смартфонам, созданию и потреблению массовой информации происходит ежеминутно. Появление мобильных тревел-приложений развивает тревел-журналистику, увеличивает спрос со стороны аудитории.

При исследовании характерных черт современного медиaprостранства тревел-журналистики значимым становится вопрос обеспечения публичности тревел-практики.

Обеспечение публичности тревел-практики в медиaprостранстве требует от отечественных и зарубежных ресурсов открытости, общедоступности, в то время как некоторые зарубежные ресурсы оказываются вне доступа или доступ к ним сложно получить.

Важным критерием для выполнения долга современного тревел-ресурса, руководствуясь понятием общественного интереса, является наличие практической части в публикациях. Это важно для того, чтобы у потребителей контента складывалось верное представление о действительности, чтобы идеи можно было применить на практике, поэтому прикладная функция тревел-журналистики призвана улучшать качество материалов и поддерживать интерес пользователей к прогрессивным отечественным тревел-СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Tourism Organization (UNWTO Report). — URL: <http://media.unwto.org/press-release/2017—07—14/strong-tourism-results-first-part-2017> (дата обращения: 20.08.2018).
2. Интернет-ресурс о туризме // Ростуризм, 2018. — 25 апр. — URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/documenty/normativnye-pravovye-akty> (дата обращения: 20.08.2018).
3. Пономарева Т. В. Образовательный туризм: сущность, цели и основные сегменты потребителей / Т. В. Пономарева // Проблемы современной экономики: материалы IV Междунар. науч. конф. (Челябинск, февраль 2015) — Челябинск: Два комсомольца, 2015. — С. 139—143. — URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/132/7188/> (дата обращения: 20.08.2018)..
4. Шванева И. Н. Ноосферная психология и ее методы. Ноосферное знание / И. Н. Шванева. — URL: https://www.socionauki.ru/almanac/noo21v/number_2/3_4_3.pdf (дата обращения: 20.08.2018).
5. Grgurinovic I. Anthropology and travel: practice and text / I. Grgurinovic // Stud. ethnol. Croat. — Zagreb, 2012. — Vol. 24. — P. 45—60.

6. Pratt Mary Louise. Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation / Louise Pratt Mary // London and New York: Routledge, 1992.— 257 p.

7. Луман Н. Реальность массмедиа / Н. Луман.— Москва: Праксис, 2005.— 256 с.

8. Показаньева И. В. Проблемное поле тревел-журналистики как явления современного медиапространства /

И. В. Показаньева // Медиаскоп.— 2013.— Вып. № 3.

9. Тertychnyy A. A. Жанры периодической печати / А. А. Тertychnyy.— Москва: Аспект Пресс, 2014.— 350 с.

10. Hanusch F. The dimensions of travel journalism / F. Hanusch // Journalism Studies.—2010.— Vol. 11, № 1.— P. 68—82.

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова*

*Вихорева Л. Г., преподаватель филологического факультета,
соискатель кафедры периодической печати факультета журналистики*

E-mail: mil-liya@yandex.ru

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Vikhoreva L. G., Lecturer of Philological Faculty, PhD of the
Department of Periodical Press, Faculty of Journalism
E-mail: mil-liya@yandex.ru*

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДА АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАНОМИНАЦИИ

М. А. Дрогайцева

Юго-Восточная железная дорога

Поступила в редакцию 23 ноября 2017 г.

Аннотация: в данной работе описываются результаты ассоциативного эксперимента на материале современных медианазваний. Подтверждается необходимость использования методики ассоциативного эксперимента для оценки коммуникативной эффективности медианазвания.

Ключевые слова: медианоминация, ассоциации, ассоциативный эксперимент, коммуникативная эффективность.

Abstract: the work is devoted to the associative experiment which is based on the nowadays material of medianomination. It confirms the need to use the method of associative experiment for assessment communication efficiency of medianomination.

Keywords: medianomination, association, associative experiment, communication efficiency.

Объектом изучения в данной работе является так называемая медианоминация. Под медианоминацией понимается языковая номинация средств массовой информации [1; 2, 132—133]. Феномен медианоминации рассматривался на материале названий региональных печатных средств массовой информации Центрально-Черноземного района, а именно Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой и Тамбовской областей. Общее количество рассмотренных названий, отобранных методом сплошной выборки, — 397 (например, «Курская правда» — название газеты, «Про Движение» — название журнала и т.п.). В общем перечне — издания, различные по широте аудитории, характеру распространения (платные, бесплатные) и тематике (общественно-политические, деловые, финансово-экономические и т.д.).

Можно утверждать, что восприятие медианоминования носителем языка в значительной степени зависит от тех ассоциативных связей, которые актуализируются данным наименованием в сознании потенциального адресата. Ассоциативные связи медианоминования могут быть выявлены в ходе так называемого ассоциативного эксперимента. В рамках данной работы ассоциативный эксперимент проводился в несколько этапов, в общей сложности в нем участвовало 400 информантов. Эксперимент осуществлялся как в массовой, так и в индивидуальной форме, при этом массовый эксперимент проводился с 15—25 испытуемыми. Анкеты, предлагаемые испытуемым, содержали от 95 до 100 слов.

В ходе эксперимента испытуемым предлагалась следующая инструкция: «Вы участвуете в психологиче-

стическом эксперименте. Вам будет предложен список слов. Мы просим Вас против каждого из них указать слово, приходящее в голову сразу после прочтения данного слова».

Таким образом, в работе были соблюдены все требования, предъявляемые к проведению массового ассоциативного эксперимента и сформулированные, например, в работе Ю. Н. Караулова [3, 316—317].

В качестве слов-стимулов в данном эксперименте использовались слова из исходного списка названий региональных печатных средств массовой информации Центрально-Черноземного района. Результаты ассоциативного эксперимента были обработаны и представлены в следующем виде: а) слово-стимул; б) количество информантов, опрошенных по данному стимулу; в) слова-реакции в порядке убывания частотности (с указанием этой частотности); при этом равночастотные реакции даны в алфавитном порядке; г) количество отказов (т.е. число информантов, не давших реакцию на данный стимул):

Липецкая газета 100 — новости 26, газета 19, информация 5, Липецк 5, бумага 2, минералка 2, прес-са 2, хорошая 2, вестник региона, все самое важное, главная газета папы, город, горожане, дело, дистанция пути, дорогая, Елец, издание, информация о Липецке, курьер, Липецк, ложь, местная, местные новости, металлургия, народ, одеяло, объективно, печать, политика, почтальон, простота, селедка, сельское хозяйство, СМИ, удача, чиновники, читать, экономика; отказ — 6.

Как показывают результаты, некоторая часть выявленных ассоциаций носит случайный характер (например, «Таня» — свекровь, «Бизнес-центр» —

Икар и др.). Видимо, это ассоциации, порождаемые определенной ситуацией и исчезающие при ее изменении. Однако при восприятии медианазвания важен учет постоянных ассоциаций. Именно поэтому единичные ассоциации, несмотря на их релевантность с точки зрения конкретного носителя языка, в исследовании не учитывались. Значительная же часть ассоциативных связей носит постоянный характер. Например, при предъявлении в качестве стимула медианазвания «Теленеделя Воронеж» в 43 случаях из 100 дается реакция «программа»; при восприятии названия «Мир туриста» 38 информантов из 100 отвечают «путешествие»; медианазвание «Атмосфера большого города» в 27 случаях из 100 вызывает реакцию «Москва» и т.д. При этом если в первых двух случаях возникающие ассоциации определенным образом связаны с предлагаемой информацией, то в третьем такие связи не прослеживаются.

Медианазвания, вызывающие ассоциации, связанные с предлагаемой информацией, будем называть далее ассоциативно соответствующими. Таким образом, ассоциативное соответствие медианоминиации — это наличие ассоциаций, которые раскрывают компоненты ее содержания.

Изучение собранного материала позволило выявить следующие тенденции. Так, к медианазваниям, формирующим адекватные ассоциации и ассоциации, создающие «благоприятный» образ называемого издания в сознании носителя языка (т.е. к ассоциативно соответствующим названиям), могут быть отнесены 62,2% из исследуемых нами медианазваний: «Современный сад и огород», «Вестник боевых искусств», «Социально-духовное развитие», «Стройиндустрия» и др.

Иногда ассоциации, соответствующие медианазванию, возникают в том случае, когда слово известно испытуемому в качестве медианазвания (это может быть и в силу личного опыта, и благодаря рекламе). К «узнаваемым» медианоминиациям были отнесены: «Берег», «Вестник» и др.

Кроме того, к «узнаваемым» медианоминиациям могут быть отнесены так называемые дочерние имена. Видится целесообразным применительно к дочерним именам средств массовой информации использовать термин «дочернее медианазвание». С нашей точки зрения, под дочерним медианазванием следует понимать результат языковой номинации издания, решения и направленность которого определяются головным (материнским) изданием (например, «Из рук в руки Липецк», «Выбирай Белгород», «Комсомольская правда Липецк» и др.).

Значительная часть анализируемых названий (31,2%) не вызывает у испытуемых ассоциаций, связанных с предлагаемой читателю информацией в издании. К таким названиям относятся: «Чудо», «Кислород», «Визит к Вам» и др.

Любопытно заметить, что такой способ номинации, как использование географических названий «в чистом виде» (например, «Курск», «Липецк»), неадекватно воспринимается испытуемыми. Как свидетельствуют результаты исследования, такие названия вызывают широкий спектр ассоциаций, однако эти ассоциации крайне редко оказываются связанными с предлагаемой в издании информацией. Между тем так называемый прием упоминания географического объекта (например, «Липецкая газета», «Белгородское бизнес-обозрение», «Воронежская неделя» и др.) оказывается удачным в медианоминиации. Так, упомянутый прием помогает ориентироваться читателю на соответствующий регион распространения издания, и такие многочисленные медианазвания чаще всего являются ассоциативно соответствующими.

Следует отметить, что в ряде случаев в ассоциативных экспериментах со стимулами-медианазваниями встречаются отказы (6,5%): иногда испытуемые затрудняются указать соответствующие ассоциации, например, наибольшее количество отказов выявляется у медианазваний «Ашка», «ИН», «Ерш», BellFashion и др. Во всех приведенных выше примерах количество отказов дать ассоциацию на слово-стимул превышает 40%. В этом случае, видимо, имеет смысл говорить об ассоциативно не соответствующих медианазваниях. Любопытно отметить, что основная доля приведенных примеров — это редко употребительные слова, слова иноязычного происхождения, синтаксические конструкции и единицы литературно-мифологического происхождения.

В целом ассоциативный эксперимент показывает, что многие медианазвания распознаются в соответствии с замыслом номинатора. Например, название «Городские известия» у многих из опрошенных вызвало ассоциацию *новости города*, название «ЛДПР в Курске» связывалось с *информацией о партии в регионе* и т.п.

Таким образом, ассоциативный эксперимент выявляет в целом ряде случаев тождественность замысла номинатора и восприятия слова носителем языка, обнаруживает коммуникативную эффективность медианазвания (значительная часть исследуемых медианазваний обладает достаточной информативностью и явной ассоциативной соотнесенностью с профилем издания).

Исследование медианазвания методом ассоциативного эксперимента подводит к выводу о том, что в идеале медианазвание должно быть нацелено на актуализацию определенного круга ассоциаций, формирующих в сознании человека образ предлагаемого издания. Чем положительнее ассоциации и чем ближе они к предлагаемой изданием информации, тем лучше медианазвание выполняет свою функцию — функцию привлечения читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Науменко И. И. Медианоминация: к вопросу о терминологии // Коммуникация в современном мире: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. — Воронеж, 2012.
2. Новичихина М. Е. Медианоминация и медийное

имя: дифференциация понятий / М. Е. Новичихина // Культура общения и ее формирование. — Вып. 27. — Воронеж, 2013.

3. Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Караулов. — Москва, 1993.

Юго-Восточная железная дорога

Дрогайцева М. А., помощник заместителя начальника дороги

E-mail: marina_dro@list.ru

South-East railway

Drogaitseva M. A., Assistant Deputy Chief

E-mail: marina_dro@list.ru

«ЭРА ПОСТПРАВДЫ» В ЗАПАДНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Р. В. Жолудь

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 24 апреля 2018 г.

Аннотация: в статье исследуются причины формирования постправды в современном западном обществе, роль массмедиа в данных процессах и последствия для журналистики.

Ключевые слова: постправда, западная журналистика, фейковые новости.

Abstract: in this paper we examine the causes that were forming the post-truth in contemporary Western society, the role of mass media in these processes and consequences for journalism.

Keywords: post-truth, Western journalism, fake news.

Один из самых значительных глобальных кризисов нашего времени, охвативший сферы политических, общественных, культурных взаимоотношений, а следовательно, и сферу массовой коммуникации, получил название постправды. За 2016—2017 гг. обсуждению этого явления на Западе были посвящены десятки научных и практических конференций, сотни публикаций как исследовательского, так и публицистического характера. Редакция Оксфордского словаря английского языка в 2016 г. назвала постправду «словом года» [1]. Такой интерес к неологизму понятен, учитывая то, какой феномен это слово обозначает. Сам Оксфордский словарь английского языка определяет постправду (post-truth) как «обозначение или отношение к обстоятельствам, в которых объективные факты меньше влияют на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям» [2]. Неологизм приобрел в западной (прежде всего американской и британской) журналистике особую популярность именно в 2016 г., когда, как считают многие журналисты этих стран, вопреки здравому смыслу, объективным фактам, доказательствам и благодаря популистским заявлениям, эмоциональному давлению и дезинформации в США победил на президентских выборах Дональд Трамп, а жители Великобритании проголосовали за выход из Европейского союза. Ведущие обозреватели крупнейших массмедиа обеих стран заявили о начале «эпохи постправды». «Постправда пришла, чтобы описать тип выступления, который перевернул политический мир вверх дном, — пишет журналист BBC News Шон Кофлан (Sean Coughlan), — разжигающая эмоциональными аргументами вместо проверки фактов, она была словом, которым попытались охватить... политику, помогшую победить Дональду Трампу и сторонникам Брекзита...» [3].

Осознание новой проблемы повергло западную журналистику в состояние глубокого пессимизма. И это понятно: в информационном мире, в котором нельзя опереться на фактические данные, где доказательства и свидетельства перестают быть главным способом общественного диалога, журналист теряет почву под ногами, чувствует себя беспомощным и ненужным. Более того, под удар попадает не только журналистика, но и вся традиционная система ценностей. «Факты занимали священное место в западных либеральных демократиях. Если когда-то было похоже, что демократия пошла не туда, когда избирателями манипулировали или политики уклонялись от вопросов, мы обращались за спасением к фактам, — пишет британский профессор политической экономики Уильям Дэйвис. — Но они, похоже, потеряли способность поддерживать консенсус. PolitFact (общественное движение, занимающееся фактчекингом выступлений политиков. — Авт.) обнаружил, что более 70% «фактических» утверждений Дональда Трампа относятся к категориям «по большей части ложь», «ложь» или неправда в стиле «штаны горят». На референдуме по поводу Брекзита, сторонники выхода заявляли, что членство в Европейском союзе стоит Британии 350 млн. фунтов в неделю, но не смогли посчитать, сколько денег они потратят теперь» [4]. Колумнист The Guardian Джонатан Фридланд (Jonathan Freedland) в публикации конца 2016 г. вспоминает, как шестнадцать лет назад писал: «Если мы начнем сомневаться в подтвержденных фактах, как мы сможем предотвратить то, что мы сами будем поглощены сомнениями, невозможностью доверять всему, что мы видим? Это все может быть конспирологией, мифом, мистификацией». Теперь же автор саркастически констатирует: «Сейчас у вас будет президент США, британский премьер-министр (никогда не забывайте про 350 млн. фунтов Брекзита), а также готовая армия потребителей фейковых

новостей, чтобы составить вам компанию. Как это произошло столь быстро?» [5].

Хотя слово «постправда» актуализировалось в медийном дискурсе и попало в общеупотребительный английский, а затем и в другие языки в связи с описанными выше политическими кризисами, возникло оно гораздо раньше. Его автором считается американский драматург сербского происхождения Стив Тесич, который в 1992 г. в эссе, опубликованном в журнале *The Nation* писал о политической атмосфере в США: «...мы (американцы. — Р.Ж.) как свободный народ свободно решили жить в мире какой-то постправды» [6]. В научный обиход слово вошло позднее, в 2004 г., благодаря исследованию «Эра постправды: ложь и обман в современной жизни» [7]. Автор работы, американский исследователь и писатель Ральф Кейес (Ralph Keyes) предпринял масштабную попытку исследовать причины, которые привели современное общество к ситуации, в которой правда потеряла свое базовое значение. Автор называет это состояние «постправдивостью» — «серой этической зоной», которая позволяет маскировать собственную ложь. «Когда наше поведение конфликтует с нашими ценностями, то мы, скорее всего, переосмыслим наши ценности», — так описывает он ситуацию постправды. Здесь и далее очевидно, что Кейес рассматривает постправду гораздо шире сфер политической и массовой коммуникации: у него она начинается с межличностных отношений. Он указывает на то, что у современного человека сформирована «альтернативная этика», которая позволяет ему не испытывать душевных страданий, когда он использует ложь. Для самооправдания в современном языке существуют «переходные» стадии между правдой и ложью: «альтернативная правда», «своя правда», «я так вижу», «альтернативная версия реальности» и т.п. Этот процесс отхода от традиционной дихотомии «правда — ложь» происходил, как считает Кейес, в течение длительного времени. Он выделяет условные сообщества, которые на протяжении XX века изменили отношение к правде в западной культуре. К ним относятся:

- «психотерапевты», отказавшиеся от признания значимой роли правды в психологической жизни человека (например, если некто говорит, что он — успешный бизнесмен, значит, он себя таковым считает; объективная же оценка значения не имеет);
- «юристы», т.е. сформировавшаяся система правосудия, в которой правдой является только то, что признано доказанным в зале суда;
- «политики», демонстрирующие одновременно и желание скрыть определенные стороны своей жизни, и испытывающие нарциссическое стремление привлечь к себе внимание.

С Кейесом солидарен и другой американский исследователь и писатель Джеймс Болл (James Ball) [8], который возлагает вину в распространении пост-

правды, в частности, на политиков. Анализируя ситуацию в западном мире уже после победы Дональда Трампа и сторонников Брекзита, он указывает, с одной стороны, на стремление деятелей политики попасть в заголовки СМИ, а с другой, на отсутствие ответственности за свои высказывания, на попытки в критических ситуациях спастись отговоркой «я пошутил» (здесь Дж. Болл явно намекает на Д. Трампа). «Народные движения от анархистов до популистов хотели видеть равенство участия в принятии политических решений... это сердцевина демократии любой версии, — пишет австралийский лингвист Ник Энфилд (Nick Enfield). — Популисты поступили хорошо, поставив под сомнение ценность карьеры политиков... вместо того чтобы поклоняться возможностям, которые может дать получение политической власти... Но подозрение по отношению к специалистам и экспертам стало гораздо больше загрязнять дискурс знания и практики» [9].

Ральф Кейес обращает внимание и на процессы, которые привели мир к постправде. Он указывает на влияние философии и эстетики постмодернизма, которая распространилась в массовой культуре через произведения искусства, литературу, кино и т.п. Постмодернизм, как известно, в своей основе содержит релятивизм, безразличие к проблеме отделения правды от лжи или даже настаивает на невозможности такого отделения.

Другой источник влияния, характерный для культуры США, это так называемая новая журналистика, появившаяся в 1970-е гг. (Т. Вулф, Т. Капоте, Х. Томпсон). Ее идеология хорошо описывается высказыванием Хантера Томпсона: «Беллетристика и документалистика (fiction and non-fiction) — это понятия из XIX века». Проблема оказалась в том, что развитие «новой журналистики» не только способствовало обогащению газетных и журнальных текстов новеллистическими техниками, но и привело к прямому включению в публицистические тексты несуществующих, вымышленных событий и ситуаций. По сути, репортеры начали пользоваться сознательной фальсификацией фактов, «чтобы истории были красивыми». Разумеется, такой подход постепенно снижал доверие читателя к публицистическому тексту.

Параллельно в западной литературе появился новый феномен: беллетристика, использующая реальные факты и за счет этого мимикрирующая под документалистику. Ральф Кейес называет такой жанр словом *faction* (от англ. *fact* — факт + *fiction* — беллетристика). Такая игра с фактами внутри художественного произведения, конечно, вводила читателя в заблуждение, но была выгодна для автора: подделки под документалистику продавались лучше, а никакой ответственности за достоверность изложения не было.

Еще одна движущая сила, приведшая западную культуру к постправде, — киноиндустрия. Кейес ука-

зывает здесь и на искажения фактов в художественных фильмах, посвященных реальным событиям, и на мифологизацию жизни киноактеров, и на то, что ложь становится обычным элементом сюжетов сериалов (при этом важно отметить, что зритель смеется над ситуацией обмана, т.е. испытывает положительные эмоции).

Уильям Дэйвис говорит о кризисе факта не только в сфере коммуникации, и даже не только в культуре, но и в цивилизационном смысле. «Как мы можем еще говорить о «фактах», если они больше не связывают нас с реальностью, которую мы принимаем? Проблема в том, что эксперты и агентства, вовлеченные в производство фактов, множатся, и многие из них работают по найму. И если вы вправду хотите найти эксперта, желающего подтвердить факт, и у вас есть деньги и политическое влияние за собой, вы это, скорее всего, сможете сделать», — говорит ученый.

Ник Энфилд тоже видит кризис в тотальном последствии тотального недоверия: «...система работает настолько долго, пока мы доверяем чужим знаниям, умениям и мышлению».

Проблема «кризиса факта» в том, считает Дейвис, что в XXI в. мы столкнулись с переизбытком фактического материала. До этого времени факт считался основой объективного описания мира: такое убеждение, как считает историк культуры Мэри Пувив (Mary Roovev), стало складываться в Средние века в связи с появлением у торговцев бухгалтерского учета [10], и оно поддерживалось в последующие столетия развитием точных наук. Но в XX в. в сферу точных чисел пришли маркетинговые компании, результаты исследований которых стали использоваться не только в бизнесе, но и политике. Сегодня же огромное количество источников, разнообразные формы передачи информации, невозможность проверить достоверность, надежность и неангажированность коммуникаторов привело к недоверию по отношению к фактическому материалу.

Уильям Дэйвис говорит, что от общества фактов цивилизация приходит в общество данных. Они собираются автоматически, с помощью различных устройств и приложений, которые фиксируют поведение пользователей. Функция таких данных (big data) кардинально отличается от функций классических фактов. Если факт был средством доказывания в общественном диалоге, в поиске оптимального решения, то данные демонстрируют настроение аудитории, позволяют прогнозировать ее поведение, подстраиваться под ее вкусы и ожидания. Факт как свидетельство о реальности обесценивается для коммуникатора: зачем доказывать что-то, если можно просчитать предпочтения аудитории и предложить ей ту информацию, которая будет воспринята с большим доверием?

Итак, следующий фактор распространения постправды — это технологии и технические устройства.

Ральф Кейес отмечает, что уже в телефонном разговоре лгать стало гораздо проще, чем при непосредственном общении. Текстовые способы коммуникации еще больше упрощают процесс обмана.

Интернет — это вообще идеальная среда для распространения недостоверной информации. Более того, он придает этому процессу черты постмодернизма: игра вместо серьезности, имитация вместо реальности, поверхностность вместо глубины. Это уже не просто обман, это целый комплекс действий по построению виртуального, но очень похожего на реальность мира. И первоначальное представление об Интернете как возможности безграничной свободы и торжестве демократии в западных СМИ уже сменяется скепсисом. Журналист Джонатан Малер пишет в The New York Times: «...величайшим обещанием Интернета было то, что он мог бы распространять демократию, давать большому количеству людей больше доступа к большому количеству информации без контроля какого-то одного правительства. Заинтересованные граждане могли бы развивать более тонкое понимание происходящего; избиратели могли бы стать более информированными, мы бы познали всю правду сверху донизу, и результатом стала бы великая свобода. Вспомним, как в 1993 году активист и программист Джон Гилмор заявлял, что Интернет «рассматривает цензуру как угрозу и обходит ее»; как недавно, в 2011 году, активисты еще хранили надежду, что доступ к Facebook и другим социальным сетям помогут провести мирные революции на Ближнем Востоке. Но где-то в пути демократизация потока информации превратилась в демократизацию потока дезинформации. Разница между фактом и выдумкой стала стираться, создавая расширяющийся мир соперничающих друг с другом деклараций. Интернет не обходит цензуру, когда люди, его использующие, остаются в своих замкнутых информационных кругах, которые есть не что иное, как навязанная самим себе цензура» [11].

Джеймс Болл подробно разбирает участие в распространении постправды массмедиа: как традиционных, так и новых. Он замечает, что «старые СМИ» (пресса, ТВ, радио) активно включены в политическую борьбу и рассматриваются политиками не как третья сторона, а как оппоненты, с которыми необходимо бороться. Как результат — вовлечение традиционных массмедиа в информационные войны, распространение «фейковых новостей» и т.п.

Некоторые исследователи обратили внимание на парадоксальность последствий работы журналистов-расследователей, интернет-активистов и правозащитников. С одной стороны, журналистские и общественные расследования, публикуемые в СМИ, несут для общества социально значимую информацию, рассказывают о злоупотреблениях, махинациях, преступлениях, сговорах и т.п. С другой стороны, публичные разоблачения при всей своей важности

воспитывали у массовой аудитории циничное отношение к властям, элитам и публичным фигурам, т.е. тоже готовили общество к эпохе постправды. Уотергейт, «Панамский архив», публикации Дж. Ассанжа и Э. Сноудена при всей их общественной значимости — это, хотим мы того или нет, тоже шаги на пути к тотальному недоверию. И это касается не обязательно только скандалов мирового масштаба. Так, Джулия Хобсбаум (Julia Hobsbawm) обращает внимание на то, что многое, что раньше находилось для публики за закрытыми дверями, сейчас интегрированы в медиа (звонки в эфир, голосования, комментарии на сайтах) [12].

Правда, с существованием такого побочного эффекта согласны не все: «Открытость демократического общества позволяла... свободной прессе больше и больше обнажать происходящее в коридорах власти, делая нас гораздо осведомленнее о способах, которыми нас обманывают. Правда стала гораздо менее ясной и простой, но я не вижу доказательств, что большинство людей перестало верить в нее. Люди остаются возмущены ложью, как они это делали когда-то» [13], — пишет автор книги «Краткая история правды» Джулиан Баггини в своей колонке в The Guardian.

Но не меньшим влиянием, чем традиционные массмедиа, обладают ангажированные сайты, под видом СМИ распространяющие информацию в интересах определенных политических сил. Эти медийные проекты не ориентированы на соблюдение профессиональных стандартов журналистики (баланс мнений, проверка фактов, отделение их от мнений и т.п.). Они никогда не были включены в систему профессиональной журналистской деятельности, им чужды корпоративные этические стандарты, их цель — любой ценой сохранять политическую власть. Аудитория каждого отдельного такого сайта может быть сравнительно небольшой, но информацию, которую они производят, может очень быстро и широко распространяться через социальные сети. К тому же действия одиночных сайтов с небольшой аудиторией могут давать кумулятивный эффект, и в результате совокупное воздействие может оказаться достаточно значительным.

Ситуация на момент 2016—2017 гг. усложнилась тем, что в мировом информационном пространстве появились и так называемые фейковые медиа, которые под видом новостных сайтов распространяют свои «новости» о выдуманных или сконструированных событиях. И снова приходится признать, что эффективными каналами распространения «фейковых новостей» стали социальные сети и традиционные СМИ. Да, старые медиа оказались не готовы к «фейковым новостям». Американский журналист и медиаэксперт Джефф Джарвис (Jeff Jarvis) посетовал, что «фейковые новости не просто приходят в Facebook, они приходят из Fox, CNN и даже из газет».

Социальные сети стали разносчиком дезинформации и полем «битвы за постправду» не случайно. Во-первых, схема распространения информации — через подписки на сообщества, с которыми пользователь себя, как правило, ассоциирует, через «друзей» — снижает критичность восприятия сообщения. Пользователь иногда даже не дочитывает сообщение до конца и нажимает на кнопку «поделиться» просто из-за заранее сформированной симпатии к источнику информации. Во-вторых, сама администрация социальных сетей не мотивирована бороться с такими явлениями.

В результате совокупного эффекта от старых и новых медиа, фабрик «фейков» и социальных сетей в информационном пространстве устанавливается своеобразная «экосистема дезинформации», в которой рядовому читателю невозможно отличить правду от лжи.

Но нужно отдавать отчет, что в «экосистеме дезинформации» аудитория не является пассивным объектом воздействия. Под эмоциональным накатом, манипуляциями политиков и журналистов она тоже становится участником процессов этой системы.

Исследователи говорят о древнем психологическом эффекте — желании принадлежать к определенной группе. Индивид, сигнализируя о такой принадлежности, как правило, больше доверяет «своим», нежели «чужим». Это само по себе провоцирует предвзятость в общественном диалоге. Более того, и идентификация других членов сообщества часто происходит по их отношению к какой-либо эмоционально заряженной теме. «Исследования показывают, что, когда люди объединялись в племена, их первым побуждением было верить тем, кто поддерживал их сторону и не верить тем, кто поддерживал их противников», — пишет Джонатан Фридланд в колонке в The Guardian в декабре 2016 г. — Один опрос этой недели показал, что среди американских республиканцев одобрение Владимира Путина резко выросло. Они ненавидели его раньше, но теперь их парень Трамп — приятель Путина, и они готовы видеть российского автократа в благоприятном свете — и игнорировать все доказательства противоположной стороны».

«Мы с большой вероятностью поверим или, как минимум, примем и повторим высказывание, которое поддерживает наши устоявшиеся взгляды, даже если для подтверждения этого высказывания мало или совсем нет доказательств», — пишет Ник Энфолд о другом психологическом феномене. — Такое предубеждение — двигатель, который клик за кликом распространяет фейковые новости или другую опасную чушь».

Дэвид Макрэйни (David McRaney) называет в качестве базиса для развития постправды другой психологический феномен — «эффект обратного огня» [15]. Чем больше оппонент попадает под критику,

даже снабженную арсеналом фактов, доказательств и свидетельств, тем больше он становится уверенным в собственной правоте. Эта уверенность, как и предыдущие психологические эффекты, основана на иррациональных чувствах.

В современном обществе человек получает дополнительные преграды для адекватного, объективного восприятия информации. И эти преграды — тоже побочный эффект развития информационных технологий.

Эли Парисер (Eli Pariser), описывая структуру восприятия информации современным человеком, использует метафору «фильтра-пузыря» [16]. «Фильтр-пузырь» — это совокупность индивидуальных предпочтений, которые, окружая человека, не позволяют новой, неожиданной, нестандартной информации проникнуть в его сознание. В формировании «фильтра-пузыря», кроме механизмов человеческой психики играют важную роль персонализированный поиск информации и сервисы рекомендаций, в огромном количестве присутствующие в Интернете и мобильных приложениях: они предоставляют пользователю именно ту информацию, которую он хочет получать, «подстраиваются» под его вкусы и предпочтения, оставляя еще меньше шансов для получения разносторонней информации, различных мнений, т.е. ведут фактически к интеллектуальной изоляции. Вот почему проблема существования «фильтров-пузырей» стала актуальной именно для нашего времени, и она, несомненно, тоже подготовила почву для эры постправды.

Наконец, стоит отметить и материальный интерес, выгоду, получаемую от постправды. Джеймс Болл называет трех бенефициаров: политики (постправда может привести к власти), пиар-компании (постправда — удобный способ создания паблисити) и IT-корпорации, которые готовы предоставлять технологии для распространения любой информации, которая будет востребована, вне зависимости от ее достоверности (Дж. Болл называет в качестве таких «безответственных» компаний Google и Facebook). Некоторые авторы указывают на особую роль паблик рилейшнз в этом процессе: высказываются мнения, что PR соединились с журналистикой, аудитории крайне тяжело различать создаваемые ими дискурсы, тем более вряд ли возможно верифицировать получаемую информацию [17]. Что касается роли в процессе становления эры постправды компаний-гигантов информационной сферы, то справедливости ради нужно заметить, что и Google, и Facebook создали и развивают автоматические инструменты выявления «фейковых новостей» для борьбы с дезинформацией [18].

Итак, подведем некоторые итоги: движущими факторами на пути к эре постправды можно назвать:

- изначально присущие индивиду и обществу социально-психологические феномены, обуслов-

ливающие неполное или искаженное восприятие информации;

- массовую культуру, формирующую у отдельного индивида и общества в целом «альтернативную этику» с ее промежуточными стадиями между правдой и ложью, оправданием лжи, переносом лжи из поля этической оценки в поле комического и т.п.;

- философию и эстетику постмодернизма, распространившие в массовой аудитории представления об относительности моральных категорий и об их незначительности;

- политические институты, применяющие манипулятивные техники, воздействие на эмоциональную сферу, популистские идеи, фальсификации и дезинформирование, формирующие у массовой аудитории цинизм и недоверие к элитам, экспертам и традиционным СМИ;

- массмедиа (старые и новые), ставшие каналом для распространения «фейковых новостей», манипуляций, пропаганды и эмоциональной напряженности;

- информационные технологии, приведшие к дезориентации индивида в потоке информации, распаду аудитории на информационно изолированные сообщества и упростившие процесс распространения недостоверной информации.

В результате распространения постправды журналистское сообщество столкнулось со следующими проблемами:

- мощный раскол общества по принципу «свои — чужие»;

- подмена журналистской деятельности пропагандой, манипулятивными технологиями, эмоциональным воздействием взамен сбалансированного рационально-эмоционального освещения событий, ситуаций и проблем;

- падение значимости фактической информации;
- падение авторитета СМИ, журналистов, экспертов и политических деятелей;

- одновременно с тотальным недоверием, как ни парадоксально — некритичное восприятие информации от источников, которые распознаются как «свои»;

- невозможность полноценного и конструктивного общественного диалога.

Ральф Кейес, написавший свою книгу за 12 лет до Брексита и победы Трампа, предупреждал об опасности появления «общества подозрения», в котором будут разрушены механизмы доверия друг другу: чем больше человек обманывает сам, тем более подозрительным он становится к окружающим.

Действительно, проблема кризиса доверия, видимо, самый важный и болезненный феномен эры постправды. Джеймс Болл пишет: «Люди настолько стали готовы слушать то, во что они хотят поверить, что сообщению в Facebook верят не только больше, чем экспертам, но и больше, чем событиям, уже произошедшим... “Фильтр-пузырь” подпитывает обще-

ство постправды, помогая людям легче игнорировать реальность».

«Это процесс разрушения нашего публичного разговора и нашей демократии... и он предупреждает о культуре, в которой несколько утверждений в Twitter имеют тот же кредит доверия, что и библиотека, полная научных трудов», — сетует Шон Кофлан.

«Это делает нашу публичную сферу шокирующим местом. Без общепринятого набора фактов мы вряд ли вообще сможем построить хоть какой-то общественный диалог, — пишет Джонатан Фридланд. — Писатель Дэвид Робертс... недавно сказал так: «Здесь больше нет судей. Все исключительно игроки»... На политическом поле мы каким-то образом дрейфуем в мир, в котором никому нельзя доверять ни в вопросах решений, ни даже в вопросах фактов. Но мы не можем жить в таком мире. Свидетельства, факты и причины — это строительные блоки цивилизации. Без них мы погрузимся во мрак».

Не вдаваясь в дискуссию относительно судеб цивилизации в целом, приходится согласиться: журналистике в том виде, в котором она существовала до сих пор, в мире постправды места нет: ее функции просто не востребованы. Изменение же ее функционального набора приведет к исчезновению журналистики как феномена и социального института, трансформации ее в другие формы коммуникационной деятельности.

Есть ли выход из эры постправды? Несомненно, данный кризис конечен, так как он затрагивает базовые общественные институты и процессы, без которых существование цивилизации вряд ли возможно. Исследователи отмечают важную деталь: несмотря на погруженность в процессы постправды, общество не потеряло интерес к тому, как «все происходит на самом деле». Ральф Кейес говорит о существующей у индивида «жажде правды», которая не позволяет полностью отказаться от этого понятия. Джулиан Баггини вообще полагает, что постановка проблемы в виде «эры постправды» неверна и даже вредна: «...утверждение о том, что мы живем в мире постправды, есть самая пагубная неправда из всех. Она служит интересам тех, кто больше всего боится правды\... Мы не смогли бы даже говорить о постправде, если бы не думали, что правда имеет значение. Мир никогда не был готов и не хотел сказать правде «прощай», даже в политике, где иногда кажется, что она уже взяла отпуск». По мнению Баггини, человечество должно сделать некую «перезагрузку» в восприятии реальности: «Чтобы восстановить веру в силу и ценность правды, мы не должны уклоняться от ее сложности. Правда может быть и часто бывает сложна для понимания, изучения, объяснения, проверки. Ее также пугающе легко скрыть, перевернуть, злоупотребить или запутать ею. Часто мы не можем с какой-либо уверенностью утверждать, что знаем правду. Нам нужно критиче-

ски оценить разные виды реальных и предполагаемых истин и понять, как проверять их подлинность».

Важно, что растет сопротивление постправде в практическом поле — в профессиональной журналистской и общественной сферах. На сегодня в мире существуют уже десятки объединений, которые занимаются мониторингом новостей, отыскивая дезинформацию и сообщая о «фейках». Компании IT-индустрии ищут способы автоматизации фактчекинга. Государственные и неправительственные организации активно внедряют в практику курсы, посвященные повышению медиаграмотности населения. Видимо, постправда — это социальная болезнь, и чтобы приобрести к ней иммунитет, нужно ею переболеть.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Постправда» стала словом года по версии Оксфордского словаря // Русская служба BBC. — URL: <http://www.bbc.com/russian/news-37995176> (дата обращения: 21.01.2018).
2. Oxford English Dictionary. — URL: <http://www.oed.com> (дата обращения: 21.01.2018).
3. Coughlan S. What does post-truth mean for a philosopher? / S. Coughlan // BBC News. — URL: <http://www.bbc.co.uk/news/education-38557838> (дата обращения: 21.01.2018).
4. Davies W. The Age of Post-Truth Politics / W. Davies // The New York Times. — URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/24/opinion/campaign-stops/the-age-of-post-truth-politics.html> (дата обращения: 21.01.2018).
5. Freedland J. Don't call it post-truth. There's a simpler word: lies / J. Freedland // The Guardian. — URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2016/dec/16/not-post-truth-simpler-words-lies-aleppo-trump-mainstream> (дата обращения: 21.01.2018).
6. Flood A. 'Post-truth' named word of the year by Oxford Dictionaries / A. Flood // The Guardian. — URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/nov/15/post-truth-named-word-of-the-year-by-oxford-dictionaries> (дата обращения: 21.01.2018).
7. Keyes R. Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life / R. Keyes. — New York: St. Martin's Press, 2004.
8. Ball J. Post-Truth: How Bullshit Conquered the World / J. Ball. — London: Biteback Publishing Ltd, 2017.
9. Enfield N. We're in a post-truth world with eroding trust and accountability. It can't end well / N. Enfield // The Guardian. — URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2017/nov/17/were-in-a-post-truth-world-with-eroding-trust-and-accountability-it-cant-end-well> (дата обращения: 21.01.2018).
10. Poovey Mary. A History Of The Modern Fact Problems Of Knowledge In The Sciences Of Wealth And Society / Mary Poovey. — Chicago: University of Chicago Press, 1998.
11. Mahler Jonathan. Problem With 'Self-Investigation' in a Post-Truth Era // The New York Times / Jonathan Mahler. — URL: <https://nyti.ms/2izy9EI> (дата обращения: 21.01.2018).
12. Hobsbawm Julia. Where the Trust Lies / Julia Hobsbawm. — 2th Ed. — London: Atlantic Books, 2010.

13. Baggini Julian. Is this really a post-truth world? / Julian Baggini // The Guardian. — URL: <http://www.theguardian.com/lifeandstyle/2017/sep/17/is-this-really-a-post-truth-world> (дата обращения: 21.01.2018).

14. McRaney D. The Backfire Effect / D. McRaney // You Are Not So Smart. 10.06.2011. URL: <https://youarenotsosmart.com/2011/06/10/the-backfire-effect/> (дата обращения: 21.01.2018).

15. Pariser Eli. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You / Eli Pariser. — New York, Penguin Press, 2011.

16. Jackall Robert. Image Makers: Advertising, Public Relations and the Ethos of Advocacy / Jackall Robert & Hirota Janice M. — Chicago, University of Chicago Press, 2000.

17. См., напр.: Против лжи: как Facebook, Google и RT борются с интернет-фейками. — URL: <https://www.stopfake.org/protiv-lzhi-kak-facebook-google-i-rt-boryatsya-s-internet-fejkami/> (дата обращения: 21.01.2018).

18. Fake. — URL: <https://www.stopfake.org/protiv-lzhi-kak-facebook-google-i-rt-boryatsya-s-internet-fejkami/> (дата обращения: 21.01.2018).

Воронежский государственный университет
Жолудь Р. В., доцент кафедры теории и практики журналистики
E-mail: roman@21vek.org

Voronezh State University
Zholud R. V., Associate Professor of Journalism Theory and Practice Chair
E-mail: roman@21vek.org

НАРРАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ ОБРАЗНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Н. И. Иовва

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко

Поступила в редакцию 20 августа 2018 г.

Аннотация: в статье рассматриваются нарративные ресурсы публицистического высказывания. Внимание автора сосредоточено на публицистике как жанре речевого высказывания. Автор говорит о разнообразии и специфике нарративных стратегий, о диалоге между автором и читателем.

Ключевые слова: публицистическое произведение, нарратив, стратегия, диалог, автор, адресат, аудитория.

Abstract: the article deals with narrative resources of a publicistic statement. The attention of the author is focused on journalism as a genre of speech utterance. The author speaks about the diversity and specifics of narrative strategies, about the dialogue between the author and the reader.

Keywords: publicistic work, narrative, strategy, dialogue, author, addressee, audience.

Публицистика в современном мире является неотъемлемой частью публичного пространства. Ее отличает особая функциональная направленность и связанная с этим авторская позиция журналиста.

По мнению М. М. Бахтина, публицистика может быть рассмотрена как сложный жанр речевого высказывания, складывающийся по мере развития организованного культурного общения и обладающий устойчивыми характеристиками: тематическое содержание, стиль, композиция, целевая установка и т.д. В своих трудах М. М. Бахтин часто использует понятие «высказывание», при этом используя его как синоним понятия «произведение». Согласно его определению, высказывание (речевое произведение) — это форма существования языка в социуме и в то же время форма человеческой деятельности. М. М. Бахтин определяет высказывание как речевой жанр (устный и письменный), обладающий определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого.

Говоря о публицистическом высказывании можно выделить следующие его признаки:

Высказывание констатируется наличием субъекта, при этом субъект является не внешним «формальным», а внутренним признаком высказывания.

Всякое высказывание существует среди других высказываний и в «диалоге» с ними. Произведение — звено в цепи речевого обращения, как реплика диалога. Оно связано с другими произведениями-высказываниями: и с теми, на которое оно отвечает, и с теми, которые отвечают на него.

Еще один признак — завершенность высказывания (предметно-смысловая исчерпанность, речевой замысел, воля говорящего). По М. Бахтину, она определяется возможностью ответить на высказывания.

Высказывание предполагает наличие адресата. Адресат при этом вступает как активный смыслообразующий компонент высказывания.

Публицистика многими исследователями трактуется как тип высказывания, в котором максимально развернуто такое свойство мышления и коммуникативной ситуации, как публицистичность, то есть прямое выражение мысли автором высказывания. Суть авторского высказывания сводится к тому, что оно (это высказывание) всегда воспринимается как событие, определяющее взаимоотношения адресанта и адресата.

В основе любого публицистического высказывания всегда обнаруживается та или иная коммуникативная стратегия. Как отмечает В. И. Тюпа, «нарративные практики рассказывания историй принадлежат к общекультурному полю дискурсных формаций общения и руководствуются общекоммуникативными стратегиями культуры» [1, 65].

Нарративные стратегии — это особый род коммуникативных стратегий, а именно: стратегии ретрансляции событийного опыта; в области вербализованной наррации (нарративные дискурсы) — это повествовательные версии общериторических стратегий.

Стратегии публицистического послания часто сводят к технике авторского ремесла. Так, Джеральд Принс дает определение в «Словаре нарратологии» и, по сути дела, подменяет стратегию тактикой [3, 64]. Он пишет о том, что определенный набор нарративных приемов, используемый при изложении послания, необходим для того, чтобы достичь какой-то определенной цели.

Если само коммуникативное событие является событием индивидуальностей, то коммуникативная стратегия представляет собой идентификацию коммуникативного субъекта с некоторой метасубъ-

ектной позицией в коммуникативном пространстве дискурса.

Исследуя стратегии, М. Фуко утверждает, что выбор стратегий не вытекает непосредственно из мировоззрения или предпочтения интересов, которые могли бы принадлежать тому или иному говорящему; он совершается в соответствии с положением, занимаемым субъектом по отношению к области объектов, о которых он говорит [4, 72].

При этом подлежащее вольному или невольному выбору со стороны говорящего/пишущего позиционирование себя в коммуникативном пространстве одновременно оказывается соответствующим позиционированием и адресата (а также и объекта) своего высказывания.

Именно поэтому понятие «нарративная стратегия» призвано служить не для обозначения некой суммы нарративных «особенностей» произведения. Им объемлется комплекс основных риторических параметров повествовательного высказывания: картина мира, модальность и этос.

Наиболее значительные нарративные произведения общекультурной значимости обладают собственной стратегией (внутренними законами данного нарративного феномена), которая может воспроизводиться.

Однако любая нарративная стратегия неизбежно занимает некоторое определенное место между двумя пределами: исходные протостратегии долитературных нарративных жанров (сказания, притчи, анекдоты, жизнеописания) и фундаментальные метастратегии основных дискурсных формаций культуры (героические предания, сказки, жития святых, официозные политические биографии, реклама) [5, 68].

Нарративные стратегии, по определению В. И. Тюпа, — «особый род коммуникативных стратегий культуры: конструктивное единство креативной (субъектной), референтной (объектной) и рецептивной (адресатной) компетенций нарративного текстопорождения» [2, 9].

Можно выделить следующие виды нарративных стратегий:

- 1) повествовательная;
- 2) интенциональная;
- 3) коммуникационная;
- 4) конвенционная;
- 5) контекстуальная;
- 6) интерпретационная;
- 7) иносказательная;
- 8) прецедентная;
- 9) когнитивная;
- 10) конструктивистская.

В своей совокупности эти стратегии покрывают пространство повествования в публицистическом произведении, которое по своей сути представляет собой послание от субъекта высказывания аудитории.

Публицистическое произведение как послание всегда адресно: это не «письмо на деревню дедушке», а публицистическое высказывание, предназначенность аудитории, на которую ориентируется автор. Сложность этой ориентации очевидна — формат аудитории определяется многими факторами, но прежде всего — свободной подпиской на издание или столь же свободным выбором в газетном киоске или в Сети.

Разумеется, существуют общеполитические издания и издания специализированные (детские, молодежные, профессиональные), но сегодня вектор авторского высказывания определяется самим субъектом высказывания — автор моделирует сою аудиторию.

В этом процессе формирование аудитории большую роль играет авторитет издания и личность самого автора, концептуальная ориентация издания в организации диалога с аудиторией, и, наконец, совершенно непредсказуемые интересы аудитории, ее предпочтения к конкретным темам, авторам, жанрам и формам подачи материала.

И тем не менее можно говорить о специальных нарративных стратегиях, которые определяют характер диалога субъекта высказывания с аудиторией.

Рассмотрим специфику этих стратегий.

Повествовательная стратегия как универсальное явление вбирает в себя литературоведческие и современные культурологические, социологические тенденции, расширяет технологии создания художественных образов, характеризуется наличием определенных средств, приемов, способов анализа публицистического произведения. Эта стратегия раскрывается в тональности заглавия, особенностях стилизации и детализации публицистического высказывания.

В основе повествовательной стратегии лежат следующие принципы:

- речевая характеристика высказывания;
- звуковая картина повествования;
- архитектура повествования;
- композиция повествования (воздействие повествовательных и описательных компонентов);
- детализация.

Базовый принцип повествовательной стратегии — высказанное слово должно быть понятно аудитории, точка зрения автора должна быть изложена внятно, структура высказывания должна быть очевидной и тщательно продуманной.

Самое главное в повествовательной стратегии — прочный контакт автора с аудиторией в процессе их взаимоотношений: активность авторского высказывания порождает ответный интерес аудитории.

...Короткая заметка в еженедельнике «Собеседника» (№ 15, 18—24 апреля 2018 г.) «Смерть на детской площадке»: В Козельске (Калужская область) 8-летняя девочка получила смертельный удар током, играя на площадке.

Второклассница каталась на роликах на детской площадке, которая окружена невысоким металлическим штакетником. Казалось, что может быть безопаснее.

Но вот девочка споткнулась и, пытаясь удержаться на ногах, схватилась за один из столбиков заборчика (на некоторых из них установлены красивые фонарики, другие еще ждут своего украшения). Красота оказалась смертельной. Удар тока не оставил девочке шансов <...>

Кто принял площадку, по которой пропущен не положенный в таком случае ток в 12 Вт, а вполне себе мощный, в 220 Вт? Кто вообще отвечает за этот забор? Жителям не удалось найти ответа на эти вопросы.

Повествование выдержано в сугубо информационном тоне. Никаких сложных лексических приемов. Только сообщение о гибели ребенка и очевидный вопрос — «Кто виноват?». Со времен Герцена в России ищут ответ на этот вопрос. А ответа все нет и нет.

Еще один немаловажный принцип — детализация, которая обусловлена организацией диалога с аудиторией. Образная форма публицистического произведения заключает в себе три стороны: систему деталей предметной изобразительности, систему композиционных приемов и словесный (речевой) строй. Обычно к художественной детали относят преимущественно подробности предметные в широком понимании: подробности быта, пейзажа, портрета. Детализация в публицистике не просто интересна, желательна, — она неизбежна; говоря иначе, это не украшение, а суть образа. Ведь воссоздать предмет во всех его особенностях автор не в состоянии, и именно детали замещают в тексте целое. Выбирая ту или иную деталь, автор рассчитывает на воображение, опыт читателя, добавляющего мысленно недостающие элементы.

Следующая стратегия — *интенционная*, то есть неотделимость события (в качестве интенционного объекта) от нарративного сознания (субъективного источника наррации), поскольку «главное действующее лицо события — свидетель и судия» (Бахтин), в сознании которого актуализируется смыслообразность происшедшего.

Коммуникативная стратегия (договор с аудиторией, код). Существует большое количество трактовок понятия «коммуникативная стратегия». Так, Е. В. Ключев говорит о коммуникативной стратегии как о «совокупности запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [11, 192]. Под коммуникативной стратегией мы понимаем путь, посредством которого адресант воздействует на адресата, схему речевых действий, которые приводят говорящего к достижению цели. Все коммуникативные стратегии с функциональной точки зрения можно разделить

на основные и вспомогательные: основная стратегия — та, которая на данном этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей, вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата. Под коммуникативной тактикой в работе понимаются шаги к достижению коммуникативного успеха, конкретные способы реализации авторского замысла и выбранной автором стратегии, т.е. формы высказываний, которые являются способами трансляции оценочного суждения и его обоснования.

Автор формирует четкую систему взаимодействия с целевой аудиторией. Адресация применительно к процессу изучения публицистического произведения представляет собой сложное явление, она включает в себя: героя-адресата, к которому обращены высказывания персонажей (изображенная коммуникация); образ читателя, выступающего в роли слушателя или собеседника автора на страницах произведения; адресата, принадлежащего внутреннему пространству послания. Это читатель, рожденный авторским сознанием, который предлагается реальному читателю в качестве точки зрения, а само послание:

- в роли программы или партитуры (А. Компаньон), «герменевтического кода» (Р. Барт), который следует разгадать и наметить вероятную интерпретативную стратегию;
- реального адресата, принадлежащего внешнему пространству произведения, вступающего в диалог с посланием;
- адресата высказываний в коммуникативных ситуациях.

Анализ изображенной коммуникации является важной составляющей коммуникативной стратегии изучения публицистического произведения, нацеленной на полюс адресата.

Конвенционная стратегия. Публицистическое произведение всегда «упаковано» в определенный жанр. Жанр, как известно, категория детерминированная, т.е. обусловленная теми задачами, которые ставит перед собой публицист.

Выбор жанра зависит от автора, поскольку каждый жанр — оптимальный способ решения конкретной творческой задачи.

Модус высказывания определен в повествовании теми задачами, которые решает автор.

Код заметки «Смерть на детской площадке» не сложен для восприятия. Вряд ли даже начитанный знаток литературы вспомнит при этом известный детектив «Смерть в «Восточном экспрессе».

Главное в заметке — короткое сообщение о гибели ребенка.

Естественный ассоциативный повод — кемеровская история.

Ну, и Достоевский, конечно, вспоминается: «Вся гармония мира не стоит слезинки одного ребенка».

Контекстуальная стратегия заключается в том, что читатели воспринимают публицистическое произведение в рамках широкого социокультурного контекста. Связные произведения существуют не в вакууме, следовательно, обработка такого послания — это не только когнитивное, но и социальное событие. Также в социальном контексте происходит и процесс понимания произведения аудиторией.

Контекстуальная стратегия — вписанность происходящего в событийный ряд происшествий, аналогичных случившемуся.

Контекстуальность — апелляция к памяти аудитории, к ее интеллекту, к поиску закономерности, к постижению сущности человеческого бытия.

Движение от конкретного факта к обобщению — основа любого публицистического высказывания. При этом автор вовсе не обязательно выстраивает некий ассоциативный ряд. Контекстуальная стратегия предполагает и самостоятельное выстраивание ассоциативного ряда аудиторией.

Это обстоятельство порождает *прецедентную стратегию* нарратива.

Прецедентная стратегия — это некая «идеальная» ситуация, когда-либо бывшая в реальной действительности. Может быть реальной и виртуальной. Обращение к прецедентному произведению может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим произведением прецедентные высказывания, прецедентные ситуации или прецедентные имена. Прецедентные произведения обычно не могут быть использованы в речи, поскольку «хранятся» в когнитивной базе представителя того или иного читателя в виде инварианта восприятия.

Прецедент — это не столько напоминание о прошлом, сколько предчувствие будущего, прогнозирование возможного.

Формула прецедентной стратегии в публицистическом высказывании выглядит так:

Было — стало — будет (?)

Знак вопроса в данном случае — это активизация позиции аудитории, которой адресовано авторское послание.

Интерпретационная стратегия публицистического высказывания естественным образом связана с интеллектуальными возможностями аудитории. Задача публицистического высказывания заключается в том, чтобы не просто расширять представление аудитории об окружающем мире, но и последовательно способствовать самостоятельному пониманию того, что в этом мире постоянно происходит.

Ключевые вопросы понимания: «Почему?», «Каким образом?», «Зачем?».

Помощь в постижении закономерностей, наличие нити Ариадны в лабиринте сцеплений бытия —

важнейшее обязательство субъекта высказывания перед аудиторией, которую автор к себе приучил.

Как заметил М. Бахтин, «говорящий... ждет не пассивного понимания, так сказать, только дублирующего его мысль в чужой голове, но ответа, согласия, сочувствия, возражения, исполнения и т.д.» [7, 247].

Движение от воспроизводящего сознания к сознанию воспринимающему и дальнейшее преобразование воспринимающего сознания в обновленное воспроизводящее сознание — вот суть нарративных отношений.

Понимание чужой речи тесно связано со *стратегией иносказания* — специфической формой организации высказывания, в которой господствует демонстративно оформленное комическое или сказовое слово.

Иносказание — всегда игра с аудиторией. Иносказание граничит с подражанием, с разрушением речевого канона, с народным опровержением речевой традиции.

Иносказание расширяет восприятие речевых возможностей слова, побуждая аудиторию к самостоятельной идентификации не только произнесенного слова, но и к большему пониманию того, что собой представляет сам субъект высказывания.

Говоря о нарративе как о существенном ресурсе самоопределения личности, нельзя не отметить наиболее распространенные интонации нарратива — назидательность, доверительность, исповедальность, полемичность (дискуссионность), бесстрастность и рефлексивность произносимого слова.

Все сказанное выше позволяет сделать следующий вывод: публицистическое произведение по своей сути является коммуникативным событием, поскольку оно содержит призыв не просто к передаче определенной информации, но и побуждение к ее осмыслению и появлению нового высказывания, принадлежащего уже адресату.

Иными словами, коммуникация всегда продуктивна, она не только передает информацию, но и побуждает аудиторию к самостоятельному смыслопорождению.

Интересны мысли А. А. Потебни, который высказался парадоксально: «Посредством слова нельзя передать другому свои мысли, а можно только пробудить его собственную. Сущность, сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя» [8, 181].

Когнитивная стратегия раскрывается в том, что автор, создавая произведение, конструирует ментальное представление своего послания. Читателю для понимания этого послания необходимо построить ментальное представление. Авторская репрезентация и репрезентация читателя могут не совпадать.

Конструктивистская стратегия заключается в том, что автор и читатели конструируют в памяти некоторое представление о мире, автор — на основе

визуальных, языковых, а читатели — на основе языковых данных и воображения.

Между тем при описании той или иной авторской стратегии следует выйти за рамки рассмотрения повествования «как совокупности» фрагментов текста публицистического произведения, приписанных автором-творцом повествователю (рассказчику), подвергая анализу их «посреднические» функции, определяя взаимосвязь как фиктивного читателя с миром персонажей, так и автора-творца с реальным читателем послания. Автор публицистического произведения выступает как его представитель; содержание публицистических текстов выражает общепризнанные смыслы и значения.

В проблеме автора-творца открываются все новые и новые грани. Какой авторский смысл несет в себе публицистическое произведение, каковы его пределы и как он соотносится с другими смыслами и значениями?

Для начала следует отметить и определить главное понятие — «авторство». Оно предполагает, прежде всего, принадлежность создателю, генетическую связь творения с субъектом творчества, отсюда и авторский смысл в произведении, исходящий от автора, связанный с творцом, с субъектом творчества, — это его воля, проявившаяся в послании, его воплощение представления о реальности и идеале. Произведение как бытие, как процесс отражает взаимодействие автора и объективной реальности, творца и жизненного материала. Но в публицистическом произведении есть еще одна обязательно учитываемая величина и немаловажная инстанция, влияющая на послание — адресат. С ним автор через посредников договаривается о взаимопонимании или сообщает о невозможности такового. Внутри произведения взаимодействуют три смысла — автора, героя, читателя. И авторский в нем — один из основных. Так, отразившиеся в произведении субъективные намерения автора и его оценка (идея, мнение, тенденция) могут не совпадать со смыслом, который увидит в произведении читатель.

Касаясь проблемы внимания, Абраам Моль в «Социодинамике культуры» пишет: «Известно, что, читая любой текст, мы всегда выделяем в нем несколько опорных точек, закон распространения которых установить, пока не удалось» [9, 125]. Факторы внимания в структуре публицистического послания разнообразны: это, прежде всего, текстовый зачин, предисловия, прологи, вступления, первые абзацы и строфы, и даже первые строки, ритуальные обращения к читателю, предупреждения, предупреждения по ходу сюжета; система слов и словосочетаний — сигналов и призывов к повышенной читательской внимательности (к примеру, такие слова, как «вдруг», «но тут как раз», «внезапно», «однако», «и вот» и пр.).

В основе любого фактора привлечения внимания аудитории к тому или иному посланию лежит диалог,

поскольку публицистическое произведение всегда стремится возбудить активное соучастие аудитории, вызвать сопоставление с собственным жизненным и житейским опытом воспринимающего. При этом зона соучастия способствует созданию длительного заинтересованного отношения к высказыванию, и не только к его основным, но и к побочным мотивам, к его деталям, узнаванию в тексте «своего», «близкого», «трогающего за душу».

Задача адресата любого публицистического послания — заставить адресатов быть неравнодушными к современным жизненным реалиям.

В свою очередь, Г. А. Лескис говорит о присутствии в произведении всякого рода ассоциаций, рассчитанных на повышенную активность адресатов [10, 83]. В связи с этим можно выделить лейтмотивы, или опорные, ключевые слова-понятия, культурно-исторические, бытовые, этнографические, социально-политические и другие реалии. К соучастию побуждают прямые авторские — лирические, философские, публицистические — отступления и вкрапления.

Подведем предварительные итоги.

Публицистическое произведение — продукт целенаправленной творческой деятельности автора. Важнейшая задача публициста, опираясь на собственные представления о реальной действительности, — сформировать, сформулировать и высказать свой взгляд на процессы, протекающие в социальной реальности.

Главное в этом высказывании — наличие точки зрения, высказанной прямо или выглядящей опосредованно.

Авторская точка зрения — ядро высказывания, представляющего собой нарратив, т.е. суждение, оформленное как некое высказывание, в основе которого лежит организация диалога с аудиторией.

Нарратология — область научного поиска, смысл которого — объяснение искусства повествования, опирающегося на анализ самого процесса рассказывания, в основе которого, как заметил М. М. Бахтин, лежит не только само событие, о котором идет речь, но и событие самого рассказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тюпа В. И. Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике / В. И. Тюпа. — Москва: Языки славянской культуры, 2010.
2. Тюпа В. И. Нарративная стратегия романа / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. — 2011. — № 3
3. Prince G. A Dictionary of Narratology / G. Prince. — Lincoln & London: Nebraska University Press, 1987.
4. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. — Киев: Ника-Центр, 1996.
5. Roussin Ph. Genealogies de la narratologie, dualisme des theories du recit / Ph. Roussin // Narratologies contemporaines. — Paris, 2010.

6. Теория литературных жанров / под ред. Н. Д. Тмарченко. — Москва: Академия, 2011.
7. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва, 1979.
8. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. — Москва, 1976.
9. Моль А. Социодинамика культуры / А. Моль. — Мо-

сква: Прогресс 1973.

10. Ким М. Н. Технология создания журналистского произведения / М. Н. Ким. — Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова В. А., 2001.

11. Ключев Е. В. Речевая коммуникация / Е. В. Ключев. — Москва: ПРИОР, 1998.

*Приднестровский государственный университет им.
Т. Г. Шевченко
Иовва Н. И., преподаватель кафедры журналистики
E-mail: iovva.nata@mail.ru*

*Pridnestrovian Shevchenko State University
Iovva N. I., Lecturer of the Journalism Department
E-mail: iovva.nata@mail.ru*

МОЛОДЕЖЬ И ПОЛИТИКА: СОВРЕМЕННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ¹

Т. Л. Каминская

Финансовый университет при Правительстве РФ

Поступила в редакцию 8 мая 2018 г.

Аннотация: в статье исследуются каналы получения политической информации молодежью. Автор статьи приходит к выводу, что для политического просвещения молодежи и вовлечения ее в электоральные циклы следует исходить из современных молодежных коммуникативных практик и способов коммуникации.

Ключевые слова: молодежь, политика, коммуникативные практики, цифровая среда, сторителлинг, паблик, медиадискурс, стример.

Adstract: the article examines the channels for obtaining political information by young people. The author comes to the conclusion that for the political enlightenment of youth and its involvement in electoral cycles, one should proceed from its modern youth communicative practices and methods of communication.

Keywords: youth, politics, communicative practices, digital environment, storytelling, «public» on the Internet, media discourse, «streamer».

Российская молодежь в большинстве своем не интересуется политикой и не участвует в выборах — это утверждение трудно оспорить, поскольку оно подтверждается масштабными исследованиями молодежных предпочтений, потребительских трендов и способов проведения досуга молодежью. Исследования ведутся как коммерческими структурами, так и государственными: те и другие прогнозируют коммерческое и политическое будущее страны. Так, масштабное исследование Сбербанка 2017 года [1] среди основных факторов о молодежи называют виртуализацию ее жизни, ориентацию на гедонизм и отрицание авторитетов. Исследование по заказу Росмолодежи, первое крупное социальное исследование государства, не случайно было проведено сразу после марта 2017: в протестных митингах участвовали студенты и даже школьники. Однако и оно продемонстрировало преобладание позиции «на диване» и отсутствие политической активности у современного студенчества (лишь 3,9% участвовало в политической жизни за последние полгода). Исследование предсказуемо продемонстрировало главенство социальных сетей как источника информации любого рода (в которых предпочтение отдается музыке и развлечениям в сравнении с политикой и экономикой) [2].

В отношении патристических настроений и гражданской активности молодежи на родине инте-

ресны выводы исследования 2018 года компании ResearchMe, говорящие о готовности более трети молодежи покинуть страну [3]. Некоторые аналитики порой ставят совсем пессимистический социальный диагноз молодым людям. Так, публикация А. Матвеевой в журнале «Эксперт» о молодых специалистах озаглавлена «Амбициозные и бессмысленные». Впрочем, в ней же отмечается, что «близкое знакомство с технологиями значительно повышает конкурентоспособность «игреков» относительно взрослых менеджеров и работников и, как следствие, самооценку» [4].

Новостной медиадискурс со всей очевидностью демонстрирует, что даже акции с участием протестной молодежи (которой в мегаполисах в процентном отношении больше, чем в провинции) не набирают больше трех тысяч в Санкт-Петербурге и десяти тысяч — в Москве. Вообще, к объединению и согласованным коллективным действиям современная российская молодежь склонна мало: исследование Сбербанка свидетельствует, что и базовые неформальные сообщества (эмо, готы, скинхеды и подобные) в последнее пятилетие сошли на нет. Исследователи отмечают неэффективность государственной коммуникации с молодежью даже в онлайн-среде именно при обращении к ней по групповым основаниям: «Анализ регионального интернет-пространства показал, что молодежные палаты либо не имеют своих сайтов в Интернете, либо имеют нефункциональные площадки с низкой посещаемостью. Зачастую можно найти социальные группы в сети «ВКонтакте» (наиболее популярная русскоязычная социальная сеть), посвященные

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2018 года.

молодежным палатам, однако доступ к ним ограничен, либо они практически бездушны. Следовательно, можно сделать вывод, что создатели подобных структур либо не могут работать с молодежным сообществом открыто, либо подобные структуры не востребованы молодежью. Так или иначе, молодежные общественно-политические институты на сегодня остаются незамеченными явлениями для широкой аудитории, они не способны найти отклик даже онлайн» [5, 143].

Политика сегодня — это, прежде всего, коммуникация, поэтому при вовлечении молодежи в электоральные циклы и ее гражданском и политическом просвещении следует исходить из основных мотивов, способов и коммуникативных практик данной целевой аудитории. Взаимосвязь и взаимодействие этих компонентов показано автором на схеме, явившейся итогом включенного наблюдения и пилотных опросов студенчества гуманитарных направлений вуза.

По способу коммуникативной вовлеченности молодежи интернет-среду можно рассматривать как зону самовыражения, отдыха, зону получения информации и как способ зарабатывания денег. При этом понятно, что мотивы погружения в цифровую среду пересекаются. Так, видеоблогеры активно монетизируют свои хобби на YouTube и в Instagram, и именно это в студенческой среде является примером жизненного успеха. Очевидно, что популярность видеоблогеров и стремление молодежи следовать за модными трендами необходимо использовать в политической коммуникации, сделав участие в политической жизни модным делом популярных в онлайн-лидеров мнений.

Интересно коллективное исследование томских ученых о коммуникации молодежи в социальных сетях. Но оно касается исключительно трансформации межличностной сферы [6]. О способах и сценариях личной жизни в онлайн писала прежде и автор данной статьи [7]. Однако возможности и сценарии политической коммуникации с молодежной аудиторией в цифровой среде еще недостаточно осмыслены, хотя успешные кейсы существуют.

Вполне успешно коммуницирует с молодежью Алексей Навальный, используя онлайн-каналы, а в них зрелищность, визуализацию всех своих идей, привычные молодежные способы подачи контента: хештеги, простые предложения, графическое выражение эмоций (<https://navalny.com/>). Это вполне согласуется с выводами исследователей Сбербанка, что молодежь не следует *перегружать большими объемами информации — должно быть сразу понятно и «цепляюще»*. Это как раз то, что вызывает опасения в научной среде и в профессиональном журналистском сообществе. Так, В. В. Тулупов отмечает: «Ориентация человека лишь на визуальную коммуникацию отчуждает его от словесности, которая способствует целенаправленному и скорейшему формированию общего информационного, эстетического, культур-

ного кода (что, кстати, и облегчает расшифровку и визуального кода как частного случая) [8, 370].

Однако сегодня не только оппозиция и всевозможные экстремистские организации умело используют современный тренд на снижение ценности слова и текста, многоканальность и визуализация молодежной коммуникации. Заслуживают внимания усилия некоторых политических медиа, преимущественно созданных изначально в онлайн-среде. Так, портал политической аналитики «Политонлайн.ру» постоянно обновляет свои функции, осуществляет редизайн и полноценно интегрирует все свои разделы в социальные сети: любую статью, карточку, видео, фото можно *забрать в блог*, и, как подмечает сам ресурс, здесь это сделано не как у других, *гораздо «юзер френдли»* (<http://yablor.ru/blogs/politonlaynperezagruzka/844294>). Заметно стремление данного портала расширить свою аудиторию как раз за счет молодежного сегмента, что отражается в речевой политике издания. Показателен пример из публикаций о протестных митингах 7 марта: «<...> осталась стоять в сторонке девушка с **вдохновляющим плакатиком «Дам Дурову»**. Интересно, что внутри самой митингующей **тусовки** без тени смущения демонстрируют «рамки цензуры», поделив журналистов, которые пришли освещать это событие, на «плохих» и «хороших» <...>»

Наблюдение за прошедшим мероприятием натолкнуло некоторых пользователей на размышления. К примеру, о том, что «законодателям пора задуматься, почему у такого количества людей, как на Сахарова, нет дачи».

Очевидно, что сайты молодежных организаций (и Росмолодежь не исключение), сайты вузов и коммерческих фирм все меньше используются молодежью как источники информации, и все более востребованными становятся их паблики в социальных сетях, в то же время мессенджеры вытесняют социальные сети как канал для быстрого обмена сообщениями и ссылками. Вообще, вторичный контент (всевозможные перепосты, снабженные мемами, картинками и комментариями) более востребован, при этом утрата автора происходит не только метафорически, по Барту [9], но и вполне реально. Теперь уже не только рекламные, но и информационные тексты не подписываются сегодня или преподносятся в рубрике «от редакции», а также с указанием на коллективный источник информации (например, «как сообщает РБК»). Кстати, все компоненты холдинга РБК активно раскручивают свои паблики в социальных сетях, где имеют в разы большую подписку и число просмотров, чем на основных сайтах.

Интересен опыт некоторых региональных групп и пабликов в социальных сетях с политической тематикой, но их подписчики, как правило, исчисляются несколькими сотнями (<https://vk.com/csstmb68>; https://vk.com/thisis_media).

Помимо пабликов следует обратить внимание на такую коммуникативную практику, в которую вовлечены тысячи молодых людей в России, как *стрим*. *Striam* — (переводится как *поток*) — трансляция компьютерной игры в прямом эфире. Стример является игроком (геймером), который играет в компьютерные игры в прямом эфире, на глазах у подписчиков. Чем больше пассивных зрителей, тем большая возможность монетизации аккаунта стримера. Площадкой трансляций является специализированный сервис YouTube — Twitch.tv, где как раз находятся все любители поиграть на веб-камеру и любители на это посмотреть. Коммерческие структуры в последние два года все активнее используют стим как ресурс для собственных маркетинговых усилий; интересно, что вокруг стримеров подчас образуется целая команда монетизаторов (продюсер, специалист по рекламе), и эта коммуникативная площадка также может быть использована для политической коммуникации с молодежью.

Самовыражение молодежи, ее досуг и способы коммуникации (вплоть до криминальных деструктивных практик) отражают **прямые видеотрансляции** в Интернете (в сетях Facebook, YouTube, Instagram). Видеотрансляции являются для одних способом самопрезентации (покупки в модном бутике), для других — способом поиска идентичности или коммуникативным актом отчаяния. Как разновидность этой коммуникативной практики в последний год активно используется создание **stories** (одна из популярных новых функций в социальных сетях, в частности Instagram), в котором пользователи создают историю своего дня из новых фото и видео, добавляя на них забавные стикеры и текст. Выложенный контент преимущественно видео с комментарием, который наговаривается одновременно со съемкой) автоматически удаляется через сутки. Такую коммуникацию с миром осуществляет молодежь, понимаемая целевой аудиторией своих ровесников. Картинка или ролик рассказывает о моменте жизни, таком, который сам автор не воспринимает как некую долговременную ценность и не стремится к сохранению данного факта (ремонт, покупка, забавная ситуация).

Советуя вовлечь молодежь в активное «практическое» взаимодействие (игры, переписки-коммен-

тации), исследователи Сбербанка иллюстрируют такой тренд современной молодежной коммуникации, как ее **геймификация**, которая происходит как в офлайне (всевозможные квесты, ролевые игры, познавательные культурные практики в виде игр), так и в онлайн (коллективные игры и стрим).

При этом, как представляется автору статьи, ведущей коммуникативной площадкой для политиков все же в ближайшем будущем должен быть Интернет в его новых возможностях

ЛИТЕРАТУРА

1. Исследование Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи. — URL: <https://adindex.ru/news/researches/2017/03/10/158487.phtml> (дата обращения: 08.05.18).
2. Нагорных И. Росмолодежь: Государство замерило настроения молодежи после митингов / И. Нагорных. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3319568> (дата обращения: 08.05.18).
3. Ворошилов Н. Отъезд с переобучением. Молодежь готова к эмиграции ради заработка / Н. Ворошилов. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3568537> 07.03.2018 (дата обращения: 08.05.18).
4. Матвеева А. Амбициозные и бессмысленные / А. Матвеева // Эксперт. — 2014. — № 3 (882). — С. 66—71. — URL: <https://ok.ru/hrcons/topic/62403649617962> (дата обращения: 08.05.18).
5. Шумилов А. В. Молодежная политика и молодежь в политическом процессе: инновация или консерватизм (в преддверии электорального цикла) / А. В. Шумилов // PolitBook. — 2017. — № 4. — С. 138—148.
6. Социальные сети как площадка организации межличностных коммуникаций и перформанса идентичности цифрового поколения. Сборник материалов исследования // Томск, 2016. — С. 7—44.
7. Каминская Т. Л. Медиатизация личности: коммуникативный аспект / Т. Л. Каминская // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. — 2015. — Т. 1. — № 41. — С. 1—4. — URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 08.05.18).
8. Тулупов В. В. Визуализация СМИ: достоинства и недостатки / В. В. Тулупов // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике. Сборник статей II Международной научной конференции. — Казань, 2016. — С. 368—371.
9. Барт Р. Избранные работы / Р. Барт. — Москва, 1989. — С. 384—391.

Финансовый университет при Правительстве РФ
Каминская Т. Л., доктор филологических наук, доцент,
профессор Департамента политологии
E-mail: tlkam1@mail.ru.

Financial University under the Government of the Russian Federation
Kaminskaya T. L., Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Department of Political Science

АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ СМИ НА ПРИМЕРЕ ИЗДАНИЯ 47 NEWS.RU

Л. В. Кудрина

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Поступила в редакцию 20 марта 2018 г.

Аннотация: статья посвящена лексике современного русского языка. На примере регионального интернет-издания 47 News.ru с помощью функционально-стилистического анализа в данной работе исследуется специфика лексических единиц новостных текстов. Особое внимание уделяется периферийным пластам современного русского языка, таким как просторечие, неологизмы, сленг, разговорные слова, заимствования.

Ключевые слова: новостные тексты, лексика, дефиниции, лексемы, лексическое значение.

Abstract: this article considers to the vocabulary of modern russian language. The author explores the specifics of the lexical units in news texts using the functional stylistic and component analysis on the example of the regional online periodical 47 News.ru. Special attention is paid to the peripheral layers of the modern russian language such as vernacular, neologisms, slang, jargon, borrowings. The article is addressed to philologists, journalists, and a wide range of persons.

Keywords: news texts, vocabulary, definitions, lexeme, lexical meaning.

Бурное развитие ресурсов Интернета усиливает конкуренцию среди средств массовой информации. Помимо онлайн-версий традиционных СМИ появляются новые издания, которые публикуются только в Интернете. Сайты, блоги, новостные агрегаторы, не имеющие лицензии СМИ, также активно участвуют в наполнении новостного поля, усложняя и изменяя задачи журналистов. В таких условиях борьба за интерес и внимание читателя не может не сказываться на языке медиатекстов. Наиболее заметны изменения в лексике, так как лексический уровень языка быстрее всего реагирует на перемены в жизни общества.

Данное исследование посвящено изучению лексики регионального издания 47 News.ru, позиционирующего себя как «независимое интернет-издание, направленное на всестороннее освещение политической и общественной жизни в Ленинградской области, экономической и инвестиционной активности в регионе». Целью исследования является изучение текстов новостей на главной странице сайта издания в течение месяца. Методологической основой исследования являются сплошная выборка лексического материала, элементы компонентного анализа, функционально-стилистический анализ, статистическое описание единиц.

Функционально-стилистический анализ новостных текстов с опорой на ограничительные пометы в толковых словарях русского языка позволяет обнаружить проблему разграничения кодифицированной разговорной лексики, относящейся к стандарту, и некодифицированной, относящейся к субстандарту. Изучение затруднено в связи с подвижными границами данных пластов лексики.

Рассмотрим статью 47 News.ru «Мы про Ивана, а Минобороны про болвана». В ней говорится о долгах старой управляющей компании от Минобороны, обслуживающей дома военнослужащих в поселке Каменка Ленинградской области.

Лексический состав заголовка статьи отсылает читателя к прецедентному тексту — известной пословице «Я про Ивана, а он про болвана», которая встречается в словаре Даля [1] и [2, 263] с пометой «народ., неодобрит.». В данном случае используется ее трансформированный вариант с заменой одного слова, т.е. лексической трансформацией. Прецедентные тексты в медиатексте часто претерпевают некоторые трансформации, которые принимают форму языковой игры.

Термин «прецедентный текст» ввел в научный обиход Ю. Н. Караулов. «Назовем прецедентными — тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, 216].

Ситуация, которая описывается в статье, запутанная, для пояснения журналист использует условного офицера Ивана: «Если взять средний долг условного офицера Ивана в 30 тысяч рублей и предложенную рассрочку на 6 месяцев, то в ГУЖФ семья Ивана будет относить по 5 тысяч ежемесячно», «но есть ощущение, что Ивану будет не до объяснений. А смотреть Первый канал ему станет кисло», «возвращаясь из-под пуль в смрадный подъезд из-за залитого фекалиями подвала, Иван может задуматься». Текст новости

иллюстрируется фрагментом сказки А. С. Пушкина «Сказка о попе и о работнике его Балде».

Данное исследование опирается на лингвистическую трактовку феномена «языковой игры» Т. А. Гридиной и В. З. Санникова. По мнению ученых, «это определенный вид речевого поведения говорящих, апеллирующий к чувству эстетического восприятия (эстетической оценки) неканонического употребления языковых единиц» [4, 4] и «эксперимент над языковой нормой» [5, 24].

В тексте статьи присутствует диалогичность и эмоциональность, которая передается не только с помощью разнородной стилистически окрашенной лексики, но и другими функциональными чертами разговорного стиля. Например, широкая распространенность в тексте незнаменательных слов (местоимения, частицы), синтаксические конструкции, такие как парцелляция, и другие характеристики разговорного стиля, не являющиеся предметом изучения данной статьи.

«Но есть ощущения, что Ивану будет не до объяснений. А смотреть Первый канал ему станет *кисло*». Так, наречие «кисло» используется в переносном значении «выражающий недовольство, неудовлетворенность, тоскливо-унылый» [6, т. 2, 51], которое сопровождается в словаре пометой «разг.».

«При его средней зарплате в 40 тысяч, *да* детям, отдавать десять *слишком больно*. Тем более *как бы* своим — структурам Минобороны». Словосочетание «слишком больно» используется здесь в переносном значении для эмоциональности. Речевое «как бы своим» придает высказыванию условность и даже двусмысленность, а частица «да» в качестве соединительного союза «и» добавляет разговорности. «Про эту *кривую инженерию* мы подробно рассказывали несколько дней назад». Словосочетание «кривая инженерия» обозначает «ложные, неправильные расчеты», прилагательное используется здесь в переносном значении и имеет такие пометы в разных словарях, как «разг.», «устар.», «комп.».

Отдельного внимания заслуживает корреляция вербальной и визуальной части (иллюстрации из пушкинской сказки) данной статьи (Приложение № 1).

Приложение № 1

На картинке изображены персонажи Балда и Бес. Общеизвестно, что Балда (Иван) — собирательный образ народа, простой русский мужик. Возможно, Бес в данном случае представитель не просто нечистой силы, но и власти. Интересно, что лексемы «балда» и «болван» совпадают в неосновном значении. Так, словарь Ушакова дает следующие дефиниции: «балда» — «3. Глупый человек, болван (разг. бран.)», болван — «4. Тупица, дурак, неуч, невежа, оболтус (разг. бран.)» [7, т. 1, 82, 167]. Периферийная лексика статьи, а именно обилие разговорных элементов, обращение к прецедентным народным образам усиливают эмоциональную оценку автора статьи, показывают противостояние и непонимание простого народа (военного Ивана) и власти (Минобороны). В целом, использование colloquial лексик в языке прессы связано с ее способностью выражать социально-оценочное значение. «Процесс «экспансии» разговорной речи вплоть до просторечия и нелитературных языковых средств приобрел поистине небывалые масштабы и интенсивность. По существу, изменилась стилевая норма публицистической речи, она сдвигается в сторону разговорности, раскованности и свободы» [8, 668].

Креолизация текста закрепляет основную идею материала, способствует дублированию смыслов: «Смысловое взаимодействие вербального и визуального компонентов креолизованных текстов в СМИ демонстрирует большое разнообразие, однако ведущей тенденцией является дублирование ключевых смыслов сообщения, призванное исключить неверную интерпретацию со стороны адресата» [9, 205]. Обращение журналиста к прецедентному тексту позволяет объяснить непростую ситуацию, обсуждаемую в статье, рядовому читателю, приблизиться к нему и стать своим.

Однако следует разграничивать элементы разговорного стиля в функциональном смысле (в таком случае может использоваться и нейтральная лексика) и стилистически окрашенную лексику, всегда несущую дополнительную коннотацию значений. Например, в статье «Все дороги Мурино ведут к шаверме» выражение трансформировано автором из средневековой поговорки «Все дороги ведут в Рим» [10, 98]. В словарной статье приводятся следующие литературные источники: «Раньше фраза «все дороги ведут в Рим» приписывалась итальянскому писателю Даль-Онгари (1808—1873), в чьем сборнике стихов «Политические ритуартели» она содержится. Широкое распространение это выражение получило благодаря французскому баснописцу Жану Лафонтену (1621—1695) после появления его басни «Третьей судья, брат милосердия и пустынный». Также приведен пример использования данного выражения в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». В словарной статье указана помета «книжн.»

Возможно, поэтому так неожиданно «столкновение» в одном предложении-заголовке книжной части устойчивого выражения с добавленной автором лексемой «к шаверме». Шаверма — это национальное блюдо ближневосточной кухни, в данном контексте автор имеет в виду кафе, в котором продается такое блюдо. «Но что-то подсказывает, что ларьки с шавермой — как сейчас на площади небольшого автовокзала возле метро «Девяткино» — останутся», — описывает он транспортную проблему в Мурино в статье. Смешение «высокого» и «низкого», характерное для разговорного стиля, создает комический эффект и задерживает внимание читателя, который в цифровую эпоху не читает, а «просматривает новости».

В новостной заметке «Женщины в Тихвине зачастили падать из окон» привлекает внимание заголовок и слово «подшофе» на фоне остальной нейтральной лексики. В словаре Ожегова лексема «подшофе» имеет помету «прост.», а глагол «зачастить» «разг.» [2, 219].

Рассмотрим статью «Время раскидывать колеса», в которой журналист пишет о сокращении автопарка сотрудников правительства Ленинградской области из-за кризиса. Слово «раскидывать» — производное от выражения «Время собирать камни, время разбрасывать камни». Рассмотрим словосочетания «разбрасывать камни» — «раскидывать колеса». В словаре обнаруживается следующая дефиниция: «Из Библии. В Ветхом Завете, Книге Екклесиаста, или Проповедника, написанной, по преданию, мудрым царем Соломоном, сказано (гл. 3, ст. 1—8): «...время разбрасывать камни, и время собирать камни...», «книжн. или публ.» [10, 96]. Глагол «раскидывать» употребляется здесь в переносном значении «разрушить, уничтожить, убрать, разъединяя на части и кидая в разных направлениях» [6, т. 3, 643], в некоторых словарях в дефиниции данной лексемы указана помета «разг.». Автор создает комический эффект, смешивая «высокий» библейский стиль прецедентного текста с современной разговорной лексикой. Интересно также, что слово «время» повторяется в тексте статьи: «Так губернатор Дрозденко морально готовит чиновников к тому, что время уже не то», связывая заголовок и текст.

В другой короткой новости с заголовком «Фура завалилась под ёлочку рядом с лошадиной фермой в Михайловской» сообщается, что водитель тяжеловоза не справился с управлением на разбитой деревенской дороге. В данном контексте словосочетание «фура завалилась» с глаголом «завалилась» из разговорного пласта лексики в соединении «под ёлочку» придает тексту комический эффект, нивелирует трагизм ситуации, хотя речь идет о чрезвычайном происшествии. В словаре Ожегова «завалиться» в значении «лечь, улечься» указывается как просторечная лексема [2, 139].

Следующая статья, размещенная на главной странице сайта, называется «Не поп-звезды, а рядовые дизбутлегеры». Синтаксическая конструкция заголовка, как будто вырванная из контекста, предполагает диалог автора с читателем. Цель также достигается возможным противопоставлением, которое формируют частица «не», союз «а» и отсутствие сказуемого.

Лексема «бутлегер» в словаре содержит следующее определение: «[англ. Bootlegger — boot сапог + leg нога] — человек, занимающийся запрещенным ввозом, продажей и транспортировкой спиртных напитков» [11, 115]. Однако в статье сообщается о судебном приговоре для похитителей дизельного топлива, автор называет их «топливные бутлегеры» и «дизбутлегеры». В современных англо-русских словарях обнаруживается второе значение «торговец запрещёнными товарами» с пометой «разг.» [12, 71]. Таким образом, изначально в английском (американском) языке данное слово обозначало незаконную торговлю спиртными напитками, позже появляется второе его значение. Оба значения пришли в русский язык, став заимствованными из разных пластов лексики языка. В конкретном случае журналист использует «дизбутлегеры». Данная лексическая единица не зафиксирована ни в словарях, ни в текстах других СМИ, поэтому ее можно считать авторской творческой единицей — окказионализмом.

В заголовке «Дрозденко пообещал сотрудникам Суворовского, 67 перезагрузку тайминга и уберизацию» обращают на себя внимание два последних слова. Английское слово «тайминг» образовано от time, оно зафиксировано в английских словарях: «The choosing of exactly the right moment to do something so as to get the best effect» [13, 1389]. Однако в академических словарях русского языка данная лексическая единица отсутствует. Слово «тайминг» встречается в специальных словарях, например в экономических, финансовых, словаре бизнес-терминов в следующей дефиниции: «бирж. Наиболее благоприятный момент для покупки или продажи акций» [14, 522]. Очевидно, что расширение лексического значения произошло в слове «тайминг» в родном языке, перешагнув границы профессионального жаргона, оно вошло в общеупотребительный пласт английского языка. В русский язык данная лексема пришла путем заимствования (калькирования), но ее широкое значение «выбор времени, расчет определенного времени» пока не зафиксировано в словарях. Возможно, данная единица является неологизмом.

Слово «уберизация» является производным от номинативной единицы uber, появившееся с помощью актуального заимствования. Очевидно, что, обозначая сначала бизнес-модель такси, то есть являясь термином, «уберизация» стала обозначать более широкое явление экономики. В современных словарях русского языка слово еще не зафиксировано, в сло-

варе английского языка Collins Dictionary представлена следующая дефиниция: «To subject (an industry) to a business model in which services are offered on demand through direct contact between a customer and a supplier, usually via mobile technology» [15]. Таким образом, лексема «уберизация» пришла из английского языка в русский язык вместе с новой технологией как классический неологизм. Позже, расширив лексическое поле, заимствованное слово стало активно приживаться в русском языке, обозначая сокращение издержек в бизнес-процессах. Именно об этом говорится в вышеуказанной статье журналистом. В данный момент неологизм «уберизация» используется авторами деловых изданий: «Уберизация экономики» («Свой бизнес» от 20.10.2015), «Глобализация через уберизацию» (РБК+, Выпуск № 4, 27.04.2017), ««Уберизация экономики»: технологии опережают государство» (Professional.ru, 25.06.2016) и др.

Как показывают результаты данного исследования, основная часть периферийной лексики новостных текстов издания 47 News зафиксирована в словарях. Обращение к лексическому составу восьми новостных статей обнаруживает три некодифицированные единицы: два неологизма (заимствования) «тайминг», «уберизация» и окказионализм «дизбутлегер». Выявлены также два просторечных слова «подшофе» и «завалилась».

Большую часть используемого субстандарта занимают единицы коллоквиального пласта языка. Обилие в текстах устно-разговорной лексики способствует выражению эмоциональности, экспрессивности, оценки и созданию эффекта комического. Активное обращение авторов данного издания к прецедентным текстам и их трансформация является формой языковой игры, которая также направлена на прагматическую задачу — привлечение внимания адресатов. При этом неформальность и эмоциональность языка достигается не только с помощью разговорных экспрессивов, которых в текстах достаточно много, но и посредством нелексических средств разговорного стиля.

Очевидно, что пестрая лексическая картина данного издания не случайна. В конкурентной среде СМИ

она служит отстройкой от других массмедиа, позволяет сократить дистанцию с читателем и стать узнаваемым. Можно предположить, что современный русский язык пойдет еще дальше по пути демократизации и карнавализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — СПб.-М.: Тип. М. О. Вольфа, 1880 — URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3178/10117/> (дата обращения: 20.12.2017).
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — Москва: Мир и образование, Оникс, 2011.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва: Издательство ЛКИ, 2010.
4. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996.
5. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — Москва: Языки русской культуры, 1999.
6. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
7. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. — Москва: Терра, 2007.
8. Дускаева Л. Р. Языково-стилистические изменения в современных СМИ / Л. Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. — Москва: Флинта: Наука, 2003.
9. Ягодкина М. В. Креолизованный текст в интернет-коммуникации / М. В. Ягодкина // Медиаисследования. — Барнаул, 2016.
10. Берков В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. — Москва: АСТ, Астрель, Русские словари, 2005.
11. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т. В. Егорова. — Москва: Аделант, 2014.
12. Мюллер В. К. Англо-русский и русско-английский словарь / В. К. Мюллер. — Москва: Эксмо, 2010.
13. Longman Group UK Limited: Dictionary of English Language and Culture. — Essex, 1992.
14. Райзберг Б. А. Словарь социально-экономический / Б. А. Райзберг. — Москва: ИНФРА-М, Москва, 2012.
15. Collins English Dictionary. — URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 26.12.2017).

Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина

Кудрина Л. В., аспирант кафедры литературы и русского языка

E-mail: gorodkommunar@yandex.ru

Pushkin Leningrad State University
Kudrina L. V., Postgraduate Student of the Literature and Russian Language Department
E-mail: gorodkommunar@yandex.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ БАШКОРТОСТАНА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ СМИ

Ф. Т. Кузбеков

Башкирский государственный университет

Поступила в редакцию 9 марта 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается история исследовательской практики, посвященной журналистике Республики Башкортостан. Автор прослеживает проблему с момента появления первых работ, так или иначе касающихся вопросов местных средств массовой информации, подвергает их анализу, оценивает, обобщает, делает выводы.

Ключевые слова: региональная, местная журналистика, Республика Башкортостан, исследователи журналистики Башкортостана, проблемы функционирования массмедиа, перспективы СМИ, радиовещание, телевидение.

Abstract: the article considers the history of research practice devoted to the journalism in the Republic of Bashkortostan. The author traces the problem from the moment of appearance of the first works related to the question of local mass media. He makes analysis of these works, evaluates them, draws conclusions.

Keywords: local mass media, regional journalism, the Republic of Bashkortostan, researchers of journalism in Bashkortostan, problems of mass media functioning, perspectives of mass media; broadcasting, television.

В исследовательской практике российской журналистики издавна сложилась такая традиция, что основное внимание уделялось изучению истории, теории и практики московских и петербургских (в дооктябрьский период), всесоюзных (в советское время) и общероссийских (с середины 1980-х гг.) периодических изданий. Между тем, оставляя вне поля зрения ученых местную прессу, невозможно создать полную картину российской печати. Еще в начале 1970-х гг. Г. В. Антюхин подчеркнул, что представление о русской журналистике досоветского периода, основанное лишь на изучении центральных изданий, отличается не только заметной неполнотой, но и в определенной мере неточностью ее общей оценки, вызванной отсутствием сведений о роли местной печати [1, 5]. С мнением воронежского ученого перекликалось и утверждение Х. С. Булацева о том, что пришла пора всерьез заняться систематическим изучением и периферийной (провинциальной) прессы [2, 3]. Поэтому в рекомендациях научно-практической конференции «Журналистика в 1996 г.» было записано: «Считать одной из наиболее актуальных проблем исследования системы СМИ России изучение прессы национальных республик РФ» [3, 4]. Но вывод профессора М. М. Ковалевой, утверждавшей в начале нулевых годов, что «история региональной журналистики изучена еще не в полном объеме» [4, 10], по-прежнему остается актуальной.

На первом этапе изучения истории башкирской печати публикации носили преимущественно информационный характер и посвящались главным об-

разом времени после Февральской революции. Еще в начале 1920-х гг. со статьями о газете «Башкортостан хэбэрлэре» выступал Даут Юлтый [5]. В 1929 г. Тухват Янаби выпустил брошюру «Башкирская периодическая печать. 1919—1929 гг.», где опубликовал первые обобщенные сведения о прессе республики в указанный период. Книга ценна тем, что история печати прослеживается самим участником событий.

В 1930-е гг. вышло несколько трудов в виде вспомогательных брошюр для рабселькоров [6].

Полноценные труды по истории башкирской печати появились лишь в конце 1950-х гг. Наиболее плодотворно работал Т. И. Ахунзянов [7]. Его аналитические изыскания завершились в 1961 г. защитой кандидатской диссертации по истории рабселькорского движения в 1950-е гг. Продолжая поиски в данном направлении, он издал еще ряд трудов [8]. Существенным вкладом в разработку истории периодики республики стали его «Очерки по истории печати Советской Башкирии» (Уфа, 1979), где главным образом раскрыта деятельность партийных комитетов по организации сети газет и журналов, руководство ими, работа рабселькоров и целенаправленная помощь прессы в осуществлении партийных планов во всех областях жизни общества. Автор, уделяя большое внимание содержательной стороне партийных изданий, стремился создать мозаичную картину деятельности прессы как помощника партии.

1980-е гг. — качественно новый этап в исследовании истории башкирской журналистики. Ученые приступили к анализу местной периодики в свете актуальных социально-экономических проблем. С. А. Халфин, например, в книге «Коллективный агитатор и органи-

зитор крестьянских масс» рассмотрел районную печать республики 1930-х гг., т.е. обратил внимание на формирование газет для крестьян [9]. Автор показал разнообразные формы и методы партийного руководства прессой как главное условие повышения уровня и действенности печатного слова. Он обращал внимание также на то, как районные газеты участвовали в решении задач коллективизации сельского хозяйства и раскрыл их роль в организации соревнования.

В кандидатских диссертациях М. И. Исмагилова «Печать и вопросы эффективности общественного производства», Ф. Х. Галиева «Пропаганда передового производственного опыта в печати», Ф. Т. Кузбекова «Республиканская печать и вопросы сельского хозяйства» [10] обобщалась роль прессы в содействии повышению эффективности хозяйствования. Исследователи рассмотрели возможности периодических изданий в решении вопросов повышения производительности труда, в распространении прогрессивных методов работы. При этом необходимо обратить внимание на то, что анализ деятельности СМИ, существовавших в рамках партийных установок, проводился учеными с тех же самых партийных позиций.

История региональной прессы частично освещена и на примере становления башкирской публицистики [11]. Выходили также брошюры научно-популярного характера [12]. Опубликовано множество статей, где рассматриваются отдельные проблемы местной печати [13], появились публикации справочного характера [14]. Различные вопросы и проблемы башкирской журналистики (становление конкретных изданий, деятельность выдающихся редакторов и журналистов, органов печати в написании «истории современности») поднимались в трудах местных историков [15], литературоведов [16], культурологов [17], а также в различных сборниках [18].

Таким образом, исследователями журналистики региона был подробно изучен советский период истории печати республики; при этом особое внимание было уделено районной печати, вопросам местного рабселькорского движения, развития публицистики. Однако опубликованные работы в силу известных причин не могли дать целостной картины становления периодики Башкортостана. Более того, имеющиеся исследования страдали фрагментарностью, были лишены полноты охвата рассматриваемого объекта. Не было даже указателя периодических изданий республики. Да и при всем желании невозможно было представить правдивую картину в то время, когда создавалось большинство названных трудов, ибо исследователи не могли писать открыто о кричащих противоречиях между действительностью и произведениями средств массовой информации, ученые не имели доступа ко всем архивным документам.

С отменой же идеологических ограничений с середины 1980-х гг. перед исследователями журналистики были открыты совершенно новые перспек-

тивы. Возникли условия для объективной оценки явлений и процессов действительности. Так, в интересной работе «Печать и цензура» [19] О. К. Валитова прослеживается история развития цензуры не только в России, но и за рубежом. Автор в числе первых рассмотрел деятельность Главлита СССР на примере Республики Башкортостан. Проблема издательского дела в регионе посвящена докторская диссертация В. В. Пугачева «Уфимская книжность. Эволюция газетного, типографского и книжного дела» (Воронеж, 2004). Интересна фактура книг по радиовещанию «Говорит Уфа» (Уфа, 2004), тележурналистике — «Телевидение — жизнь моя» А. А. Валеовой (Уфа, 2008).

К сожалению, вплоть до начала XXI в. не было обобщенных работ по СМИ республики. Ученые изучали в основном большевистские органы печати. Периодические издания других же партийных (кадетских, меньшевистских, эсеровских), монархических, общественных, религиозных организаций, а также частных лиц оставались вне поля зрения исследователей журналистики Башкортостана. Объективная же картина может получиться лишь в случае полного охвата и анализа всех выходивших в рассматриваемый период газет и журналов. Только на этой основе можно представить историю становления тех или иных средств массовой информации. Без четкого представления пройденного пути любого явления невозможно представить и современное состояние, и прогнозировать будущее. «Без истории предмета, — замечал Н. Г. Чернышевский, — нет теории предмета; но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах» [20, 265]. В какой-то степени лакуну заполняет монография автора «Башкирская журналистика как явление этнической культуры» (Уфа, 2006). Новый подход в исследовании проблем прессы оказался плодотворным, ибо проблемы средств массовой информации во взаимосвязи с этнической культурой никем еще не ставились (кстати, наш подход затем развили ученые из Мордовии и Чувашии)¹. Автор развил свои идеи в ряде научно-популярных и публицистических трудов [21].

¹ Думается, будет уместно оговорить наше понимание сущности дефиниции «местная пресса», ведь, как верно подчеркивал А. Ф. Лосев, прогресс науки «всегда заключается в точном фиксировании понятий и в установлении ясности употребляемых терминов» [22, 45]. Данный термин (прежде использовалось словосочетание «провинциальная пресса») охватывает все периодические издания, кроме центральных — от республиканских до газет трудовых коллективов. Термин получил одобрение на международной конференции 1985 г. «Местные газеты и журналы — будущее печати или же пережиток?» [23, 4]. Сегодня термины «местная пресса», «провинциальная пресса», «региональная пресса» рассматриваются нами как синонимы.

В каждом регионе местная пресса имеет свои особенности. Они связаны прежде всего с экономическими проблемами, состоянием природных ресурсов, производственными мощностями, с исторически сложившимися социальной инфраструктурой, образованием и культурой. Местная журналистика находится ближе к своей аудитории, говорит на понятном ей языке, помогает в решении тех проблем, которые волнуют простых людей. Все это позволяет смотреть с большим оптимизмом в будущее региональных медийных систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антюхин Г. В. Очерки истории печати Воронежского края / Г. В. Антюхин. — Воронеж, 1973.
2. Булацев Х. С. Революционное движение в России второй половины XIX — начала XX в. и местная демократическая печать: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Х. С. Булацев. — Ленинград, 1982.
3. Журналистика в 1996 г. Тезисы научно-практической конференции. — Часть 1. — М., 1997.
4. Ковалева М. М. Отечественная журналистика: вопросы теории и истории / М. М. Ковалева. — Екатеринбург, 2000.
5. Юлтый Д. Избранные произведения / Д. Юлтый. — Уфа, 1957. — Т. 1.
6. Бикбулат М. Селькоры на новой ступени / М. Бикбулат. — Уфа, 1932; Быкин Я. О задачах рабочих и сельских корреспондентов / Я. Быкин. — Уфа, 1935.
7. Ахунзянов Т. И. За дальнейшее развитие рабсельковского движения в Башкирии / Т. И. Ахунзянов. — Уфа, 1957; его же: Рабочие и сельские корреспонденты — опора печати. — Уфа, 1959.
8. Ахунзянов Т. И. Печать Советской Башкирии / Т. И. Ахунзянов. — Уфа, 1967. — Кн. 1.; Уфа, 1970, Кн. 2.; его же: Идеино-политическая направленность печати. — Москва, 1976.
9. Халфин С. А. Коллективный агитатор и организатор крестьянских масс / С. А. Халфин. — Уфа, 1981.
10. Исмагилов М. И. Печать и вопросы эффективности общественного производства: дис. ... канд. ист. наук / М. И. Исмагилов. — Москва, 1978; Галиев Ф. Х. Пропаганда передового производственного опыта в печати: дис. ... канд. ист. наук / Ф. Х. Галиев. — Ленинград, 1983; Кузбеков Ф. Т. Республиканская печать и вопросы сельского хозяйства: дис. ... канд. ист. наук / Ф. Т. Кузбеков. — Ленинград, 1983.
11. Амиров Р. К. Летопись современности / Р. К. Амиров. — Уфа, 1985; Хажиев Р. З. Роль публицистики в становлении и развитии башкирской литературы в 1920—1930 гг.: дис. ... канд. филол. наук / Р. З. Хажиев. — Уфа, 1986; Кузбеков Ф. Т. Газетные жанры. Публицистика / Ф. Т. Кузбеков. — Уфа, 1990.
12. Пресса: крупным планом человек. Очерки. — Уфа, 1989; Маликов Ш. М. Партком и газета / Ш. М. Маликов. — Уфа, 1985; Пропагандируем экономические знания. — Уфа, 1979; Урок ведет новатор. — Уфа, 1979; Машкин Ф. И. Райком и газета / Ф. И. Машкин. — Уфа, 1977; Высокое призвание. — Уфа, 1977; Под солнцем Октября. — Уфа, 1977; Строка созидаящая. — Уфа, 1976; Девятая высота. — Уфа, 1976; Соревнуются животноводы. — Уфа, 1975; Соревнование — дело творческое. — Уфа, 1972.
13. Агафонов М. Е. Трибуна уфимских большевиков / М. Е. Агафонов // Вопросы истории печати. — Свердловск, 1994; Исмагилов М. И. К вопросу о модели экономической печати как к типу советской журналистики / М. И. Исмагилов // Социология социально-политических проблем обновления социализма: региональные аспекты. — Уфа, 1990. — С. 40—43; Калмантаев Н. М. Газета «Вақыт» как источник к изучению национального вопроса в Башкирии в начале XX в. / Н. М. Калмантаев // Источник и истинное кождение истории и культуры Башкирии. — Уфа, 1984. — С. 95—99; Кутушев Р. Р. Революционно-демократическая печать в Башкирии в период революции 1905—1907 гг. // Проблемы изучения башкирских литературно-публицистических и фольклорных источников. — Уфа, 1982. — С. 80—83; Кутушев Р. Р. Революционно-демократическая печать в Башкирии в период революции 1905—1907 гг. / Р. Р. Кутушев // Проблемы изучения башкирских литературно-публицистических и фольклорных источников. — Уфа, 1982. — С. 80—83; его же: Газета «Урал» и революционное движение учащейся молодежи в 1900—1907 гг. // Из истории развития культуры в Башкирии. — Уфа, 1978; его же: Буржуазно-либеральная газета «Вақыт» в годы первой русской революции // Тезисы конференции научных сотрудников. — Москва, 1978. — Т. 2. История. — Ч. 4. — С. 106—108; Маликов Ш. М. Газета «Уфимский листок» — родоначальница башкирской большевистской прессы / Ш. М. Маликов // Советская журналистика: история, традиция, опыт. — Москва, 1978. — С. 96—101; Каримуллин А. Дореволюционные башкирские и татарские издания в Башкортостане / А. Каримуллин // Агидель. — 1972. — № 11; Исхаков В. О первых башкирских журналах 20-х гг. / В. Исхаков // Агидель. — 1966. — № 12; Кузыев Р. У. Социал-демократическая печать в Башкирии в период революции 1905—1907 гг. / Р. У. Кузыев // К 50-летию первой русской революции. — Уфа, 1956. — С. 128—147; Раимов Р. М. Первая социал-демократическая газета на татарском языке / Р. М. Раимов // Советская литература. — 1945. — № 5; Фахретдин Р. Наша историческая печать / Р. Фахретдинов // Шура. — 1916. — № 2; его же: Наша национальная печать // Шура. — 1915. — № 19.
14. Мордвинцев Г. В. Периодическая печать Башкирии в 1917—1918 гг. Справочник / Г. В. Мордвинцев. — Уфа, 1997.
15. Юлдашбаев Б. Х. Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции / Б. Х. Юлдашбаев. — Уфа, 1984; Янгузин Р. З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII—XIX вв. / Р. З. Янгузин. — Уфа, 1998.
16. Кунафин Г. С. Просветитель и писатель Мухаметсалим Уметбаев / Г. С. Кунафин. — Уфа, 1991; Нургаллин З. А. Интернационалистическая по духу / З. А. Нургаллин. — Уфа, 1984; Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа XVIII—XIX вв. / А. И. Харисов. — Уфа, 1973; Хусаинов Г. Б. Башкирская литература XI—XVIII вв. / Г. Б. Хусаинов. — Уфа, 1996; Даут Юлтый. Жизнь и творчество. — Уфа, 1993.

17. Валеев Д. Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение / Д. Ж. Валеев. — Уфа, 1994.

18. Башкирия в русской литературе. В 6 т. — Уфа, 1989—1998; История Уфы. — Уфа, 1983; Культурное строительство в Башкирской АССР. 1917—1941 гг. — Уфа, 1986; Очерки по истории Башкирской АССР. — Уфа, 1956—1966. — Т. 1—2.

19. Валитов О. К. Печать и цензура / О. К. Валитов. — Уфа, 1995.

20. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. / Н. Г. Чернышевский. — Москва, 1949. — Т. 2.

21. См. публикации Кузбекова Ф. Т.: Проблемы журналистики. Серия статей // Башкортостан пионеры. — 1986. — 12, 25 нояб., 10 дек.; 1987. — 4, 16 янв., 6 февр., 11,

27 марта, 1, 8, 22, 29 апр.; 1991. — 31 янв., 16 февр., 13 марта, 19 апр., 15 мая; Пока гром не грянет. Обзор российской прессы // Известия Башкортостана. — 1995. — 21 февр.; Зеркало духовной практики. Обзор публицистических выступлений на страницах журнала «Агидель» // Башкортостан. — 1996. — 12, 16, 17, 18 апр.; Размышления о газете // Башкортостан. — 2000. — 2 дек.; Земская периодика в Башкортостане // Ватандаш. — 2001. — № 2; Подготовка журналистов // Агидель. — 2016. — № 1; Национальное в нас... // Башкортостан. — 2017. — 25 авг. и мн. др.

22. Лосев А. Ф. Личность и абсолют / А. Ф. Лосев. — Москва, 1999. — С. 45.

23. Типология местной прессы. — Ростов-на-Дону, 1991.

Башкирский государственный университет

*Кузбеков Ф. Т., доктор филологических наук, профессор
кафедры журналистики*

E-mail: fanilkuzbekov@mail.ru

Bashkir State University

*Kuzbekov F. T., Doctor of Philology, Professor the Department
of Journalism*

E-mail: fanilkuzbekov@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НОВЫХ МЕДИА В ПЕРИОД АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА 2013—2014 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ TWITTER И FACEBOOK)

М. И. Муаммар

Волгоградский государственный университет

Поступила в редакцию 26 декабря 2017 г.

Аннотация: в данной работе рассматривается роль социальных СМИ и новых медиа в палестино-израильском конфликте 2013—2014 гг. Арабские страны широко известны происходящими в них событиями — революциями, конфликтами, войнами. Мало кто интересуется тем, что в этих государствах также распространены новые медиа и социальные СМИ.

Ключевые слова: социальная сеть, новые медиа, традиционные СМИ, палестино-израильский конфликт, информационная война.

Abstract: this paper examines the role of social media and new media in the Palestinian-Israeli conflict 2013—2014. The Arab countries are widely known for the events taking place in them — revolutions, conflicts, wars. Few people are interested in the fact that new media and social media are also spread in these states.

Keywords: social network, new media, traditional media, Palestinian-Israeli conflict, information war.

Чтобы оценить, как люди в арабских странах получают доступ к информации и новостям, доверяют ли они информационным источникам и пользуются ли социальными медиа, ученые из Северо-Западного университета Катара провели масштабный опрос среди жителей восьми арабских стран: Египта, Туниса, Бахрейна, Катара, Ливана, Саудовской Аравии, Иордании и ОАЭ.

Были опрошены 9693 человека старше 18 лет. Участникам задали более 50 вопросов, чтобы оценить различные сферы медиапотребления. Респонденты рассказали о том, как они читают газеты, книги, как они пользуются Интернетом и соцсетями, играют ли в игры. Исследование началось в конце 2012 г. и было завершено в начале 2013 г.

«Наиболее популярным ресурсом в арабских странах оказался Facebook — к нему обращаются 96% людей, использующих соцсети. Twitter используют 52%, Google+ — 46%, а вот LinkedIn оказался непопулярен — лишь у 6% арабских пользователей соцсетей есть аккаунт на этом ресурсе» [1].

Большинство людей в арабских странах недовольны качеством журналистики. Тем не менее они верят, что постепенно ситуация улучшается. Респонденты отметили, что за последние два года качество медиаконтента существенно возросло.

Используя СМИ в качестве действенного инструмента формирования общественного мнения и влияния на идеологическую обстановку в стране, активисты гражданского населения арабских стран поняли, что социальные сети достаточно эффективно выполняют эту задачу.

Дефицит качественной информации — это основная проблема социальных сетей. В социальных сетях процесс распространения информации идет не традиционно сверху вниз, а наоборот — снизу вверх. Главной особенностью социальных медиа является то, что пользователем может стать каждый вне зависимости от пола, возраста, религиозной и этнической принадлежности, а главное — вне зависимости от уровня образования. Однако свободное участие в распространении информации понижает ее качество, степень достоверности и целостности. Например, любой пользователь социальной сети Facebook может поделиться статусом или информацией, которую он прочитал на странице своего друга. Но достоверность его информации остается под вопросом, и ответственности за распространяемую информацию он не несет. В результате непроверенная информация может создать ажиотаж в сети и привести к конфликтам на религиозной, этнической, расовой почве. С другой стороны, в новых медиа не закреплена культура давать ссылки на информацию, статусы, заимствованные у других. В результате источник дезинформации или информации, призывающей к разного рода агрессивным действиям, найти сложнее. Среди сетевых ресурсов все большую роль играют онлайн-социальные сети. Помимо выполнения функций поддержки общения, обмена мнениями и получения информации их членами они в последнее время все чаще становятся объектами и средствами информационного управления и ареной информационного противоборства. Из этого следует, что социальные медиа неизбежно становятся существенным инструментом информа-

ционного влияния, в том числе в целях манипулирования личностью, социальными группами. Одна из основных функций социальных сетей — возможность выразить свое мнение — стала особенно привлекательной для пользователей из стран арабского мира. Для закрытого гражданского общества арабских стран, особенно для его молодого поколения, это показалось большим прорывом в попытке изменить старый уклад жизни.

Международная социальная сеть Facebook, в отличие от Twitter, предлагает множество функций, с помощью которых пользователи могут взаимодействовать между собой. Наиболее популярные — виртуальное подмигивание, фотоальбомы и «стена», на которой знакомые пользователя могут оставлять сообщения. Пользователь может контролировать уровень доступа к информации, опубликованной в его профиле, и определять, кто имеет доступ к той или иной части страницы. «Говоря о роли социальных сетей и их влиянии на молодежь, следует отметить, что Facebook и Twitter кроме того, что обеспечивают, прежде всего, международное давление на правительства пораженных волнениями государств, оказывают влияние именно на молодых людей из среднего класса, которым пользование этими сервисами доступно» [2].

В мире происходит настоящий переворот в СМИ в связи с тем, что традиционные СМИ теряют свое влияние по сравнению с влиянием на общественное мнение соцсетей.

С момента возникновения государства Израиль, власти старались сделать подконтрольными традиционные СМИ в освещении палестино-израильского конфликта. Палестинский вопрос оставался для обычных людей нераскрытым. Приоткрыть завесу удалось благодаря развитию новых технологий и соцсетей.

Широкое распространение социальных медиа и их роль в этом конфликте непосредственно изменило то, как люди понимают войну, что вызвало «короткое замыкание» в традиционном редакционном процессе.

Благодаря широкому распространению новых медиа, в настоящее время, по сравнению с конфликтом 2008 года, увеличилось число журналистов, и теперь замечание, сделанное другу в баре, можно мгновенно опубликовать в Facebook и Twitter. Значительно увеличилось число людей, в том числе журналистов, которые могут мгновенно, по горячим следам, сделать то или иное событие достоянием общественности, массовой аудитории.

Соцсети сыграли большую роль в формировании общественного мнения против израильской «военной машины». СМИ были главным оружием Израиля, и теперь Израиль теряет это оружие. Новости, передаваемые каналами CNN, ABC, были подконтрольными Израилю. Сейчас благодаря социальным сетям влияние Израиля уменьшилось.

«Соцсети — это не только другая логика потребления контента, но это еще и удобство для пользователя, который становится всё более мобильным. Сегодня не только СМИ взаимодействуют с социальными сетями, но и соцсети со СМИ» [3].

Они влияют на:

- контент;
- аудиторию;
- сервисы;
- юзабилити (удобство использования).

Степень юзабилити может быть разной, в зависимости от удобства использования и полезности продукта. Если говорить о сайте, как об определенном интернет-продукте, то он также обладает своим юзабилити в той или иной степени.

В социальной сети Twitter и Facebook содержится информация и фотографии, которые достигают миллионов людей до того, как информация попадет в СМИ. Война, которая происходит на страницах в Twitter, имеет не меньшее значение той, которая происходит в действительности.

С точки зрения западных экспертов, Израиль проигрывает в информационной войне.

Есть очень много примеров событий, за которыми пристально следят соцсети, журналисты и аналитики. И по результатам анализа публикаций в сети Twitter, Израиль проигрывает информационную войну. Для достижения справедливости важен отклик каждого человека. Мир увидел более 400 демонстраций в поддержку палестинского народа и осуждение политики Израиля.

Конфликт 2014 года в секторе Газа может войти в историю как первая война, объявленная в «Твиттере». На официальной странице Армии обороны Израиля было объявлено о начале операции «Облачный столп». В одном из сообщений представителям ХАМАС прямым текстом посоветовали спастись бегством и прятаться. ХАМАС ответил в том же духе. У этих сообщений — тысячи ретвитов. А в «Твиттере» цифры имеют значение.

Благодаря многочисленным посещениям, одобрительным оценкам и повторным публикациям, все больше людей обращают внимание на то, что сейчас происходит в соцсети. И кто же выигрывает эту онлайн-войну?

Статистика говорит сама за себя: «Согласно данным сайта Hashtags.org хештег #нападениенагазу используется в 10 раз чаще, чем #обстрелыизраиля. А #молитесьзагазу — в 20 раз популярнее, чем #молитесьзаизраиль. Хештег #Газа почти в два раза популярнее хештега #Израиль» [4].

По сути, это битва между мощной государственной машиной пропаганды и гражданской журналистикой. Израиль выпускает более качественный продукт — красивый, блестящий, убедительный, как, например, вот эти постеры, размещенные на официальной странице Армии обороны Израиля

в «Фейсбуке». ХАМАС также проводит информационные атаки. Некоторые считают их слабыми, если судить по этим твитам. Но популярность социальных сетей среди молодых палестинских активистов серьезно повлияла на общественное мнение в отношении палестино-израильского конфликта. Молодые жители Газы регулярно посещают больницы, где делают фотографии и снимают на видео весь ужас происходящего, а потом выкладывают материалы в сеть. Эти фотографии демонстрируют неадекватное применение силы Израилем. Наглядность и эмоциональная составляющая твитов палестинцев, возможно, объясняет, почему израильская пропаганда в соцсетях проигрывает гражданской журналистике жителей Газы.

Опрос общественного мнения показал, что отношение к Израилю в других странах как никогда отрицательное. В свете недавних военных конфликтов с сектором Газа и продолжающейся оккупации страна активно ведёт информационную войну.

Израиль знаком с войной не понаслышке. Но на его виртуальных полях сражений разгорается тяжёлая битва за то, чтобы кардинально изменить образ страны в глазах общественности.

У израильских студентов, находящихся в затруднительном финансовом положении, появилась возможность решить свои проблемы. Теперь они могут легко зарабатывать, просто публикуя положительные отзывы в Twitter или нажимая на кнопку «мне нравится» в социальных сетях под определенными материалами. Правительство решило доплачивать молодежи за защиту государственных интересов и борьбу с антисемитизмом в Интернете. Однако, по иронии судьбы, автор программы цифровой дипломатии подвергся жесткой критике за свои комментарии в Сети.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев С. Как пользуются соцсетями в арабском мире / С. Леонтьев. — URL: <http://www.cossa.ru/152/38933/> (дата обращения: 20.12.2017).
2. Чэнь Ди. Социальные сети и их влияние на события в арабских государствах / Ди Чэнь. — URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1431593535_6157.pdf (дата обращения: 20.12.2017).
3. Соцсети и СМИ. — URL: http://vid-1.rian.ru/ig/fmf/Social_media_2011.pdf (дата обращения: 20.12.2017).
4. Израиль и Палестина ведут полномасштабную войну в Интернете. — URL: <http://philipshero.livejournal.com/548432.html?thread=1070672> (дата обращения: 20.12.2017).

*Волгоградский государственный университет
Муаммар Мутасем Исмаил, аспирант кафедры литературы и журналистики
E-mail: motasemmuammar2014@gmail.com*

*Volgograd State University
Muammar Motasem Ismail, Postgraduate Student, Journalism Department
E-mail: motasemmuammar2014@gmail.com*

РОЛЬ ВЬЕТНАМСКИХ ДЕТСКИХ ЖУРНАЛОВ В ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

Нгуен Тхи Май Хыонг

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 апреля 2018 г.

Аннотация: в Демократической Республике Вьетнам ежемесячно выходит из печати около трёх десятков богато иллюстрированных детских журналов, рассчитанных на любой возраст: от дошкольников до выпускников средней школы. Одни знакомят маленьких граждан с миром вокруг них, другие рассказывают о науке, об искусстве, об отношениях между людьми, помогают выбрать профессию. Велика роль журналов в постижении наук, изучаемых в школе, а также в подготовке старшеклассников к будущей взрослой жизни.

Ключевые слова: детские журналы, развитие, просвещение, потребность в знаниях, разнообразие, интерактивность.

Abstract: in the Democratic Republic of Vietnam, around thirty richly illustrated children's magazines are published monthly, designed for any age: from preschoolers to high school graduates. Some magazines introduce young people to the world around them, others tell about science, art, relations between people, help them choose the right career. The role of magazines in comprehension of the sciences studied in school is great, as well as in preparation of high school students for adult life in the future.

Keywords: children's magazines, development, enlightenment, knowledge requirement, diversity, interactivity.

Вьетнамские дети начинают учиться с шести лет, в средней школе 12 классов, то есть период общения ребёнка с адресованной ему прессой достаточно продолжителен, при этом следует учесть, что обращение к детским журналам часто происходит ещё до школы, если в семье есть старшие дети или если родители стремятся ускорить развитие ребёнка, рассматривая с ним журналы для самых маленьких, знакомя с новыми предметами, объектами, помогая узнать на страницах журнала виденных ранее животных, запомнить первые буквы, имена героев мультфильмов, в том числе и иностранных, широко представленных в журналах для дошкольников. Киноматериалы используются в детской прессе постоянно, в частности, уже несколько лет выходит широкоформатный (38 x 26 см) журнал «Мир детства», имеющий две разновидности: для девочек и для мальчиков. Первый называется «Мир принцесс». Он создан на основе идеи Disney Princess. Его героини — принцессы из мультфильмов студии Уолта Диснея, образы которых лежат в основе линии товаров для детей (Белоснежка, Золушка, Аврора и т.п.). Почти все иллюстрации, тексты и игры этого журнала в какой-то мере связаны со сказочными принцессами. Журнал для мальчиков «Мир автомобилей» создан на основе идей Disney Pixar Animation Studios, работающей в жанре компьютерной анимации. Студию основал в 1979 году Джордж Лукас после успеха своих «Звёздных войн». Персонажи, иллюстрации и игры

этого журнала связаны с фильмом «Тачка». Журнал включает игры типа «Гонка по всему миру», комиксы, задания, к примеру «написать на родном языке английские имена и фамилии гонимых», творческие конкурсы (разработать модель спецмашины повара и др.). Журнал содержит также кроссворды, массу изложенной понятным языком интересной информации о солнечных и лунных затмениях, о метеоритном дожде, об очистке мирового океана, о редких животных. Так журнал № 10—11 за январь-февраль 1916 года дал разворот, посвящённый году Обезьяны. Его автор Май Куэн рассказал не только о видах этого животного, его жизни и привычках, но и о месте обезьян в культуре Вьетнама: в религии, искусстве, литературе. В том же номере журнала юным читателям предлагалось письменно подвести итог прошедшего года и наметить план на год предстоящий. Такое же задание было дано и читательницам «Мира принцесс». В этом журнале девочкам даётся много литературных и художественных заданий: по памяти раскрасить одежду героинь мультипликаций, досказать незнакомую сказку, начало которой предложил современный писатель. Взрослые друзья журнала помогают детям ухаживать за комнатными растениями, шить маскарадные костюмы. Известный в стране повар Фам Ань Туэт учит готовить национальные блюда. Авторы журнала знакомят маленьких читательниц с известными женщинами разных стран, например с Валери Джейн Моррис Гудолл — послом мира ООН, командором ордена Британской империи, модельером Коко Шанель, оказавшей боль-

шое влияние на европейскую моду XX века, Опррой Уинфри, ведущей собственное шоу на американском ТВ. Интересно, что к тексту прилагаются не только фотографии этих дам, но и их портреты, нарисованные юными читательницами.

Краткий обзор этих двух журналов показывает, что предполагается работа с ними в семье, с родителями или старшими братьями и сёстрами, во всяком случае, взрослый собеседник при обсуждении текстов и заданий для самостоятельной работы просто необходим. Но оба эти журнала открывают детям дорогу к самостоятельной работе с прессой. Исследователь детской журналистики Вьетнама Нгуен Ван Дунг считает, что «классификация юной аудитории по возрасту, региону, этнической принадлежности, уровню знаний совершенно необходима, чтобы воздействие прессы было уместным и эффективным, а внимание юных читателей — сосредоточенным и заинтересованным» [1].

После поступления в школу маленькие вьетнамцы знакомятся с большим количеством адресованных им журналов. Самые читабельные — «Дети», «Маленький ангел», «Пионер Хошимина», «Пионерский галстук», «Фиолетовые чернила», «Цветы школьников». Опыт работы с «Миром детства» позволяет юным читателям пользоваться этими изданиями без помощи взрослых. Например, все вьетнамские школьники с 1-го или с 3-го класса начинают изучать английский язык. С шестого класса в некоторых школах вводится третий язык (русский, французский, китайский, японский). Какой выбрать? Журнал «Цветы школьников» разъясняет: «Знание английского языка является обязательным условием, чтобы считать себя гражданином мира. Немецкий язык полезен для тех, кто любит науку, а французский — для тех, кто любит искусство» [2, 14—16]. В школах страны проходит масса конкурсов как общеполитического, так и чисто научного, и литературно-художественного плана, журналы посвящают этим событиям фоторепортажи. Так, юные репортёры журнала «Фиолетовые чернила» подробно рассказывали о конкурсе «Красные цветы», включавшем в себя встречи с национальными героями, талантливыми учёными, новаторами производства и своими сверстниками — «экологическими посланниками», озеленяющими школы и городские дворы, юными пожарниками, добровольными помощниками работников домов престарелых. Конкурс длился месяц. Промежуточные результаты проводились каждую неделю. Тот же журнал рассказывал и о других конкурсах, проходящих в нашей стране регулярно, чаще всего — в течение всего учебного года. Юнкоры пишут об этом заметки и репортажи, журналисты, как правило, небольшие очерки. Таков, например, очерк Ча Нгуена о сельском школьнике Буй Нгуен Куанге, победителе конкурса «Дорога к славе», а также очерк Кхань Кунга о девочке из маленького города Начянг, у ко-

торой сгорел дом, и она вынуждена была работать, при этом училась и получала отличные оценки. В результате Нгуен Тхи Тхань Ван не только стала победительницей конкурса «Будущее Вьетнама», но и получила одну из ста государственных стипендий.

Во Вьетнаме регулярно проходят и конкурсы красоты, в том числе и среди школьников. Журнал «Фиолетовые чернила» даёт читателям массу советов, как следует одеться и причесаться, чтобы понравиться жюри. Советы сопровождаются массой фотографий, не уступающих по качеству журналам мод. Стоит отметить, что некоторые журналы пишут и о моде для мальчиков. В журнале «Цветы школьников» ей посвящается по 5—6 страниц. Костюмы, рубашки, куртки скромные, но элегантные, в конце страницы сообщаются адреса фирм, где их можно приобрести. В журналах для старших школьников, например в «Молочном чае для души», моде посвящено большее количество материалов, примерно 16% площади, при этом учитывается время окончания школы, приближение выпускного бала. Советы, как его организовать, тоже даются в журналах для школьников.

Отметим, что публикаций «в помощь школе», как бы дополняющих усвоенное на уроках, во вьетнамских детских журналах намного меньше, чем в подобных российских изданиях. Конечно, публикации на темы истории, географии, биологии встречаются, но большая их часть носит прикладной характер. Если это рассказ об интересном географическом объекте, то вместе с его описанием рассказывается, когда и как туда лучше поехать, если о биологии — как организовать свою жизнь, учитывая режим дня, питание, занятия спортом. Стоит отметить, что во всех журналах для среднего и старшего школьного возраста публикуются материалы о людях, правильно выбравших свой жизненный путь. Таков, например, очерк Хонг Ви и Кам Ньюнг «Маленькая утка» о молодой писательнице Лай Хонг Ви, которая родилась и выросла в столице, но всегда стремилась на родину предков, в провинцию Тхань Хоа. «Она совершила много поездок по вьетнамским деревням. Она хочет понять жизнь крестьян и поделиться их историями. Она написала книгу «Рассказы вьетнамских крестьян», чтобы помочь молодым читателям понять жизнь народа» [3, 9—11]. Подобные материалы помогают школьникам задуматься о своём будущем, понять, что им действительно интересно, чем бы они хотели заняться после школы. Впрочем, будущее можно и приблизить, считает очеркист журнала «Фиолетовые чернила» Фам Фук. Герой его очерка «Счастливый класс», столичный житель Чан Ли Тхань ещё школьником стремился помогать детям из бедных семей, которым приходилось рано начинать работать. Он объединил вокруг себя друзей-студентов и выпускников вузов в общество «Счастливый класс», члены которого спешат на помощь всем, кто

нуждается в получении знаний, и активно участвуют в благотворительности.

Таким образом, вьетнамские детские журналы взаимодействуют с учебными заведениями по всем направлениям просветительного и воспитательного цикла; «они ищут и находят правильные подходы (с фактами, деталями) к тем проблемам, которые жизнь ставит перед детьми, помогают преодолеть препятствия на пути к цели», — считает сотрудник Академии журналистики и коммуникации Вьетнама До Тхи Тху Ханг [4]. В настоящее время вьетнамские журналисты, пишущие для детей, уделяют основное внимание психологии школьников, тщательному

изучению их интересов, профессиональной ориентации и беспрепятственного вхождения в социум.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nguyễn Văn Dũng. Báo chí với trẻ em / Nguyễn Văn Dũng. — Hà Nội: Nhà xuất bản Lao động, 2004. — 296 с.
2. Hy Di. 2017 nên đầu tư vào ngôn ngữ nào? / Di Hy // Tạp chí Hoa học trò. — 2017. — № 1194. — С. 14—16.
3. Cẩm Nhung. Cô “vịt nhỏ” đi tìm “chân ruộng” / Cẩm Nhung, Hồng Vy // Tạp chí Hoa học trò. — 2017. — № 1194. — С. 9—11.
4. Tìm hiểu tâm lý trẻ em — một nhóm công chúng đặc thù của báo chí. — URL: <http://www.cmvn.org.vn/news/default.asp?id=475&menu=39> (дата обращения: 03.04.2018).

Воронежский государственный университет

Нгуен Тхи Май Хыонг, аспирант факультета журналистики

E-mail: maihuong16101989@gmail.com

Voronezh State University

Nguyen Thi Mai Huong, Postgraduate Student of the Journalism Department

E-mail: maihuong16101989@gmail.com

DATA JOURNALISM: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЖУРНАЛИСТОВ-РАССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Д. В. Неренц

Российский государственный гуманитарный университет

Поступила в редакцию 17 февраля 2018 г.

Аннотация: журналистика данных становится все более востребованной в среде журналистов-расследователей. В данной статье анализируются причины появления этой тенденции, а также рассматривается вопрос об использовании баз данных в качестве основного источника информации в расследовательской журналистике.

Ключевые слова: журналистские расследования, журналистика данных, базы данных, инструменты для анализа.

Abstract: data journalism is becoming more and more popular among investigative journalists. This article analyzes the reasons for this trend and it also considers the use of databases as the main source of information in investigative journalism.

Keywords: journalistic investigations, data journalism, databases, tools for analysis.

Новые технологии и возможности Интернета послужили толчком к стремительному видоизменению основных способов работы журналистов в целом и журналистов-расследователей в частности. Теперь, помимо активного вовлечения пользователей в работу над анализом документов и интервью, они все чаще обращаются к компьютерным базам данных, в которых содержится большинство документации и многочисленные отчеты компаний и правительственных секторов. Этот феномен получил название «журналистика данных» (data journalism).

С. И. Симакова в статье «Дата-журналистика как медиатренд» указывает, что «дата-журналистика — это формат грамотного анализа данных, еще один способ критического исследования мира и, по сути, инструмент, помогающий получить и представить общественности важные сведения, которые могли остаться незамеченными в огромных массивах информации о современной реальности. Для журналистов дата-журналистика во многом означает усложнение процесса их работы. При этом конечный журналистский продукт должен быть с легкостью воспринят аудиторией» [1, 484].

М. Г. Шилина в материале «Data Journalism — дата-журналистика, журналистика метаданных — в структуре медиакommunikации: к вопросу формирования теоретических исследовательских подходов» дает схожее определение: «Специфика указанного формата актуальной журналистики состоит в том, что авторы используют цифровые данные не просто как инструмент при создании текста или иллюстративного ряда к нему, но как основной ресурс формирования темы, концепции, ключевое условие выбора

формата/жанра сообщения с точки зрения соотношения вербального и визуального компонента, интерактивности потребления информации» [2].

Американские исследователи и авторы «Настольной книги по журналистике данных» выделяют следующие отличительные особенности этого направления: «...это новые возможности, которые открываются, когда вы совмещаете традиционный «новостной текст» и способность рассказывать интересную историю с широким масштабом и диапазоном цифровой информации, доступной сейчас. И эти возможности могут использоваться на любом этапе журналистского процесса: с помощью программирования для автоматизации процесса сбора и объединения информации из местных органов власти, полиции и других гражданских источников, как это сделал Адриан Холовати с ChicagoCrime, а затем с EveryBlock» [3].

Общеизвестно, что журналисты-расследователи при разработке темы в первую очередь обращаются к открытым источникам информации. Сейчас этими открытыми источниками стали базы данных, с изучения которых начинается работа и перепроверкой которых работа заканчивается. Открытые регистры и реестры — первый инструмент в поиске связей между бизнесменами, чиновниками, политиками и их активами.

«Журналистика данных стала главным источником информации в журналистской среде. База данных — это ключ к расследованию. После составления полного списка вопросов по выбранной теме необходимо обратиться к открытым записям, которые помогут ответить на большинство из них. Благодаря этому ресурсу можно узнать статистику (например, если расследование о наркокартелях, в базе данных можно найти: сколько преступлений в этой

области, сколько смертей от передозировки, сколько дилеров было зафиксировано, сколько поймано, сколько изъято наркотических средств, каких именно и т.д.) Таким образом, благодаря базе данных можно составить детальную картину нынешней обстановки в том или ином городе, штате», — рассказывает Джозеф Бергантино, директор «Нового английского центра расследовательской журналистики» Бостонского университета.

Следовательно, первый шаг в разработке темы — сформулировать все возможные запросы по базам данных (найти все открытые записи); иногда на это приходится тратить деньги, зачастую это требует также много времени, поскольку ответа приходится ждать до нескольких месяцев, а иногда и около года.

Правительства и предприятия во всем мире публикуют в открытом доступе свои отчеты, пытаются стать максимально прозрачными, следовательно, все больше и больше данных становятся открытыми, и задача расследователя — уметь эти данные собирать и использовать в работе. «Международный консорциум журналистов-расследователей» (ICIJ) на своем официальном сайте предлагает расследователям видеуроки по основным функциям Excel, инструкции по работе со справочной службой LexisNexis и по поиску документов федеральных судебных заседаний, корпоративной документации различных компаний.

Журналистика данных становится все более важной для расследовательской журналистики. Прежде всего, работа с данными помогает раскрыть базовую информацию о проблеме или явлении, подтвердить или усомниться в официальных заявлениях чиновников, разобраться с корпоративной отчетностью, позволяет использовать новые способы подачи материала (визуальные элементы, интерактивные карты и т.д.).

Однако при работе с базами данных нельзя забывать, что это не идеальный источник информации (неточности и ошибки встречаются везде), в базах данных нет всей информации, это начальный этап работы, требующий значительных доработок и проверки, и они не могут заменить профессиональных репортерских навыков.

Многие практикующие расследователи и в России, и за рубежом говорят о том, что в будущем будет создана глобальная база данных, которая включит в себя все существующие базы данных в мире. Это, безусловно, будет эффективный инструмент, который позволит без дополнительных поисковых запросов найти необходимую информацию в открытом доступе о любой стране. Но пока эта идея остается только на уровне обсуждения. Между тем многие некоммерческие центры расследовательской журналистики и ведущие мировые СМИ (New York Times, Guardian, Financial Times) размещают на своих страницах в Сети созданные журналистами базы данных, которые может посмотреть любой пользователь.

Например, в ProPublica на официальном сайте организации есть отдельная рубрика, посвященная базам данных. Она называется «Расскажите вашу собственную историю с помощью базы данных от ProPublica» [4]. Существующие у них базы данных поделены на рубрики: Здоровье, Уголовное правосудие, Образование, Политика, Бизнес, Транспорт, Военные силы и Окружающая среда.

Соответственно, например, если мы выбираем раздел «Образование», то видим несколько баз данных, первая из которых платная (база данных о сегрегации в школе). На сайте указано, что платные, или премиум-базы, предназначены для предоставления информации с данными, анализом и практической документацией, которые вы больше нигде не найдете, то есть уникальные. Остальные базы бесплатные (альтернативные школы, данные по школьной десегрегации, данные об ограничении и изоляции). Однако для скачивания базы данных, надо оставить заявку онлайн, но в целом это не вызывает особых затруднений.

Большая база данных есть у «Центра исследования коррупции и организованной преступности» (OCCRP). Атанас Чобанов, редактор болгарской расследовательской сети bivol.bg, в своей статье «Работа с «большими данными»» описывает принципы работы с этой базой данных: «ID располагает также хранилищем ссылок на более чем 750 электронных баз данных в 120 странах, доступ к которому предоставляется по принципу «самообслуживания». Эта коллекция полезных открытых ресурсов для журналистских расследований составляется исследователями OCCRP и охватывает более чем 450 коммерческих реестров, более чем 150 реестров интеллектуальной собственности, судебные базы данных, а также базы по земельным участкам и государственным закупкам. Базы удобно сгруппированы по странам и регионам. Имеется также специальная закладка для офшоров» [5].

Что касается российской практики, то здесь стоит отметить недавно появившееся объединение журналистов-расследователей «Четвертый сектор» в Перми. На их сайте собраны ссылки на все имеющиеся в открытом доступе базы данных. В частности, указаны российские базы: картотеки, базы дел и судебных решений, закупки, карточные базы, реестры организаций, данные о частных лицах, нормативные акты. Есть иностранные и международные базы: Investigative Dashboard — публичные регистры со всего мира, WikiLeaks, Offshore Leaks Database (созданное Международным консорциумом журналистов-расследователей на основе «Панамских архивов»), Enigma — «гугл» среди баз данных, OpenCorporates — самая большая открытая база данных по компаниям со всего мира. Кроме того, указаны и базы недвижимости в Европе, картотеки компаний в Европе, судебные базы, открытые базы США.

Еще одна рубрика на этом сайте посвящена открытым реестрам. Есть общие: «Портал открытых данных России», «Портал административной реформы», «Портал открытых данных Государственной думы РФ», «Единый портал бюджетной системы РФ», «Федеральная информационная адресная система», «Открытая полиция». Присутствуют реестры открытых данных государственных служб РФ, реестры открытых данных министерств РФ, реестры открытых данных федеральных агентств, открытые данные городов и регионов России, международные реестры, открытые данные стран Европы.

Безусловно, вид расследования требует работы с конкретными ресурсами. Например, если говорить о коррупционных расследованиях, то практикующие журналисты едины во мнении, что начинать следует с ЕГРЮЛ, где есть все сведения о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях. Также используется платная база данных «Контур фокус» (focus.kontur.ru), которая содержит истории создания компании, список акционеров, владельцев, ИНН, финансовую информацию, даты регистрации, арбитражные дела, номера телефонов, закупки.

И самая подробная платная база на сегодняшний день на русском языке — «Спарк» (spark-interfax.ru), в которой, помимо общедоступной информации, есть кредитные истории компаний, отчеты об арбитражных делах, финансовая отчетность, поиск аффилированности, указана предварительная оценка факторов риска.

В последнее время в российской практике наблюдается тенденция ухода от работы с закрытой информацией. Все чаще расследователи предпочитают работу с открытыми источниками, например с данными Росреестра. Роман Шлейнов и Елена Виноградова из газеты «Ведомости» провели расследование «На берегах Злодейки» о поселке Акулинино и его обитателях, то есть всех, кто владел там недвижимостью близ дачи В. И. Якунина, бывшего президента ОАО «РЖД». Вся эта информация была взята только в Росреестре, больше не потребовалось никаких источников.

Эрик Толер, исследователь международной исследовательской сети Bellingcat, рассказывает о плюсах работы только по открытым источникам: «...если мы используем в исследовании открытые источники, мы получаем гораздо больше прозрачности между нами и нашим зрителем или слушателем. Если мы опубликовали материал о каком-то чиновнике, и кто-то считает, что наша информация неверна или читатели нам не доверяют, у них есть точно такой же доступ к информации, которую мы использовали, и они могут самостоятельно все проверить. Если кто-то утверждает, что предоставленная нами информация недостоверна, мы можем ответить, что каждый имеет абсолютно равный доступ ко всем материалам, которые мы использовали» [5]. В качестве основных

открытых ресурсов он указывает социальные сети, видео на сайтах типа YouTube и спутниковую фотосъемку. «Иногда мы покупаем фотографии со спутников, но обычно находятся бесплатные варианты, такие как Google Earth или «Яндекс Карты». Есть также множество материалов, опубликованных в СМИ, будь то телевидение, радио, цифровые СМИ — анализу подвергается все, что открыто и доступно для всех» [5], — добавляет он.

Однако работа с базами данных требует от журналиста определенных навыков и способностей. И, прежде всего, это относится к умению пользоваться определенным набором компьютерных программ. Иван Бегтин, директор некоммерческого партнерства «Информационная культура», выделяет следующие необходимые инструменты: «Необходимые навыки работы с рядом аналитических и технических инструментов... включает такие инструменты, как Excel, Google Docs, IBM ManyEyes, Wordle и многие другие. Далеко не все журналисты обладают навыками работы с этими инструментами, и большинство из тех, кто такими навыками обладает, понимает, как необходимо подавать материалы в понятном медиформате» [6].

На данный момент среди расследователей США главными инструментами работы являются Microsoft Excel и Microsoft Access. Таблицы в Excel — идеальный способ сортировки данных, использование математических формул позволяет работать с числовой информацией, вычленять интересные цифры, используя фильтры, а также легко возвращаться к информации, с которой работал, например, неделю назад. Кроме того, специальные функции в этой программе позволяют искать все запрашиваемые строки в любой по объему таблице. Таблицы в Access стоит использовать при работе с большим количеством данных, группировать эти данные по конкретным свойствам, объединять в единую таблицу.

Один из наиболее востребованных сервисов для работы с большим массивом информации — Google Docs, преимущество которого — возможность получения доступа к документу сразу несколькими пользователями без подключения к Интернету. В числе возможностей этого сервиса — создание текстовых документов, таблиц различной степени сложности. Помимо перечисленного, в программе Google Docs есть возможность создания мультимедийных презентаций. Еще один инструмент от Google — Chart Tools, с помощью которого стало возможно создание многоуровневых диаграмм, а также интерактивных карт с возможностью выделения объектов на выбранной местности без особых затруднений.

Для визуализации полученных результатов и создания инфографики современные расследователи чаще всего используют ManyEyes. Этот ресурс позволяет создать привлекательные и яркие схемы, таблицы, диаграммы или графики, оформить их

в соответствии с выбранным журналистом стилем и цветовым решением. Однако у российских журналистов-расследователей пока нет возможности использовать многочисленные инструменты, созданные для англоязычной аудитории. Например, на русском языке из перечисленных выше ресурсов есть только инструменты Google и Microsoft Excel. Другие полезные ресурсы, такие как ManyEyes, Timetric, IBM, Wordle, не имеют русскоязычной версии.

Таким образом, журналистика данных становится все более важной для исследовательской журналистики. Прежде всего, работа с данными помогает раскрыть базовую информацию о проблеме или явлении, подтвердить или усомниться в официальных заявлениях чиновников, разобраться с корпоративной отчетностью, позволяет использовать новые способы подачи материала (визуальные элементы, интерактивные карты и т.д.).

Однако при работе с базами данных нельзя забывать, что это не идеальный источник информации (неточности и ошибки встречаются везде), в базах данных нет всей информации, это начальный этап работы, требующий значительных доработок и проверки, и они не могут заменить профессиональных репортерских навыков.

Российский государственный гуманитарный университет

Неренц Д. В., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики

E-mail: ya.newlevel@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Симакова С. И. Дата-журналистика как медиатренд / С. И. Симакова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — Вып. 2 (2). — С. 481—484.
2. Шилина М. Г. Data Journalism — дата-журналистика, журналистика метаданных — в структуре медиакommunikation: к вопросу формирования теоретических исследовательских подходов // Медиаскоп. — 2013. — Вып. 1. — URL: <http://www.mediascope.ru/node/1263> (дата обращения: 14.01.2018).
3. Gray J. The Data Journalism Handbook / J. Gray, L. Chambers, L. Bounegru. — Available at: http://datajournalismhandbook.org/1.0/en/introduction_0.html (accessed 10.02.2018).
4. Propublica Data Store // Propublica. — Available at: <https://www.propublica.org/datastore/> (accessed 10.02.2018).
5. Журналистские расследования случаев трансграничной коррупции. Методы и примеры / Ред. кол.: А. Калих, А. Кириленко, Г. Гуммель. — URL: http://eu-russia-csf.org/fileadmin/Docs/Trans-Border_Corruption/ManualTransborderCorruption02.02.2018_ru.pdf (дата обращения: 14.02.2018).
6. Бергин И. Памятка по журналистике данных / И. Бергин // Сайт Ивана Бергина. — URL: <http://ivan.begtin.name/2011/05/22/datajournalism/> (дата обращения: 15.02.2018).

Russia State University for the Humanities
Nerents D. V., Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Journalism Department
E-mail: ya.newlevel@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ НЕСОВЕРШЕНСТВА ПРОЦЕДУР РЕГИСТРАЦИИ И ЭКСПЕРТИЗЫ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

М. Е. Новичихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 марта 2018 г.

Аннотация: работа посвящена проблемам регистрации и лингвистической экспертизы товарных знаков, а также поиску путей оптимизации этих процедур. В статье обсуждаются некоторые спорные моменты, возникающие в ходе регистрации и экспертизы. Формулируются вопросы, требующие ответа на уровне законодательства, и намечаются пути совершенствования алгоритмов регистрации и экспертизы товарных знаков.

Ключевые слова: товарный знак, лингвистическая экспертиза, фирменное наименование, сходство до степени смешения.

Abstract: the work is devoted to the problems of trademark registration and trademark linguistic expert examination and the search of ways to improve these procedures. The article discusses some controversial issues arising in the course of registration and linguistic examination. The questions requiring the answer at the level of the legislation are formulated, and ways of improvement of algorithms of registration and examination of trademarks are outlined.

Keywords: trademark, linguistic expert examination, firm name, confusing similarity.

В настоящее время заметно вырос интерес к правовой защите средств индивидуализации. Как результат, существенно увеличилось число заявок на регистрацию товарного знака (в том числе и знака обслуживания). Однако, по оценкам специалистов, часть этих заявок, а именно около 10%, не проходит даже стадию формальной экспертизы, еще 15—20% заявителей получают от Роспатента отказ в государственной регистрации [1].

Приведенная статистика, с нашей точки зрения, в определенной степени обусловлена как несовершенством самой процедуры регистрации товарного знака, так и несовершенством методики проведения лингвистической экспертизы товарного знака.

Под товарным знаком в работе понимается обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей (часть 4 Гражданского кодекса РФ [2]). Одним из видов товарного знака является словесный товарный знак. Словесный товарный знак допустимо трактовать как коммерческое название, прошедшее акт государственной регистрации. Действия по государственной регистрации обозначений осуществляет Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), который является структурным подразделением Роспатента (он же с 2011 г. — Федеральная служба по интеллектуальной собственности).

В соответствии с законодательством не допускается регистрация в качестве товарных знаков обозначений, тождественных или сходных до степени

смешения с товарными знаками других лиц, охраняемыми в Российской Федерации.

Иными словами, важным этапом работы, предшествующим регистрации товарного знака, становится проверка базы уже зарегистрированных в качестве товарных знаков обозначений.

Между тем следует обратить внимание на тот факт, что помимо базы товарных знаков, существует обширная база так называемых фирменных наименований. Проверка же базы фирменных наименований в этот момент не производится.

Согласно части 4 Гражданского кодекса РФ, фирменным наименованием является наименование юридического лица, являющегося коммерческой организацией, под которым это лицо выступает в гражданском обороте и которое определяется в его учредительных документах и включается в единый государственный реестр юридических лиц при государственной регистрации [2]. К примерам фирменного наименования можно отнести: «ООО «Глобус», «ЗАО «Воронеж-ПЛАСТ», «ЗАО «Техника-Сервис», «СНТ «Жемчужина» и т.п.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о сложном и неоднозначном соотношении фирменного наименования и коммерческого названия, а также фирменного наименования и товарного знака. Стоит заметить, что правомочно говорить об определенной структуре фирменного наименования; структурными элементами фирменного наименования являются указание на его организационно-правовую форму (общество с ограниченной ответственностью, закрытое акционерное общество, открытое акционерное общество, общество с дополнительной ответственностью,

некоммерческое товарищество и т.д.) и собственно наименование юридического лица. Второй названный структурный элемент фирменного наименования, по всей видимости, и может быть соотнесен с коммерческим названием (в частности — со словесным товарным знаком): ср.: «ООО «Глобус» (фирменное наименование) — магазин канцтоваров «Глобус» (коммерческое название), «СНТ «Жемчужина» (фирменное наименование) — магазин парфюмерии и косметики «Жемчужина» (коммерческое название) и т.п.

Обязательное наличие в структуре фирменного наименования указания на организационно-правовую форму нередко приводит к тому, что на рынке могут сосуществовать компании с идентичными названиями, но отличающейся организационно-правовой формой, что нередко дезориентирует потенциального потребителя (например, закрытое акционерное общество «Воронежстальмост» (производитель мостовых конструкций) — открытое акционерное общество «Воронежстальмост» (управляющая компания); открытое акционерное общество «Автогенмаш» (производитель газосварочного оборудования) — закрытое акционерное общество «Автогенмаш» (научно-исследовательский институт); закрытое акционерное общество «Спектр» (предприятие по благоустройству территории) — общество с ограниченной ответственностью «Спектр» (поставщик медицинского оборудования) и другие).

Игнорирование базы фирменных наименований в процессе формальной экспертизы и регистрации товарных знаков нередко осложняет жизнь соответствующим товарным знакам и может становиться впоследствии поводом для судебных разбирательств.

Еще одним недостатком законодательства о товарных знаках можно считать отсутствие четких критериев, по которым товарный знак может быть признан ложным или вводящим потребителя в заблуждение относительно товара и его изготовителя (в соответствии с законодательством такой товарный знак не может быть зарегистрирован). Можно ли, например, считать товарный знак «Коркунов» вводящим в такое заблуждение? Судя по тому, что этот знак официально зарегистрирован, он не был отнесен к этой категории. Очевидно, что подобное заблуждение вполне возможно: товарный знак стилизован под дореволюционный, назван также в дореволюционных традициях (использование имени собственного в названии — типичный способ именования коммерческих объектов и товаров на рубеже 19—20 вв.), изображение фамильного герба еще больше усиливает ассоциацию с дореволюционной историей товара. Между тем известно, что товарный знак «Коркунов» был зарегистрирован для кондитерских изделий ЗАО «Торговый дом «АРС», основанного в 1999 году. Иными словами, потребители конфет «Коркунов» потенциально были введены в заблуждение. Тот факт, что подобный вариант заблуждения

был проигнорирован Роспатентом, свидетельствует об уже отмеченном выше отсутствии четких критериев признака «вводящий в заблуждение».

Если обсужденная только что проблема в значительной степени является лингвистической и связана с пониманием фрагмента текста Гражданского кодекса РФ, то следующая проблема упирается в сугубо юридические тонкости.

Так, заметим, что в ситуации отказа в регистрации товарного знака заявитель вправе обжаловать данный отказ сначала в Палате по патентным спорам, а затем в суде.

Однако в нормативно-правовой базе отсутствуют положения, определяющие порядок действий Роспатента в случае судебной отмены его решения об отказе в государственной регистрации.

В качестве примера обычно приводят громкое дело детского магазина на Лубянке, который порядка двух лет пытался зарегистрировать свой товарный знак «Центральный детский магазин на Лубянке» (см., например: [3, 74]).

Поясним ситуацию. ОАО «Лубянка-девелопмент» обратилось в суд по интеллектуальным правам с заявлением об оспаривании решения Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатента) об отказе в регистрации комбинированного товарного знака со словесным обозначением «Центральный детский магазин на Лубянке». Суд своим решением обязал Роспатент повторно рассмотреть возражение открытого акционерного общества «Лубянка-Девелопмент» на решение об отказе в регистрации товарного знака.

Однако предложение повторного рассмотрения вопроса не предполагает требования обязательной регистрации товарного знака.

По мнению специалистов, узакониванием положений об обязательной регистрации товарного знака на основании вступившего в силу законного решения об отмене отказа в его регистрации можно заполнить данный пробел, усложняющий и увеличивающий и без того продолжительную регистрацию товарного знака [3, 75].

Совершенно очевидно, что все это позволило бы избежать повторности административных процедур.

Еще одну проблему в жизни товарного знака создает определенная субъективность в процессе его экспертизы.

Заметим, что в соответствии с «Методическими рекомендациями по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство» при определении сходства/несходства словесных обозначений исследуются звуковое (фонетическое, аудиальное), смысловое (семантическое), ассоциативное и (в необходимых случаях) графическое (визуальное) сходство обозначений [4].

Однако результаты такого исследования нередко бывают противоречивыми и необоснованными, что приводит к их многократному оспариванию. Как

справедливо пишет М. А. Торчинова, «вопрос о нормативном основании установления сходства до степени смешения остается неурегулированным» [5, 15]. Все это вызывает необходимость поиска способов и разработки методик повышения убедительности результатов работы эксперта-лингвиста.

По нашему мнению, существует целый ряд путей придания убедительности экспертизе товарного знака:

- обращение к респондентам — потребителям соответствующих товаров и услуг — многочисленным социологические, социолингвистические, психолингвистические опросы, традиционно позитивно воспринимаемые адресатом (например, судьей);
- использование статистических методов исследования (например, так называемого факторного анализа);
- придание наглядности результатам проведенного исследования, визуализация выводов;
- расчет количественных показателей — коэффициента ассоциативного сходства, коэффициента звукового сходства, коэффициента семантического сходства исследуемых обозначений, что привносит объективность в заключение эксперта.

Еще одна проблема в жизни товарного знака на этапе его экспертизы связана с тем, что ни в одном документе не прописывается, каким образом решать вопрос о сходстве/несходстве товарных знаков, если один из них содержит графические элементы. Например, правомочно ли говорить о сходстве обозначений «Взгляд» и «Взгляд +»? Правомочно ли в процессе экспертизы таких обозначений заменять графический элемент его звуковым аналогом («Взгляд Плюс»)? Опыт проведенной нами экспертизы названных обозначений подсказывает нам положительный ответ на поставленные вопросы, между тем следует признать определенную долю субъективности такого вывода.

Нередко в процессе экспертизы товарных знаков итоговое заключение эксперта упирается в проблему о том, насколько правомочно говорить о сходстве некоторых букв и цифр (или других знаков) (например, буква «О» и цифра 0 (ноль), буква «З» и цифра 3, буква «Э» и цифра 3, латинская буква «I» и восклицательный знак, буква «х» и знак умножения и т.п.).

Нерешенность этой проблемы явилась в свое время поводом для судебного разбирательства в связи с обозначениями «03» (ноль три) и «ОЗ» (О три — формула озона). Как объяснял причину своего обращения в суд генеральный директор «03 Аптека»

Игорь Тюрин-Кузьмин, исследование ВЦИОМ показало, что «60% людей путают наши вывески (формулу озона и телефонный номер «Скорой помощи»)» (см.: [5]). По словам И. Тюрин-Кузьмина, приоритет в использовании товарного знака «03» принадлежит именно его компании (это подтверждают и в Роспатенте). Однако ни один документ Роспатента до сих пор не разъясняет потенциальному эксперту стратегию поведения в процессе экспертизы обозначений с подобными элементами, и в результате разные эксперты отвечают на вопрос о сходстве/несходстве таких обозначений различным образом. Унификация же поведения эксперта в подобных сложных ситуациях, бесспорно, упростила бы процедуру лингвистической экспертизы.

В целом, разработка четких критериев, на основании которых можно сформулировать вывод о сходстве (или несходстве) сопоставляемых обозначений позволила бы решить проблему субъективности выводов эксперта, проводящего экспертизу товарного знака, однако на сегодняшний день они так и остаются неразработанными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конорева С. П. Правовые проблемы обжалования отказа в государственной регистрации товарного знака / С. П. Конорева // Коррупция как правовая проблема: вопросы теории и практики / под ред. А. Н. Афанасьева. — Курск, 2015. — С. 144.
2. Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». — URL: www.gk-rf.ru (дата обращения: 14.03.2018).
3. Конорева С. П. Проблемные аспекты регистрации товарного знака. Как ускорить затянувшийся процесс? / С. П. Конорева // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы / под ред. В. В. Тулупова. — Воронеж, 2015. — С. 74—75.
4. Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство (утв. приказом Роспатента от 31.12.2009 г. № 197 «Об утверждении Методических рекомендаций по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство»). — URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-rospatenta-ot-31122009-n-197-ob/> (дата обращения: 14.03.2018).
5. Торчинова М. А. Актуальные проблемы защиты прав на товарные знаки / М. А. Торчинова // Журнал российского права. — 2013. — № 4. — С. 15—18.
6. Долгошеева Е. Аптеки спорят из-за товарного знака / Е. Долгошеева. — URL: <http://www.advertology.ru/article15700.htm> (дата обращения: 14.03.2018).

О СПЕЦИФИКЕ ЖАНРА «КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ»

В. Ф. Познин

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 30 марта 2018 г.

Аннотация: в статье исследуются особенности такого жанра экранной документалистики, как коллективный портрет. Предлагается выделять в нем два типа структурно-композиционного решения — дискретный и интерконнектный. Тематический же вектор коллективного портрета определяется общей атрибутивностью героев (один род занятий, одно место проживания, один возраст и т.п.). Художественная трактовка темы в значительной мере определяется созданием на экране образа исторического и социального времени.

Ключевые слова: художественно-публицистические жанры, драматургия фильма, коллективный портрет, документальный фильм, социальное время.

Abstract: the article examines the specific features of such genre of screen documentary as a collective portrait. The author offers the typology of the works of this genre, defining 2 types of structuring in the collective portrait — discrete and interconnect. The thematic vector of the work is determined by the overall attribution of the characters, such as their occupation, place of their residence, their age, etc. A significant role in the collective portrait plays the screen image of historical and social time.

Keywords: genre, dramaturgy of film, collective portrait, documentary film, social time.

Как это ни покажется на первый взгляд странным, жанр, который можно определить как «коллективный портрет», в очерковой литературе появился намного раньше индивидуального портретного очерка. Уже в первых путевых заметках можно встретить ярко очерченные образы различных персонажей, совокупность которых создает, по сути, коллективный портрет жителей определенной местности или определенной среды. Можно вспомнить и «физиологические очерки» XIX века, которые плотно населены реальными персонажами, являющимися представителями того или иного социального сегмента. Документальный экран повторил тот же путь, т.е. обратился вначале к созданию коллективного портрета, и лишь гораздо позже начал осваивать жанр индивидуального портретного очерка.

То, что в советском документальном кинематографе 1920—1930-х гг. крайне редко можно обнаружить индивидуальный портрет, по мнению исследователей, явилось следствием активно пропагандируемого в то время коллективизма. Основным героем документальных кинолент того времени была «монолитная нерасчлененная народная масса»: «Плоскость кадра заполнена людьми. Но это главным образом демонстрация или военный строй, митинг или собрание. Конкретный человек растворен в массе, а если и выделяется, то, как правило, поглощенный производственным процессом, являющийся его неразрывной частью <...>. Образ человека на документальном экране в те годы соотносился с общей

концепцией реальности. Человек был “встроен” в событийную динамику, характерную для хроники этого времени» [1].

Всё это так, но парадокс заключается в том, что и на Западе, где о коллективизме вспомнили разве что в период Великой депрессии, героем документальных лент того периода конкретный индивидуум становился крайне редко, за исключением разве что этнографических фильмов Р. Флаэрти. Но и Флаэрти в 1930-е гг. начинает снимать преимущественно документальные истории, героями которых становится группа людей. Что же касается европейских классиков документалистики (Й. Ивенс, Дж. Грирсон, В. Руттман и др.), то их работы, как правило, представляют собой обобщенный портрет той или иной среды, которую населяет множество разнообразных реальных персонажей.

Так что, вероятно, дело тут не только и не столько в идеологических установках (идею ведь можно пропагандировать и персонифицируя ее в образе конкретного человека), но и в специфике *экранной эстетики*. Как отмечал З. Кракауэр, эффект, производимый большой массой людей на экране, был осознан самыми первыми создателями фильмов: «Ведь нельзя же объяснить простым совпадением, что уже в самых первых фильмах Люмьера были сняты и выход рабочих из ворот фабрики, и толпа на перроне вокзала во время прибытия и отправления поезда» [2, 82].

Другая причина доминирования коллективного фильма-портрета в кинематографе немого периода и довоенного звукового кроется в *технических воз-*

возможностях киносъемки: запись речи тогда представляла собой крайне трудоемкий процесс. Можно предположить, каких усилий стоило Дзиге Вертову проведение синхронных съемок (запись звука происходила тогда еще оптическим способом) в «Трех песнях о Ленине» и «Колыбельной». Но Вертов сознательно шел на это, прекрасно понимая, что в документальном кино индивидуализация образа человека невозможна без мыслей и чувств героя, что можно передать лишь в звучащем слове, несущем не только информацию семантического характера, но и содержащем паралингвистические характеристики.

Неудивительно, что в 1960—80-е гг., после усовершенствования и упрощения технологии синхронной записи звука, жанр «фильм-портрет» прочно обосновывается в тематических планах наших студий документальных фильмов и в телевизионных объединениях «Экран», «Лентелефильм» и др. За три десятилетия там были созданы сотни картин о представителях всех слоев населения — передовиках производства, колхозниках, учителях, спортсменах, деятелях науки, культуры, искусства. Сегодня эти кадры — бесценные свидетельства эпохи.

Вместе с тем становится понятно, что большинство индивидуальных фильмов-портретов, которые приходилось снимать в жесткие плановые сроки, по сути своей статичны, поскольку образ героя в них чаще всего существует в *пространственных* координатах: герой занят делом; герой размышляет; герой в домашней обстановке; герой на прогулке и т.д. Исключением становились те фильмы, в которых драматургию определял *временной* фактор. Чаще всего это было *ретроспективное* время, т.е. фильм представлял собой насыщенную событиями историю (нарратив) предшествующей жизни героя. Классикой документального кино такого вида стали фильмы «Катюша» (сценарист С. Смирнов, режиссер В. Лисакович, 1965) «9 дней и вся жизнь» (сценарист Б. Добродеев, режиссер Ю. Занин, 1979) и др.

Более редкий вариант нарративного повествования о жизни человека — история героя, оказавшегося в «пограничной ситуации»: он либо стоит перед выбором, способным изменить его жизнь, либо вовлечен в конфликтную ситуацию. Именно такая история исследовалась в вызвавшем широкий общественный резонанс фильме С. Зеликина «Шиннов и другие» (1967), повествующем о необычном водителе троллейбуса, уволенном руководством за творческий подход к профессии.

Но подобные драматичные (или комичные) ситуации в документальном кино были крайне редки, и талантливые режиссеры, желая избежать статичности и иллюстративности, начинают активно осваивать жанр «коллективный портрет», дающий гораздо больше возможностей и вариантов для драматургического и композиционного решения.

Следует подчеркнуть, что, в отличие от индивидуального портрета, коллективный портрет строится из серии портретных *зарисовок*, т.е. каждый из нескольких героев фильма или телепередачи вносит лишь свою определенную краску в создание обобщенного, *интегрированного* образа того или иного социума.

Такое экранное произведение может представлять собой вариант социологического исследования какой-либо социальной среды, определенной проблемы или явления. Именно так был сделан на Ленинградском телевидении покоривший зрителей своей простотой и искренностью фильм «Все мои сыновья» (реж. А. Стефанович, О. Гвасалия, 1967). За исключением нескольких натурных планов вся лента (тогда снимали на широкую киноплёнку) представляет собой съемку в павильоне. Стоя на нейтральном фоне, молодые люди (в возрасте от 16 до 25 лет) отвечают в камеру на *одни и те же* 5—7 вопросов. Отобранный для фильма материал оказался живым, спонтанным и создавал при этом определенное впечатление об идеалах, ценностях и интересах поколения молодежи того времени.

Попутно заметим, что в наши дни по этой же модели был снят фильм «Нет проблем» (реж. Т. Решетникова, 2012), в котором 42 человека на черном фоне произносят монологи о проблеме, которая их волнует или когда-то волновала. Проблемы эти самого разного характера (коммуникативные, социальные, сексуальные, психологические, бытовые и т.д.), и в итоге фильм, лишенный единого тематического вектора, производит впечатление пестроты и эскизности, поскольку отбор героев производился автором лишь по принципу «интересно — неинтересно».

Портретный фильм может быть своего рода социологическим эссе, в центре которого — размышления ученого или деятеля культуры. В фильме «Кому он нужен, этот Вася?» (реж. С. Образцов, В. Рытченков, 1973) широко известный в то время зрителям режиссер театра кукол народный артист СССР Сергей Образцов размышлял на экране о воспитании в детях доброты и отзывчивости, зачитывал поступившие в редакцию письма. После каждого письма как пример доброго или жестокого отношения к животным шел подтверждавший и развивавший мысль ведущего рассказ-эпизод об очередном конкретном человеке.

Одно из преимуществ жанра «коллективный портрет» состоит в том, что он дает возможность емко передать атмосферу среды, показать взаимодействие персонажей и тем самым вызывать у зрителя определенный эмоциональный отклик. Это хорошо понял режиссер «Лентелефильма» В. Виноградов, снявший ряд блестящих коллективных портретов современников. Многие его телефильмы — это проникновенный рассказ о людях одной профессии или увлеченных одним занятием («Золото», «Вороне где-то Бог...», «Кузьмич и другие», «Я помню чудное

мгновенье», «Я возвращаю Ваш портрет», «Лицедеи», «Мои современники», «Групповой портрет с Кижамии», «Коммуналка», «Французский дом»).

При всем многообразии тем, драматургических и композиционных приемов фильма, героями которых являются несколько персонажей, по своей структуре четко делятся на два основных типа:

1) произведения, в которых герои не знакомы друг с другом, т.е. появление их на экране носит чисто *функциональный* характер;

2) произведения, в которых герои связаны единым местом проживания, давним знакомством, общей коллективной работой, т.е. связь между ними носит естественный и *органичный* характер.

Первый из этих двух типов сюжетно-композиционной организации условно обозначим как **дискретный** коллективный портрет, поскольку показанные в таком фильме или телепрограмме незнакомые между собой люди объединены лишь избранным авторами *тематическим вектором* — у них может быть одна профессия, одно увлечение, один возраст, одно социальное положение, одни горести и т.д. Скажем, в специальном телерепортаже «V.I.P («Золотая молодежь»)» герои — различные представители той части молодежи, которая имеет возможность наслаждаться всеми благами жизни; в спецрепортаже «Детки» (автор А. Лошак, реж. А. Попов, 2008), это, наоборот, группы бездомных детей, живущих в подвалах. В первых выпусках программы «Профессия — репортер» (НТВ) герои чаще всего отбирались именно по этому принципу. Например, в передачах программы «Брачный капкан», «Любовь и ненависть», «Любовь наотмашь», «Сожители поневоле» тема насилия в семье раскрывалась через серию портретов разных людей, попавших в схожие ситуации.

Впервые принцип отбора персонажей по тематическому вектору был использован в упомянутом фильме «Все мои сыновья», где были представлен своего рода обобщенный портрет поколения молодежи 60-х. В известном латвийском фильме «Легко ли быть молодым?» (реж. Ю. Подниекс, 1986) речь также шла о молодежи, но здесь героев объединяло то, что все они находятся в единой атмосфере происходящего в это время социального брожения и жаждают решительных перемен для себя и для страны.

Спустя четверть века, в 2011 г., в России режиссером Д. Ройтбергом был создан фильм с одноименным названием. Но если в латышской ленте ощущалась социальная турбулентность, ожидание чего-то радикально нового, то в российском варианте герои уже не часть общей массы, а всего лишь представители определенных социальных и культурных слоев, и, что характерно, все их истории даны в виде отдельных и никак не связанных между собой новелл-монологов.

Единственное, что объединяет два одноименных фильма, — это фактор *социального и исторического*

времени, который ощущается во всех компонентах драматургической и изобразительной составляющей этих лент.

По аналогичной схеме (дискретное появление на экране различных персонажей) создан известный документальный сериал «Рожденные в СССР» (реж. С. Мирошниченко, 1991—2012). Но в данном случае значительную роль играет не только *фактор времени* исторического, но и времени как физической категории — в такого рода лентах авторы возвращаются к героям спустя какой-то временной промежуток, чтобы показать, что в их судьбе изменилось за истекший период.

Инициатором создания в России фильма о взрослении людей определенного поколения был Майкл Эптед (Michael Apted), осуществивший до этого проект 7 Up (Up Series) в Англии, Америке, Японии и других странах. В сериале «Рожденные в СССР» (Age 7 in the USSR) каждые семь лет снимались люди, родившиеся в 1983 г. в Советском Союзе. Авторы выясняют, как сложилась их жизнь за истекший период, как они ощущают перемены, что происходит вокруг них. Уже сняты четыре фильма, в которых его участникам соответственно 7, 14, 21 и 28 лет. Для того чтобы зритель вспомнил, о чем шла речь в предыдущих сериях, в начале каждого нового фильма показываются фрагменты из прошлых серий этого цикла. Очередной фильм с теми же героями должен выйти в следующем году. Планируется снимать данный сериал до дня, когда героям исполнится по 70 лет.

Фильмы, сделанные по принципу «возвращение к герою», встречаются не так уж часто (еще можно назвать фильм С. Михалкова «Анна» и телесериал И. Шадхана и С. Волошиной «Контрольная для взрослых»). Обычно срок наблюдения за героями гораздо короче. Так, очаровательный фильм «Малыши» (реж. Т. Бальмес, Франция, 2010) показывает нам происходившие в течение полутора лет этапы взросления четырех детей — от рождения до первых самостоятельных сделанных шагов. При всем различии географических, национальных и социальных особенностей среды, в которой появились на свет Мари из японского мегаполиса, Байяр из монгольской степи, Хэтти из американского пригорода и Понихао из африканской пустыни, героев объединяет непосредственность, очарование и любовь к ним их близких.

Фактически по принципу «возвращения к герою» снят и фильм Екатерины Еременко «Мой класс» (Германия, 2008), рассказывающий историю класса физико-математической элитной школы Москвы, в которой учились юные гении со всего Советского Союза. В 1990-е годы после окончания вузов половина класса уехала в США, другая половина осталась в России. Фильм представляет собой коллективный портрет поколения, оказавшегося на перепутье. В картине интересно использован композиционный прием-связка: каждой из историй предшествует проводимый

учителем физический эксперимент, суть которого в чем-то близка личности каждого их героев фильма, в котором пойдет речь в следующем эпизоде. Финал фильма — коллективная встреча в США одноклассников, уехавших за рубеж, и параллельно — встреча спустя 20 лет тех одноклассников, что остались в России. Ощущение времени в картине усилено тем, что режиссер органично включил в ткань повествования кадры любительской кинохроники, снятой ребятами когда-то, во время совместного обучения в школе.

Но чаще всего зритель может видеть героев коллективного портрета в течение небольшого временного отрезка, т.е. фактически в настоящее время. Так, в программе Кирилла Набутова, сделанной в стиле «реальности-наблюдения», съемочная группа проводила целый день рядом с каждым из двух героев, которых связывал либо один и тот же род занятий, либо другие общие интересы или проблемы, и на экране то и дело возникали параллельно либо одновременно два героя, снятые в одно и то же время суток.

Еще один из вариантов структурного построения коллективного портрета — *путевой очерк*. Этот жанр, давно освоенный в литературе и журналистике, в кино принято определять как *road movie*: по мере движения по географическому пространству, авторы (или герои) встречают на своем пути различных людей, и в итоге создается коллективный портрет, в котором находят отражение не только особые черты различных персонажей, но и *социальное и историческое* пространство и время.

В замечательном фильме «Глубинка. 35 X 45» (реж. Е. Соломин, 2009) провинциальный фотограф ездит по отдаленным сибирским селам и снимает сельских жителей на фотографии для паспорта в формате 35 x 45 мм, поскольку в стране начался массовый обмен старых советских паспортов на новые российские паспорта. В объектив его фотоаппарата и в объектив видеокамеры попадает большое количество самых разных людей, за жизнью которых пристально и с любовью наблюдает автор фильма. В результате этой поездки коллективный портрет селян, которые не знакомы или мало знакомы друг с другом, превращается в многомерное повествование о мироощущении людей, живущих в российской глубинке в период больших социальных перемен. Финальный же эпизод, когда милиционеры сжигают в топке сотни паспортов, выданных жителям в не существующем уже СССР, приобретает метафорический характер.

В «Путешествии из Петербурга в Москву: особый путь» (2014), представляющем собой многосерийное *road movie*, тележурналист А. Лошак отправляется по местам, описанным А. Радищевым, и, встречаясь с различными людьми, пытается понять, насколько за последние двести с лишним лет в этих местах изменилась жизнь, как горожане и селяне воспринимают современную жизнь России, и т.п.

Фильм «Труба» (реж. В. Манский, 2013) — более масштабное кинопутешествие от Уренгоя до Кельна вдоль газопровода «Западная Сибирь — Западная Европа». Это рассказ-сопоставление о людях, живущих на территориях, по которым идет газовая труба, — у нас, в России (преимущественно в Сибири), и в Германии. Очевидно, задача, которую ставил перед собой режиссер, — наглядно и почти плакатно показать и доказать, что мы построили трубу, по которой газ уходит в разные страны Запада, благодаря чему там живут хорошо и комфортно, в то время как жители России, по чьим землям проложена эта труба, забыты властью и прозябают в нечеловеческих условиях. Один из характерных эпизодов — смонтированные параллельно кадры похорон в Сибири, где приходится топорами вырубать для могилы промерзшую землю, с кадрами европейских похорон, проходящих в тепле, чинно и благолепно.

Вариантом *road movie* можно считать обратную ситуацию — когда один из героев фильма остается на месте, а к нему приходят или приезжают различные люди. На профессиональном сленге такой вариант называется «*шашлычным сюжетом*», поскольку истории различных персонажей как бы накладываются на «шампур» одного места действия и одного центрального героя. В фильме «Волосы» (реж. А. Драницына, 2012) различные люди приходят в одну и ту же парикмахерскую и рассказывают обаятельной хозяйке этого салона свои истории. В картине «Гражданское состояние» (реж. А. Рудницкая, 2005) показаны работники одного из петербургских загсов, куда приходят самые разные люди по самым разным делам, представляющим собой какой-то этап их жизни. Стоит только пожалеть, что автор в этой теме не вышел на уровень художественно-философских обобщений: ведь здесь мог быть представлен обобщенный образ человеческой жизни: рождение человека, свадьба и регистрация брака, вновь рождение ребенка, развод, смерть.

Второй тип структурного построения фильма можно условно определить как **интерконнективный**, или ансамблевый, коллективный портрет. В таком фильме или телепрограмме представляемые зрителю персонажи в той или иной степени знакомы друг с другом и, в отличие от дискретного коллективного портрета, связаны между собой не только общим занятием или общими проблемами, но и общим местом проживания или работы.

Классикой этого вида коллективного портрета стал телефильм В. Виноградова «Коммуналка» (1994), представляющий собой неторопливый рассказ о некоторых жильцах большой коммунальной квартиры, находящейся в большом петербургском доме, известном в народе как Дворец эмира Бухарского. Автор выбирает наиболее интересных людей, каждый из которых представляет собой самобытную личность с необычной историей жизни и создает

небольшие разбитые на главки пронзительные новеллы о каждом из них, прекрасно используя и речь героев, и изображение, передающее множество оттенков характера, воплощенных через жест, мимику, молчание. Как верно заметила по этому поводу М. Андронникова, «экранный портрет в отличие от портрета литературного <...> оптически конкретен, как портрет в изобразительных искусствах. Но, в отличие от пластического портрета <...> он развивается во времени как литературный портрет» [3, 9].

Данный фильм изысканно и изобретательно выстроен также композиционно. Повествование цементируется задушевым комментарием, который произносит в кадре и за кадром журналист А. Пирожков, являющийся здесь своего рода чичероне и структурообразующим компонентом фильма.

Начинается картина философскими рассуждениями могильщика, затем подхватывается комментарием «ведущего», размышляющего за кадром о живых и ушедших жителях Питера, потом об истории дома, о котором пойдет речь. В фильме как бы между прочим показана подготовка жителей коммуналки к Пасхе, что создает у зрителя ощущение определенного времени. Завершается же фильм пасхальной службой в церкви и любимым приемом В. Виноградова: его герои застывают, как на фотографии, глядя в объектив. Сначала это средние планы, затем мы видим уже почти всех жильцов огромного дома, выстроившихся, тоже как на фотографии, во дворе перед фасадом дома, и звучащее на этих кадрах пение Леонида Утесова усиливает ощущение быстротекущего времени.

Аналогично сделан фильм А. Балугина «Мы были дымом. Fuimus fumus» (1992), снятый режиссером в селе Кочёво Коми-Пермяцкого округа, где он родился и вырос и где продолжают жить его мать, его родные и близкие. Это не просто серия портретных зарисовок, сделанных с любовью и юмором, но и грустные размышления о том, что сегодня происходит с народом коми и какое будущее его ждет.

Следует отметить, что как дискретному, так и ансамблевому (интерконнектному) типу сюжетной конструкции присущ четко выраженный *тематический вектор*, определяющий принцип отбора героев для коллективных портретов.

Для ансамблевого типа это:

1) общее место проживания («Коммуналка», «Глубинка. 3,5 x 4,5», «Счастливые люди: год в тайге» и др.);

2) общее место работы («Золото», «Нефть», «Волонтеры. Игра с огнем», «Грумант — остров коммунизма» и др.).

Для дискретного типа тематический спектр шире:

1) общность интересов (фильмы и спецрепортажи об организации экологического туризма, занятии исторической реконструкцией, о различных субкультурах и т.п.);

2) одинаковое социальное положение («Золотая молодежь», «Ночлежка», «Детки» и др.);

3) одинаковая возрастная категория (фильмы о стариках, детях, молодежи);

4) общность гендерная (фильмы о женщинах, овладевших традиционно «мужскими профессиями», о проблемах ЛГБТ и т.п.);

5) схожесть ситуации (отцы-одиночки; женщины, пострадавшие от семейного насилия, «особые люди» и т.п.).

Кроме чисто дискретных и интерконнектных вариантов коллективного портрета могут быть смешанные, *гибридные*, формы, совмещающие признаки структур первого и второго типа. Это, например, происходит тогда, когда незнакомые до этого люди встречаются по какому-то конкретному поводу либо оказываются соперниками, конкурентами, т.е. оказываются в пограничной ситуации, которая может изменить их предыдущую жизнь. Вторым вариантом можно видеть в работах о различных конкурсах, смотрах, соревнованиях. Яркий пример — телефильм «Вороне где-то Бог...» (реж. В. Виноградов, 1974), представляющий собой трехчастную историю о проведении трех туров вступительных экзаменов на актерский факультет Ленинградского института музыки, театра и кинематографии. Герои фильма до этого не были знакомы друг с другом, их свел на время общий интерес, общее желание. Они одновременно и приятели, и соперники, потому что после каждого тура количество претендентов резко сокращается.

Общее, что объединяет незнакомых летчиков в фильме «Лучшие годы нашей жизни» (реж. Б. Галантер, 1968), — ожидание ими заключения медицинской комиссии, которая должна вынести вердикт, могут ли эти люди, преданные авиации, дальше работать пилотами и штурманами по состоянию здоровья. Перед нами проходят характеры и судьбы гражданских летчиков, тревожно ожидающих решения своей судьбы.

В начале статьи мы высказали гипотезу о том, что жанр «коллективный портрет» во многом способствует преодолению статичности, присущей индивидуальным портретам, в которых отсутствует ярко выраженный временной фактор. Однако сегодня нередко можно видеть фильмы, которые формально можно определить как коллективные портреты, но они лишены как развития во времени, так и развития заявленной темы и по своей стилистике приближаются к немому фильму, в которых проникновение в мысли и чувства героев было ограничено отсутствием речи.

В этом плане наиболее показательна фигура режиссера С. Лозницы. В его ленте «Полустанок» мы видим вначале ночные планы небольшой железнодорожной станции, после чего следуют длинные планы людей, сидящих и лежащих в неудобных позах

в ожидании поезда. Изображение в фильме черно-белое, по тону и контрасту стилизованное под изображение немых фильмов, что еще больше усиливает впечатление однородности массы людей и ощущение *застывшего времени*. И хотя при этом экранная среда насыщена бытовыми подробностями, такого рода натурализм лишь усиливает впечатление, что настоящий, большой мир находится где-то очень далеко от персонажей фильма.

Подобная же трактовка пространства и времени характера для таких фильмов этого режиссера, как «Фабрика», где совершенно не ощущается ни физическое, ни историческое время, и «Портрет», представляющий собой серию длинных и абсолютных статичных, как на фотографии, образов сельских жителей на фоне унылых полей и неухоженных строений. Звук в этих лентах также выполняет задачу усиления ощущения застывшего времени, точнее безвременья.

Выражаясь словами Ю. Лотмана, можно сказать, что в работах С. Лозницы (еще можно упомянуть его фильм «Пейзаж») «речь идет не просто об описании событий, многократно происходивших, а о *принципе* ахронности, о том, что любое, в том числе и однократное, событие в принципе ничего нового не вносит и может еще много раз повториться» [4, 638]. И, возможно, права Л. Малькова, делающая на основании анализа подобного рода картин вывод о том, что «на экране сегодня нет ни образа общества, к которому стремимся, ни образа настоящего, в котором живем сейчас, — нет образа времени, который могли бы назвать документальным, принять как “правду нашей жизни” в широком значении» [5, 89].

При том, что все государственные студии документальных фильмов в стране практически ликвидированы, в различных продюсерских центрах и киношколах сегодня, благодаря технологической революции, упростившей процесс видеосъемки и монтажа, ежегодно производятся сотни (если не тысячи) документальных видеофильмов. Большинство из них представляют собой то, что названо идеологами одной из киношкол «горизонтальной реальностью». Это неторопливая фиксация жизни различных, чаще всего не особо интересных зрителю персонажей.

Другая крайность, которую сегодня можно наблюдать в документальных фильмах с несколькими героями, — это стремление привлечь внимание зрителя запретными ранее темами, стараясь «вытащить» из персонажей фильма всё самое сокровенное и часто далеко не самое лучшее. Герои таких лент не только не стесняются камеры, но даже с удовольствием подыгрывают режиссерам, чувствуя, что авторам нравится то, как их герои выпивают, матерятся или оскорбляют друг друга. Причем, как точно подметил документалист А. Балугев, «наши герои цинично и бессмысленно ругаются на экране только

в том случае, если чувствуют (а часто и знают), что мы, авторы нетленных произведений, очень сильно этого хотим» [6].

Например, в картине «Мамочки» (реж. А. Расторгуев, 2011) героини фильма настолько сжились с камерой, что практически не замечают ее, и автору явно по душе натуралистические подробности, присущие той среде, что показана в фильме. Своего рода «физиологические очерки» снимает и П. Костомаров, считающий, что документалисты «должны вплотную приблизиться к событию или человеку так, чтобы грязь, брызги летели в объектив» [7].

Однако параллельно продолжают сниматься фильмы, создающие коллективный портрет, в котором крайне важны не только пространственные, но и *временные* характеристики.

В «Форсаже» (реж. Н. Гугуева, 2001), в отличие от пропагандируемой модными киношколами «горизонтальной реальности», героини живут, как отметила критик Людмила Донец, в пространстве «вертикальном» — не только в переносном, но и в прямом смысле слова. Это летчики палубной авиации, которым в свое время пришлось сделать нелегкий выбор и которые, пройдя через все испытания, продолжают мужественно служить своему отечеству.

В фильме «Освобождение: инструкция по применению» (реж. А. Кузнецов, Россия — Франция, 2016) зритель напряженно следит за драматической историей Юли и Кати, которых автор снимал на протяжении нескольких лет. Обе героини, являющиеся (и это видно по их поведению и их речи), в общем-то, психически нормальными девушками, попали когда-то в закрытый психоневрологический диспансер и теперь пытаются обрести право на дееспособность. Первый раз суд отказывает Юле в ходатайстве о признании ее дееспособной, и лишь спустя два года происходит, наконец, ее освобождение. Ее же подруга пока что остается в диспансере, и неизвестно, как дальше сложится ее судьба.

Подводя итоги, можно сказать, что такой жанр экранной документалистики, как «коллективный портрет», является *особым жанром* и отличается от индивидуального фильма-портрета (биографического фильма, фильма о современнике, мемориального и юбилейного фильма-портрета) принципом отбора материала, при котором важен тематический вектор — особенно в коллективных портретах *дискретного* типа. В коллективных портретах *интерконнектного* типа определяющим фактором является объединение в фильме/телепрограмме героев по принципу их совместного проживания или совместной деятельности. В отличие от индивидуального фильма-портрета, коллективный портрет, как правило, более динамичен и многомерен, поскольку в основе его драматургии лежит либо развитие одной общей темы, либо взаимодействие нескольких героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прожико Г. С. Концепция реальности в экранном документе / Г. С. Прожико. — URL: http://я-режиссер.рф/wp-content/uploads/2015/11/Projiko-Koncepcija_realnosti.pdf (дата обращения: 20.03.2018).

2. Кракауэр З. Природа фильма. Реабилитация физической реальности / З. Кракауэр. — Москва, 1974.

3. Андроникова М. И. От прототипа к образу / М. И. Андроникова. — Москва: Наука, 1974.

4. Лотман Ю. М. О русской литературе: Ст. и исслед. (1958—1993): История рус. прозы. Теория литературы / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург: Искусство, 1997.

5. Малькова Л. Ю. Социальное и документальное: противоречия экранного отражения жизни России / Л. Ю. Малькова // Социальные аспекты современного вещания в России. — Москва: Факультет журналистики МГУ, 2014. — С. 86—97.

6. Кинопроблемы.doc: Российское документальное кино как реальная драма. Анкета «ИК» // Искусство кино. — 2009. — № 4.

7. Павел Костомаров: «Такая странная мирная жизнь» — URL: <http://www.film.ru/articles/pavel-kostomarov-takaya-strannaya-mirnaya-zhizn>. (дата обращения: 03.03.2018).

Санкт-Петербургский государственный университет
Познин В. Ф., доктор искусствоведения, профессор ка-
федры телерадиожурналистики
E-mail: poznin@mail.ru

St. Petersburg State University
Poznin V. F., Doctor of Art Criticism, Professor of the Television
and Radio Journalism Department
E-mail: poznin@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕХОДА К МАССОВОЙ ГАЗЕТЕ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.

Т. С. Родионова

Российский университет дружбы народов

Поступила в редакцию 10 марта 2018 г.

Аннотация: автор предпринимает попытку определить некоторые типологические истоки массовой газеты в России. Сравнительный анализ ряда московских газет названного периода показал, что потребности аудитории вызвали к жизни новые комбинации содержательных и жанровых газетных характеристик. В частности, газета «Курьер» стала таким ответом на вызовы своего времени. Просуществовав до 1904 года, она во многом создала модель новой массовой прессы — такой, как газета «Русское слово».

Ключевые слова: типология газетной печати, история русской журналистики, газеты «Курьер», «Русское слово», «Московский листок», «Русские ведомости».

Abstract: author makes an attempt to define some typological sources of mass newspaper in Russia. The comparative analysis of a number of Moscow newspapers of the called period has shown that needs of audience caused an emergence of new combinations of content and genre characteristics of the dailies. In particular, the Courier paper became such answer to calls of the time. Having existed till 1904, it has in many respects created a model of new mass press — such as Russkoe slovo.

Keywords: typology of newspaper press, history of Russian journalism, dailies Courier, Russkoe slovo, Moskovsky listok, Russkie vedomosti.

Типология русской дореволюционной газеты продолжает оставаться актуальным предметом изучения для отечественных ученых. При этом исследователи сегодня вновь обращаются к трудам предшественников, которые подтверждают такой феномен, как, мы бы сказали, историческая «текучесть» классификации различных групп прессы [1]. Подобное обстоятельство заставляет еще раз задуматься о диалектической природе типа периодического издания.

К концу XIX века у городской публики неизменным успехом пользовались газеты типа «листок» — малая пресса, отличавшаяся своим особым подходом к тематическому и жанровому наполнению номеров. Однако уже менее чем через десятилетие признание аудитории завоевывают новые массовые газеты, наиболее яркий пример чего дает «Русское слово». Своеобразной переходной моделью между типами газетной печати этого периода стало популярное ежедневное издание демократической ориентации — московская газета «Курьер».

В статье представлены результаты исследования содержательной структуры газет «Курьер» (декабрь 1897 г., январь 1898 г., декабрь 1898 г., май 1900 г., март 1902 г., декабрь 1902 г.), «Русские ведомости» (декабрь 1897 г.), «Московский листок» (декабрь 1897 г.) и «Русское слово» (январь 1904 г.). Объем публикаций определялся исходя из их длины в сантиметрах столбца и переводился в относительные

величины. Данные усреднены из расчета произвольно произведенной выборки (семь номеров каждого издания за месяц)¹.

Сравнительный анализ данных по «Московскому листку» (малая пресса) и «Курьеру» (большая пресса) показывают, что газета «Курьер» в первое время издания (1897 — начало 1898 гг.) имела такую общую с органами малой прессы характеристику, как обширный беллетристический отдел. В декабре 1897 г. удельный вес беллетристики в «Московском листке» составил 11% от объема номера, в «Курьере» — 10%. В январе 1898 г. в «Курьере» этот показатель также равен 11%. При этом заметим, что характер публикуемых в обеих газетах литературных произведений очень сходен: в «Курьере» еще не сформировалась «серьезная» беллетристика с участием членов телешовских «Сред» и других прогрессивных литераторов. Как справедливо заметил исследовавший в свое время литературный отдел «Курьера» В. Н. Чуваков [3], русская литература в газете была представлена в этот период «незначительными именами» (А. Д. Апраксин, Арсений Г², В. Морской), до конца же 1897 года вообще преобладали переводы.

¹ В статье приводятся не публиковавшиеся ранее данные из диссертации автора [2].

² Этим псевдонимом пользовался И. Я. Гурлянд — юрист, журналист, претендовавший в первые годы издания на лидирующую роль в «Курьере»; в 1907 г. возглавил официоз — газету «Россия».

Такие вещи, как, например, роман В. Морского «Мертвый омут», описывавший «сенсационные» подробности из жизни литературной богемы, был весьма типичным показателем уровня беллетристики в малой прессе. В 1898 г. «Курьер» печатал романы и повести И. Н. Потапенко, П. В. Безобразова, Д. Л. Мордовцева. Что касается Потапенко, то можно предположить, что его творчество привлекало редакцию обращением к «женскому вопросу». Героини произведений И. Н. Потапенко — молодые интеллигентные женщины, стремящиеся к полезной деятельности. Отрицание кастовых предрассудков, «барского» превосходства, безумия, порожденного погодой за наживой, — все эти положения логично работали на популярность «Курьера» среди широкой аудитории.

В целом же, говоря о раннем этапе существования газеты, можно было бы согласиться с выводом, что «в 1898 г. беллетристический отдел продолжал занимать в газете еще второстепенное место» [3, 356], но эту характеристику, скорее, следовало бы применить к уровню, литературному качеству материала. Напротив, что касается функций отдела и его удельного веса в номере, то в названный период им отводилось одно из первых мест. Это объяснялось целями редакции: завоевать московского читателя, который в массе своей не отличался пристрастием к серьезному чтению. «Московская публика очень мало интересуется политикой, — писал Е. З. Коновичер³ А. П. Чехову. — У нас, например, очень недурно организован отдел телеграфных известий: весьма часто у нас появляются телеграммы о крупных политических событиях за день раньше, чем в других газетах, — и это проходит совершенно не замеченным: тираж газеты не увеличивается от того ни на один номер. Наоборот, дайте какое-нибудь сенсационное московское известие, — и газета нарасхват» [4].

«Курьер» оказывался в непростой ситуации. С одной стороны, он старался не только не опускаться до вкусов обывательской аудитории, тяготеющей, например, к «Московскому листку», но равняться по стилю на «профессорские» «Русские ведомости». С другой — не мог не отдать дань предпочтению, которое средний читатель оказывал занимательному материалу наряду с местными известиями, сенсациями и прочим. В дальнейшем в «Курьере» становится заметной тенденция к снижению удельного веса беллетристического материала с одновременным повышением его качественного уровня. Этот процесс начался в 1899 г. Так, в мае 1900 г. средний объем беллетристики составил 4%, в марте 1902 г. — 5%, в декабре 1902 г. — 3% от общего содержания номера. Полученные данные свидетельствуют о начавшемся расхождении «Курьера» по этому показателю с изданием малой прессы.

Другая типичная черта малой прессы — развитие отдела местных новостей — более или менее была характерна для всех типов московских газет и потому количественно не служит признаком сходства «Курьера» с малой прессой. Напротив, содержание этого отдела свидетельствует о различиях малой и большой московских газет. Так, «Московский листок» в исследуемый период⁴ строил местную информацию на известиях в основном криминального или сенсационного характера. Большая же пресса формировала отдел городских известий из информационных заметок общего содержания, в том числе и на основе официальной хроники.

Что касается такой популярной у «среднего» читателя темы, как судебные отчеты и репортажи из зала суда, криминальная хроника, то удельный вес ее в «Курьере» был невелик, по сравнению не только с малой прессой (где она, помимо специального судебного отдела, попадала в местную хронику и другие рубрики, например в «Экстренную почту» в «Московском листке»), но и с большой («Русские ведомости»), что отвечало редакционной политике: ориентируясь и удовлетворяя по определенным позициям вкусы среднего читателя, не идти у него на поводу. Относительно небольшой судебный отдел привлекал внимание, скорее, не количеством, а качеством материала, в частности психологической содержательностью судебных зарисовок, которые постоянно публиковал Л. Андреев.

Особо следует остановиться на развитии малого фельетонного жанра в «Курьере» и его особенностях по сравнению с малой прессой.

С самого начала редакция придавала важное значение злободневным заметкам. Они формировали живой стиль газеты. На протяжении всех лет существования «Курьера», с 1897 по 1904 год, маленький фельетон не сходил с его страниц. Удельный вес этих материалов постоянно колебался, и потому вывести среднее значение оказалось сложнее, чем по другим отделам газеты. Объем маленького фельетона в «Курьере» мог составить от 1 до 7% и более от объема среднего номера.

Публикация маленьких фельетонов отличала «Курьер» от таких, например, органов столичной большой прессы, как «Санкт-Петербургские ведомости» или московские «Русские ведомости». По нашим данным, последние не практиковали использование этого жанра. Петербургская же газета помещала такие фельетоны в 1902 г., но редко (по нашим подсчетам, средний объем за одну ноябрьскую неделю в 1902 г. составил всего 0,3% на номер). Наоборот, малая пресса, в том числе московская, активно печатала маленькие фельетоны, и эту ее характерную черту сразу же перенял «Курьер».

³ Присяжный поверенный, один из пайщиков «Курьера».

⁴ К концу 1905 г. в малой прессе в связи с этим начали наблюдаться подвижки.

Историкам печати хорошо известны истоки фельетонного жанра в газете. Не вдаваясь в подробности, заметим лишь, что «маленький фельетон» на примере исследуемых газет изначально более всего соответствовал сложившемуся в конце концов жанру классического фельетона, хотя и в этом случае бывали отступления. В «Курьере», например, в 1900 г. в рубрике «Маленький фельетон» был помещен материал, посвященный посмертной выставке работ Левитана [5]. Ранее, в 1898 г. (№ 350), в той же рубрике была опубликована заметка «Оригинальная скульптурная выставка», представлявшая собой рецензию. Даже в 1904 г. все еще бывало явно устаревшее понятие фельетона. В объявлении о подписке на журнал «Мир Божий» было указано название статьи в этом журнале: «Научный фельетон. Лечение растений» [6].

«Настоящий» фельетон в конце XIX в. постепенно выходит из газетного подвала и занимает место, как правило, на 3-ей полосе, верстаясь, как и прочие материалы, в колонку. Он печатался в рубрике, обычно так и называвшейся — «Маленький фельетон», и превращался в самостоятельный жанр.

Примером уже типичного, «чистого» газетного фельетона в «Курьере» могут служить многие публикации А. Серафимовича в рубрике «Заметки». Один из наиболее ярких материалов был посвящен тому, как на фоне бесстыдного игнорирования проблем городского хозяйства гласные городской думы, по словам публициста, «расщедрились» — «отвалили» товарищу городского головы немалую сумму денег сверх положенной в год [7]. Популярность «настоящего» фельетона у публики не вызывала сомнений, и газеты, рассчитанные на массовую аудиторию, в первую очередь «Русское слово», вскоре сделают ставку именно на фельетонный стиль подачи материала. «Курьер» же стал, как проводник этого жанра в «большую» и массовую прессу, своего рода мостом между малой прессой, рассчитанной главным образом на малообразованного читателя, и массовой газетой, ориентированной на «среднего» читателя, — аудиторию, уже привычную к ежедневной информации и предъявлявшую к ней более высокие требования, нежели читатели городских «листочков» 80—90-х гг. предшествующего столетия. Своим авторитетом газеты большой прессы «Курьер», так же, как и петербургская «Россия», поднял статус маленького фельетона до неопровержимого атрибута популярного общественно-политического издания.

Содержательная структура «Курьера» отличалась достаточно сбалансированным распределением материала по таким важнейшим отделам, как внутренние известия, внешние известия, телеграммы, местная и иногородняя информация, очерки и заметки, беллетристика. Этим он принципиально отличался от изданий малой прессы, и эта же существенная черта сближала его с органами большой прессы. «Курьер» становил-

ся авторитетным изданием. В письме к И. Я. Павловскому А. П. Чехов намекал на скрытую конкуренцию, существовавшую между «Курьером» и «Русскими ведомостями» [8, 37]. Московский цензурный комитет отмечал «подражание» «Курьера» последним в «составе и направлении своих статей» [9]. Однако нет сомнения, что «Курьер» в целом шел самобытным путем, чему есть немало подтверждений. Рассматривая же газету как орган московской большой прессы конца XIX в., целесообразно отследить черты сходства и отличия «Курьера» и «Русских ведомостей».

На первом этапе истории «Курьера», в 1897—1898 гг., наиболее значимыми группами материалов в газете были: местные известия (в среднем до 10% объема номера), внутренние (общероссийские) известия (от 6 до 15%), беллетристика (10—11%), иностранные новости (5—8%), телеграммы (6—7%) и большой подвальный «фельетон» — научные, литературно-критические, художественные обзоры (6—7%). В этот же период в «Русских ведомостях» преобладали: местные известия (7% объема номера), иностранные вести (6%), научный, литературно-критический и пр. «фельетон» (6%), иногородняя информация (5%) и телеграммы (5%).

Основными чертами сходства между двумя газетами как в названный период, так и в последующие годы являлось, с одной стороны, достаточно равномерное распределение тематики (что особенно заметно по сравнению, например, с «Московским листком» — малой прессой), а с другой — использование как информационных, так и крупных аналитических жанров.

В обоих изданиях насчитывалось 5—6 основных групп публикаций с удельным весом не менее 5% от общего объема номера. Определенные подражательные тенденции «Курьера» по отношению к «Русским ведомостям» на начальном этапе — развитие отдела телеграмм и иностранных известий. Политика отдела иностранных известий, например в «Русских ведомостях», строилась на хорошо понятном постоянному читателю газеты принципе отклика на русскую современность.

Для «Курьера» названный принцип приобретал особое значение. Это было связано, в частности, с тем, что газете были запрещены передовые статьи «Москва, такого-то числа», и на их месте редакция начала помещать носившие установочный характер статьи под заголовком и внешнеполитические обозрения. Как уже упоминалось выше, само по себе это не служило росту популярности. Однако редакция не только не уменьшила объем соответствующих материалов, но и продолжала развивать эти отделы. Например, объем зарубежной информации, полученной по телеграфу и от собственных корреспондентов в мае 1900 г., достиг 11% от объема номера; телеграммы же составили 10% — в два раза больше, чем в «Русских ведомостях» в декабре 1897 г.

Развитие телеграфного отдела в «Курьере» свидетельствовало о редакционной ориентации и на издание информационного типа. Соответственно, уменьшается средний объем крупного жанра: беллетристика занимает уже 4% вместо 10% в 1897 году, большой научный или литературно-критический обзор — 2% вместо 6—7% в 1897—1898 гг. В 1902 г. телеграфный отдел вновь сокращается до 6%, однако это происходит отнюдь не в ущерб информативности, так как возникает отдел телефонных известий, дополняя оперативную информацию до прежнего объема и даже улучшая ее качественно скоростью передачи. По количеству публикуемых известий, переданных по телефону, этот отдел «Курьера» в 1902 г. (4%) даже превысил объем соответствующего отдела такой формирующейся «фабрики новостей», как «Русское слово» в январе 1904 г. (2%).

Надо отметить, что развитие в «Курьере» оперативной информации к 1902 г. выразило одну из основных тенденций эволюции газетной печати. Она с большой наглядностью проявилась в возникновении такого издания, как «Вечерняя газета», которая целиком была построена на телеграфных известиях. Положительно отмечая это событие, «Русское слово» выразило солидарность с новой газетой в плане развития информативности издания. «Вечерняя Газета» Абазы, — писал под псевдонимом Квидам журналист «Русского слова», — являет собою... весьма характерный факт в эволюции русской печати». В программе газеты не было «ничего неопределенного или туманного»; новый орган печати «будет давать только телеграммы. Телеграммы, как факт и «истинное происшествие», и больше ничего, а там уж «предоставим астрономам доказывать» и т.д.» [10].

Возвращаясь же к традиционным характеристикам большой прессы — объему серьезных научных статей, литературно-критических и художественных обзоров, публиковавшихся в подвале второй и третьей полос под общим названием фельетона, то эта особенность действительно в равной степени качественно выделяла «Курьер» и «Русские ведомости» в системе московской газетной печати, а также и столичной печати в целом.

Качественная «журнальная», просветительская тенденция в ежедневных газетах свидетельствовала об их стремлении поднять культурно-образовательный уровень читателя. Однако если для «Русских ведомостей» эта политика была уже традиционной и базировавшейся на знании своей аудитории, которая в большинстве случаев читала газету целенаправленно, то «Курьер» в определенной степени рисковал. Риск выражался в первую очередь в том, что у «среднего» московского читателя, на которого в основном ориентировалась газета, еще не была развита установка на образовательное чтение: «Недолгий газетный опыт убедил нас в том, что в Москве издавать приличную газету очень трудно: косность

матушки Москвы нигде так сильно не сказывается, как в этом отношении. Нужны долгие годы труда и энергии, громадные денежные жертвы, чтобы завоевать московского читателя», — писал в марте 1899 г. Е. З. Коновицер [4]. Однако «Курьер» сумел уже в первый год издания уловить ту структурно-информационную равнодействующую, которая дала возможность привлечь к газете читателей из различных социальных слоев и в 1899 г. позволила редакции констатировать, что «Курьер» расходится в столице весьма удовлетворительно — 9 тысяч экземпляров в день [3].

Читателей уровня аудитории «Русских ведомостей» газета «Курьер» могла привлечь более оперативной и в ряде случаев более обширной информацией. Менее образованных читателей — рабочих, конторских и торговых служащих и др. — газета существенно привлекала отделом беллетристики и своей невысокой ценой. В дальнейшем, к началу XX в., начались и более заметные подвижки в запросах «средней» аудитории, что подтверждала редакционная почта.

Конечно, будучи достаточно разнообразной по составу, почта «Курьера» отражала обратную связь с наиболее образованной, а главное — общественно активной частью аудитории. В газету писали студенты, учителя, ученые, общественные деятели, врачи, артисты, журналисты и писатели, известные в городе люди. Кроме московской, было немало и иногородней почты, в том числе ответы на критические материалы — чаще всего от чиновников и торгово-промышленных деятелей⁵.

Анализ читательских писем подтверждает, что эта часть аудитории «Курьера» была идентична аудитории «Русских ведомостей». Однако есть основания полагать, что «Курьер» покупали и выписывали и совсем другие по образовательному уровню и социальному положению читатели, — как в Москве, так и в провинции. Дело в том, что малообразованная публика, составлявшая на самом деле немалую часть аудитории большой прессы, не имела привычки писать в газеты, отвечать на анкеты и т.п. Это являлось даже в те годы причиной неточных оценок действительного состава аудитории. «Средний» читатель, на которого в целом ориентировалась газета за прошедшие годы [11], начал выявляться в начале войны с Японией, зимой 1904 г.

Сопоставление соответствующих редакционных отделов, их тематической направленности и удельного веса в номере, жанровых особенностей публикаций в популярной демократической газете «Курьер», с одной стороны, и ставшего в ближайшие годы массовым

⁵ Например, в рубрике «Письма в редакцию»: «Курьер», 2 января 1902 г., № 2; 8 января 1902 г., № 8; 12 января 1902 г., № 12; 14 января 1902 г., № 14; 5 февраля 1902 г., № 36; 19 марта 1902 г., № 77; 1 декабря 1903 г., № 273; 6 января 1904 г., № 6 и т.д.

«Русского слова», с другой, дает определенные основания для вывода, что на примере «Курьера» можно наблюдать процесс формирования признаков, перешедших в содержательную и жанровую структуру газеты нового типа — массового («Русское слово»).

Основной структурной характеристикой, перешедшей в конце XIX века из органов большой прессы в популярную демократическую газету рубежа XIX—XX вв., а затем из последней — в массовую, стала тематическая пропорциональность информации. Разумеется, пропорции эти в определенной мере отличаются, например, у «Русских ведомостей», «Курьера» и «Русского слова», однако можно говорить об их сопоставимости в целом.

Так, в «Русском слове», как и в «Курьере» и «Русских ведомостях», ведущими тематическими блоками были местные и иностранные известия, а также оперативная короткая информация, переданная телеграфом и по телефону. С «Курьером» газету сближает и взятое первым от малой московской и провинциальной прессы правило давать беллетристику. При этом если «Курьер» по мере своего развития снижал в целом удельный вес беллетристического отдела, то «Русское слово» почти не уступало по этому показателю «Московскому листку».

Отметим еще одну черту, которая, на первый взгляд, как будто бы сближала органы малой прессы («Московский листок») и большой прессы, а затем — правда, в меньшей степени — и органы прессы для широкого читателя («Курьер», «Русское слово»). Это — *значительный объем телеграфных известий*. Например, в «Московском листке» они составляли 9% от объема номера, что выводило данный отдел на второе место после беллетристического. Однако решающую роль при сопоставлении играет не количественная, а качественная характеристика. В «Московском листке» телеграфная информация носит тот же характер, что и газета в целом: происшествия, экстраординарные события, известия, не имеющие какого-либо серьезного общественного звучания, или же самый «сухонный» официоз. Что касается «Русского слова», то оно стремилось к отбору таких сведений, которые бы отражали, возможно, более широкий спектр жизненных явлений и событий. В еще большей степени это было свойственно «Русским ведомостям» и «Курьеру».

Вторая существенная черта популярного органа ежедневной общественно-политической прессы исследуемого периода — жанровые пропорции, доминанты номера, а также введение «маленького фельетона» при исследовании тем, имевших общественный резонанс.

Возможно, и по этой причине заявленная в январе 1904 г. программа «Русского слова» будто скопирована с «Курьера»: «В газете «Русское слово» печатаются ежедневно передовые статьи по вопросам экономическим, юридическим, земским, городского

самоуправления, народного образования и т.д., политические обозрения. Ежедневно фельетоны общественной жизни по литературе, искусству и т.д. Ежедневно статьи В. М. Дорошевича, касающиеся текущей жизни и злобы дня. ...Жизнь столицы. Жизнь провинции. Все выдающиеся и интересные события в провинции. Особое внимание будет обращено на общественную жизнь, земскую деятельность, вопросы городского самоуправления, на нужды экономические и дело просвещения» [12].

Однако еще выходявший в этот же период «Курьер» (особенно в более ранние 1902—1903 гг.) выдерживал свою программу более серьезно и целенаправленно, чем «Русское слово». В социально ориентированном общем тоне и конкретном исследовании жизненных фактов заключалось одно из его основных отличий от «Русского слова» того же периода.

«Русское слово» делало еще только первые шаги в сторону массовой газеты. Серьезность заявленных целей была пока постановкой вопроса. Довольно типичным для газеты было, например, поместить на первой полосе статью «Супружеская верность и фотография» [13]. Подобные бытовые темы, далекие от общественной актуальности, нередко преподносились на первой-второй полосах. Вообще, «статьи под заголовками», которые в 1901 г. А. В. Пешехонов [14] оценил как самые «качественные», носящие «руководящий», установочный характер (обычно они давались в газетах на 1—2-й полосах), в «Русском слове» теряют это свойство: заголовки нередко служат просто задаче привлечения читательского интереса. Более серьезные материалы помещались на второй и третьей полосах.

Возвращаясь к «Курьеру», надо сказать, что он, бесспорно, симпатизировал массовому читателю. Однако, развивая черты, которые импонировали широкой публике, в силу особенностей своего положения (в частности, финансового и внутриредакционного) [15] газета не успела вступить в ту полосу, которая стала бы благоприятной для ее трансформации в массовый орган. Заданные ею векторы развития популярного ежедневного издания во многом приняло к исполнению «Русское слово», уже в ближайшие годы ставшее самой распространенной газетой России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лепилкина О. И. Принципы классификации периодической печати в России в XIX — начале XX века / О. И. Лепилкина // Журналистика в поисках моделей развития: Материалы IV Всероссийской науч.-практ. конф. — Томск, 2011. — С. 59—62.
2. Родионова Т. С. Газета «Курьер» в системе общественно-политической газетной прессы Москвы конца XIX — начала XX вв.: дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Родионова. — Москва, 1995.

3. В. Н. Чуваков. «Курьер» / В. Н. Чуваков // Литературный процесс и русская журналистика. — Москва, 1981.
4. РО РГБ. Ф. 331. К. 48, ед.хр. 13. Коновицер Е. З. Письма к Чехову А. П. Письмо 6-е.
5. Насущный вопрос о русском искусстве // Курьер. — 1900. — 7 окт. — № 278.
6. Курьер. — 1904. — 4 янв. — № 1.
7. Серафимович А. Заметки / А. Серафимович // Курьер. — 1902. — 12 дек. — № 343.
8. Письмо к И. Я. Павловскому. 21 января 1899 г. / А. П. Чехов. ПС соч. и писем в 30 тт. (Письма в 12 тт.). — Т. 8 (письма).
9. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. № 772. Лл. 102—210. Письмо из Московского цензурного комитета 27 марта 1899 г.
10. Петербург, 6-е января // Русское слово. — 1903. — 8 янв. — № 8.
11. Письма в редакцию // Курьер. — 1904. — 20 февр. — № 50.
12. Русское слово. — 1904. — 2 янв. — № 2.
13. Русское слово. — 1904. — 5 янв. — № 5.
14. Пешехонов А. В. Русская политическая газета (Статистич. очерк) / А. В. Пешехонов // Русское богатство. — 1901. — № 3. — Отд. II. — С. 1—21.
15. Родионова Т. С. Московская газета «Курьер» / Т. С. Родионова. — Москва, 2011.

*Российский университет дружбы народов
Родионова Т. С., кандидат филологических наук, докторант кафедры массовых коммуникаций
E-mail: tavto2014@yandex.ru*

*People's Friendship University of Russia
Rodionova T. S., Candidate of Philology, Doctoral Candidate at the Department of Mass Communications
E-mail: tavto2014@yandex.ru*

МОНОПОЛИЗАЦИЯ МИРОВОГО МЕДИСЕКТОРА НА ФОНЕ КОНВЕРГЕНЦИИ И ФИНАНСИАЛИЗАЦИИ

В. И. Сапунов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 августа 2018 г.

Аннотация: статья призвана дополнить отечественные исследования массовой коммуникации политэкономическим анализом событий, связанных с монополизацией в зарубежном медиасекторе за последний год — на основании релевантных примеров.

Ключевые слова: монополизация, финансовализация, конвергенция, СМИ, Thomson Reuters, AT&T, Time Warner, Blackstone, 21st Century Fox, Sky, Disney, Comcast.

Abstract: the issue aims at supplementing investigations of mass communication with political and economic analysis of events linked with monopolization of global media sector over the latest year — basing on relevant examples.

Keywords: monopolization, financialization, convergence, mass media, Thomson Reuters, AT&T, Time Warner, Blackstone, 21st Century Fox, Sky, Disney, Comcast.

Монополизация мирового медиасектора остаётся важнейшей темой исследований в области журналистики и массовой коммуникации. Монополизация является объективным процессом в капиталистической экономике, поскольку позволяет капиталу получить большую прибыль меньшими усилиями. Не исключением является и медиасектор. Однако сущность монопольного медиакapитала постоянно меняется, и последние крупные сделки в глобальной медиасистеме обычно сопровождаются двумя ключевыми тенденциями её развития — конвергенцией и финансовализацией. Данная статья ставит целью дополнить отечественные исследования в сфере политэкономии мировых массмедиа анализом основных событий, связанных с монополизацией глобального медиасектора в 2018 году.

Главное политэкономическое событие 2018 года в американской и мировой медиасфере — это одобрение Федеральным судом США слияния AT&T и Time Warner — на сумму в 85 миллиардов долларов. AT&T и Time Warner предложили форму M&A, которая не будет требовать одобрения FCC (опасаясь повторения случаев, когда Федеральная комиссия по коммуникациям помешала осуществлению двух суперсделок — слияниям AT&T и T-Mobile US в 2011 году и Comcast и Time Warner Cable в 2015 году). Time Warner при этом согласилась не передавать свои лицензии на вещание, полученные от Федеральной комиссии по коммуникациям, компании AT&T. В этом случае поглощение Time Warner со стороны AT&T не требует одобрения американского регулятора в сфере электронных медиа.

Однако, вопреки ожиданиям, Министерство юстиции США в ноябре 2017 года заблокировало сделку, и компаниям пришлось доказывать право на слияние в суде. Решение правительства можно связать, скорее, с нелюбовью президента Трампа к CNN, который принадлежит Time Warner. 12 июня 2018 года федеральный судья одобрил слияние AT&T и Time Warner. Положительное решение федерального судьи базировалось, прежде всего, на том, что слияние является «вертикальным»: AT&T — распространитель продукции, а TW — её создатель. После слияния, которое было оформлено 20 июня, объединённая компания имеет капитализацию в 282,4 млрд. долларов, что позволило ей опередить главного конкурента — Verizon (капитализация 203,2 млрд. долларов).

Ещё об одном грандиозном событии, иллюстрирующем тенденцию монополизации, было объявлено в декабре 2017 года. Walt Disney и 21st Century Fox объявили о сделке, по которой первый монополист приобретёт телевизионные активы и киностудии второго за более чем 60 миллиардов долларов (по цене 10 долларов за акцию). К Walt Disney должны перейти азиатский спутниковый канал Star, научно-популярный Nat Geo, региональные спортивные сети и часть акций крупнейшего в Европе спутникового оператора Sky и видеосервиса Hulu. При этом у 21st Century Fox останутся Fox News, федеральная телесеть Fox, Fox Sports и подразделения, специализирующиеся на бизнесе. Целями продажи, очевидно, стали: личное обогащение топ-менеджеров медиамперии Руперта Мёрдока, в первую очередь его самого, доступ Мёрдока к руководящим органам Disney, решение финансовых проблем News Corp и 21st Century Fox, а также стремление сосредоточиться на политике

и бизнесе за счёт снижения интереса к развлекательной продукции.

Это событие нельзя рассматривать в отрыве от попытки со стороны компании Руперта Мердока (теперь 21st Century Fox) установить полный контроль над Sky. В 2011 году News Corporation (тогда еще единая), владеющая примерно 39% акций крупнейшего спутникового оператора Европы, получила отказ в парламенте Великобритании в приобретении достаточного до контрольного пакета количества капитала. Тогда это было связано со скандалом с прослушиванием телефонных разговоров, из-за которого была закрыта газета с самым большим тиражом в Великобритании — News of the World. Теперь 21st Century Fox хочет приобрести не контрольный, а полный пакет акций Sky (докупить оставшийся 61%).

На этот раз шансы корпорации Руперта Мердока оценивались высоко — в свете реструктуризации его бизнеса — разделения на печатную и мультимедийные компании: News Corp и 21st Century Fox (преобразования британского печатного бизнеса здесь особой роли не играют, важно то, что 21st Century Fox больше не имеет юридического отношения к английским газетам). Учитывая значительные послабления в антимонопольном законодательстве в сфере британских электронных медиа, которые принес закон о вещании 2003 года, формальных поводов отказать 21st Century Fox у британских антимонопольных регуляторов практически не осталось. А учитывая то, что главный скандал в новейшей истории британского медиасектора случился 5 лет назад и подзабыт общественностью, до разбирательств в парламенте теперь дело едва ли дойдет.

И тем не менее — в январе 2017 года британская Комиссия по конкуренции и рынкам рекомендовала правительству не одобрять сделку по приобретению компанией 21st Century Fox оставшейся части акций крупнейшего в Европе спутникового оператора Sky. СМА посчитала, что полный контроль компании Мердока на Sky будет служить «против общественного интереса», поскольку уменьшит количество людей, контролирующих медиабизнес. Хотя формально 21st Century Fox не имеет отношения к News Corp, выпускающей через британский филиал газеты Times, Sunday Times, Sun и Sun on Sunday (а это было главным формальным препятствием для докупки акций, когда News Corporation еще была единой компанией), Комиссия небезосновательно посчитала, что семья Мёрдоков имеет слишком большое влияние в британском медиасекторе и намерена его увеличить. Ведь Руперт Мёрдок — президент 21st Century Fox, его старший сын Лаклан — президент News Corp, а младший сын Джеймс — генеральный директор 21st Century Fox и президент Sky.

Компания 21st Century Fox не оставила попыток получить недостающие акции крупнейшего в Европе оператора спутникового ТВ. В феврале 2018 года ме-

неджмент Fox направил в Комиссию по регулированию и рынкам письмо, в котором пытался доказать, что после сделки Sky останется «независимой». Среди предложений были: СМА сама сможет назначать президента Sky News, если возникнет такая необходимость, и будет каждый год получать отчет о том, как глава Sky News не вмешивается в редакционную политику канала.

Всё это ещё раз показало, насколько серьёзны попытки Мёрдока получить полный контроль над Sky. Предложение о президенте Sky News — это, разумеется, очень сильный шаг, учитывая важность фигуры главы телевизионного канала в британской и особенно континентально-европейской телевизионной индустрии. Поскольку так называемое общественное телевидение удерживается под полным контролем государственной политической системы в первую очередь, его главой становится, как правило, представитель правящей в стране партии (коалиции), а заместителем — представитель системной оппозиции.

На фоне проблем, которые возникли у 21st Century Fox с приобретением 61% акций Sky, в феврале 2018 года предложение о покупке крупнейшего в Европе спутникового оператора сделала другая американская медиамонополия — Comcast. Как заявил генеральный директор Comcast Брайан Робертс, его компания планирует приобрести «более 50% акций Sky» за 31 миллиард долларов. При этом цена, которую предлагает за одну акцию Comcast — 12,50 фунта — выше, чем предложенные Мёрдоком 10,75 фунта (эквивалент общей предложенной суммы в фунтах — 22 миллиарда против 11,7 от 21st Century Fox). Это могло заставить акционеров Sky, которые согласились на предложение Fox, задуматься.

В апреле 2018 года Мёрдок предпринял ещё одну отчаянную попытку получить полный контроль над Sky plc. Так как предыдущее предложение не впечатлило комиссию, 21st Century Fox сделало ещё одно — о продаже Sky News компании Disney — вне зависимости от того, одобряют или нет американские регуляторы грандиозную сделку на 52 миллиарда долларов по продаже активов Fox — Walt Disney Co (в предложенном в декабре варианте Sky фигурирует в списке продаваемых активов). Менеджеры Disney сразу подтвердили, что не против приобрести убыточный новостной канал.

Отчаянное желание Мёрдока докупить оставшиеся акции Sky столкнулось с упорным нежеланием британских властей увеличивать его и так очень серьёзное влияние на британские медиа и политическую систему страны. Новое предложение выглядело смелым и хитрым.

В мае свой ход сделали менеджеры Comcast. Появилась информация о том, что эта компания желает перебить не только покупку 61% акций Sky со стороны 21st Century Fox, но и суперсделку по покупке большинства активов самой Fox со стороны

Walt Disney. Comcast предложила сумму в 60 миллиардов долларов. Сообщалось также, что компания уже договорилась с крупнейшими американскими банками о финансировании сделки, что позволило предлагать покупку только за деньги (без соответствующих операций с ценными бумагами). Если же Comcast купит и Sky, то общая сумма сделки составит около 100 миллиардов долларов.

Руководство Comcast рассчитывало на то, что Disney не сможет перебить предложение в 60 миллиардов долларов, хотя Мёрдок и желает продать свои активы именно Walt Disney, в том числе чтобы получить влияние на эту компанию, возможно путём уступок ему ценных бумаг Disney и вхождения в совет её директоров.

Но компания Руперта Мёрдока ответила на это ещё более привлекательным предложением на сумму в 71 млрд. долларов (38 долларов за акцию).

Ходы Мёрдока оказались более сильными. В июне министр по делам культуры, туризма и СМИ заявил, что Великобритания не имеет возражений против сделки, в случае если 21st Century Fox продаст Sky News. Предложение о продаже Sky News (назван и главный претендент на покупку — Disney) произвело на британскую власть большее впечатление. Впрочем, то, что Sky News будет куплена именно компанией Disney, выглядело ещё неочевидным — после более выгодного предложения о покупке, сделанного Comcast.

В июле 2018 года Министерство юстиции США одобрило возможную сделку между Disney и 21st Century Fox о покупке активов последней компании — в случае если Disney продаст 22 региональные спортивные компании Fox (сеть RSN) — после заключения контракта. Решение пришло на фоне вышеописанного поражения министерства в Федеральном суде — по поводу неодобрения слияния AT&T и Time Warner.

В августе 2018 года выяснилось, что менеджмент Comcast, скорее, блефовал с предложениями перебить Disney в попытках купить активы 21st Century Fox. Покупка активов Fox со стороны Disney, уже одобренная Федеральным судом в США — в интересах обеих компаний, а главное — их руководства. В этих условиях заманчивые предложения Comcast больше напоминали PR-ходы. Теперь вопрос в том, какие шансы у Comcast приобрести 51% акций Sky. Нынешнее предложение Fox (24,5 млрд. фунтов) меньше суммы Comcast в 26 миллионов фунтов.

Шансы Comcast увеличились после отчёта News Corp в августе 2018 года о чистом убытке за год в 1,4 млрд. долларов (в это же время за 2016—17 гг. было минус 643 миллиона долларов). Это худший показатель за пять лет — после разделения News Corporation — на 21st Century Fox и издательскую компанию с незамысловатым названием News Corp. Это несмотря на то, что Times, Sunday Times и австралий-

ские издания группы увеличили подписку платных цифровых изданий на 12%. Менеджеры News Corp называют главной причиной «райт-даун» на сумму в почти миллиард долларов слияние Foxtel и Fox Sports в Австралии. Генеральный менеджер, разумеется, заявил об «операционном и трансформационном успехе» за год. За Q2 2018 News Corp потеряла 66 миллионов долларов. По стратегическому плану, объявленному в ноябре 2016 года, News Corp за счёт увольнения сотрудников в Австралии, прежде всего фотографов, сэкономила 40 миллионов долларов.

Крупнейшая в истории сделка — из тех, что подчёркивают тенденцию финансовализации медиасектора — должна быть завершена осенью 2018 года. Самый богатый в мире частный инвестиционный фонд Blackstone покупает 55% акций ключевого подразделения компании Thomson Reuters — Financial and Risk (F&R).

Сумма слияния оценивается примерно в 20 миллиардов долларов, Thomson Reuters получит 17 миллиардов и сохранит за собой 45% акций F&R. Blackstone осуществит крупнейший «бай-аут» (финансируемый выкуп) с момента окончания мирового финансового кризиса 2007—2009 гг. — сразу TR получит 3 млрд. долларов, а ещё 13,5 млрд. долларов будут обеспечены кредитной линией банков: JP Morgan, Bank of America Merrill Lynch и Citigroup и более мелкими банками (их будет 21, они внесут примерно 28% займа).

В преддверии сделки, о которой было объявлено 30 января этого года, Thomson Reuters уволила 2000 сотрудников F&R из-за не очень хороших финансовых показателей отделения и «менеджмента среднего уровня». Увольнения дополнили сокращения 5 с половиной тысяч рабочих мест в F&R в 2013 году, которые стали очередным этапом в колоритной истории массовых увольнений как в «Рейтер» (например, после принятия плана Fast Forward в 2002 году), так и в «Томсон Рейтер» после слияния в 2008 году.

Главная цель продажи — поправить финансовое благополучие не только компании, но и топ-менеджеров. Семья Томсон получит от сделки сумму, сопоставимую с той, что потратила на слияние Reuters в 2008 году. Выручка Рейтер составит 300 миллионов долларов, кроме того F&R будет осуществлять ежегодную выплату Reuters News в размере 325 миллионов долларов в течение 30 лет. Сделка должна также в очередной раз изменить трестовые ограничения в структуре Reuters, но конкретно, как это произойдёт сейчас, пока не сообщается. Сумму выплат должны несколько увеличить, но менеджмент будет ужесточаться и далее. Blackstone, как и другие частные инвестиционные компании, известна своими беспрецедентными мерами жесткого и жестокого финансового менеджмента, связанного с массовыми увольнениями, урезаниями зарплат и другими неолиберальными механизмами по «сокращению расходов».

В новый совет директоров F&R из 10 человек войдут 5 представителей Blackstone и 4 представителя Thomson Reuters. Президент и глава отделения будет членом совета директоров без права голоса. По информации от источников в TR, компания Blackstone на переговорах выторговал себе выгодные условия слияния, учитывая не очень хорошие экономические показатели F&R за последние 2 года.

Новости о сделке только ухудшили финансовые показатели компании. 11 мая Thomson Reuters отчиталась об убытках за Q1 2018 года в 339 млн. долларов (48 центов на акцию) по сравнению с прибылью в Q1 2017 года в 297 миллионов долларов (41 цент на акцию). Покупка должна быть одобрена соответствующими регуляторами ЕС, из-за этой процедуры намеченная в январе дата (1 июля) оказалась нереалистичной.

И еще об одной сорванной сделке. В августе 2018 года сорвалась сделка между Sinclair Broadcast Group и Tribune Media — на сумму в 3,9 миллиардов долларов. Tribune вышла из соглашения на фоне того, что американский регулятор телекоммуникационной сферы FCC и Министерство юстиции США начали расследование по поводу «близкой связи» Sinclair с президентом Трампом. Tribune обвинила Sinclair в том, что она вела себя с властями «необоснованно агрессивно» и не смогла договориться по поводу продажи телестанций на совпадавших по региональным рынкам территориям (чтобы избежать там обвинений в монополизации): не только вышла из сделки, но и подала в суд на партнёра по провалившейся сделке. Аннулирование сделки было раскритиковано Трампом в его «Твиттере». Трамп на-

звал отмену сделки между двумя поддерживающими его медиагруппами позором. При доминировании республиканцев во всех ветвях власти — в FCC большинство у демократов. Теперь, говорят, что главный претендент на покупку Tribune — это 21st Century Fox Руперта Мёрдока.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

1. Монополизация мирового медиасектора идёт на фоне тенденции конвергенции. Слияние AT&T и Time Warner, где одна компания является распространителем контента, а вторая его производителем иллюстрирует: опасения, связанные с конвергентными сделками 2000-х (особенно Time Warner — AOL или покупками компании Vivendi), уходят в прошлое.

2. Главные герои современности на мировом финансовом рынке — частные инвестиционные фонды — оправились от кризиса десятилетней давности и снова совершают грандиозные покупки. Пример тому — покупка крупнейшей частной инвестиционной компанией в мире Blackstone 55% акций ключевого отделения компании Thomson Reuters — Financial and Risk (F&R).

3. Тенденция демонополизации в 2018 году на фоне одобрения Федеральным судом США слияния AT&T и Time Warner выглядит неочевидной. Сорванных антимонопольными регуляторами сделок между компаниями «первого ряда» не было (в более мелких масштабах — это проваленные FCC и Министерством юстиции США слияние Sinclair Broadcast Group и Tribune Media). Расколы компаний на 2 или несколько, подобные тем, что были в News Corp, Viacom или Time Warner, в этом году отсутствуют.

Воронежский государственный университет

Сапунов В. И., доктор филологических наук, профессор
кафедры телевизионной и радиожурналистики

E-mail: vsapunov76@rambler.ru

Voronezh State University

Sapunov V. I., Doctor of Philological Sciences, Professor of
the Department of Television and Radio Journalism

E-mail: vsapunov76@rambler.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ РЕДАКТОРОВ РОССИЙСКИХ ИЗДАНИЙ О ЗДОРОВЬЕ

Т. Е. Финк

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 13 февраля 2018 г.

Аннотация: в данной статье рассказывается об особенностях профессиональных компетенций медиаменеджеров журналов о здоровье. Анализ проведен на основе экспертных интервью с редакторами трех популярных изданий, показана специфика работы и обозначены основные проблемные моменты руководства творческим коллективом.

Ключевые слова: медиаменеджмент, издания о здоровье, профессиональные компетенции редактора, медиауправление, управление творческим коллективом.

Abstract: this article is about professional competencies of mediamanagers in health and beauty magazines. The author sums up her interviews with chief editors from three popular editions. There is analysis of their problems with content and team management.

Keywords: mediamanagement, health periodicals, professional competencies of editor, mediadirection, creative team management.

В настоящий момент в России изданиям о здоровье посвящено немного исследований. Это связано как с проблемой их типологизации [1], так и с тем, что пособий по тематической журналистике мало [2, 3, 4]. Статья суммирует данные трех экспертных интервью с главными редакторами журналов Women's Health, «Красота&здоровье» и «Здоровье».

Women's Health (печатная версия была закрыта в 2017 г.) долгое время являлся интересным медиапродуктом в сегменте рынка изданий о здоровье; это международный проект, сделавший ставку на спорт. Журнал «Красота&здоровье» — российское издание, которое специализируется на темах, связанных с эстетической красотой и косметологией. «Здоровье» — «долгожитель» среди профильных медиа, он освещает разнообразные темы.

Журналом Women's Health руководила Мария Троицкая. Она окончила юридический факультет РГТЭУ (бывший Московский государственный институт коммерции), в журналистику пришла из блогинга. До Women's Health писала статьи для Men's Health, Cosmopolitan, Elle girl, затем для журналов Gloria, Starhit и Elle.

Творческих сотрудников редакции не отправляют на курсы повышения квалификации и дополнительно ничему не обучают, но раньше существовала возможность отправить их в пресс-туры. Сегодня коллеги из других стран не просят пройти практику в российском издании. Сотрудники встречаются в Нью-Йорке или Барселоне на ежегодных международных конференциях Women's Health и Men's Health, и там в течение четырех дней идут мастер-классы,

на которых делятся своими успехами и неудачами, идеями и рассказывают о мероприятиях, наиболее успешных и востребованных.

Планерки в издании изначально проводились раз в неделю, но с появлением электронной версии и развитием социальных сетей они проводятся каждый день по 20 минут. Планерка с обсуждением обложки занимает 1,5 часа, планирование номера — часа два.

Для отбора экспертов нет какого-либо специального отдела. Обращаются к коллегам из Women's Health. Врачи не часто соглашаются давать комментарии, потому что у практиков слишком мало времени, однако у некоторых есть свои пиарщики, с которыми и сотрудничает журнал.

Самые успешные мероприятия, по словам главного редактора, «Бегу с Машей 1», «Бегу с Машей 2», «Бегу с Машей 3», «Тренируйся с Машей», конкурс «Попади на обложку» [5]. Мария считает, что все спецпроекты — это всегда очень хорошо, они дают возможность аудитории познакомиться не только с брендом, но и с людьми, которые работают на него. В своей деятельности она не указывает на какие-либо трудности, но в начале работы над изданием ей было тяжело понять некоторые технические моменты. Основным качеством для редактора считает внимание к сотрудникам.

В журнале есть только отдельные должности (но не отделы): арт-директор, дизайнер, главный редактор, заместитель главного редактора, пишущие редакторы, редактор по моде, бьюти-редактор, бильд-редактор, специалист по SMM и редактор сайта. В штате есть переводчики [6]. Специальный сотрудник в США занимается материалами, которые хотели бы опубликовать в России.

Часто ставят американские обложки: это легче, чем организовывать съемки и договариваться с российскими медиаперсонами, но за год, по условиям, должны сделать шесть-семь собственных обложек.

С 12 декабря 2017 г. печатная версия Women's Health прекратила свое существование в России. Мария рассталась с руководством по взаимной договоренности, но считает, что такой молодой бренд, как Women's Health, пока не способен функционировать только в цифровом пространстве, без принт-версии.

Главный редактор журнала «Красота&здоровье» Марина Тиманова окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова, и, по ее мнению, факультет дал хорошее базовое образование, поскольку позволил изучить большой объем информации, но ей эти знания не пригодились непосредственно в работе над журналом о здоровье.

Журнал освещает карьерные достижения инвесторов, владельцев сети клиник и больниц, врачей. В рубриках «На диване», «Карьера» гости могут многое рассказать о том, как они самореализовались [7]. Журнал не является «глянцевым» в обычном понимании этого слова: большая часть материалов основана на мнении экспертов, а эти эксперты — врачи, фармацевты, ведущие специалисты в своей области, поэтому журнал — воплощение их профессионального опыта.

Мнение главного редактора не отражается в материалах рубрик, поскольку у каждой есть свой редактор и большая часть статей построена на диалоге со специалистом. В одном материале могут быть представлены противоположные точки зрения, и редакция всегда оставляет последнее слово за читателем.

В составе редакции 12 человек и внештатные авторы, которых приглашают для освещения отдельных сложных тем. Внештатные авторы необходимы, так как их статьи достаточно проработаны, а у постоянных сотрудников не всегда бывает время на тщательную проработку материалов. Редактор «Здоровья», редактор «Эстетики», бьюти-редактор, редактор «Формы и питания» — это основная редакция, кроме того есть арт-директор и дизайнеры. В штате нет переводчиков, переводами занимаются сами сотрудники.

Авторов немного, и они специализируются каждый на своей теме, сами знают нужных экспертов. У них нет медицинского образования, но они хорошо владеют словом. Как правило, все редакторы имеют образование в сфере медиа.

Планерки проводятся еженедельно, а после сдачи номера — на следующей неделе. План номеров всегда составлен заранее; как правило, это сезонные темы, повторяющиеся из года в год, а также актуальные проблемы, о которых нельзя не написать. Бывают и общие редколлегии, когда собирается вся редакция, но чаще всего совещаются группами: сначала редакторы «Эстетики» и «Красоты» (они берут

смежные темы, и важно, чтобы одна переходила в другую), затем редакторы «Здоровья». Каждый делает какие-то наброски и отправляет главному редактору перед встречей, чтобы сформировать концепцию номера. Больше всего времени и сил требует утверждение и согласование мнения экспертов: нужно отредактировать ответ, сделать его понятным для неэкспертов, высказаться критически по поводу той или иной технологии.

Дело в том, что журнал строится на профессионализме врачей, и каждое их слово должно быть зафиксировано. Может быть так, что интервьюируемый отказывается от своих слов, а поскольку экспертов очень много, то достаточно тяжело получить от каждого подтверждение. Иногда остро стоит вопрос этики. Мнение врачей и редакции может расходиться.

Редакторы рубрик занимаются отбором экспертов по определенным критериям: это должны быть независимые специалисты, лидеры рынка, которые обладают новейшей информацией, относящейся к сфере их работы, они ведут свои классы или группы врачей, повышают квалификацию, участвуют в защите диссертаций. Как правило, не учитывают мнения экспертов, чьи знания устарели. Прислушиваются к рекомендациям, которые дают героини материалов, обращают внимание на тех, кто появляется на телеэкранах, пишет книги. Берут интервью и с иностранными врачами.

Главная рекомендация для коллег-редакторов — постоянный профессиональный рост, посещение мероприятий, связанных с тематикой издания, чтение специальной литературы, использование различных источников. Основное качество в работе — стрессоустойчивость, без нее невозможно.

Главный редактор журнала «Здоровья» — Татьяна Ефимова. Она окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова, стала главным редактором после серьезной профессиональной школы: работала в газетах «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», на телевидении. Ей представляется затруднительным определить роль полученных знаний, но она считает, что университет дал много разнообразного, а кроме того, способность хорошо мыслить, усваивать новое, ориентироваться в незнакомом материале.

Больше всего сил и времени требует поиск информации. Чаще обращаются к англоязычным ресурсам, где хорошо чувствуют тренды (для этого нужно знание английского языка и ориентация в научной тематике). Также время занимает и поиск специалиста, способного ответить на все вопросы. Ефимова считает, что оптимальный режим такой, при котором работать удобно конкретному человеку: она не настаивает, чтобы творческий коллектив приходил к 8—10 утра — количество проведенных часов в офисе зависит от квалификации.

Экспертов для комментария выбирают сами редакторы [8]. Это должны быть известные специалисты, с профессиональными заслугами. Как правило, они работают в крупных институтах, имеют научные степени и зарекомендовали себя как авторы интересных работ.

Ефимова считает, что самые важные качества в работе медиаменеджера — это открытость всему новому, нелюбовь к штампам и умение проверять материалы. Среди российских изданий она не видит конкурентов своему и считает качественным американский журнал *Health*, французский журнал *Top Santé*. В России, по ее словам, были успешные медицинские проекты на популярных интернет-ресурсах, например у *The Village* [9].

После анализа трех экспертных интервью с медиаменеджерами можно сделать следующие выводы, касающиеся особенностей тематических изданий и работы редакторов. Во-первых, на данный момент проблема типологии журналов о здоровье стоит остро. Рассмотренные издания с трудом можно отнести к какому-либо одному типу, так как еще нет четко сформированного мнения, по каким критериям относить их к гляцевым или к научно-популярным журналам, хотя «Здоровье» причисляет себя к последним. Можно утверждать, что они не являются научными, но так или иначе содержат научную информацию для широкой публики. Во-вторых, ни у одного из главных редакторов нет профильного медицинского образования. Это означает, что их видение научной части журнала не совсем компетентно. В-третьих, они по-разному формулируют миссию своего издания. Мария Троицкая (журнал *Women's Health*) старается показать значимость здорового образа жизни; Мария Тиманова (журнал «Красота&здоровье») занимается продвижением эстетической медицины в России и уделяет большое внимание профилактике; Татьяна Ефимова (журнал «Здоровье») основной упор делает на просветительскую функцию своего издания. В-четвертых, основная отличительная черта таких изданий — тесное сотрудничество с экспертами в области медицины, а в случае журнала «Здоровья» — деятельность научного редактора, который отвечает за достоверность, точность и научность материалов. Отсутствие подобного сотрудника даже в научно-популярных СМИ — большое упущение.

Стоит отдельно упомянуть о выборе экспертов. В исследуемых медиа, несмотря на то, что медицинское сообщество довольно небольшое, специалисты,

дающие комментарии во всех изданиях, разные. Их выбирают не только по объективным критериям, но и по личным предпочтениям. Те врачи, чьи комментарии публикуют *Women's Health*, имеют собственные пиарщики и не возражают против любой рекламы в СМИ. В журнале «Красота&здоровье» приводятся мнения тех врачей, реклама которых, как правило, размещена в данном издании. В журнале «Здоровье» нет четко сформулированных критериев для подбора специалистов, а также нет и со-трудников, которые бы непосредственно занимались их поиском.

Из всего вышенеписанного следует, что в России журналы о здоровье и по составу редакции, и по организации работы ничем не отличаются от других тематических журналов. Это очень важный момент, так как в них содержится научная информация, которую читатели принимают за достоверную и могут нанести урон своему здоровью, поэтому подход к работе в таких изданиях требует усовершенствований, и прежде всего стоит начинать с преобразований в подготовке медиаменеджеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопов А. И. Отечественные специальные журналы 1765—1917: Ист. — типол. обзор / А. И. Акопов. — Ростов-на-Дону: Издательство Рост. ун-та, 1986.
2. Лазаревич Э. А. Популяризация науки в России / Э. А. Лазаревич. — Москва: изд-во Моск. ун-та, 1981.
3. Лазаревич Э. А. С веком наравне. Популяризация науки в России. Книга. Газета. Журнал / Э. А. Лазаревич. — Москва: Книга, 1984.
4. Тертычный А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. — Изд. 6-е, испр. и доп. — Москва: Аспект Пресс, 2017.
5. Bery с Машей // *Women's Health*. — Москва, 2017. — URL: <https://whealth.ru/tag/begu-s-mashej-2/> (дата обращения: 10.02.2018).
6. *Women's Health*: русское издание / учред. ООО «Юнайтед Пресс». — 2017. — № 1 (62) — № 12 (68).
7. Красота&здоровье: ежемесячный журнал / учред. ООО «Красота и здоровье». — 2017. — № 1 (202) — № 12 (213).
8. Здоровье: научно-популярный журнал / соучред. ООО «Журнал «Здоровье»», ООО «Издательский дом журнала «Здоровье». — 2017. — № 1—2 (733) — № 10 (740).
9. *The Village*: городской интернет-сайт. — Москва, 2017. — URL: <http://www.the-village.ru/> (дата обращения: 10.02.2018).

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Финк Т. Е., соискатель кафедры теории и методики редактирования

E-mail: t-fink@mail.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Fink T. E., Postgraduate Student

E-mail: t-fink@mail.ru

«ПОЛИТЭКОНОМИЯ» И «ФИЛОЛОГИЯ» В ИЗУЧЕНИИ СМИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТРОВЕРЗЫ

В. В. Хорольский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 8 января 2018 г.

Аннотация: в статье рассмотрены некоторые аспекты проблемы взаимодействия научных парадигм в процессе анализа медийных процессов. Соотношение традиционных «филологических» взглядов на СМИ и подходов, порожденных изучением медийного бизнеса, служит как базой для сотрудничества, так и источником когнитивного диссонанса не только для теоретиков, но и для потребителей медиaproдукта.

Ключевые слова: филология, политэкономия, медийный текст, научная парадигма, глобализация, контрoверза.

Abstract: the article deals with some aspects of interrelation of scientific paradigms in the process of mass media scrutiny. Correlation of traditional philological approaches to mass media and approaches generated by media business studies is a basis of cooperation but also a source of cognitive dissonance for specialists and media consumers.

Keywords: philology, political economy, media text, scientific paradigm, globalization, controversy.

Споры о подходах к изучению СМИ можно условно разделить на две большие группы: обсуждение массмедиа как совокупности медийных текстов (МТ) в самом широком истолковании понятия медийности; изучение СМИ как индустрии и вида медийного бизнеса (МБ). В первом случае важнее «филологический» и историко-культурный подходы, во втором случае важнее «экономический» и «социолого-психологический» взгляды, при этом надо сразу же подчеркнуть, что закавыченные слова-термины условны и их цель в данном контексте скромная — наметить два очевидных методологических вектора, указав на объективное сосуществование и взаимосодействие двух научных парадигм в современной герменевтике и методологии социально-гуманитарных наук [1; 2; 10; 11]. Цель данной статьи можно сформулировать так: уточнить зоны наиболее эффективного взаимодействия неблизких парадигм анализа МТ и МБ.

Первый подход целесообразно продвигать и даже в отдельных ситуациях фетишизировать как наиболее традиционный и фундированный, особенно если речь идет о смыслопорождении и накоплении культурного опыта с помощью эстетической публицистики (например, в ситуации эстетического анализа журнального контента) [6; 9; 11], второй методологический подход важнее при разговоре о МТ (и/или аудитории) как товаре [7, 240—281], причем разговор в этом случае носит заметно более наукообразный характер, определяющей методикой становится опора на точные цифры и строго рациональные аргументы. МБ связан с финансами, тут

требуется особая точность суждений, статистическая робастность подсчетов, что достаточно редко встречается в работах общекультурологической направленности. В «филологических» изысканиях теоретиков СМИ, в основе которых лежит внимание к особенностям коммуникативных процессов, к языку общения посредством МТ, немало полезных сообщений, тяготеющих преимущественно к жанру эссе или к свободному варианту аналитической (порой квазианалитической) проблемной статьи, предполагающей опору на рациональное толкование не только строгих фактов и первичных событий, но и слухов, мнений и даже иррациональных явлений [4]. В статьях о динамике доходов от рекламы в СМИ трудно встретить анализ стилевых явлений, здесь, конечно же, уместен анализ статистических данных, индексов влияния, опросов общественного мнения.

Исходной точкой наших дальнейших размышлений стала идея нового поворота в эволюции известного всем явления, которое мы называем медийной «глобализацией-глокализацией» [8]. Именно глобализация, ведущая к унификации, конвергентности и свободному трансграничному обмену информацией, на наш взгляд, обусловила основные законы сосуществования двух методологических парадигм, о которых идет речь в данной статье. Цель статьи можно сформулировать так: уточнить зоны наиболее эффективного взаимодействия неблизких парадигм анализа МТ и МБ.

Глобализацию в массмедиа принято характеризовать в первую очередь как результат научно-технической революции, а также как фактор взаимодействия национальных рынков, меняющих сегодня

логику движения капиталов, товаров, услуг и рабочей силы по всему миру. Капитализм в постиндустриальном обществе ускорил интеграцию национальных систем хозяйствования («экономик»), ускорив сближение разных форм экономических процессов в мировом масштабе, что привело к появлению глобального стратегического лозунга: «Информация для всех». Изучение мировых медийных дискурсов с точки зрения политэкономии опирается на данные социологии, политологии, маркетинговых исследований, стратегического менеджмента, математики и других точных наук, что внешне свидетельствует в пользу данной парадигмы. Однако знакомство с работами в области медиаиндустрии не позволяет говорить о революционных изменениях в методологии изучения СМИ. Новизна есть, практическая значимость пока оставляет желать лучшего.

Нелинейная и неравновесная система медиаэкономики определила многие двусмысленные явления в мире восточной и западной журналистики, особенности процессов «глобализации-глокализации» во всех мировых массмедиа. Одной из таких закономерностей считается глобальная установка на стандартизацию производства, в том числе и в сфере производства МТ. И здесь возникает базовая контroversа. Универсальная стандартизация в производстве машин и/или товаров широкого потребления логична, в журналистике она тоже есть, конечно, но она же, утомляя неоднородные аудитории стандартом и стереотипами, клишированностью стиля изложения, породила контртенденцию — тягу к оригинально-неповторимому и уникальному, единичному, экспрессивно-игровому, гедонистическому, скажем, в форме неангажированной игры и полета фантазии, что сближает МТ с художественными произведениями и требует особых эстетико-филологических методик анализа МТ. То же наблюдается и в сфере производства развлекательного медийного товара — с одной стороны, унификация, приносимая глобальными законами рынка, порождает поток стандартных «мягких» сообщений («политейнмент»), ускоряет конвейер их создания, а с другой стороны, качественная журналистика зиждется на творческих усилиях личности и коллектива, что противоречит принципам информационного конвейера и клишированного инфотейнмента. Образно говоря, юмор «Камеди-клуб» быстро надоедает творческому человеку. Как отметили исследователи К. Гилберт и П. Варангис, «рыночная либерализация является частью феномена глобализации... Практические эффекты рыночной либерализации часто и сложны и противоречивы» («market liberalization is part of the globalization phenomenon... The practical effects of market liberalization are often both complicated and controversial») [12, 135]. Имелась в виду амбивалентность, порожденная неизбежностью глобализации и унификации, с одной стороны, и очевидными

противоречиями международной интеграции, когда страны Африки, например, обречены на догоняющее развитие без ощутимых шансов на выравнивание позиций в экономике или в развитии массмедиа. Трудно определить перспективу такого поворота, но сегодня в СМИ ряда стран Азии, Африки и Латинской Америки, попавших в зону господства конвейерного производства, абсолютно однозначно наблюдается амбивалентное влияние разнонаправленных векторов — и плановой экономики, госконтроля, и частного бизнеса, свободной торговли на рынке информации, и гедонистических устремлений аудитории, причем становление независимых качественных СМИ сопровождается мучительной борьбой как за свободу слова, так и за победу серьезной журналистики во всем мире. В этой ситуации слияние разных методик анализа МТ естественно и полезно, оно диктуется противоречиями глобализации.

В прошлые три века, как мы знаем, свободный рынок интенсифицировал трансграничную торговлю и научный прогресс, что имело прямые последствия для мировой культуры, особенно для образования, искусства, журналистики. Социалистические страны, появившиеся после Октября 1917 года, тоже не стояли в стороне от интеграционных процессов, хотя блоковое мышление и породило процессы, связанные с «железным занавесом». Революция принесла с собой идеи интернационализма и всемирного братства трудящихся, что тоже не могло не работать в корреляции с глобализационной идеологией. И сегодня марксизм-ленинизм привлекает умы миллионов своей мечтой о создании мирового бесклассового общества с единой планетарной координацией усилий человечества. Как и буддизм, христианство, ислам, идея коммунизма продолжает бродить (в некоторых регионах продолжает бродить неприкаянным нестрашным призраком) в умах миллионов людей, что в очевидной форме влияет на контент массмедиа и — косвенно — на наши методологические споры [5; 8; 11; 12].

Как не раз подчеркивали теоретики журналистики из МГУ, медийный рынок состоит из двух ипостасей: рынок контента, т.е. из произведений журналистов и сопутствующих товаров, производимых в лоне массмедиа (например, телешоу, где журналисты могут быть активными участниками-создателями медиапродукта, а могут и не быть таковыми); рынок аудиторный, предлагающий рекламодателям потребителей медиаконтента в качестве «вторичного товара СМИ» [7, 240—281]. Московская школа медиаэкономики, заметим в скобках, изучает СМИ как отрасль рыночного хозяйства, для которой важны не столько глобальные закономерности (особенности производства и потребления вообще, соотношение экономики и политики, роль финансов и банков, труд и стоимость, цена и прибыль как общемировые категории и т.п.), сколько более конкретные параме-

тры, прежде всего микроэкономические показатели (доходы от рекламы в СМИ, концентрация и конкуренция изданий, аудитория как товар, особенности коммодификации, финансиализация и сетевая коммуникация и т.п.). С этой позицией можно согласиться, но есть проблема анализа смысла медийной информации как способа концептуализации «незастывшей современности» (М. Бахтин). Экономическая составляющая, тщательно анализируемая коллегами, мало что прибавляет в разговоре о содержании материалов СМИ. Неизбежна и контрверза с аналитиками-политологами, изучающими медиаэффекты, пропагандистский потенциал МТ. Краткосрочные эффекты, рассматриваемые в трудах представителей политической парадигмы, к сожалению, не дают полного представления о долгосрочном воздействии массмедиа на умы потребителей. Далеко не всегда точные цифры дают точное представление о развитии журналистики и о природе МТ. Рассмотрим в качестве примера ситуацию с экономической оценкой труда журналиста.

Труд журналиста как политэкономическая категория воплощается в продукте, за который потребитель, как правило, платит, хотя есть и исключения (бесплатные газеты, предельно дешевый сетевой контент и т.п.). То же встречается и в других отраслях экономики. Пищевые продукты изготовители тоже могут раздать, но, в отличие от журналистов, лишь в очень малых количествах (обычно ради рекламирования товара или благотворительности). Зарплата журналиста зависит как от количества его продукции, так и от ее качества, от законов спроса и предложения. Бросается в глаза очередной парадокс рынка: растет разрыв между спросом и предложением. Естественно, что спрос отражает наши потребности. Но спрос — это не только потребности, но и возможности. На структуру спроса влияет, например, мода. Сегодня не очень популярны дискуссии по материалам печати. Предложение есть, а особого спроса на серьезные тексты нет. Читатель качественных газет вымирает как класс. Спрос конкретной аудитории на конкретный товар с большой долей достоверности указывает на принадлежность потребителей к определенной культуре, к региону проживания, к этносу, политической системе и т.д. Казалось бы, рынок легко регулирует моменты встречи производителя и потребителя в точке соединения двух кривых — спроса и предложения. Как это наблюдается в повседневной жизни, например, в случае с товарами широкого потребления, когда перепроизводство товара порождает кризис, разорение неповоротливых производителей, не приостановивших выпуск невостребованной продукции. В такой ситуации преобладания предложения над спросом в нормальных условиях цены падают, победители остаются с прибылью, остаются поставщиками товаров и услуг, а проигравшие уходят из бизнеса. Не то в СМИ. Не знающая границ

медийная деятельность подталкивает рыночный локомотив глобализации, сближая духовные элиты разных стран, вовлекая в свою воронку массы профессионалов и любителей, порой ставящих задачи обогащения там, где это не предполагается. А обратный процесс влияния рынка на СМИ делает возможным процветание не только китчевых изданий, но и текстов, которые мало кто читает. И это не странность, хотя внешне звучит парадоксально. Парадокс в ином — в конвергенции рынка рекламы и рынка журналистского контента. Журналисты-пропагандисты, защищающие власть, оплачиваются лучше, чем представители независимой расследовательской журналистики. Труд последних невозможно измерить рублем. И никакая статистика не учтет риски. Иногда это риски для здоровья, а то и для жизни. Анализ этого явления целесообразно проводить на основе интегрированной методики, о которой уже приходилось писать [9, 181—182]. Труд журналиста сочетает в себе творческое и рутинное начала, и соединение креатива и стандарта в этой профессии сегодня таково, что «звездных» и высокооплачиваемых «гуру», мастеров высшей квалификации становится меньше, а «конвейерных» работников, получающих скромную зарплату, больше. Так выгоднее хозяевам медийного бизнеса. Что делать рядовому работнику? Рынок подталкивает к нарушению этики профессии, в цифрах эту тенденцию выразить трудно, но все ее ощущают. Падение статуса профессии журналиста во многом связано с общим размыванием этических и творческих критериев. Это особенно заметно в «желтых» СМИ, где новости подаются без должного учета научной картины мира и принципов верификации истины.

Подведем предварительные итоги. Плюсом глобализационных процессов можно считать как сближение экономик капитализма и социализма, так и унификацию в экономической сфере. Следствием становится унификация методологии в науке. Медийно-событийная картина мира в СМИ в последние десятилетия реконструируется, как правило, на базе «потребительских» (обывательских) представлений об истине. Точность деталей не делает картину мира объективной, а тем более адекватной.

Исключительное продается лучше, чем характерное, мелкие новости о мелких делах «мелких» людей не могут быть хорошим, интересным инфотоваром, т.к. люди всегда больше хотят знать о значительном либо необычном, услышать что-то не просто интересное, но сенсационное. Отсюда и стремление многих журналистов раздувать скандалы, вести информационные войны, привлекать внимание к медийному событию, даже если оно и не претендует на социальную значимость. Продаваемость новости подменяет ее социальный масштаб, и этот закон рынка, как правило, лучше характеризует исследователь, опирающийся на со-

циокультурные и психологические методы анализа МТ, чем ученый, ищущий экономические и статистические доказательства данной нехитрой идеи. Нередко сторонники строгой доказательности создают сложный аппарат и массу таблиц, доказывающих лежащие на поверхности закономерности. Конфликт между представителями разных гносеологических и когнитивных парадигм не носит принципиального характера, но он подводит нас к вопросу о более и менее актуальных методах познания. Проблема не в методике, а в ином, в поиске достойной проблемы для научного исследования и в решении когнитивных коллизий гуманитарной науки. Метод не может в решающей степени определять ценность научных идей. Но и без него не будет весомого результата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — Москва, 1979.
2. Бодрунова С. С. Западная медиааксиология и либерально-демократический идеал работы СМИ / С. С. Бодрунова // Журналистика. Общество. Ценности / ред.-сост. В. А. Сидоров. — Санкт-Петербург, 2012. — Вартанова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран / Е. Л. Вартанова. — Москва, 2003.
3. Засурский Я. Н. Информационное общество и средства массовой информации / Я. Н. Засурский // Информационно общество. — 1999. — № 1. — С. 36—40.
4. Землянова Л. М. Журналистика и коммуникативистика. Концептуализация медийных процессов в современной зарубежной науке / Л. М. Землянова. — Москва, 2012.
5. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / Дж. Кин. — Москва, 2015.
6. Основы медиабизнеса. — Москва, 2017.
7. Хорольский В. В. Зарубежная публицистика в Эпоху Постмодернизма. Проблемы анализа медийных дискурсов / В. В. Хорольский. — Воронеж, 2012
8. Хорольский В. Основные противоречия профессии журналист / В. В. Хорольский // Сборник материалов Международной научно-практ. конф. — Москва, 2013. — С. 181—182.
9. Хорольский В. В. Современные теории массовой коммуникации на Западе: Пособие по спецкурсу. Конспект лекций, методика изучения, задания / В. В. Хорольский. — Воронеж, 201.
10. Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения / Б. И. Ярхо. — Москва, 2006.
11. Gilbert C. L., Varangis P. Globalization and international Commodity trade with specific reference to the West African cocoa producers. In: Challenges to globalization. Analyzing the economics Ed. R. Baldwin and L. Winters. Chicago, L., 2004. — P. 135.

Воронежский государственный университет

Хорольский В. В., профессор кафедры истории журналистики и литературы

E-mail: khorolbox@mail.ru

Voronezh State University

Khorolsky V. V., Professor of the History of Journalism and Literature Department

E-mail: khorolbox@mail.ru

МЕДИА КАК MYSTERIUM TREMENDUM

Е. А. Цуканов

Высшая школа печати и медиатехнологий

*Санкт-Петербургского государственного университета
промышленных технологий и дизайна*

Поступила в редакцию 12 апреля 2018 г.

Аннотация: в статье обозначены новые перспективы в сфере медиаисследований, на стыке меди-антропологии, философии культуры, феноменологии религии и журналистики. Медиа анализируются в качестве религиозного объекта, обладающего качествами нуминозного, содержащего весь спектр оттенков ужасного, таинственного, чудесного, энергетического.

Ключевые слова: медиа, антропология медиа, медиареальность, СМИ, священное, нуминозное, ритуал, магия, религия, феноменология, сознание, религиозный опыт, ужасное.

Abstract: the article outlines new prospects in the field of media research at is junction of median-anthropology, the philosophy of culture and the phenomenology of religion and journalism. Media are analyzed as a religious object possessing qualities of numinous, containing the whole spectrum of shades of horrible and mysterious and wonderful and energetic.

Keywords: medias, anthropology of media, mediareality, MASS-MEDIA, sacred, the numinous, ritual, magic, religion, phenomenology, consciousness, religious experience, terrible.

Тема нашего небольшого исследования находится в поле зрения актуального научного направления — антропологии медиа, находящейся на пересечении визуальной антропологии, философии культуры, социальной антропологии, журналистики и занимающейся (в числе прочего) анализом восприятия читательского и зрительского контента, медиапрактик, трансформации сознания, превращенных форм религиозности и т.д.

Ситуация маниакального почитания гаджетов дошла до такой степени, что на сегодняшний день можно с уверенностью говорить о медиа как феномене, который имеет всю атрибутику, характерную для религиозного объекта. Разумеется, мы не имеем в виду так называемое «воцерковление гаджетов», которые помогают мусульманам определить направление для совершения намаза, а православным — найти вторую половинку на сайтах знакомств [1]. Взаимосвязь медиа и религии нас интересует совсем в другом аспекте, для понимания специфики которого достаточно обратиться к работам руководителя Анненбергской школы медиаисследований Д. Гербнера, который одним из первых подметил функциональный изоморфизм медиа (в частности, телевидения) и церкви; А. Черных, проанализировавшей ритуалы и мифы медиа; Б. Гройса, давшего описание религии в эпоху дигитальной репродукции и пришедшего к выводу, что визуализация дигитальных данных мало чем отличается от иерофании

любого божества, а также многих других исследователей, отметивших принципиально новый принцип взаимоотношения медиа и религии. На этом фоне провозглашение инженером Кремниевой долины Э. Левандовски новой церкви, объектом поклонения которой является Искусственный интеллект [2], является вполне прогнозируемым актом. А если подкрепить вышеуказанные тезисы основными идеями философии техники П. Флоренского и М. Хайдеггера, вскрывающих ноуменальные аспекты существования технических объектов, то возникновение в современной культуре новой медиарелигии не кажется таким уж неожиданным.

Религия проявляет себя во внутреннем единстве трех сфер: предметов, представлений и переживаний. В медиа как религиозном феномене наличествуют все три плана религиозной жизни: ноуменальный, личный и социальный. В ноуменальном плане медиа представляются некоей особой реальностью (которую можно квалифицировать как медиареальность). В личном плане религиозной жизни медиа наделяются свойствами, характерными для священного объекта, что находит отражение в религиозном опыте субъекта, связанном с иерофанией. Следует отметить, что все три разновидности иерофании неразрывно связаны между собой в феномене медиа, являющимися собой и объект, и невидимую реальность (медиареальность) и медиатора. В социальном плане религиозной жизни медиа конструируют особую реальность посредством ритуалов, выполняющих функцию символической социализации и контроля,

заново заколдовывая некогда расколдованный мир. По мнению М. Маклюэна, главное, что привнесли электронные медиа в современную культуру, — это иррациональность.

Важнейшей стороной религиозного опыта является нуминозность, которая связана с интенсивным переживанием таинственного и устрашающего божественного присутствия. Таким образом, мы приблизились к обозначению предмета нашего исследования — медиа в качестве источника нуминозного.

Понятие нуминозного вошло в научный оборот с легкой руки немецкого теолога и феноменолога религии Р. Отто. Вычленив из понятия «святое» моральный и рациональный компоненты, оставшийся иррациональный компонент исследователь назвал нуминозным. Следовательно, понятие священного шире, чем понятие нуминозного, поскольку священное содержит в себе нуминозное как некий своеобразный иррациональный элемент, наличие которого делает нуминозное совершенно недоступным для понятийного постижения [3].

Нуминозное является довольно сложным образованием, представленным несколькими компонентами, важнейшими из которых выступают *mysterium tremendum* и *mysterium fascinans*. Кратко рассмотрим структуру этих компонентов.

Mysterium tremendum состоит из следующих элементов: момент *Tremendum* (ужасающего), момент *Majestas* (всемогущего), момент *Energicum* (божественной энергии). Обратной стороной *mysterium tremendum* является *mysterium fascinans*, центральным ядром которого выступает момент *Fascinans* (восхищение). Дадим краткую характеристику каждого из указанных моментов нуминозного.

Момент Tremendum (ужасающего) представляет некую чувственную реакцию — испуг, который исполнен внутреннего ужаса, жути разной степени интенсивности, но в любом случае пронизывающей субъекта до мозга костей. Этот демонический ужас не исчезает даже на ступени самой высшей и чистой веры в Бога.

Момент Majestas (всемогущего) представляет собой бессилие перед лицом всемогущества и полновластия, которое превращает полноту власти в полноту бытия.

Момент Energicum (Божественной энергии) выражается в некоем особом рвении, доходящем до экстаза, наполненном необычной динамикой жизни и страсти.

Момент Mysterium (Совершенно иное), как правило, означает не просто страшную тайну, а нечто странное, непонятное вообще. В то же время моменты *tremendum* и *mysteriosum* принципиально отличимы друг от друга, а момент *mysterium* в нуминозном может перевешивать момент *tremendum*, выступая на первый план. *Mysterium* минус *tremendum* можно обозначить как *mirabile* — удивление, обуслов-

ленное чудом, вплоть до состояния некоего ступора. *Mirum* — это нечто совершенно иное, загадочное по своей природе. Подвержено изменению, развитию, в ходе которого все более отчетливо проявляются могущество *mirum*. Можно выделить три ступени этого процесса: ступень просто изумительного, ступень парадокса и ступень антиномии [3].

Вторым полюсом нуминозного, в который диалектически переходит *mysterium tremendum*, является *mysterium fascinans*, являющее собой нечто притягательное, очаровывающее и составляющее непостижимую гармонию с отталкивающим моментом *tremendum*.

Следует отметить, что помимо вышеназванных моментов в нуминозное входит еще несколько, в частности момент *Augustum*, представляющий некую субъективную ценность-в-себе. Таким образом, структура нуминозного, выделенная Р. Отто, несмотря на кажущуюся простоту, представляется тем не менее достаточно запутанной.

Для выражения нуминозного существует ряд средств, которые Р. Отто разделил на прямые и не прямые (косвенные). К первым относятся поза, жест, интонация, выражение лица, торжественность и благоговение. Ко вторым — *mirum*, которое будучи одновременно и могущественным и страшным, пронизывает собой и ритуал, и культ. К числу прямых средств выражения нуминозного в западной культуре Р. Отто относит *темноту* и *безмолвие*, а в восточной — *ширь* и *пустоту*. Косвенными средствами выражения нуминозного являются возвышенное и магическое. Последнее, как затемненная сторона нуминозного, представляет собой низкую, сырую форму, которая, постепенно облагораживаясь, приобретает черты возвышенного, проявляющее себя в высоком искусстве [3]. Здесь уместно обратиться к мнению А. Черных, которая констатировала преимущественно негативный (в классификации Э. Дюркгейма — отрицательный) характер ритуалов медиа и пришла к выводу о том, что современные аспекты ритуала в медиа все же ближе к фрезеровскому его пониманию: они в большей степени магичны, чем религиозны, поскольку скандал и девиация представляют собой «...ритуал обращения с вторжениями неизвестного, невиданного, страшного и нежелательного» [4, 47]. И в этом плане «...для зрителя как пассивного наблюдателя телевизионный экран оказывается излучающим ту же гипнотическую магию, что и костер первобытной орды, отвлекающий от проблем и охраняющий от угроз [4, 47]. Соответственно, из всего комплекса нуминозных моментов в характеристике медиа, мы будем заострять внимание преимущественно на *Mysterium tremendum*.

Следует, однако, уточнить, что, постулируя нуминозную природу медиа, мы, прежде всего, имеем в виду новые медиа, появление которых обусловлено возможностью цифровых технологий кодировки ин-

формации. К числу их характерных признаков можно отнести отсутствие единого способа распространения (Интернет, соцсети, мобильные приложения, пуши в браузере, рассылки и т.д.), а также функционирование по современной модели потребления информации. У новых медиа отсутствует вертикальная иерархия, но наличествует сетевая структура. Вышеуказанным признакам соответствуют все каналы коммуникации, связанные с Интернетом и обладающие свойствами интерактивности: интернет-версии СМИ, интернет-СМИ, интернет-ТВ и интернет-радио, мобильное ТВ, блогосфера, социальные сети, виртуальные сообщества, виртуальные игры и др.

По мнению К. Г. Юнга, нуминозность представляет собой воздействие невидимой силы, вызывающей особые изменения сознания [5]. Новые медиа воздействуют на человека, вводя его в состояние легкого транса. Это воздействие может быть как спонтанным, так и спланированным заранее. Из этого следует, что нуминозное переживание, как специфический личный опыт представителя зрительской аудитории, во время просмотра спровоцирован действием медиа-технологий. Такое воздействие в прямом смысле захватывает человека, овладевает им, превращая его в жертву нуминозности.

Наличие нуминозного объекта (медиа) полагает существование некоей особой реальности. Применительно к теме нашего исследования данная реальность может быть определена как медиареальность, раскрывающая себя через свои основные эффекты — всеведение и всеприсутствие — качества, во всех религиях являющиеся одной из главных характеристик божества. К. Г. Юнг считал, что нуминозное — это опыт страха, трепета перед властью, но опыт величественного, дающего полноту бытия [5].

По убеждению М. Хайдеггера, человек, возмнивший себя творцом технической цивилизации, не замечает подстерегающей его опасности, которая заключается в том, что в «момент» осознания своего господства над окружающим миром, он (человек), в действительности... оказывается во власти *Gestell* — скрытой силы, таинственного начала, порождающего современную технику [6]. Основная цель СМИ (и шире — медиа) не просто информировать аудиторию, а влиять, воздействовать и властвовать. Поскольку в ноуменальном плане медиа (как и любой технический объект) представляет собой самостоятельную форму бытия сущего, то следует признать, что человек оказался во власти медиа, которая имеет наступательный характер и стремление к тотальности: властное включение медиа в нашу жизнь распространяется на наши понятия, образ жизни, религиозные и нравственные представления, язык, чувства, социальность [7].

Постулируя нуминозный характер медиа, можно констатировать, что он действительно имеет не только оттенки, но и глубокие тона монструозности, ко-

торые прекрасно иллюстрируют момент *Tremendum*. В связи с этим нам следует обратиться к исследованию В. А. Подороги, центральным понятием концепции которого является «Господин-монстр» — собирательный образ, состоящий из смешения известных политических масок, которые есть не что иное, как образ действия монструозного прототипа [8]. Конечно, автор имеет в виду, прежде всего, некий класс, к которому относятся черные рейдеры, черные риелторы, строители финансовых пирамид, действующие с ведома чиновников разных уровней и т.д., то есть некий *Homo criminalis*. Господин-монстр приходит в дома вместе с телевидением и другими аудиовизуальными медиа, принося с собой сериалы, программы, напичканные депрессивными, криминальными и садистскими образами, поглощение которых аудиторией приводит последнюю в состояние ужаса.

Момент *Majestas* в медиа находит отражение в формировании у подвластной аудитории пиетета к всемогущему источнику власти. К числу наиболее важных качеств власти, способных вызвать столь глубокие чувства, В. В. Бочаров относит аномальность — физическую, психическую, поведенческую и прочие. Вышеуказанные признаки аномальности вызывают у управляемых эмоции подчинения, которые необходимы субъекту власти для формирования у него ощущения избранности и психологического превосходства, что достигается в том числе и за счет нарушения табу. По мнению А. Калмыкова, аномальность медиа как субъекта власти представляет собой вариации посюсторонних социопатий: многониковость — это не что иное, как одна из форм расслоения личности и признак шизофрении, лудомания — одна из форм наркомании и т.д. Также легко в Сети можно найти проявления эпилепсии, аутизма и сексуальных перверсий [9].

Момент *Mysterium* в медиа особенно наглядно иллюстрирует предположение А. Калмыкова о сущности Сети, которое постулирует её *иную* природу. Медиа как расширение тактильной и кинетической модальностей (в концепции органопроекции) представляет собой достаточно жуткое существо, способное думать и осязать окружающий мир [9]. Как нечто совершенно иное Сеть формирует иные коммуникации, которые успешно транслирует в обыденность и повседневность. Выражением этого является такой культурный феномен, как флешмоб, который невозможен без мобильной связи и Интернета. И тут приходит осознание ужасающего факта, что спикером флешмоба является сама Сеть. Человека, познавшего эту тайну медиа, охватывает нуминозный ужас.

Момент *Energicum* может быть констатирован в силу возникновения уникальной ситуации в киберпространстве, где стирается грань между личностью и социальной средой, а значит, виртуальный мир выводит процесс интериоризации на другой уровень. Интенсификация методов потребления информации

ведет к тому, что не только мы с утроенной энергией пытаемся ворваться в виртуальный мир, но и виртуальный мир с такой же неукротимой энергией пытается ворваться в нас.

Подводя итог нашего небольшого исследования, следует отметить, что если одна из двух составляющих религиозного отношения — страх или удивление — доминирует над другой, то на месте религиозного отношения субъекта к некоему объекту остается простое любопытство, что, по мнению М. Хайдеггера, можно квалифицировать как не встречу человека со святым. Подкрепив этот тезис словами П. Флоренского о том, что живая реальность — это благое бытие, а формальная, иллюзионистическая её копия — зло, то можно предположить, что в статусе превращенной формы религиозного объекта медиа — это пространство зла и не встречи человека со святым, что отсылает нас к гностической (жизнеотрицающей) картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Религия в гаджетах. — URL: <https://geektimes.ru/post/276094/> (дата обращения: 05.04. 2018).

Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского университета промышленных технологий и дизайна

Цуканов Е. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ

E-mail: belgorod007@inbox.ru

post/276094/ (дата обращения: 05.04. 2018).

2. CLXIII. Точка невозврата. Церковь Искусственного Интеллекта. — URL: <https://goldvoice.club/@chaos.legion/clxiii-tochka-nevozvrata-cerkov-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 05.04. 2018).

3. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто. — Санкт-Петербург, 2008.

4. Черных А. И. Ритуалы в медиатизированном обществе: препринт WP14/2012/03 / А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Москва, 2012.

5. Юнг К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. — Москва, 1991.

6. Павленко А. Н. Возможность техники: взгляд из Лавры и голос из Марбурга / А. Н. Павленко // Историко-философский ежегодник — 2002. — Москва, 2002.

7. Костюк К. Н. Книга в новой медийной среде / К. Н. Костюк. — Москва, 2015.

8. Подорога В. А. Господин монстр: заметки по антропологии власти / В. А. Подорога // Политическая концептология. — 2016. — № 2. — С. 116—128.

9. Калмыков А. А. Четвертая политическая сила / А. А. Калмыков // Вестник РГГУ. — 2012. — № 1. — С. 21—28.

Graduate School of Printing and Media Technologies, St. Petersburg University of Industrial Technology and Design

Tsukanov E. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Journalism and Media Technologies

E-mail: belgorod007@inbox.ru

ПРОБЛЕМА МЕДИАМЕНЕДЖМЕНТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ВО ВЬЕТНАМЕ¹

Чан Тхи Тху Хыонг

Ханойский национальный университет

Поступила в редакцию 10 июля 2018 г.

Аннотация: индустриальная революция 4.0 — это новая эра средств массовой информации и коммуникаций, в которой особую роль играет медиаменеджмент. Не обошел этот процесс и Вьетнам. В статье рассматриваются общее состояние современной системы СМИ во Вьетнаме, проблема медиаменеджмента, способы решения для улучшения качества медиаменеджмента.

Ключевые слова: СМИ Вьетнама, медиаменеджмент, индустриальная революция 4.0.

Abstract: the industrial revolution 4.0 is a new era of mass media and communications in which media management plays a special role. Vietnam has not bypassed this process. The article discusses the General state of the modern media system in Vietnam, the problem of media management, ways to improve the quality of media management.

Keywords: Vietnam media, media management, industrial revolution 4.0.

Развитие коммуникационных и других технологий расширяет цифровую среду для СМИ. Появляются новые социальные сети, процесс сбора, обработки, производства и передачи информации становится более удобным, универсальным, оперативным. Но всё это — в контексте глобализации — создает и проблемы для медиаменеджмента.

Состояние современных средств массовой информации Вьетнама. Вьетнамская система СМИ насчитывает уже более ста лет своей истории. Они включены в мировое информационное пространство.

В настоящее время в стране насчитывается 845 редакций печатных газет и журналов, одно национальное информационное агентство, 67 радио- и телевизионных станций, 98 электронных агентств, 1525 сайтов. 179 каналов сопрягают свою деятельность с программой средней школы, 420 социальным сетям разрешено работать с очень высоким трафиком [1]. С 1986 г. по настоящее время журналистика рисует всестороннюю картину жизни общества, участвует в процессе реформирования страны. СМИ играют ключевую роль при информировании населения о деятельности партии, государственных и общественных институтов. Большим уважением пользуется профессия журналиста. Число журналистов, получивших профессиональную карту, в настоящее время составляет 15000 человек.

Информационный бум, развитие технологий по-

родили и множество проблем. Возник кризис печати, имеющий всемирный характер, ведь и в США такие крупные издания, как «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и «Лос-Анджелес таймс», резко сократили тиражи. Во Вьетнаме ситуация имеет свою специфику, связанную с зависимостью прессы от государственного бюджета. При этом правительство поощряет автономию и диверсификацию средств массовой информации, приветствует повышение качества журнализма, что отмечается и в Национальной программе планирования развития и управления СМИ до 2025 г. В ней электронные издания и социальные сети отмечены как важнейшие средства коммуникации [2].

Проблема медиаменеджмента во Вьетнаме. Пресса во Вьетнаме является рупором партии и государства. Журналисты действуют в рамках Закона о печати, опираясь на концепцию журналистики как «четвертой власти», придерживаясь правил профессиональной этики. Но в период перестройки появилась и проблема коррумпированности в журналистике, что крайне осложняет управление данным социальным институтом. С ростом числа СМИ различных видов, с приходом в журналистику и блогерство массы любителей, возникла проблема борьбы с распространением недостоверной информации: так, много клеветы было направлено против КПВ, ее прежних лидеров; немало публикаций приводило к разжиганию ненависти, к массовым беспорядкам.

В июне 2018 г. на пятой сессии Национального собрания Социалистической Республики Вьетнам депутаты XIV созыва обсуждали проект Специальной административно-экономической зоны Ван-

¹ Статья подготовлена в рамках темы научного исследования № КГ.18—55, спонсируемой Национальным университетом Ханоя

дон, Северный Ванфонг и Фукуок. Группа людей, протестуя против 99-летней аренды земли, а также против проекта закона о безопасности в Интернете, устроила беспорядки в городе Биньтхуан, разрушив здание провинциального Народного комитета. Конечно, важно, чтобы принимаемые законы получали одобрение большинства народа, тем более те, что непосредственно связаны с безопасностью, обороной, национальным суверенитетом, защитой прав и интересов населения. Но все должно проходить легитимно, без огульного очернения руководства страны. Политика открытых дверей реализуется не просто, возникают объективные и субъективные трудности и препятствия, которые важно преодолевать всем вместе, заботясь о репутации Вьетнама.

Сегодня понятие «журналист-гражданин» стало очень популярным. Под этим статусом «инициативная группа» стала активно транслировать ложную информацию о правительстве, партии и государстве, что стало возможным в условиях жесткой конкуренции между СМИ различного вида и направленности. Нельзя не приветствовать повсеместный переход редакций на мультимедийную модель организации работы, но приход Интернета породил не только во Вьетнаме, но и в других странах вопросы морально-этического и правового характера: нарушение авторских прав; вторжение в частную жизнь; диффамацию, наносящую ущерб личной чести; скрытую рекламу; поддельные изображения и др.

Существующий Кодекс этики и профессионального поведения Ассоциации журналистов Вьетнама, к сожалению, не согласуется с современными реалиями и не отвечает потребностям развития профессии. В частности, требуют более четкого определения понятия социальной ответственности и гражданского долга. Есть масса организационных моментов, требующих скорейшего разрешения, связанного, например, с онлайн-СМИ. Однако нет правовой основы для выдачи юридических документов при управлении этой деятельностью. Снижается доверие к прессе —

читатели новостей готовы, скорее, получать новости от родственников, чем из СМИ.

Таким образом, модель управления СМИ должна учитывать то, что во Вьетнаме существует лишь одна партия — Коммунистическая партия Вьетнама, что журналистика находится под контролем государства, что необходимо не только регулировать деятельность государственных СМИ, но и учитывать развитие Интернета и социальных сетей, для чего необходимо дополнить и усовершенствовать систему правовых документов в целях обеспечения гласности.

Для того чтобы оперативно выявлять нарушения, необходимо выстроить систему проверки деятельности редакций и информационных агентств. Вместе с государственным регулированием следует развивать систему саморегулирования в профессиональном сообществе. Особенное внимание нужно уделять ответственности журналистов за достоверность публикуемой информации, вопросам фактчекинга. Для Вьетнама важно содействие СМИ в сохранении национальной культуры, защите окружающей среды. Всё это возможно при постоянном притоке молодых профессионалов, которые должны выпускать центры подготовки медиаспециалистов, ориентированные на достижения индустриальной революции 4.0.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заключительный отчет о работе в 2017 году, развертывание миссии в 2018 году, Департамент центральной пропаганды, декабрь 2014 года. — URL: <http://mic.gov.vn/Pages/TinTuc/136299/Bo-TT-TT-tong-ket-cong-tac-nam-2017-va-trien-khai-nhiem-vu-nam-2018.html> (дата обращения: 05.07.2018)

2. Объявить государственную программу планирования развития и управления журналистики до 2015 года. — URL: <http://www.nhandan.com.vn/chinhtri/tin-tuc-su-kien/item/27532602-cong-bo-de-an-quy-hoach-phet-trien-va-quan-ly-bao-chi-toan-quoc-den-nam-2025.html> (дата обращения: 01.07.2018).

Ханойский национальный университет

Чан Тху Тху Хыонг, кандидат филологических наук, преподаватель

E-mail: tranthuhuong140589@gmail.com

Hanoi National University

Chang Thi Thu Huong, Candidate of Philology, Lecturer

E-mail: tranthuhuong140589@gmail.com

СПЕЦИФИКА МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: ФЕНОМЕН АКТИВНОГО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

И. Н. Шамаев

Волгоградский государственный университет

Поступила в редакцию 17 июня 2018 г.

Аннотация: в представленной работе рассматриваются пользовательский и когнитивный аспекты трансформаций моделей медиапотребления в социальных медиа Рунета. Поднимается вопрос увеличения активности реципиента в процессе организации коммуникативного пространства, освещается проблема фрагментизации получаемой информации.

Ключевые слова: блоги, медиапотребление, постструктурализм, социальные медиа, социальные сети.

Abstract: this article analyzes user and cognitive aspects of media consumption models transformations in social media of Runet. It raises the issue of the user activity increase in the processes of the communication space organization; cover the problem of the getting information fragmentation.

Keywords: weblogs, media consumption, poststructuralism, social media, social networks.

На значительном временном промежутке магистральным направлением исследования практик социальных медиа являлось выявление соотношения пользовательского и журналистского контента и связанные с ним трансформации моделей медиапроизводства и медиапотребления. Центральной при изучении феномена гражданской журналистики стала проблема активного пользователя, выступающего не пассивным потребителем информационного продукта, а его производителем. Она не теряет своей актуальности и на нынешнем этапе изучения коммуникативных практик социальных медиа в контексте их медийного потенциала.

В то же время текущее состояние социальных медиа актуализирует несколько более глобальный подход к трансформации моделей медиапотребления, детерминированной современным состоянием Интернета. Акцент делается на широком осмыслении понятия гражданской журналистики, включающего в себя не только и не столько производство собственно пользовательского контента, сколько расширение функциональных границ для реципиента, выступающего в роли комментатора, интерпретатора и модератора сообщений. Как подчеркивает новозеландский исследователь Люк Гуд, «влияние гражданской журналистики на массмедийный дискурс не исчерпывается созданием новых сообщений. Не менее важным представляется воздействие, оказываемое блогерским сообществом на повестку дня, формируемую традиционными средствами массовой информации» [1].

Таким образом, на современном этапе развития сетевых электронных ресурсов вопрос взаимосвя-

занности пользовательского и журналистского контента становится менее актуальным, нежели проблема деформации моделей медиапотребления, связанная с изменением роли аудитории. Последняя задает целостную методологическую парадигму изучения феномена онлайн-журналистики в цифровую эпоху на данном этапе ее развития, когда наиболее репрезентативным становится осмысление пользовательского поведения в пространстве социальных сетей, а также набирающих популярность мессенджеров [2].

Касаясь исторической составляющей указанного выше процесса, нельзя обойти вниманием тот факт, что Рунет изначально стал площадкой, в которой производство собственного контента было симбиотически связано с медиапросветительской культурой, формирующей навыки отбора, оценки и репрезентации сообщений, поступающих из широкого круга каналов. Так, авторские проекты второй половины 90-х, появившиеся еще до создания в русскоязычном сегменте Сети непосредственно журналистских ресурсов, формировали картину происходящего в Рунете на ранних этапах его развития путем веб-обзоров, задающих определенную парадигму онлайн-коммуникаций. Веб-обзоры отражали подчеркнuto субъективное авторское отношение к ресурсам Рунета. Система ссылок и коротких комментариев к ним стала прообразом персонифицированной ленты подписки, которую мы детально рассмотрим ниже.

Блогосфера явилась закономерным продолжением процесса, при котором пользователь формирует собственную ленту подписки, включающую новости друзей, лидеров общественного мнения, в сетевом сообществе выступающих в роли так на-

зываемых «привратников», то есть людей, которые имеют возможность контролировать медиапоток, осуществляя выбор тем и расставляя акценты [3], а также интересующих его сообществ. Как пишет Е. А. Горный, «появление блогов ознаменовало дальнейшую демократизацию Интернета и дало пользователям простой и удобный инструмент самовыражения (и самоизобретения)» [4].

Подобная ситуация наблюдается и на текущем этапе развития онлайн-коммуникаций, когда аудиторный интерес сконцентрирован на социальных сетях, также позволяющих создавать индивидуальную персонафицированную ленту новостей путем включения в нее информации, поступающей от «друзей» и сообществ.

Что касается непосредственно журналистских ресурсов, то изменения структуры медиапотребления проявляются в том, что постепенно снижается количество пользовательских переходов на главные страницы интернет-СМИ. В то же время общее число их посетителей остается, с известными оговорками, константной величиной. Таким образом, с одной стороны, аудиторный интерес к сетевым продуктам журналистской деятельности как минимум не сокращается, но с другой стороны — меняется сама структура его потребления. Точкой входа на журналистские ресурсы становится персонафицированная лента подписки пользователя в социальных сетях. Следовательно, пользователь получает лишь отдельное сообщение, после чего возвращается обратно в персонафицированную ленту подписки вместо того, чтобы продолжать ознакомление с журналистским ресурсом, представляющим собой органическое целое. Вместо полной картины происходящего, подготовленной профессиональными создателями контента и модераторами, он имеет дело лишь с отдельными ее фрагментами, выбранными самостоятельно и не всегда осознанно. Таким образом, достигается высокая степень фрагментации, которая приводит к образованию информационных лакун, заполняемых во многом хаотически и бессознательно.

В данном процессе можно усмотреть предельное воплощение борьбы за таргетированную аудиторию и ориентирование на постструктуралистскую демассификацию общества, вызванную переходом от индустриального типа общества к постиндустриальному. Структура распространения новостных сообщений в социальных сетях напоминает ризому, о которой также писали постструктуралистские мыслители [5].

Трансформация моделей медиапотребления позволяет каждому пользователю формировать персонафицированную картину мира, в которой внутригрупповые сообщения локального характера перемежаются с массовой информацией. При этом в определенной мере онлайн-СМИ сохраняют журналистские стандарты работы с информацией, которая,

несколько изменяясь, становится частью указанной персонафицированной новостной ленты. Дивергентные силы, в значительной мере ослабляющие иерархические связи, компенсируются конвергентными, направленными на реструктуризацию и поддержание целостности системы социальных медиа в контексте их корреляции с непосредственно журналистскими сетевыми ресурсами. Разнонаправленность паттернов активности усложняет исследовательскую деятельность, однако не устраняет вовсе вопрос выявления закономерностей взаимопроникновения социальных сетей и онлайн-СМИ. Подобное положение позволяет снять остроту дискуссии о соотношении пользовательского и журналистского контента в информационном пространстве Интернета и заменить его на более широкую проблематику взаимодействия рассматриваемых феноменов.

Касаясь проблемы становления русскоязычного сегмента Интернета как общественного явления, а социальных медиа — как совокупности пользовательских выборов и определенных сообществ, оторвавшихся от традиционных представлений о пассивной аудитории, необходимо отметить, что наряду с процессами демократизации, происходившими не так давно в нашей стране, невозможно проигнорировать процесс демассификации общества в целом, характерный для всей западной цивилизации. В этом плане социальные медиа являются характерным примером деконструктивистской системы, в которой практически невозможно найти центр, а демассификацию можно рассматривать в качестве постмодернистского явления. С постструктуралистской философской мыслью также коррелирует и указанная нами выше разнонаправленность паттернов активности пользователя. В перспективе это может привести к поляризации пользовательских картин мира внутри глобальной коммуникативной площадки.

Обозначенные трансформации моделей медиапотребления обуславливают необходимость изменений внутри структуры новостей, которые должны быть пригодны для стимулирования пользовательского перехода на страницу онлайн-СМИ. Выявление определенных механизмов данной реакции становится фундаментальным для обеспечения успешного функционирования медийного ресурса в Рунете. С другой стороны, остается актуальной проблема проведения демаркационной линии, разграничивающей коммуникативное пространство социальных сетей и непосредственно журналистских ресурсов: стирание указанной границы в перспективе грозит серьезными деформациями в области работы с источниками информации, авторского права, журналистской этики и ряда иных важных характеристик профессиональной деятельности.

Таким образом, на первый план выходит проблема циркуляции и трансформации новостных сообщений (авторами которых в основном выступают

сотрудники профессиональных СМИ, крупных политических и общественных организаций, реже — гражданские активисты и иные лица) в пространстве социальных медиа, особенно социальных сетей. Без осознания указанных путей распространения и выявления закономерностей в этой сфере журналистская деятельность на этапе передачи реципиенту сообщения становится слабо осмысленной.

Изменения в медиапотреблении, связанные с трансформацией роли реципиента и сдвигом общей коммуникативной парадигмы, имеют серьезные когнитивные последствия. Модели активности пользователя, в пространстве социальных медиа осуществляющего отбор, оценку, репрезентацию, комментирование и продуцирование информации, актуализируют медиапросветительский дискурс, в то время как сейчас подобная деятельность во многом имеет бессистемный характер. Вместе с высоким уровнем информационного шума и общим усложнением рассматриваемой среды в цифровом пространстве подобный оттенок хаотичности приводит к стрессовым ситуациям для самого пользователя. Отечественный исследователь С. В. Паранько пишет по этому поводу: «За интерес человека одновременно борются уведомления от мессенджеров, социальных сетей, почтовых клиентов и интернет-изданий. Высокий технический шум цифровой среды снижает фокус внимания читателя» [6, 9].

Усложнение информационной среды должно органично сочетаться с рационализацией поведения медиапотребителя, в то время как на данном этапе наблюдаем обратный процесс. Критическое отношение к потребляемым новостным сообщениям заглушается высоким уровнем информационного шума, нередко сопряженным с общей установкой на рекреацию, сопутствующей просмотру ленты подписки в социальной сети.

Таким образом, информационные процессы, вместо того чтобы приобрести более высокую степень прозрачности, продолжают оставаться для аудитории внерациональным явлением, несмотря на увеличение пользовательской активности. Если учесть, что в персонифицированной ленте новостная информация из проверенных источников соседствует с ресурсами, ориентированными на сенсационную подачу сведений, и развлекательным контентом, то деформации картины мира становятся даже более существенными, чем в случае обращения к узкому кругу онлайн-СМИ. Присовокупив к этому мультимедийные и конвергентные процессы [7], протекающие в Интернете, усиливающие визуальную составляющую и актуализирующие внерациональные способы усвоения информации, получаем коммуникативное пространство, генетически способное вмещать в себя огромное количество медиамифов. Таким образом, феномен медиапросвещения оказывается парадоксальным образом сопряжен с манипулятивными прак-

тиками. Подобные практики могут быть связаны как с самим текстом, так и с трактовочно-комментарийным комплексом, которым он обрастает в процессе циркуляции внутри онлайн-среды социальных сетей. Указанная корреляция медиапросвещения и манипулятивного потенциала представляется практически не изученной на современном этапе исследований онлайн-коммуникаций.

В сложившихся условиях представляется необходимым, с одной стороны, адаптировать журналистские тексты к их функционированию внутри пространства социальных сетей и обростанию трактовочно-комментарийным комплексом, с другой — повышать пользовательскую медиакультуру, рационализируя участие аудитории в медийных процессах, приобщая пользователя к роли модератора собственной новостной ленты. Выполнение этих двух условий представляется необходимым для эволюции всей парадигмы интернет-коммуникаций, преодоления разрыва между технологическими потенциалами и реальными компетенциями пользователей, а также профессиональных производителей медиаконтента.

Выявление механизмов появления семантических комплексов в пространстве социальных медиа (в первую очередь социальных сетей), их деформирования и распространения (для рассматриваемой коммуникативной площадки два последних процесса единовременны и во многом симбиотичны) в этом контексте приносит синтезирующее начало, позволяющее снять субъект-объектную дихотомию и рассматривать проблему в ее целостности.

В данном контексте необходимо отметить, что современное состояние социальных сетей, характеризующееся как аутопойетическое, генетически связано с отмеченной выше проблемой иррационализации коммуникативных процессов, когда технические возможности системы и ее практики во многом опережают теоретическое осмысление происходящих процессов, что создает иллюзию самостоятельности.

На данный момент мы можем наблюдать не просто смещение моделей медиапотребления внутрь парадигмы, заданной интернет-сообществом, но развитие самой этой парадигмы. Выделение указанного феномена ставит перед исследователями ряд вопросов, связанных со спецификой данной коммуникативной среды, выявления законов ее функционирования, информационного и социального потенциала и т.п.

Таким образом, на современном этапе развития социальных медиа в определенной мере снимается острота дискуссии о взаимозаменяемости пользовательского и журналистского контента. В то же время актуализируются вопросы деформации традиционных коммуникативных моделей, изменения роли реципиента и паттернов медиапотребления, а также циркуляции семантических комплексов в пространстве Интернета вообще и социальных сетей в частности. В совокупности этот проблемный комплекс,

остро нуждающийся в заполнении образовавшихся лакун, формирует широкое поле исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Goode L. Social news, citizen journalism and democracy / L. Gude. — 2009. — URL: <http://nms.sagepub.com/content/11/8/1287.abstract> (дата обращения: 18.03.2017).
2. Голобушина О. К. Разговор в мессенджере как специфический жанр интернет-коммуникации / О. К. Голобушина // Вестник Омского университета. Языкознание. — 2015. — № 1 (75). — С. 208—212.
3. Levin K. Frontiers in group dynamics / K. Levin // Human Relations. — 1947. — № 1. — P. 143—153.
4. Горный Е. А. Виртуальная личность как жанр творчества / Е. А. Горный // Сетевая словесность. — 10.05.2007. — URL: <http://www.netslova.ru/gornyy/vl.html> (дата обращения: 18.03.2017).
5. Делёз Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 672 с.
6. Как новые медиа изменили журналистику. 2012—2016 / под ред. С. Д. Балмаевой и М. М. Лукиной. — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. — 304 с.
7. Кирия И. В. Мультимедиа и новые принципы новостей / И. В. Кирия // Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. — Москва: Фокус-медиа, 2010. — С. 30—48.

*Волгоградский государственный университет
Шамаев И. Н., аспирант кафедры журналистики и ме-
диакommunikаций,
E-mail: vonSchwarz@mail.ru*

*Volgograd State University
Shamaev I. N., Postgraduate Student
E-mail: vonSchwarz@mail.ru*

МУЛЬТИПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ТРЕНД СОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕПРОИЗВОДСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПРОЕКТОВ ПЕРВОГО КАНАЛА)

А. М. Шестерина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 марта 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается одна из форм производства и трансляции современного телевизионного контента — мультипроектирование. На примере работы Первого канала доказывается доминирование этой формы проектов в сетке вещания, обосновываются причины ее востребованности, предпринимается попытка классификации мультипроектов по существенным признакам.

Ключевые слова: телевидение, телепроектирование, мультипроект.

Abstract: the article explores one of the forms of production and broadcasting of modern television content — multi-project. Using the example of the work of First Channel, the dominance of this form of projects in the broadcasting grid is proved, the reasons for its relevance are justified, and an attempt is made to classify multiprojects on essential grounds.

Keywords: television, teleprojecting, multiproject.

Проектные методы формирования аудиовизуальных произведений сегодня становятся популярной альтернативой традиционным видам планирования. В сфере массмедиа востребованность проектирования особенно очевидна и подкрепляется динамизмом самой сферы. Это обусловлено во многом и трансформацией модели информационного поведения аудитории, для которого сегодня свойственны многоканальность и фрактальность восприятия, сокращение времени потребления отдельного медиатекста при увеличении времени медиапотребления в целом, локальность восприятия, потоковый характер потребления информации. Отмеченные черты аудитории современного типа делают проектирование успешной формой организации съемочного и трансляционного процесса. Подкрепляется это еще и отмечаемым многими исследователями процессом отторжения производства от трансляции. В этой ситуации проекты становятся уместной альтернативой традиционным передачам.

Какие плюсы в таких условиях дает проект? Это, прежде всего, конкретность, локальность и мобильность. Конкретность выражается в четком определении временных границ проекта и его формально-содержательном наполнении. Аудитория понимает, что познакомится со всем медиаконтентом в обозримые сроки и готова пожертвовать время на медиапотребление. Локальность, как правило, проявляется в тематической и проблемной сфере. Если передача (ежедневная или еженедельная) при сохранении формата имеет вариабельное содержание, то проект

сфокусирован на конкретном содержании и стремится к его полному раскрытию. Мобильность же проявляется как возможность размещения проекта на различных платформах или телеканалах.

В ряду видеопроектов особое место занимают мультипроекты. Мультипроект состоит из нескольких технологически зависимых проектов, объединенных общей группой целей, которая распределена в отношении разных объектов. Сегодня, когда для продвижения передачи и контакта с большей частью аудитории телеканалы вынуждены обращаться к различным каналам дистрибуции контента, едва ли не каждый телевизионный проект обретает черты мультипроекта. Рассмотрим этот процесс на примере работы Первого канала.

На главной странице раздела «Проекты» мы обнаруживаем ссылки на 50 проектов этого канала, каждый из которых можно смело отнести к категории «мультипроект». Алфавитный указатель всех проектов содержит 167 наименований передач, многие из которых делятся годами, имеют несколько сезонов и по характеру также могут быть отнесены к мультипроектам. Уже по наименованию проектов можно понять, что, несмотря на конкретность определения, мультипроект — широкий пласт явлений, которые можно разделить на виды по различным основаниям. Попробуем предложить классификацию мультипроектов по существенным типологическим признакам.

АУДИТОРНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ

По этому признаку мультипроекты можно разделить на универсальные (предназначенные для

широкого круга зрителей), узконаправленные (адресованные конкретной целевой аудитории) и комбинированные (мутирующие из одного вида в другой). К **универсальному** типу проектов может быть отнесен проект «Голос», который включает как регулярные выпуски передачи «Голос», «Голос. Дети», так и специальные выпуски («Все участники передачи «Голос» на сцене Гарри New Year»), адресованные любому зрителю. Такую же адресную направленность имеют проекты «Вечерний Ургант», «Время покажет» и многие другие.

К **узконаправленным** мультипроектам Первого канала можно отнести, например, проекты «Давай поженимся!», «Модный приговор», «Слово пастыря», «Умники и умницы».

Комбинированные проекты встречаются реже. Заметным на общем фоне можно считать проект «Выступления президента России». От характера выступлений зависит, какой аудитории они адресованы. Есть универсальные («Новогоднее поздравление президента России»), есть узконаправленные («Послание Федеральному собранию»).

ТИП ПРОИЗВОДСТВА

Еще одна классификация проектов может быть построена на анализе процесса его создания. Какая составляющая доминирует в процессе подготовки — креативная, организационная, техническая? Или, может быть, их сочетание? По этому основанию мультипроекты могут быть отнесены к креативному, креативно-техническому, организационному и организационно-техническому типу. Оговоримся сразу, что большая часть мультипроектов относится к организационному типу хотя бы в силу того, что объединяет значительное число людей в процессе подготовки разноформатных компонентов. Однако в сетке вещания Первого канала нам удалось обнаружить и другие виды.

Так, **креативные** проекты основаны, прежде всего, на особенностях личности ведущего. Это авторские передачи, построенные по принципу незаменимости ведущего в кадре и подготовленные с незначительным привлечением технико-технологических инноваций и организационных процессов. К таким проектам можно отнести, например, проект «Познер», где именно личность ведущего телепрограммы является доминирующим компонентом каждого выпуска. От его подхода к интервьюированию практически всецело зависит направление разговора. То же можно сказать и о таких проектах, как «Непутевые заметки», «Слово пастыря», «Смак», «Честное слово с Юрием Николаевым».

Особенность **креативно-технических** проектов заключается в сочетании авторского и технико-технологического начала в их производстве. Как правило, используются специфические технологии съемки: микро- и макросъемка, слоумоушн, тайм-

лапс и гиперлапс, сложные элементы графического оформления, нелинейные техники монтажа (ассоциативный, интеллектуальный и т.п.). Примером такого проекта на Первом канале можно считать программу «Будущее за углом». Авторы позиционируют ее как «информационный сериал», в котором они пытаются показать нам, «каким будет наше завтра». Используя антиципирующее воображение и современные технологии съемки и монтажа, они предсказывают зрителю ближайшее будущее.

К **организационному** типу относится подавляющее большинство мультипроектов. Это практически все передачи игрового формата и формата ток-шоу, которые требуют серьезной работы с командой, состоящей из значительного числа участников. Роль ведущего здесь нисколько не отрицается. Она велика, о чем иногда свидетельствует вынесение имени ведущего в название («Вечерний Ургант»). Однако ведущий такой программы нередко выполняет еще и функции модератора, управляющего процессом во время съемок. В числе наиболее популярных передач этого типа можно назвать «Время покажет», «Звезды под гипнозом», «КВН», «Что? Где? Когда?» и, конечно, чрезвычайно сложный организационно-проект «Голос». Последний включает не только упоминавшиеся выше разноформатные подпроекты, но и ряд дополнительных опций, представленных в социальных сетях и на мобильных приложениях. Зрителям предлагается познакомиться с эксклюзивными закадровыми репортажами, посмотреть интервью с участниками и наставниками, оценить выступления участников, проголосовав во время самого шоу, общаться с единомышленниками, интересующимися развитием проекта, выкладывать комментарии к выступлениям и т.п.

Организационно-технические проекты построены, как правило, на прямых трансляциях, которые требуют большого количества камер, сложной работы технического персонала. К ним можно отнести такие проекты, как «Евровидение», «Оскар», «Форд Боярд», освещение олимпийских игр, трансляции богослужений и т.п.

Редко, но все же встречаются на Первом канале и **комбинированные** мультипроекты. Так, проект «Выступления президента России» совмещает различные типы в разных композиционных частях. К примеру, новогоднее поздравление можно отнести к креативному типу проектов, прямые линии — к креативно-техническому, большие пресс-конференции — к организационному и организационно-техническому.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ

По тематике проекты можно условно разделить на универсальные и специализированные.

К **универсальным** отнесем «Вечерний Ургант», «Пусть говорят», «Время покажет», «Доброе утро», «Познер», «Сегодня вечером».

Специализированных намного больше. Это и музыкальные проекты («Голос», «Евровидение», «Играй, гармонь любимая!», «Короли фанеры»), и тревел-проекты («Непутевые заметки», «Путешествия Познера и Урганта»), и проекты утилитарной направленности («Идеальный ремонт», «Модный приговор», «Смак», «Здоровье», «Контрольная закупка») и многие другие.

ЖАНРОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ

По этому признаку проекты можно разделить на моножанровые и полижанровые. Первые основаны на доминировании одного жанра в структуре передачи. К ним можно отнести проекты «Познер» (студийная беседа), «Что? Где? Когда?» (игра), «Пусть говорят» (ток-шоу), «Непутевые заметки (путевой очерк).

Полижанровые проекты построены по принципу интеграции жанров, как правило, на модульной основе: когда композиционно каждый выпуск делится на модули, которые могут быть представлены различными жанрами. Яркий пример — «Вечерний Ургант». Этот проект построен преимущественно на жанре студийной беседы. Однако даже в рамках беседы происходит постоянная диффузия подвидов — диалога и монолога. В рубрике «Взгляд снизу» прослеживаются элементы пародии и игры. В рубрике «Могли стать, но не стали» мы обнаруживаем присутствие элементов сатиры, в рубрике «Монолог» — жанра «выступление». Есть также включения музыкальных фрагментов.

ФОРМА ДИСТРИБУЦИИ

Мультипроекты могут различаться в зависимости от того, какие платформы используются для доставки контента зрителю и насколько активно. В целом характер мультипроектов располагает к использованию различных каналов дистрибуции. Однако для некоторых проектов основным остается преимущественно Первый канал, а другие активно продвигаются на дополнительных площадках. По этому признаку проекты можно разделить на моноплатформенные и полиплатформенные.

К **моноплатформенным** отнесем проект «Время покажет». Несмотря на то, что на сайте Первого канала мы находим архив проекта, острые моменты, предложение к аудитории участвовать в проекте, но никаких дополнительных материалов обнаружить не удастся. Проект ограничивается регулярными выпусками и специальными выпусками передач на Первом канале.

К **полиплатформенным** отнесем проект «Голос». Ряд материалов выходит на телеканале, ряд — на

сайте Первого канала («Лучшие моменты выпуска», «Фрагмент выпуска», «Топ-10 самых популярных выступлений»). Имеется мобильное приложение «Голос», «Голос. В Facebook», «Голос. ВКонтakte», «Голос. В Одноклассниках», «Голос. Дети. В Инстаграме», «Голос. Дети. В Твиттере».

К такому же типу проектов можно отнести и программу «Вечерний Ургант». Помимо выпусков на Первом канале, проект представлен в основных социальных сетях, Иван Ургант ведет видеоблог, включенный в контекст проекта, зрители могут записаться на передачу, заполнить анкету на сайте проекта в Интернете. Присутствует не только видеоархив, но и фотоархив проекта.

РЕГУЛЯРНОСТЬ

По этому признаку проекты можно подразделить на нерегулярные — выходящие разово («Евровидение 2018») или в зависимости от диктуемых обстоятельств («Выступления президента России») — и регулярные. К последним относится большая часть ежедневных и еженедельных проектов Первого канала.

Безусловно, отмеченные нами параметры не исчерпывают всех возможностей классификации мультипроектов. В нашем исследовании мы не касались таких вопросов, как функциональная и целевая направленность проекта, тип доминирующего формата, тип доминирующей метапрограммы, характер мультимедийности и интерактивности. Однако исследование проектной деятельности Первого канала уже сейчас позволяет говорить о том, что именно мультипроекты становятся основой формирования контента телевизионного эфира. Думается, похожую картину мы обнаружим и на других крупных телеканалах.

Важно заметить, что проект в аудиовизуальных медиа способен:

- мутировать из одного типа в другой по любому признаку;
- выходить за рамки только медийного (к примеру, лидеры рейтингов комментариев к проекту «Голос» могут лично пообщаться со своими кумирами);
- уходить из медиасектора, трансформируясь в иные формы (например, реальные концерты участников проекта «Голос»).

Все это, наряду с влиянием новых технологий и изменением информационного поведения аудитории, открывает масштабные перспективы как для исследователей, так и для создателей телевизионных проектов будущего.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. А. Щеглова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 28 марта 2018 г.

Аннотация: во второй половине XIX века популярным в периодических изданиях становится тип текста, определяемый авторами как путевые очерки или очерки путешествия. На примере очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» будут рассмотрены языковые средства выражения противоречивости самоидентификации путешествующего субъекта в изменяющихся условиях внешнего мира в понятийной системе традиционной оппозиции «своё» — «чужоё».

Ключевые слова: путевые очерки, «своё» — «чужоё», И. А. Гончаров, историческая стилистика.

Abstract: in the second half of the XIX century a text type determined by authors as traveling sketches or sketches of travel is popular in the periodicals of this time. The language means of the discrepant expression of the self-identification of the traveling subject in the changing conditions of the outside world in the conceptual system of the traditional opposition “our own” — “their own” will be considered on the example of the travel sketches by I. A. Goncharov “The Frigate Pallada”.

Keywords: traveling sketches, “our own” — “their own”, I. A. Goncharov, historical stylistics.

В русской культуре особое значение желание к познанию «иных земель» приобретает в XVIII веке, что было обусловлено возрастающим интересом «к познанию мира во всех его проявлениях, в том числе к познанию быта, культуры, природных условий России и других стран, к изучению географии Земли, её растительного и животного мира» [1, 130]. Следствием этого стало большое число путешествий и их разнообразных описаний.

Ещё более возрастает актуальность подобных сочинений в XIX веке: растёт интерес к ним у читающей публики. В периодических изданиях этого времени появляется большое количество путешествий, призванных удовлетворить читательское желание к познанию большого мира. Следует отметить, что их жанрово-стилевая принадлежность была в достаточной степени разнородна.

Такая ситуация вокруг путешествий сложилась неслучайно, этому способствовало несколько факторов. Среди них — дальнейшее развитие научного знания и возрастающий интерес к нему со стороны образованной части русского общества. Особенно это касается естественно-научной сферы (доказательством может служить многочисленные примеры проникновения естественно-научной терминологии в язык публицистики, метафорического переосмысления терминов для описания явлений общественной жизни [2]). Отсюда следует установка периодических изданий научно-популярного характера на просветительство [3]. Интерес к познанию чужого мира обусловлен также ростом национального са-

мосознания: возникала необходимость расстановки внутренних границ между «своим» и «не-своим». Описания путешествий предоставляли необходимые сведения о внешнем мире, помогающие эти границы ощутить и осознать: познавая «чужое», читатели описаний путешествий тем самым познавали «своё», сопоставление рождало самосознание себя как нации — суверенной части большого мира.

Как феномен, порождённый своим временем и демонстрирующий основные черты, характерные для путевых очерков второй половины XIX века, можно рассматривать очерки путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», появившиеся по мере их написания в различных периодических изданиях того времени. Время написания очерков И. А. Гончарова характеризуется в целом особым отношением к слову как таковому, а познание «своего» и «чужого» без слова невозможно. В очерках можно увидеть огромный интерес их автора к наименованию тех объектов и явлений действительности, о которых он рассказывает своим читателям. Для И. А. Гончарова изучение нового объекта неразрывно связано с усвоением его названия. Встречаясь с новым явлением или объектом, автор стремится дать читателю его наиболее корректную номинацию или несколько вариантов номинаций и, наоборот, услышав новое слово, поясняет его, описывая объект действительности, который за ним стоит. Пояснения, которыми И. А. Гончаров снабжает новые номинации, отличаются разной степенью подробности. Часть из них по своей структуре приближается к научному способу описания объектов действительности, выделяя типологические черты, позволяющие отнести объект

к определённом классу подобных объектов. Например, для пояснений к названиям экзотических плодов можно выделить следующую единую структуру описания: внешний вид, вкус, применение. Внимание автора именно к этим признакам растения естественно-образом вытекает из той традиции естественного-научного описания растительного мира, которая сложилась еще в XVIII в. (подробнее см.: [4]).

От научного описания пояснения отличает ярко выраженное личностное начало, которое практически всегда присутствует в описании предмета или объекта, стоящего за экзотической номинацией. Часто И. А. Гончаров напрямую транслирует свои ощущения при встрече с новым объектом, полученные через разные каналы восприятия: *Я разрезал плод: под красною мякотью скрывалась белая, кисло-сладкая сердцевина, состоящая из нескольких отделений, с крупным зерном в каждом из них. Прохладительно, свежо, тонко и сладко, с легкой кислотой. Это мангустан* [5, 256]. Автором используются сравнительная и превосходная степени прилагательных: мандарины признаны *очень сладкими*, о кастард-эпплз он замечает: *нет лучше плода*, баниан назван *роскошнейшим* деревом; предпочтение отдается лексическим единицам, имеющим в своем значении эмотивно-оценочный элемент: сладость жу-жубов — *приторная* и *бесхарактерная*, вкус кастард-эпплз — *мягкий* и *нежный*, пампль-мусс — *исполинский*. Тем самым у читателя создаётся иллюзия непосредственного участия: познание «чужого» происходит на ином, отличном от научного, уровне — уровне личностного восприятия конкретного отдельно взятого предмета с вполне определённой локацией и временной отнесённостью как представителя целого класса подобных объектов, в то время как в научном описании известная доля субъективизма обусловлена стремлением дать точное и наглядное представление об идеальном представителе класса.

Описывая знакомство с неким новым объектом как личное эмпирическое переживание, автор обращается к своему (и, соответственно, читательскому) эмпирическому знанию: рождается основа для соотнесения нового объекта «чужой» реальности с хорошо знакомым объектом «своей». Так, описывая в разных очерках экзотические плоды, Гончаров сопоставляет их по различным параметрам с хорошо знакомыми любому русскому читателю: 1) по внешнему виду (мангустан уподобляется по форме яблоку, манго — сливе, кастард-эпплз — груше и яблоку); 2) по вкусу (какофики сравниваются со сливой); 3) по распространенности (мандарины — с картофелем); 4) одновременно по нескольким параметрам (айва — с яблоком по вкусу, структуре и внешнему виду). Оказывается, что «свое» и «чужое» не существуют автономно, они проницаемы друг для друга, а поиск параллелей становится одним из элементов познания. Постепенно эта граница оказывается всё более размытой: вто-

рым участником сопоставления становится объект новой реальности, описанный ранее и вовлечённый в пространство эмпирического переживания, единого для автора и читателя. О традициях английского чаепития, с которыми автор знакомится по всему миру в английских гостиницах, Гончаров замечает: *И от чая требуют того же, чего от индийских сой и перцев, то есть чего-то вроде яда* [5, 409—410]. Этому фрагменту в тексте предшествует авторское пояснение к слову *карри*, в котором есть следующий элемент: *с едким соусом, который составляется из десяти или более индийских перцев*. Карри не понравился автору своей чрезмерной остротой, поэтому позже он переносит этот неприятный вкусовой опыт на впечатление от чая, в результате чего и рождается коннотативный смысл в сочетании *индийские сои и перцы*; в приобретении дополнительного эмоционально-оценочного оттенка смысла участвует также пояснительная конструкция *то есть чего-то вроде яда*.

Важным лексическим маркером для обозначения границ «своего» и «чужого» в путевых очерках являются прилагательные, образованные от географических названий. О роли оттопонимических прилагательных в произведении Гончарова можно судить по значительному числу их употреблений: более 650 случаев. Выражая географическую принадлежность объекта описания, они часто становятся квалификаторами, характеризуя его как некое уникальное явление, отличное от всех других явлений подобного рода. Так, например, сочетание *испанское небо* имеет в своём значении качественные отличия от неба в другой стране, а прилагательное *африканский* в сочетании с существительным *солнце* даёт представление о том, что солнце в небе Африки отличается от солнца в любой другой точки мира: *Африканское солнце, хотя и зимнее, дало знать себя* [5, 108].

Среди употреблений оттопонимических прилагательных можно выделить подгруппу, в которой «культурная принадлежность» значений прилагательного и сочетающегося с ним существительного не совпадают. Речь идёт о тех случаях, в которых прилагательные, образованные от экзотических топонимов, сочетаются с существительными, обозначающими европейские или русские реалии, за которыми для читателя возникает ряд типичных ассоциативных характеристик. При этом возникает художественный эффект, основанный на ощущении семантического диссонанса между определяемым явлением и определяющим его прилагательным. Интересный пример подобного рода представляет собой соединение прилагательного *японский* с титулом высокого должностного лица в русской культуре. Говоря о губернаторе Нагасаки, автор использует формулу *его превосходительство*, но в одном случае возникает сочетание с прилагательным *японский*: *Какая вдруг перемена с губернатором: что с ним сде-*

лалось? Куда делся торжественный, сухой и важный тон и гордая мина? **Его японское превосходительство смутился** [5, 363]. Речь идёт о сцене, в которой адмирал указал на возможность отплытия русской экспедиции в Эдо, откуда в течение долгого времени ожидался ответ на русское дипломатическое письмо. Авторская ирония выражается с помощью как риторических вопросов, демонстрирующих несоответствие реакции губернатора той модели поведения, которой он обычно придерживался, так и сочетания с оттопонимическим прилагательным, необходимого для акцентации авторского ироничного отношения к такой модели поведения.

Часто употребление сочетаний такого типа оказывается связанным с процессом деонимизации имён собственных, в этом случае экзотическое оттопонимическое прилагательное образуют сочетание со значимыми для европейской или русской культуры именами: *Негры все здорового телосложения; мускулы у них правильны и красивы — это африканские Адонисы; зрачки у них подёрнуты желтоватою влагою и покрыты сетью жилок* [5, 204]. Понятный для европейца образец телесной красоты соединяется с обозначающим географическую принадлежность к новому для автора и читателя миру прилагательным, на пересечении этих двух смыслов возникает новый тип красоты, непривычный для читателя, но имеющий право на существование, что и подтверждается контекстом, в котором перечислены атрибуты этой «новой» красоты.

Подобное перенесение привычных культурных образов на новую почву позволяет осмыслить «чужое», приспособить его под своё культурное знание, идентифицировать как нечто, доступное для познания. А само осознание возможности познания разрушает иллюзию чуждости окружающей реальности — «чужое» переходит в статус «нового».

Интересна в теме «своего» и «чужого» самоидентификация автора как воспринимающего субъекта в противопоставлении западной и восточной цивилизаций, реализуемом в тексте очерков на разных языковых уровнях. Автор, путешествуя по миру, с достаточной степенью определённости воспринимает себя как европейца и смотрит на мир глазами европейца (что обусловлено влиянием русской критики во главе с В. Г. Белинским на традицию описаний путешествий [6]): *В европейском квартале простор, свежесть, чистота и великолепие стесняют их; они похожи там на рыб, которых из грязной болотной речки пересадили в фарфоровый бассейн, наполненный прозрачною водою: негде спрятаться, приютиться, стянуть, надуть, выпачкаться и выпачкать ближнего* [5, 287—288]. Противопоставление происходит на уровне актуализации антонимических сем «грязь» — «чистота», «теснота — простор» в значениях слов: *простор, свежесть, чистота, грязный, болотный, прозрачный, выпачкать(ся)*. При этом важ-

ной деталью оказывается тот факт, что рыб, с которыми сравниваются китайцы, пересаживают из природной среды (*грязная болотная речка*) в культурную среду (*фарфоровый бассейн*) — для И. А. Гончарова нет никакого сомнения в необходимости движения Востока к европейской цивилизации: *Но я гулял по узкой тропинке между Европой и Китаем и видал, как сходятся две руки: одна, рука слепца, ищет уловить протянутую ей руку зрячего; я гулял между европейскими домами и китайскими хижинами, между кораблями и джонками, между христианскими церквами и кумирнями* [5, 603]. Антонимическая пара *слепец — зрячий* олицетворяет собой другое противопоставление, являющееся ключевым в этом отрывке (*Европа — Китай*) а также задаёт контрастность дальнейшему перечислению пар однородных членов, в каждой из которых два существительных с конкретно-предметными значениями, означающих реалии, принадлежащие к разным культурным кодам (*дом — хижина, корабль — джонка, церкви — кумирни*).

Между тем, ощущая себя европейцем и глядя на мир с позиций европейцев, автор указывает на «азиатские» корни русской культуры — возникает метафорический образ азиатской колыбели: *В эпоху нашего младенчества из азиатской колыбели попало в наше воспитание несколько замашек и обычаев, и теперь еще не совсем изгладившихся, особенно в простом быту* [5, 483] — однако важна темпоральная отнесённость к прошлому, которое оказывает влияние на настоящее, но должно со временем изжить себя в русском обществе. При этом, по мнению автора, консервация этого прошлого происходит в простонародной культуре: матрос, поставленный в услужение к автору, невольно противопоставляет своё основное качество характера, выраженное словом *простодушие* ('прямодушие, щирость, искренность' [7]) европейской цивилизации: *Я боялся улыбнуться: мне жаль было портить это костромское простодушие европейской цивилизацией, тем более что мы уже и вышли из Европы и подходили... к Костроме, в своём роде* [5, 84]. Выстраивается словесный ряд (терминология В. В. Виноградова [8]): *азиатская колыбель — простодушие — Кострома*, круг замыкается: все страны, не относящиеся к европейской цивилизации, являются тем же, что и Кострома. В этом контексте особую значимость приобретает вопрос о самоопределении автора очерков и границах того культурного мира, который он может назвать «своим».

Анализ языковой репрезентации «своего» и «чужого» в очерках путешествия Гончарова даёт представление о сложности и неоднозначности этих двух понятий в путевых очерках второй половины XIX века. С начавшимся в XVIII веке бурным развитием русской науки и параллельным ростом интереса к ней со стороны образованного общества «чужое» перестаёт восприниматься как «чуждое», «далёкое».

То, что казалось когда-то слишком далёким, приобретает потенциальную возможность стать понятным. «Чужое» всё в большей степени становится «новым». Эти процессы становятся особенно актуальными для середины и второй половины XIX века, сливаясь с процессами, связанными с изменениями в понимании «своего», с поиском собственной национальной идентичности.

Такое положение обусловлено многими факторами, и прежде всего тем, что мир всё в большей степени становится единым пространством. В немалой степени это связано с активной колонизаторской политикой Англии, что получило своё отражение и в очерках Гончарова: *Я с комфортом и безопасно проехал сквозь ряд португальцев и англичан — на Мадейре и островах Зелёного Мыса; голландцев, негров, готтентотов и опять англичан — на мысе Доброй Надежды; малайцев, индусов и... англичан — в Малайском архипелаге и Китае, наконец, сквозь японцев и американцев — в Японии* [5, 14]. Англия практически в любой точке мира обеспечила для европейского путешественника то привычное пространство, находясь внутри которого можно было, не выходя за пределы привычного, изучать чужую культуру и обычаи. Мир стал проницаемым и доступным для наблюдения без отрыва от привычного культурного и бытового контекста.

Всё это происходит параллельно и в тесной взаимосвязи с развитием мировой торговли. Само сочетание *всемирная торговля* вошло в язык в конце XVIII в. (по данным картотеки «Словаря русского языка XVIII века») и стало употребительным в следующем столетии наряду с синонимичным *мировая торговля* (данные Национального корпуса русского языка). Интересна в этом отношении корреляция понятий *торговля* и *цивилизация* в очерках Гончарова: *Торговля распространилась всюду и продолжает распространяться, разнося по всем углам мира плоды цивилизации* [5, 272]. Слова *торговля* и *цивилизация*, наряду со словом *комфорт*, образуют словесный ряд, реализуемый в очерках во многих контекстах, описывающих английскую деятельность по всему миру.

В то же время мир не стал ещё «продуктом потребления»; путешествие переживалось не как событие, но как состояние. Уже в XX веке итальянский писатель и путешественник А. Моравиа в своей книге «Письма из Сахары», составленной из публиковавшихся ранее в прессе путевых заметок, писал: «Но ведь туризм не всегда был синонимом потребления, изначально он был формой воспитания чувств» [9, 18]. Очерки путешествия И. А. Гончарова, как, безусловно, один из самых лучших образцов путевых очерков своего

времени, отражают всё противоречие в восприятии человеком мира и себя в этом мире, характерное для рассматриваемого периода с его бурными процессами, происходящими во всех сферах жизни общества. Именно этим обусловлен интерес изучения их с различных лингвистических позиций: научную перспективность такого диахронического подхода, в том числе для осмысления современных медиатекстов, доказывают работы Т. Ю. Редькиной ([10], [11]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцева И. М. Записки путешествий XVIII века как источник литературного языка и языка художественной литературы (К постановке вопроса) / И. М. Мальцева // Язык русских писателей XVIII века. — Ленинград: Наука, 1981. — С. 130—150.
2. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. — Москва-Ленинград: Наука, 1965.
3. Громова Л. П. Научное просветительство / Л. П. Гончарова // Журналистика сферы досуга. — Санкт-Петербург: Издательство «Высш. шк. журналистики и масс. коммуникаций» СПбГУ, 2012. — С. 39—48.
4. Петрова З. М. Язык русской ботанической науки XVIII века / З. М. Петрова // Очерки по исторической лексикологии русского языка. Памяти Ю. С. Сорокина. — Санкт-Петербург: Наука, 1999. — С. 40—54.
5. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах / И. А. Гончаров // Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / И. А. Гончаров. — Санкт-Петербург: Наука, 1997. — Т. 2.
6. Проценко Е. Г. Литература «путешествий» в России в 1840—1850-е годы: дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Проценко. — Ленинград, 1984.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Москва-Санкт-Петербург, 1903.
8. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. — Москва: Наука, 1971.
9. Моравиа А. Письма из Сахары / А. Моравиа. — Москва: Прогресс, 1987.
10. Редькина Т. Ю. Речевая разработка темы «другая страна» / Т. Ю. Редькина // Русская речь в средствах массовой информации. Речевые системы и речевые структуры: Коллективная монография. — Санкт-Петербург: Издательство «Высш. шк. журналистики и масс. коммуникаций», 2011. — С. 70—123.
11. Редькина Т. Ю. Речевая экспликация ситуационной модели: лингвопраксиологический подход (на материале тревел-текста) / Т. Ю. Редькина // Медиалингвистика. — 2015. — № 8. — С. 104—116. — URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1435177362_5869.pdf (дата обращения: 30.02.2018).

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КАК ПЕРСПЕКТИВА

Ю. Б. Балашова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию: 12 марта 2018 г.

Аннотация: в рецензии на книгу научного журналиста Андрея Ваганова «Спираль жанра: От «народной науки» до развлекательного бизнеса. История и перспективы популяризации науки в России» акцентируется вопрос об обоснованности предложенной периодизации, а также внешних факторах, оказывающих первостепенное влияние на развитие научной популяризации.

Ключевые слова: история научной популяризации, научные коммуникации, научно-популярный жанр.

Abstract: in the review on the book, named: "Spiral of the genre: From 'folk science' to entertaining business: History and prospects of popularization of science in Russia", written by a scientific journalist Andrey Vaganov, the question of the validity of the proposed periodization is emphasized, as well as external factors that have a primary impact on the scientific popularization development.

Keywords: the history of science popularization, science communication, popular science genre.

В последние несколько лет очевиден рост интереса к популярной науке. Впервые за всё постсоветское время в эту сферу пришли деньги, медиа, новые люди и технологии. На этом фоне возобновилась дискуссия о прошлом, настоящем и будущем популярной науки в России в сопоставлении с опытом ведущих в плане медиатизации знаний англо-саксонских стран. Автор настоящей рецензии также вовлечён в данный процесс и благодарит «Российский фонд фундаментальных исследований», при поддержке которого и подготовлена настоящая публикация (научный проект № 16–03–50128). В процессе подготовки монографии «Традиции медиатизации российской науки» автор обратился к новейшей литературе по истории научной популяризации и обнаружил лишь одну работу, претендующую на целостность и масштабность осмысления.

В 2014 г. вышла книга об истории научной популяризации в России, написанная известным научным журналистом Андреем Вагановым в «лёгком» научно-популярном жанре. И это, в общем, оправдано. Здесь отчётливо проявляется компенсаторная функция популярной науки. Её вклад в пропаганду научных знаний проявляется в том числе и в тех областях, где в силу разных причин (скажем, повышенной сложности или запутанности) затруднено обстоятельное научное исследование. Выход данной книги ценен ещё и потому, что в совокупности накапливается чрезвычайно значительный массив необходимых материалов по истории популяризации науки в России. В советские время основной вклад в разработку данной темы внесли исследования

Э. А. Лазаревич, отнюдь не утратившие, несмотря на фактические неточности и сильную степень идеологизации, своей роли первопроходца в чрезвычайно значимой области «общедоступной науки». Следующий шаг, к которому подводит рассматриваемая книга, — создание фундаментальной истории популяризации науки в России.

«Научная популяризация», или, по выражению автора, «научпоп», — термин, порождённый советской системой и в известном смысле морально устаревший. Заметим, что на Западе это понятие хотя и употребляется, однако достаточно ограниченно и действительно несёт компенсаторную коннотацию, знаменуя тот поворотный момент, когда учёному становится сложно работать в серьёзной науке и он переходит к более популярным (адаптированным) её формам. В России ситуация несколько иная. Можно вспомнить движение Ю. Н. Тынянова от академической науки к созданию исторических романов и повестей на фоне кампании по борьбе с формализмом и одновременно — социальным заказом на популярную литературу. В западной традиции чаще используются термины «медиатизация науки» и «научные коммуникации», обозначающие процесс социализации научного знания.

Центральная идея книги Андрея Ваганова заключается в том, что «интерес общества к науке слабо зависит от тиражей научно-популярной литературы. Это именно промышленное развитие тянет за собой развитие системы научно-популярной периодики и литературы. Не наоборот» [1, 151]. Иными словами, «научпоп» выступает прямым следствием промышленного и индустриального развития общества. В соответствии с заявленной установкой

автор выстраивает определённую жанровую эволюцию и типологию научно-популярного жанра «...как конкретно-исторического феномена. Он прошёл несколько стадий в своём развитии и продолжает видоизменяться» [1, 23]. Андрей Ваганов предлагает следующую схему развития жара, выделяя четыре основных этапа. Первый этап связан с научной революцией в Европе и охватывает XVII — начало XVIII вв. Ваганов называет этот период «народной наукой», «Popular Science, но... без популяризации собственно науки» [1, 23]. Проблема заключается в том, что приводимые примеры не вполне подкрепляют выдвинутый автором тезис. Так, издаваемые Академией наук знаковые для эпохи «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях» (1728–1742) сам автор справедливо характеризует как «...рассчитанное на узкий круг читателей, прежде всего — на самих академиков, и не предназначенное для широкой публики» [1, 28]. Складывается впечатление, что если и использовать условное понятие «народная наука», то, скорее, для характеристики различных позднесредневековых и распространенных на переходе к Новому времени «изборников»: «травников», «лечебников» («Прохладных вертоградов» XVII в.).

В выделяемом Андреем Вагановым втором периоде развития научно-популярного жанра смущают слишком конкретно заданные временные границы: 1750–1850 гг. Но с базовым определением этого периода — «промышленное просвещение», вызванное промышленной революцией в Европе, вероятно, стоит согласиться. Правда, не получается согласиться с доминантной «исторической формой научно-популярного жанра» — «пособия в помощь техническому любительству» [1, 24]. Основной и отнюдь не жанр, а тип издания в это время — энциклопедический журнал, если мы понимаем под научной популяризацией текстовой канал распространения информации. И здесь напрашивается ещё один вопрос, о какой именно материи идёт речь: о жанре или о сверхжанре? По-видимому, сначала складываются исторические типы популяризации знаний (сборник, журнал, альманах, пособие), а затем (причём, как представляется, довольно поздно, на рубеже XIX–XX в.) — научно-популярный жанр как таковой. В этом смысле размывается рациональная логика движения смысла от простого к сложному. Вспомним цикл телевизионных лекций Ю. М. Лотмана: всё как будто предельно просто — ни спецэффектов, ни «технических новинок и изобретений», в кадре просто сидит учёный (вовсе не «попучёный») и рассказывает в спокойной манере о «школьных» декабристах, а впечатление — незабываемое, внедряющее в сознание аудитории элементы культурного мировоззрения. Чем не «народная наука»?

Третий период эволюции жанра определяет Андрей Вагановым во временном отношении,

с середины XIX до середины XX вв., и укладывается в формулу «занимательная наука». Действительно, такая характеристика представляется оправданной. Сформированный позитивистскими представлениями о ценности знания, этот период — по крайней мере в Советской России — продлился вплоть до окончания Второй мировой войны вследствие мощнейшего воздействия (персонального, парадигмального, институционального) дореволюционной науки. Характеристика исторического контекста указанного периода «...рождение феномена государственной научно-технической политики на фоне мировых войн» [1, 24] нуждается в существенном уточнении, поскольку многое в это время определялось как раз негосударственной, частной просветительской инициативой. Наконец, четвёртый период охватывает середину XX — начало XXI вв., соответственно, и определяется как «научпоп, Popular Science 0.2». «В эпоху научпопа коммуницируют уже не столько по поводу науки, сколько по поводу того, что когда-то было научным знанием», — пишет Андрей Ваганов. — То есть по поводу популярной интерпретации знаний. И, по своей природе, научпоп — это часть развлекательного бизнеса. Другими словами, потребитель научпопа тоже получает знание, но это уже не научное знание» [1, 25]. Звучит по-постмодернистски, но справедливо.

И всё же основное достоинство книги видится нам не столько в теоретических построениях, сколько в сборе и систематизации огромного количества различных материалов, касающихся отдельных персоналий (от Ньютона — до наших дней), издательской инфраструктуры и рынка СМИ, государственной политики в области научного просвещения. Эти сведения обобщены в многочисленных таблицах. И конечно, в центре рассмотрения оказывается система популяризации знания в СССР: «Беспрецедентное и, судя по всему, до сих пор не повторённое социальное достижение в истории цивилизации: население гигантской страны почти поголовно было охвачено научно-популярной пропагандой! <...> К середине 1980-х годов каждая двадцатая книга в СССР — научно-популярная. Причём половина тиража советских научно-популярных изданий приходилась на издательство научно-популярной литературы “Знание”, созданное в 1951 году» [1, 158, 159]. После издательского предисловия, выдержанного в апологетических по отношению к советскому прошлому тонах, читатель внутренне готов к продолжению заданной линии. Однако Андрей Ваганов остаётся на принципах объективности, подчёркивая, что «ситуация с процветанием научно-популярного жанра в СССР была отнюдь не уникальной. Он процветал (и процветает) всюду, где было (и продолжается) промышленное, индустриальное развитие экономики» [1, 165]. В качестве примера автор ссылается на конструктивный популяризаторский опыт США.

Любопытен раздел книги о «Казанской Нью-тониане — 1943»: «В 1942–1943 гг. Казань стала неформальным интеллектуальным эпицентром ньютоновских торжеств. Такой концентрации исследований, посвящённых жизни и творчеству Исаака Ньютона, не было, пожалуй, нигде в мире. <...> Но, возможно, самое поразительное, что все эти юбилейные ньютоновские торжества действительно были всенародными, а не просто сугубо академической, монотонной чередой мероприятий» [1, 144, 145]. Очевидно, такие — почти ритуальные — действия помогали выжить в годы войны. В то же время это лишний раз доказывает огромную, недооценённую эксплицируемую, тягу широкой аудитории, состоящей в том числе из самоучек-Кулибиных, к объективизированной картине мира. От себя добавим, что такого рода эксперименты по вовлечению самых широких масс в пространство науки и культуры таят большую опасность вульгаризации. Пример «пушкиниан» — тому подтверждение. Расширительно понимаемая популяризация, по крайней мере в гуманитарной сфере, не может обходиться без элементов игры и карнавализации. В противном случае Пушкин легко превращается то в «гипсовую статуэтку», то в «члена Политбюро». Вообще, гуманитарное просветительство, или, выражаясь современным языком, культуртрегерство, тяготеет к продвижению не столько специальных областей, сколько широкого гуманитарного понимания мира, обаяния и глубины научно-гуманитарного мышления. Справедливости ради отметим, что среди многочисленных разломов и демаркационных линий, отграничивающих науку от общества, новейший конфликт представителей естественно-научного и гуманитарного знания, составляющий типичную повестку публичной дискуссии о научном просвещении и популяризации, выглядит едва ли не наиболее огорчительным. К сожалению, это об-

стоятельство отнюдь не свидетельствует об адекватном уровне общественного обсуждения.

Наряду с достоинствами жанра популярной науки рецензируемое сочинение отражает и характерный его недостаток. В нём очевидна некая редукция истории. Прежде всего, сам основополагающий разговор о жанре научной популяризации представлен с латентной позиции технического специалиста, невольно упрекающего гуманитариев в размывании смыслов и множественности интерпретаций. В дальнейшем «техногенный» подход также даёт о себе знать. Говоря о расцвете «научпопа» в после-революционное время, автор упоминает о «плохой генетике» этого жанра в России» [1, 38]. Если подходить к трактовке жанра с научно-технической точки зрения, то российская традиция действительно не идёт ни в какое сравнение с упоминаемой немецкой. Если же включить в трактовку жанра гуманитарную составляющую, принципиально не разводив научную популяризацию и просветительство (что чрезвычайно характерно для российской почвы и отвечает глубинным механизмам русской культуры), то картина окажется совсем иной. Впрочем, это тема для другого исследования.

Книга Андрея Ваганова важна. В ней проявился богатый практический опыт автора, его знание научной среды, оригинальность подхода и контекстуальные открытия. Обобщая огромный массив фактического материала, «Спираль жанра» выводит на новый виток осмысления «истории и перспектив популяризации науки в России».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваганов А. Г. Спираль жанра: От «народной науки» до развлекательного бизнеса. История и перспективы популяризации науки в России / А. Г. Ваганов. — Москва: ЛЕНАНД, 2014. — 224 с. — (Наука в СССР: Через тернии к звёздам. № 29).

*Санкт-Петербургский государственный университет
Балашова Ю. Б., доктор филологических наук, профессор,
E-mail: j.balashova@spbu.ru*

*Saint Petersburg State University
Balashova Yu. B., Doctor of Philology, Professor
E-mail: j.balashova@spbu.ru*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавляется словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подписуемая подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.